

**Российская Академия наук
Институт славяноведения**

**Этнокультурная идентичность
народов Украины,
Белоруссии и Польши:**

**Механизмы формирования
и способы проявления**

Сборник статей

Учреждение Российской Академии наук
Институт славяноведения РАН

**Этнокультурная идентичность
народов Украины,
Белоруссии и Польши:**

**Механизмы формирования
и способы проявления**

Москва 2011

ББК 63.3(2)
УДК 94(47)

Сборник подготовлен и издан в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных культурных и языковых общностей»

Редактор: С.С. Лукашова

Рецензенты: к.и.н., с.н.с. М.В. Лескинен
к.и.н., в.н.с. В.И. Мироненко

Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – 428 с.

ISBN 978-5-7576-247-9

Сборник статей посвящен выявлению особенностей формирования национального самосознания и эволюции этнокультурной идентичности в рамках восточнославянского культурного пространства в XVII–XX вв. Участие специалистов разного профиля (историков, культурологов, филологов, этнологов и социологов) обеспечило междисциплинарный характер исследования. Авторы сборника представляют актуальные направления исследований в соответствии с современными тенденциями социально-политического и культурного развития трех стран.

ББК 63.3(2)
УДК 94(47)

ISBN 978-5-7576-247-9

© Институт славяноведения РАН

Оглавление

От редактора	5
<i>Ерусалимский К.Ю.</i> Польско-литовские москвиты второй половины XVI – начала XVII в.: социальный состав, культурные ориентиры, пути интеграции	7
<i>Лукашова С.С.</i> Малороссийские архиереи русской православной церкви первой половины XVIII в. и становление российской имперской идеологии.....	55
<i>Лабынцев Ю.А.</i> Вслед за народной традицией: сложение православного богогласника.....	74
<i>Останчук О.А.</i> Этностереотипизация как инструмент моделирования национальной идентичности (на примере агитационных текстов на украинском языке эпохи польских восстаний 1830 и 1863 годов).....	85
<i>Неменский О.Б.</i> Национализм городского и сельского типа. Украинство на фоне других национальных идеологий Центральной и Восточной Европы.....	120
<i>Королев Г.А. (Киев)</i> Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы.....	142
<i>Фалькович С.М.</i> Исторические судьбы польского народа как фактор формирования национального самосознания и национального стереотипа поляков.....	156
<i>Снапковская С.В.</i> Этнокультурные особенности развития образования в Белоруссии во второй половине XIX – начале XX вв.	165
<i>Гронский А.Д. (Минск)</i> Проблемы формирования белорусской этнокультурной идентичности в начале XX в.....	194
<i>Клопова М.Э.</i> «Русское дело» в Австро-Венгрии: активисты, друзья, оппоненты	216

<i>Щавинская Л.Л.</i> Начало белорусского движения у католиков: «Kantyczka» 1914 г.	234
<i>Борисенок Е.Ю.</i> Украинская этнонациональная идентичность и большевистская культурная практика 1920 – 1930-х годов	257
<i>Дроздов К.С.</i> Государственная политика украинизации в РСФСР: новый фактор в формировании национального самосознания среди украинцев России в 1920 – начале 1930-х годов (на материале Центрального Черноземья).....	279
<i>Вабищевич А.Н. (Брест)</i> Этнокультурные взаимоотношения на западнобелорусских землях в 1921–1939 годах	293
<i>Снапковский В.Е. (Минск)</i> Белоруссия в этнополитике нацистской Германии 1939–1944 гг.	311
<i>Максименко Е.П.</i> Пропагандистское воздействие на население Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 годах	337
<i>Петровская О.В.</i> Память о войне в контексте формирования национальной идентичности белорусских школьников	373
<i>Снежкова И.А.</i> Народ и власть в представлениях российских и украинских студентов: этнопсихологическое исследование (2006–2009 гг.).....	392
<i>Троян С. (Киев)</i> Политики памяти в Украине и Польше: современный компаративный дискурс	418

От редактора

В основе статей сборника лежат выступления участников Международной научной конференции «Механизмы формирования и способы проявления этнокультурной идентичности: Украина, Белоруссия, Польша», проведенной 6–7 апреля 2010 г. в Москве в Институте славяноведения РАН. Представленные статьи российских, украинских и белорусских специалистов посвящены проблемам возникновения и манифестации этнокультурной идентичности в Восточной Европе в XVII–XX вв. Авторы избрали наиболее острые и перспективные направления исследований в соответствии с современными тенденциями политического и общественного развития трех стран. Некоторые из предложенных подходов и решений, несомненно, вызовут заинтересованную реакцию, а возможно, и полемику. Мы сознательно представили различные концепции, существующие в современной историографии. Они свидетельствуют о необходимости всестороннего тщательного анализа избранной проблемы, выработки новых подходов для формирования и закрепления тенденции к взаимному объективному познанию и восприятию.

Привлечение специалистов разного профиля (историков, культурологов, филологов, политологов и социологов) обеспечило возможность проведения междисциплинарного исследования, а сравнительное изучение истории и культуры народов Восточной Европы представило дополнительный материал для выработки объективной точки зрения. Внимание авторов статей сосредоточено на анализе процессов социокультурной ассимиляции и дезинтеграции, происходивших в восточнославянском регионе, в том числе, взаимодействия украинской, белорусской, русской и польской этнокультурных общностей. Процесс формирования этнокультурной идентичности народов Восточной Европы рассмотрен в его исторической динамике, причем особое внимание уделено поворотным моментам взаимодействия с конца XVI до начала XXI в.

В сборнике представлено несколько сквозных тем. Первая из них отражена в статьях, посвященных теоретическому обоснованию особенностей процессов нациостроительства и механизмах формирования национальной идентичности, в т. ч. политическим, религиозным и языковым. Второй блок проблем связан с иерархией идентичностей и способам ее манифестации в политических документах, художественном тексте и визуальных образах. Наконец, в ряде статей раскрываются особенности деятельности государственных и общественных институтов в области нациостроительства, прежде всего, в образовательной сфере.

Формирование национального самосознания восточноевропейских народов происходило под сильным влиянием интенсивного взаимодействия различных идентичностей – общеславянской, этнических, национальных, региональных, конфессиональных. Сравнительно-сопоставительный анализ процессов, происходивших на украинских и белорусских землях в XVII–XX вв. позволил сделать вывод о том, что украинская и белорусская культурные идентичности формировались в условиях амбивалентного отношения к Востоку и к Западу, что привело к стремлению дистанцироваться от общерусского и польского наследия, подчеркнуть собственные отличительные культурно-языковые черты.

Ерусалимский К.Ю. Польско-литовские московиты второй половины XVI – начала XVII в.: социальный состав, культурные ориентиры, пути интеграции¹

Интеграция выходцев из Московского великого княжества (Российского государства) в Польско-Литовской республике (Речи Посполитой) ускользает от исследователей в силу ряда причин, обсудить которые нам предстоит в этой работе. Этот вопрос поднимался уже неоднократно и разрабатывался О.П. Бакусом, И. Ауэрбах, И. Гралеи, М.М. Кромом¹. Моя задача – представить эмигрантов-московитов в широком социально-культурном контексте, охватывая все слои польско-литовского общества, однако, в этой статье мы обратимся лишь к социальным стратегиям свободных, правоспособных, привилегированных московитов².

Особый интерес вызывают символы, стереотипы, формы групповой идентификации, этноконфессиональные идентичности, спайки между социальными уровнями и представления о социальной мобильности, осмысление отдельных уровней и целого, соотнесение социальных категорий в синхронных обществах, формы социокультурной дискриминации. Московиты на землях польского короля и литовского господаря, с одной стороны, представляли опыт своего отечества и российские традиции как «изменники» своего «господаря» и своего «народа», с другой – боролись за «права и свободы», осваивая и проверяя на прочность местные обычаи, втягиваясь в местные «васни».

Основой здесь послужит поименная база данных более чем на 900 московитов, составленная на основе записей Литовской Метрики, данных Архива Королевской Казны и Архива Радзивиллов, актовых книг шляхетских и городских судов

¹ Эта статья написана при поддержке Harvard Ukrainian Research Institute (2008/2009).

Великого княжества Литовского и украинских поветов Короны Польской (после 1569 г.), московских летописей, посольских книг, родословной документации и др.

Русские и москали

Круг слов, фиксирующих московское происхождение личности, довольно широк: «Moschovita»/«Московит»; «Moschus»/«Моск»; «Moschua»/«Москва»; «Moskal»/«Москаль»; «Moskwiczin»/«Москвитин»; «Moskiewka»/«Московка». Реже встречаются «Москвич» одна из самых ранних форм (начало XVI в.), уменьшительное «Москалик», «Moskalenia», формальные отчества «Московчич», «Moskalow», «Москалевич», «Москвитинович», «Москотневич» и фамильные по форме прозвища «Москалницкий», «Moskowiecki». Форму «Moskowicz» в реестре именей князя К.К. Острожского 1604 г. мы не принимали во внимание: она может быть отчеством, например, от «Masko», «Moszko» или др.

Ранние упоминания «москалей» (1389 г.) и «московоку» (1435 г.) охватывают жителей Москвы и Великого княжества Московского, не распространяясь на жителей независимых русских великих княжеств и вечевых республик. Под 1435 г. псковские и литовские источники XVI в. сообщают о походе на Вильну «руси московской» в войске Свидригайло³. Немецкие хронисты в событиях конца XIV – начала XV в. говорят о «короле Москвы» («konig von Moskow») и позднее – о москoviтах как о русинах или рутенах («Russen», «Ruteni»)⁴. В XIV–XV вв. понятия «Ruthenia» и «Ruthenus» были унаследованы польской географией от античных авторов: в сочинениях Цезаря и Плиния Старшего «Ruteni/Rutheni» – обозначение одного из кельтских племен, а в папских буллах и латиноязычных текстах Короны Польской и подчиненных ей с первой половины XIV в. русских земель относится к жителям Русской земли⁵.

В конце XV – начале XVI в. во многом благодаря популяризаторам «Польской хроники» Я. Длугоша – М. Меховскому, Б. Ваповскому и др. – сложилась дихотомия

русские vs. *московиты*, подчеркивающая различия между родственными народами двух враждующих государств⁶. По словам хрониста М. Кромера, в его время принято называть население московских земель тремя способами – по-латински «Moschi», по-германски «Moschovitae» и по-славянски «Mosqua»⁷. В этой конфигурации нет места этнонимам «Moskal» и «Moskwicin». Они, видимо, считались соответственно польско-литовской и адаптированной московской формами. Впервые в Литовской Метрике форма «москаль» встречается в мае 1536 г. и, возможно, используется в то время еще как полонизм⁸.

К «московитам» относят подданных великого князя московского, однако, вплоть до Ливонской войны выходцы из северских земель, Твери, Новгорода, Пскова и др. в Польско-Литовском государстве иногда выступают с их признанными в Короне и Литве политонимами «со Твера», «Новгородец», «Псковитин» и т. п. Прозвище, образованное от этнонима, в польско-литовских источниках указывало на этнополитическое происхождение человека, однако, основывалось на единственном критерии – подданстве его носителя до получения прав во владениях польского короля и великого князя литовского. К этой же группе могут быть отнесены списки, в которых зарегистрированные лица не содержат этнонимических прозвищ, но распределены по этническим группам. Показательны в этом ряду списки пленных, реестры Архива войсковой казны, Архива коронной казны Короны Польской, люстрации замков, реестры присяги шляхты Короне Польской после заключения Люблинской унии. Ко второй группе следует причислить перечни имен без дополнительной этнической маркировки. Московское происхождение названных в них лиц может подразумеваться и не требовать дополнительного обоснования. В этом качестве выступают, например, реестры московского делопроизводства – родословные, разрядные, а также поминальные книги православных храмов и монастырей России и Польско-Литовского государства. Не поддается такому исследованию реестр именений шляхтича, где упомянуты плательщики под именами «Иванко», «Федец», «Гарасим» и т. д.⁹

Не подлежит ему и список запорожских казаков, принесших присягу царю, т. к. в нем обозначены этнонимическими прозвищами или этнонимами только иноземцы по отношению к самим запорожцам и по отношению к России¹⁰. Вычлнить москвитов при этом невозможно.

Не во всех случаях прозвище «Москвитин», «Москаль» и т. п. приписано к имени выходца из России. Различные источники, в том числе и однотипные, то отражают факт происхождения человека, то замалчивают. В реестрах выплат слугам двора Сигизмунда II Августа в середине XVI в. регулярно встречается москвит Григорий, «Hrisko Mosqua», и только в реестре за март–апрель 1548 г. мы обнаружим не Гриско Москву, а просто Гриско, который ни до того, ни после в аналогичных контекстах не появляется¹¹. Солдат венгерской гвардии Стефана Батория Афанасий в одних реестрах выступает под одним только именем «Oranas», а в других – в сопровождении политонима «Moschus»¹².

Другие идентификаты, помимо уже названных, также могут содержать информацию о московском происхождении жителя Речи Посполитой. В изучаемый период это относится, прежде всего, к «Севрюкам». Это прозвище свидетельствовало о причастности человека к Чернигово-Северской земле, которая в 1503–1523 годах была присоединена к Великому княжеству Московскому и de jure оставалась в его составе вплоть до Деулинского перемирия 1618 г.¹³ В таком источнике, как Киевский налоговый реестр 1571 г., раздел, озаглавленный «Siewruki tho yest strzelczi», может содержать список выходцев как из московской, так и из польско-литовской Северщины¹⁴.

В случаях, когда имя, обнаруженное в польско-литовской документации, может свидетельствовать о московском происхождении, мы предпочитаем не опираться на ономастические предположения, а по возможности проверять гипотезу другими источниками. Связано это, прежде всего, с тем, что различия между русскими именами в Польско-Литовском и Московском государствах были незначительны и отличить польско-литовского русского от москвиты по одному личному

имени практически невозможно¹⁵. В случаях, когда москвиты меняли свои имена на местные частично или полностью, установить факт таких замен источники позволяют лишь в единичных случаях. Придать всем московским личным именам сугубо польско-литовское звучание не составляло труда, и этому также способствовали и «звуковое подобие» имен, и, как выразился В. Томкевич, «фантастическая орфография» XVI–XVII вв.¹⁶

Можно допустить, что некоторые литвины и поляки, носившие общерусские имена, происходили из России. Указаниями на территориальную идентичность в таком случае могли бы служить характерные для москвитов суффиксы в именах. Московские имена чаще встречаются с конечными *-ов* и *-ин* вместо характерных для польско-литовского континуума *-ский*, *-ski*. Для Москвы суффикс *-ский* в отчестве и дедичестве был показателем боярского статуса носителя такого имени, тогда как в Польско-Литовском государстве он не был показателем особой милости короля или особого приближения к трону его носителя. Еще один признак московского звучания имени – наличие слова *сын* в предпозиции или постпозиции по отношению к имени отца (Иван Петров сын). Методика разграничения имен по этим признакам в литовских источниках не может принести во всех случаях надежные результаты. Дело в том, что литвины и польские русские нередко образовывали от своих родовых имен имена и прозвища на *-ов* и *-ин*¹⁷, а написание имени литвина и польского русского с *сын* встречается в источниках XVI–XVII вв.¹⁸

Не исключено, что выходцами из России являлись также носители имен, отразивших реалии Великого княжества Московского. Статус москвитов в Польско-Литовском государстве служит подсказкой для их поиска и исследования их биографий. Прежде всего, перебежчики из детей боярских в первом поколении почти всегда в официальной документации определяются «сын боярский», мн. ч. «дети боярские», «*bojarscy dzieci*». Исключение составляют первостепенные королевские дворяне, например, кн. А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий,

Т.И. Тетерин, А.В. и У.В Сарыхозины. Их московское происхождение тускло перед заслугами на королевской службе. Первые двое уникальны за весь изучаемый период держатели господарских староств, т. е. ближайшие сподвижники короля, и их положение приближалось к магнатскому. Курбский получает, помимо староств, двойной княжеский титул. В этом – но не в держании урядов – с ним сравнялся лишь кн. В.И. Телятевский. Заболоцкого же разнообразные источники часто именуют не иначе как просто по имени: «Володимер», «Włodzimierz». Пример уникальный. Остальные представители высшей прослойки московитов – дворяне его королевской милости, королевские дворяне, ротмистры его королевской милости и т. д. Что касается «детей боярских», то они сохраняют свой московский статус в момент их наделения землей и нередко на протяжении многих лет жизни в Речи Посполитой. Этот маркер отдалял от них положение «добрых людей», местной «урожденной» шляхты, «землян».

Московиты так и не создали особого подразделения в управлении или военной организации Великого княжества Литовского¹⁹. Однако, как будет показано в нашей работе, тенденция к выявлению и обособлению московитов в шляхте и войске Речи Посполитой сформировалась уже к середине XVI в. Сугубо московских структур, впрочем, так и не возникло, и в ряде случаев аналогии между Россией и Польско-Литовским государством могут оказаться обманчивыми. Прежде всего, это касается «стрельцов». В польско-литовской документации встречаются стрельцы и имена с указанием данного статуса. Однако московское происхождение невозможно вывести из самого слова *стрелец*, поскольку оно вполне прижилось в польско-литовских источниках для обозначения не только московских стрельцов, но и пехотинцев из литовских земель, иностранцев и просто дворцовых служащих-охотников.

Московских эмигрантов необходимо отличать от московитов, которые участвуют в межгосударственных отношениях России и Польско-Литовского государства, но не меняют подданство. Так, в монастырских синодиках русских земель Великого княжества

Литовского и Короны встречаются имена московитов, но это не означает, что мы имеем дело с польско-литовскими московитами. В Супрасльском Помяннике, как отметила Л.Л. Щавинская, встречаются записи «рода Афанасия Глебова з земле резаньской», «рода Памвы псковитина»²⁰. Эти записи и им подобные содержат имена московитов, которые приобретали право на поминание в православной святыни, оставаясь российскими подданными и оставаясь до конца жизни в России.

Таким образом, интерпретации места происхождения носителя имени охватывают в нашей работе только те имена, в которых содержится обозначение региона, местности, города и т. п.²¹ Наконец, необходимо обозначить проблему, решить которую мы уже, видимо, не в силах. Дело в том, что ни реестры, ни прочие известные ныне источники не позволяют понять, в каких случаях прозвище «Москаль» является идентификатором этничности, политического подданства, в целом – принадлежности в прошлом к московским землям, аналогичным прозвищам «Влох», «Татарин», «Сербин», «Литвин», «Полешенин», а в каких – указанием на временную и случайную причастность или даже игровым прозвищем. Мы исходим из того, что подобные прозвища, как правило, содержат информацию о происхождении и продолжительной региональной причастности их носителей.

Предварительные подсчеты

На королевском дворе в середине – второй половине XVI в. состояло несколько псарей и сокольничих, около 20 королевских дворян, 50 человек составляли особое подразделение на королевской службе в 1560–1580 гг., еще в общей сложности около 200 детей боярских входили в окружение короля, князей и магнатов, по книгам магдебургских и шляхетских судов удастся установить имена примерно 20–30 московитов-горожан, в то же время за весь XVI в. эмигрировало всего несколько духовных лиц из числа московских еретиков. Доли процента горожан в украинских замках середины – второй половины XVI в.

происходили из России, около 4–5 % коронных казаков в первом сохранившемся реестре запорожцев 1581 г. указывали свое московское происхождение, зафиксированы пушкари, стрельцы, очень скудные упоминания рабочих-строителей, после походов Стефана Батория и в Смуту в Речи Посполитой остались москвитки – помимо жен пленных и перебежчиков, их много в прислуге и замужем за казаками.

Сотни человек побывали в польско-литовском плену. Подсчитать их численность невозможно из-за скудости и неясности данных. Впрочем, даже в категории знатных пленников за время правления Ивана IV насчитывалось не менее 500 человек. Вряд ли намного большим был контингент незнатных пленников. В условиях военного времени вывод их с фронта был нелегким делом. Чаще всего московские пленники интересовали польско-литовских воинов как возможный предмет обмена, выкупа, перепродажи или как челядь. В ходе экспедиций Стефана Батория в королевское войско сами приходили москвиты из разоренных регионов, родственники пленных и убитых. Их приходилось не только принимать, несмотря на запрет короля брать в плен незнатных москвитов, но и кормить и поддерживать выплатами из казны.

Забвение предательства

Правовой основы для борьбы с государственной изменой в России не существовало вплоть до Соборного Уложения 1649 г.: Судебники Ивана III и Ивана IV не содержат санкций за «измену». На месте этой статьи, вполне живой в пенальной практике, в Судебниках обнаруживаются лишь статьи, предусматривающие высшую меру наказания, и среди них ближайшими к «измене» статьями были, видимо, понятия «кромольник» и обособившееся от него при Иване Грозном «градский здавца». Раздвоение единой еще в Судебнике Ивана III категории «кромольник» не фиксируется еще в переводе Судебника в «Записках» С. Герберштейна, впервые опубликованных в 1549 г. А в проектах И.С. Пересветова,

отразившихся на нормах Судебника и на других реформах Избранной рады, идея равной ответственности «воинника» за дезертирство, отказывающегося служить «вельможи» и изменников православия-еретиков уже отчетливо сформулирована.

Сдача врагу города, побег за границу отныне в Москве квалифицируются наравне с покушением на жизнь, здоровье и честное имя господаря. Вместе с тем к числу эмигрантов относятся и пленные москвиты (их могли подозревать в «измене»), из которых одни оставались в плену недолго, другие проводили в тюрьме, частновладельческом заключении или рабстве многие годы. Из этого же контингента пополнялась и в полном смысле московская эмиграция – категория перебежчиков, королевских слуг, «годных к послугам» шляхтичей, горожан, а также служебников региональной шляхты Речи Посполитой. Московская власть стремилась ограничить влияние «измены» за границей и из-за границы в самой России: требовала их экстрадиции дипломатическими путями, разыскивала их агентов на границе и внутри страны, дискредитировала их в глазах польско-литовских властей. Этой же цели служили показательные казни изменников, их родни и близких, конфискация их имущества, отказ родственников признавать их существование, игнорирование их служебной биографии за границей в государственной документации.

В отношениях между Россией и Речью Посполитой несанкционированное пересечение границы квалифицировалось с конца XV в. как государственная измена. С неизбежностью для совершившего это преступление он превращался в «изменника» или «здрайцу». Не всегда даже «санкционированное» пересечение границы спасало положение. Монах Исайя Каменецкий подрядился вместе с направлявшейся в Москву миссией константинопольского патриарха, и был в 1561 г. задержан в Москве по подозрению в шпионаже. Последствия подобных подозрений бывали и более трагичными. В 1567 г. в Москве был казнен слуга кн. М.И. Воротынского Иван Козлов, втайне от царя передавший московским боярам письма от панов

радных литовских. С точки зрения литовских государей не только отъезд на службу, но и поездка литовских подданных в Москву без согласования с властями считалась преступлением. В 1596 г. Сигизмунд III подписал декрет об освобождении от обвинений мстиславских шляхтичей Михаила Зенковича Поддуского и его сыновей Прокопа и Сидора в том, что они жаловались в Москве на притеснения со стороны старосты мстиславского Петра Паца. От обвинений в государственной измене мстиславских «земян» спасло отсутствие свидетелей²².

Категории «верности» и «измены» пронизывали вассальные отношения в русских землях Речи Посполитой. Служебник, или «слуга рукодаый» (по сути – рыцарь, принесший оммаж), считался изменником, если он без уведомления своего пана нарушал служебные отношения. А.М. Курбский, которому приходилось отводить обвинения Ивана IV в измене, не сомневался в применимости и действенности самого этого понятия. В Первом послании Ивану князь негодовал, что на православных царь клеветает «изменами и чародейству»²³. В «Истории» он пишет: «и аще нам не веришь, нарицающе нас туне изменниками прелукавыми»²⁴. Себя самого Курбский считает «изгнанником», «отогнанным» от своего «тамошнего» отечества и приводит в доказательство перевод из «Парадоксов» М.-Т. Цицерона, чем вносит в подтекст своего побега аллюзии на греческий и римский остракизм. При этом один из вассалов Курбского – боярин Я.К. Жаба Осовецкий вместе с женой и детьми надолго попал в ковельскую тюрьму за поддержку кн. А.И. Вишневецкого, т. е. за «зраду» своего пана. Освободившись, Яцко подал жалобу на Курбского, доказал на королевском суде, что не служил Курбскому, а являлся «боярином господарским» и «вольным шляхтичем», после чего князь был вынужден вернуть ему Осовецкое имение²⁵. Оскорбительное «москвитин» в повседневных конфликтах шляхетского социума было обозначением не этнического или конфессионального чужака, а переодетого врага и изменника своей отчизны. Жалобы московитов в поветовые суды и протесты таких высокопоставленных перебежчиков, как В.С. Заблоцкий и

А.М. Курбский, против враждебности и подозрительности шляхты показывают, что в бытовых ссорах квазиэтноним «москвитин», «москва» и т. п. был равносильен оскорблению в «измене».

Насколько болезненными были оскорбления в измене, можно представить себе по тому, как боролся за свое честное имя и погиб В.С. Заболоцкий. Его отец был боярином, он перешел на службу к Сигизмунду II Августу после ссоры с братьями, какое-то время, возможно, был соратником кн. Д.И. Вишневецкого. Многие годы Заболоцкий проводит на войне во главе своей роты – он прославлен в войнах против осман в Трансильвании. Там же он сближается с будущим королем Стефаном и женится на знатной венгерке. В Кременецком повете его Лепесовецкое имение вплоть до 1577 г. – предмет противостояния с О. Ласким, Язловецкими и Тарло. Война ротмистров на Волыни вызвала множество судебных протестов и негодование шляхты, как и его управление Ляховицким замком в Великом княжестве Литовском. Еще в 1560-е годы в роте Владимира было много москвитов. Его служебниками и сослуживцами, в частности, были Ефим Бутурлин, Игнатий, Михаил Зверев, Василий Бунак, Василий Жохов, Умар Сарыхозин. Вскоре после Люблинского сейма Заболоцкий расстается со своими владениями, надолго выезжает из Речи Посполитой, но уже в 1574 г. вместе с Курбским принимает участие в торжествах по поводу вступления на трон Генриха Валуа и прямо на коронационном сейме добивается от короля суда с Я.И. Ходкевичем. Вражда с этим могущественным магнатом, как и с О. Ласким, отнимает много сил. Еще в первое бескорольевье Ян Ходкевич предупреждает своего союзника М.Ю. Радзивилла о поддержке, которую планирует оказать Заболоцкий Ю.Ю. Слуцкому и К.К. Острожскому в организации государственного переворота. Со стороны литовских магнатов в его адрес звучат инвективы: «изменник двух господарей», «здрайца», «все то на зраде». Вскоре эти слова были брошены «Владимиру» в лицо. Его авторитет в войске Стефана Батория был безупречным. Он мог позволить себе даже обвинение в измене кого-то из окружения

Ходкевича с намеком на него самого. Вскоре к Заболоцкому вернулось благосостояние, добавилась слава спасителя короля в Гданьском и Полоцком походах. Когда в августе 1579 г. в Полоцке была взята в плен его сестра, жена воеводы кн. В.И. Телятевского, – видимо, не без поддержки Заболоцкого полоцкие воеводы получили большие имения, а позднее, после его смерти, наделы из его обширных владений. Однако все это только усилило напряженность и недовольство литовских магнатов. На посольском приеме в 1579 г. Владимир не выдержал, когда московские представители назвали его изменником православия, и крикнул, что в отличие от Агиша Сарыхозина изменником не является (Агиш, видимо, не обиделся бы, он был другом и сослуживцем Заболоцкого). Последним актом в этой драме стала бойня, разгоревшаяся в Вильно в апреле 1580 г. Сын литовского канцлера К. Радзивилл Перун во время конной прогулки короля в ответ на неучтивость Заболоцкого (он не поприветствовал Радзивилла снятием шляпы) обозвал его: «Здрайца», и услышал в ответ: «Сам есь такой!». На следующее утро служебники Владимира слишком поздно предупреждают его о готовящемся нападении, сражаются за своего пана, затем он ранен и просит прощения у подроспевшего Радзивилла. Тот вполголоса возвращает оскорбление и громко приказывает не добивать москвитя, однако, приказ услышали не все²⁶.

Понятие «измена» распространялось и в России, и в Речи Посполитой на перебежчиков всех слоев, однако, на российской стороне в нем не было юридической определенности, а также контрольных механизмов в его употреблении. В годы Смуты слова «изменник» и «вор» использовались каждой из сторон конфликта в отношении всех противников в конкуренции за власть и целых регионов. К тому времени ничего принципиально не поменялось в социальной семантике этого понятия и в его охвате. Все категории населения, переходя на сторону врага и становясь его сообщниками, признавались изменниками царя, а вслед за тем – православия, земли, предков и т. д. В правление Избранной рады были разработаны церемонии коллективной лояльности, принявшие на первых порах формы «проклятых

грамот», крестоцеловальной круговой поруки и соборов «покаяния». Возможно, тогда же возникло обвинение по «слову и делу государевым», наполнившее новым смыслом санкцию за «измену» в рядах высшей аристократии, а также позволившее ограничить, а в годы опричнины – полностью уничтожить право церквы на «печалование» за изменников²⁷.

На требования об экстрадиции «изменников» выдвигались для отвода глаз непомерные взаимные претензии, прагматическая задача которых заключалась в том, чтобы отбить охоту у противника настаивать на их возвращении. Пример тому был показан в переговорах 1565–1567 годов о выдаче кн. А.М. Курбского. В обмен на него польско-литовская сторона требовала от Москвы выдачи изменников короля, под которыми понимались едва ли не все литовские князья, состоявшие на московской службе, а также земли, которые отняли эти князья и сами великие князья московские у Великого княжества Литовского. В период польско-литовского междуцарствия с литовской стороны поднимался вопрос о прощении царем шляхтичей-москвитов в случае его интронизации в Вильне и Кракове, однако, никаких обещаний со стороны царя не прозвучало. Во время войны с его стороны в адрес своих бывших подданных действовали предписания, которые исключали какое-либо прощение: во-первых, при встрече с ними на посольском приеме представители царя должны были требовать их изгнания с переговоров, а вне переговоров – демонстрировать пренебрежение при встрече с ними; во-вторых, за их заграничной деятельностью и связями в России царским гонцам, посланникам и послам наказывалось внимательно следить и собирать о них информацию; в-третьих, царь приписывал им дурное мнение и враждебные сплетни о своем правлении; наконец, во время походов Стефана Батория на своих изменников царь возложил значительную долю ответственности за враждебное отношение короля к Москве и списал на них крупные поражения москвитов и потерю ими крепостей.

Обременительных пленников, особенно во время крупных боевых операций, отдавали москвитам на обмен и выкуп или

бесплатно, что практиковалось и Москвой, и было общепринятой практикой²⁸. Гораздо реже возвращались на родину перебежчики. В принципе, каждый москвит, желающий поступить на королевскую службу, мог сделать это, если считал опасным для себя возвращение в Россию. Подозрения в государственной измене распространялись на высокопоставленных пленных, если их поступок мог подпасть под категорию *коромольник* или *градский здавца*, тогда как простым воинам предстояло носить пятно пленения и подозрений в сговоре с врагами. По вернувшемся из плена в 1566 г. З.И. Очину-Плещееву и И.П. Охлябину царь взял поручные записи, однако, в данном случае причиной подозрительности могло быть желание обоих воевод поступить в опричнину²⁹. Гораздо определеннее позиция царя в 1578–1580 годах, когда он обвинял пленных воевод в том, что они «малым боем» сдают крепости, а сами воеводы расценивали свое пленение как непростительную провинность и в момент пленения оказывали ритуальное сопротивление воинам короля.

Между правом и бесправием

Осесть на землю москвитам было непросто. Для этого король использовал свои земельные ресурсы и просил поддержки у магнатов. Шляхта противостояла иноземному вмешательству в управление и собственность Великого княжества Литовского. В ноябре 1538 г. литовская делегация в Кракове призвала короля не давать имения и уряды полякам³⁰. Индигенат в праве на собственность в Великом княжестве Литовском подтверждали Виленский (1554 г.) и Люблинский (1569 г.) сеймы. Постановления сеймов ограничивали права всех мигрантов на территории Литвы. Вместе с тем король признал исключительное право литвинов на высшие должности, уряды, державы и наследственные имения в своем государстве, но уже в 1551 г. отстаивал перед литвинами право своих слуг на свободный въезд в свои государства и выезд за границу (конечно, речь не идет о переходе на сторону противника)³¹. Условия для православных эмигрантов в Речи Посполитой улучшились в правление

Сигизмунда II Августа. Значительную роль сыграл при этом королевский привилей Виленского сейма (6 июня 1563 г.). Королевская политика религиозной терпимости продолжилась Гродненским привилеем (1 июня 1568 г.), актом Люблинской унии (1 июля 1569 г.) и постановлением Варшавской конфедерации (28 января 1573 г.)³².

Тогда же, в первые годы войны с Москвой, была начата переработка Литовского Статута. Война наложила свой отпечаток на II Литовский статут, в котором Москва представлена как главный враг республики. Поддерживая православных на своих землях, Сигизмунд II Август уточняет привилеи королей Ягелло и Витольда, подтвержденные и дополненные Казимиром IV, Александром и Сигизмундом I. Согласно статье II соглашения об унии, подписанной в Городле (1413 г.), чины и должности могли получать только исповедующие католицизм и подданные католической церкви. Исправляя первые 2 артикула привилея об унии, король признает греческую веру легитимной и уравнивает в правах, в том числе в занятии высших и земских чинов и должностей, польскую шляхту со «всеим рыцарством стана и народа шляхетского людьми христианской веры, как Литвы, так и Руси»³³. На Варшавском сейме (1563–1564 гг.) литвины отступили от положения I Литовского Статута о праве только жителей Великого княжества Литовского на приобретение в собственность имений на территории княжества³⁴. Это был недолгий зеленый свет для шляхты других регионов республики и эмигрантов, а в их числе – высокопоставленных москвитов. Уже на Люблинском сейме (1569 г.) литовская шляхта добилась того, чтобы москвиты покинули уряды. Окончательно возможность занятия должностей для иноземцев закрылась III Литовским Статутом (1588 г.).

Первым подвигом москвиты в новом отечестве был сам по себе выезд на королевскую службу. В Москве и Польско-Литовской республике технические определения этого поступка образованы от глаголов *убегати*, *утечи* и т. д. В самих определениях подчеркивалось стремление перебежчика уйти от наказания, спастись от смерти или насилия. Однако в

осмыслении даже этого, часто вынужденного, поступка открывались возможности для дополнительных бонусов. Московиты приносили сведения из России, закрытой, по словам кн. А.М. Курбского, «как в адовой твердыни». Их использовали разведывательные службы (кн. С. Ростовского в 1553–1554 годах, Ф.О. Добровицког и Игната Ивановича летом 1567 г., Детину Полонничка осенью 1567 г., М. Зверева осенью 1580 г., разносчиков слухов о смерти Ивана IV в 1570 г., о соборе покаяния в 1580 г.). Их донесения внимательно рассматривались панами радой и королем, иногда доходили до широких кругов шляхты и выносились на обсуждение на сейм. А.М. Курбский опрашивал перебежчиков, чтобы вести свой мрачный дневник, из которого к началу 1580-х годов выросли «мартирологи» его «Истории о князя великого московского делех». Московиты участвовали также в дипломатических провокациях против соотечественников, выманивали новых царских подданных на королевскую службу (кн. А.М. Курбский, И.П. Козлов, Д.И. Бельский, Ф.И. Зубатый, М.И. Головин). Наиболее высокопоставленных и деятельных эмигрантов-служилых людей король, несмотря на недовольство шляхты, обеспечивал землей и денежными выплатами из королевской казны, а статус «королевского дворянина» давал его носителю судебную защиту – судиться с таким подданным можно было только на королевском суде либо на суде, которому лично король делегирует право проведения судебной процедуры.

Московиты составляли часть иноземных военных отрядов на службе Речи Посполитой. Их место в истории польско-литовской пехоты XVI в. (до 1574 г.) подробно изучалось М. Плевчинским. Помимо сугубо военно-исторических вопросов он анализировал, где жили служилые люди перед выездом в Польско-Литовское государство, как обустроивались в новом отечестве, как происходила их полонизация и ассимиляция. В центре внимания исследователя коронная военная служба, чем определяется и само понятие иноземца в его работе: «Земян русских и казаков, прибывших до 1569 г. на поточную службу из-за польско-литовской границы, мы должны условно трактовать (ставя на

первое место подчинение государству, а не особе суверена) как «иноземцев», хотя современное понимание этого слова принципиально отличается от его значения в XVI в.»³⁵. Вслед за П. Скварчинским М. Плевчинский исходит из представления, что происхождение переставало воздействовать на правовой статус человека с того момента, когда он приобретал городское право или земское имение. Этот вывод может быть существенно нюансирован и уточнен на основе базы данных о наделении московитов землей, сделках с недвижимостью и переменах в статусе их владений. Весь спектр возможностей московита, поступившего на королевскую службу, довольно широк – от небольших пожалований деньгами, тканями или кормом до феодального (ленного) права на земельные владения на польско-литовских землях.

Представители боярской аристократии, дети боярские, дьяки и стрельцы получали вознаграждение за выезд деньгами и тканями, земельные наделы, иногда – ежегодные денежные выплаты из казны Великого княжества Литовского. Вместе с тем из привилегий местной шляхты первым поколениям московитов приходилось довольствоваться правами подачи исков и «обороны», получения «вижей» и «возных» для расследования преступлений и внесения в акты книги жалоб в судах всех инстанций. Это было неизбежное неполноправие: московиты, как и прочие чужеземцы, до вступления в родство с кланами местной шляхты не могли быть свидетелями при заключении сделок, выполнять юридические миссии, занимать судебно-административные должности. Закрыта для первого поколения московитов была лестница высших и локальных государственных должностей («дигнитарств» и «урядов»). В этом положении не было этнической подкладки. Норма о предоставлении урядов только «прирожденным и тубыльцом», то есть местной шляхте, вошла еще в Первый Литовский Статут 1529 г. и относилась в равной мере ко всем чужеземцам, в том числе к «братьям полякам» (разд. III, арт. 1)³⁶. На Люблинском сейме 1569 г. шляхта, за спиной которой угадываются литовские магнаты (и прежде всего, видимо, Я.И. Ходкевич и М.Ю. Радзивилл),

апеллировала к королю, потребовав лишить чужеземцев А.М. Курбского и В.С. Заболоцкого их староств Кревского и Ляховицкого. Король отклонил протест, ссылаясь на свое личное право распоряжаться этими староствами, однако, по сути, в ближайшие два – три года выполнил требование сейма.

Самые знатные из москвитов получали статус «дворян его королевской милости». Помимо престижа и перспектив в королевской гвардии, а также в командовании в чине королевского ротмистра, этот статус имел понятную для бывших холопов государева двора подоплеку: дворянин часто сопровождал короля, много времени проводил на дворе и в свите короля, получал судебную защиту на прямом королевском суде, в том числе в конфликтах с шляхтой той местности, где располагались пожалованные ему имения, известно и о том, как королевские дворяне выполняли особые поручения – разрабатывали планы покорения Москвы (А.М. Курбский, Д.И. Бельский, М.И. Головин), вели от имени короля и от своего имени переписку с литовскими магнатами (А.М. Курбский, В.С. Заболоцкий), отправлялись в посольства (Ф.И. Зубатый, Аг.В. Сарыхозин).

Статус перебежчика из России в Речи Посполитой зависел, прежде всего, от его статуса в прежнем отечестве. Прямые ссылки на это звучат в особых случаях, когда знатный москвит мог рассчитывать на частичную компенсацию своих имущественных потерь при переходе на королевскую службу. В.С. Заболоцкому пожалованы обширные кременецкие и слонимские владения со ссылками на утраченные имения в России. О кн. А.М. Курбском говорилось: «Про то мы, господар, хочачи ему за именья и маетьности его, которых он для ласки наше господарьское в земли Московьскои отехал, нагороженье вчинити...». Впрочем, немаловажно, что в той же фразе далее звучит похвала за его «послуги» (т. е. службы) королю и республике³⁷.

Сравнение московской политической иерархии с местными чинами приводило к определению И.М. Висковатого «канцлером», З.И. Очина-Плещеева «надворным гетманом»,

Л.Т. Ракова одновременно «сыном боярским», «сыном писаря» и «писарем» (ср. *scriba, filius scribae*) и т. д. И.М. Головин называет себя литвинам «подчасим князя великого» (ср. *subpincerna, podczaszy*). Подобие восточноевропейских социальных иерархий было осмыслено в глоссах и лексических комментариях А.М. Курбского в «Истории о князя великого московского делех» и других сочинениях, написанных им за границей. Перевод был, видимо, не вполне ясен для его современников, отсюда двусмысленность его лексических этюдов. Аналогии между «панами великими» и «боярами», «писарями» и «дьяками» (лексема «дьяк» используется в Литовской Метрике для обозначения более низкой должности, чем «писарь», в этом смысле логично сравнить литовское «дьяк» с московским «подьячий»), «гетманами» и «воеводами», «дворянами» и «шляхтой» (учитывая региональные расхождения в семантике понятий «дворянин» и «сын боярский» в Российском государстве) были для польско-литовских современников Курбского общими ориентирами, позволявшими сравнивать не всегда сопоставимые социальные явления.

С другой стороны, даже в омонимичных для русских языков России и Польско-Литовского государства лексемах, вроде «князь», «дворянин», «народ» – нередко скрывались глубокие семантические расхождения. Впрочем, сращивание русских языков в сборниках, составленных при участии Курбского, служит независимым аргументом в пользу того, что лексические подобия и переводимость были показателем потенциального родства между общественными устройствами. Переходной формой между польско-литовской и московской социальной терминологией были понятия, применявшиеся в Московском государстве по отношению к местной знати из западных уездов. Представители этих регионов на Земском соборе 1566 г. не определялись «детьми боярскими», а определялись «дворянами», что свидетельствует об их особом положении в российской социальной иерархии. Этот статус, с одной стороны, потенциально приближал их к шляхте, а с другой – возвышал над общей массой польско-литовской шляхты, поскольку в польско-

литовском тезаурусе понятие «дворянин» применялось по отношению узкой прослойки шляхты, служащей при королевском дворе, представлявшей самого короля в рядах региональной знати и пользующейся его судебной защитой.

Лишний раз гипотеза о сближении социальных категорий двух государств подтверждается бытованием статусных характеристик, применяемых к эмигрантам из России в Речи Посполитой. Если следовать по пирамидальной средневековой иерархии сверху вниз, то можно заметить, что, переходя под власть польских королей и великих князей литовских, московские князья сохраняли свой княжеский титул, при этом никто из московитов нетитулованных и утративших княжеский титул до выезда из России не присваивал его себе в новом отечестве; дети боярские – скорее в ущерб своим правам – так и оставались детьми боярскими и постепенно, нередко по прошествии многих лет (сама по себе длительность проживания ничего не решала), утрачивали это статусное определение, став полноправными шляхтичами; православное духовенство не должно было испытывать никаких затруднений в поиске соответствий своего московского прошлого статусным реалиям православного мира Речи Посполитой; это же касается социальных низов – стрельцы занимали близкое к шляхте положение и оставались «стрельцами»; дворцовые слуги занимали сходные с московскими должности на королевском дворе. Конечно, для московских «надворных гетманов», «подскарбих», «подचाших» и «писарей» пути к этим должностям в Великом княжестве Литовском были закрыты. Их носители могли опереться на высокий статус ретроспективно, в борьбе за королевские пожалования, однако, московские маркеры в региональной жизни обособляли пришельцев от местного населения и по этой причине только отдаляли интеграцию. Несмотря на правовые тенденции, перебежчики всех категорий вызывали подозрение соседей, шляхты и придворных, как держатели королевских имений не имели прав «добрых людей» в обычном праве и, как «московиты», в любой момент могли стать жертвами этнополитических предубеждений³⁸.

Согласно Статуту 1588 г., полноправным признавался шляхтич, если его родители были литовскими шляхтичами или если он приобрел недвижимость и произнес присягу³⁹. Это положение обернулось репрессивными мерами в отношении москвитов на землях, где действовало право Третьего Статута, в первую очередь – на Волыни. Основные территории Великого княжества Литовского подчинялись Второму Статуту, и потому ограничения на владение именьями и на судебную защиту им не грозили, если не считать распространявшегося на всех господарских москвитов пожизненного права на именья. Принятие Третьего Статута послужило юридическим основанием для лишения волынских москвитов владетельных прав и последующего их вытеснения из местного шляхетского социума. Не получив подтверждения на «доживоте» отца, даже его сыновья, рожденные на территории Речи Посполитой в браке москвиты со шляхтянкой, могли оказаться в числе *de jure* чужеземцев. Таков пример братьев Зубцовских, сыновей москвиты К.И. Зубцовского и кн. М.А. Полубенской. Их именья были определены судом к конфискации, а как только они оказали вооруженное сопротивление, то сразу попали под «баницию» и были определены «неякими Зубцовскими москвичами»⁴⁰.

В Вильне противостояние католиков и православных после заключения Брестской унии обернулось скандальным судебным процессом 1599–1600 годов «о учинене тумулту в замку виленском при костеле светого Станислава» по иску епископа жмудского М. Гедройца. В Светлый понедельник 1599 г. москвит Н.И. Девятый Кашкаров должен был пройти конфирмацию в храме. Запланированную торжественную церемонию Кашкаров сорвал, подговорив к совместному демаршу виленских шляхтичей К. Слешинского, Я. Девочку и Щ. Богуматку. Происшествие описано истцами, т. е. капитулой собора и епископом, как масштабное вооруженное нападение, во время которого преступники захватили в заложники капитулу и прихожан, богохульствовали и вечером скрылись⁴¹. Заочный суд лишил их чести, им всем была объявлена «баниция», а зачинщик Н.И. Девятый был не только приговорен к смерти, но и заклеямен

как богохульник и «человек простой, чужеземец, до прав и свобод наших недопущенный»⁴².

Показательно, что «дело» Никифора Кашкарова не повлекло никаких явных последствий для семьи его ближнего родственника, москвитя Ю.Ф. Девятого Кашкарова. Видимо, формула об иноземном происхождении не описывала и правового статуса самого Н.И. Девятого Кашкарова, каким этот статус был к моменту вынесения приговора, а сама по себе лишала его прав, актуализируя его исходное состояние и превращая в москвитя, незаконно находящегося в Речи Посполитой. Многолетняя служба, феодальные владения и родственные связи с местной шляхтой расширяли права москвитов, однако, в случае какой-либо правовой неопределенности московское происхождение припоминалось, чтобы помочь или погубить. Так, о герое Великолуцкого и Псковского походов короля Стефана Василии Карповиче двадцать лет спустя в привилее говорится: «А так мы, государь, показывая в том ему, как человеку чужеземному и покалеченному, нашу государскую милость...»⁴³. О прожившем более тридцати лет в Речи Посполитой полоцком пленнике Стефана Батория воеводе П.И. Волынском в акте Литовской Метрики 1613 г. говорится: «после смерти некоего Петра Волынского, чужеземца-москвитина» и т. д.⁴⁴ Государская милость служит единственным условием благополучия иноземца, но факт неукоренности превращается в инструмент вытеснения из правового поля в тех случаях, когда милость заканчивается, и факт иноземного происхождения попадает под действие земского права. Автохтонная шляхта в условиях войны считала их появление временным событием, часто с возмущением смотрела на земельную политику государя в отношении приезжих и пользовалась их неприспособленностью. На это ссылаются и сами москвиты. З.В. Вепрев в 1569–1570 годах незаконно продает свой участок в составе имения, держателем которого был также его соотечественник О.О. Ушак, который выступает с протестом и выигрывает даже право на проданное владение. Много лет спустя Вепрев считает себя пострадавшей стороной в этих событиях, «чоловеком безплеменным чужоземцем»⁴⁵.

Чужеземец не укоренен, у него нет ни рода, ни племени, его права временны и условны. Он приходит ниоткуда и в любой момент может сгинуть в никуда. Так и исчезают служебники Заболоцкого и Курбского с Волыни, продаются имения неприспособившихся московитов в Кременецком, Берестейском, Упитском и др. поветах. Случаются и курьезы. После долговременного отсутствия О. Бахтияр Измайлов возвращается с Подолья в свое менское имение. А его имение уже в руках у шляхтича С. Карачона. Тот удивлен не меньше самого Остафия и оправдывается, что слухи о смерти Бахтияра его настигли еще в Москве. Вернувшись из московского плена, шляхтич разузнал подробнее о владении московита и в июне 1583 г. получил от короля привилей на его имение. Когда Бахтияр вернулся, он показал перед судом, что верно служил королю в роте прославленного Пененжка. В ноябре 1584 г. Стефан Баторий восстановил его право на имение, и Корочон не оказал сопротивления. К этому можно добавить, что восстанавливать права Бахтияра был направлен его хороший знакомый московит П.В. Шемяка Сарыхозин, а в следующем же году Бахтияр продал свою землю Аг.В. Сарыхозину⁴⁶.

Интеграция в феодальную иерархию

Выезд аристократов и детей боярских из России нередко проходил в несколько этапов. Пересечение границы облегчалось, если в руках у перебежчика был пропуск в королевские владения – «лист отвортый» от короля, панов рады или старост. Без документа человек выезжал на свой страх и риск, не имея гарантий безопасности. Пойманный перебежчик направлялся в распоряжение ближайшего приграничного старосты, где допрашивался и проверялся на причастность к московской разведке. Затем московит, по согласованию с высшими сановниками, переходил под власть старосты или направлялся с рекомендательным письмом к гетману, королю, на сейм. В апреле – начале мая 1564 г. у Курбского возникли непредвиденные трудности на ливонских землях, когда князь был допрошен с пристрастием в Гельмете и ограблен немецкими кнехтами в

Эрмесе. Прибыв в Вольмар, он попал в распоряжение кн. А.И. Полубенского, а от него, заручившись приглашением, отправился к М.Ю. Радзивиллу, после чего оказался на сейме в Бельске⁴⁷. Пример Курбского не является исключением. В мае 1567 г. сын боярский Никифор Смолин приехал в Витебск вместе со своими служебниками. Воевода витебский, проведя допрос, направил его с рекомендательным письмом к гетману⁴⁸.

В противовес московской этике подданства, в Речи Посполитой переход москвитина на королевскую службу расценивался как подвиг. В привилее на Ковель кн. А.М. Курбскому от 29 февраля 1567 г. приводится объяснение и обоснование побегов из России на сторону короля: «Чиним явню сим листом нашим всем посполите нынешним и на потом будучим, што многие станы розных народов, а наболш народ хрестияньский с подданьства князя московьского угиснены и уближенья вольности шляхетьских, которых под панованьем его, пана своего, для вставичных долеглости вытерпети не могут, под зверхность и панованье нашо горнучи, до служоб господарьских, ся утекають»⁴⁹. С рубежа XV–XVI веков в польско-литовских источниках обычна формулировка, характеризующая поступок перебежчика: «на имя нашо господарьское з земли Московьского приехали»⁵⁰, «приехали... на имя ваш милости, господаря нашего милостивого»⁵¹, «на имя и славу нашу господарьскую зь земли неприятеля нашего великого князя московского, слышачи о волностях и свободах в панствах наших, выехал»⁵². Подчеркивалось, таким образом, что королевская служба открывает для перебежчика «права и свободы», его жизнь и благополучие гарантируются королевским «опатреньем» (ср. польск. *opatrzenie* – опека, защита). За выезд на королевскую службу полагалось давать «живность», то есть средства на пропитание («на страву», «на хлебокормленье») ⁵³. Если москвитин получал дополнительную поддержку короля, это объяснялось тем, что «он, как чужеземец, приехав из земли нашего неприятеля на нашу милость, содержать себя не может»⁵⁴. Поддержка короля получала обоснование устойчивой формулой, которая встречается с незначительными разночтениями в актах

Литовской Метрики. Простых московитов («москва, которые на имя господарское выехали», «люди легки, а ку послугам нашим непотребные») по постановлению панов рад рассылали по городам, о чем говорится в метрической записи 1562–1563 годов⁵⁵.

Выплаты московитам на «хлебокормленье» производятся из налоговых сборов с определенных в каждом случае особо королевских имений. Перебежчик сразу получает статус пенсионера или арендатора, а выплаты приобретают форму «оргельта», представляя установленную долю дохода с данного имения. Длится поддержка несколько лет, пока король не подтвердит право на пенсию или не переведет пенсионера в иной статус. Пленные 1561–1562 годов получают содержание из литовской казны по смете, которая утверждалась и контролировалась сеймами, и по решению короля направляются в староства (Берестье, Бронск, Городно, Кнышин, Кобрин, Мельник, Мстибогов, Олита, Ожа, Слоним, Тыкотин). И в сеймовых отчетах О.Б. Воловича по расходам на московитов за 1561–1566 гг., и в 564-й книге Метрики нет различий между пленными московитами и теми, которые свободно выехали «на имя господарское». До принятия сметы, видимо, расходы на жизнь пленных и перебежчиков несли окраинные старосты, которым король гарантировал компенсацию их трат. Отличие в оплате тех и других видно с Варшавского сейма 1564 г., на котором были награждены новые слуги короля. Стефан Баторий пользовался большей независимостью от сейма в принятии решений, направляя пленных на содержание старост. Так, пленным в Ливонии детям боярским Афанасию Захарьевичу и Якову Нелидову было назначено в 1577 г. еженедельное жалование и одежда. Различие в исходном содержании незначительно, но торжественные показы пленных на сейме и столь же торжественное награждение перебежчиков намечали акценты в обращении к московитам двух этих категорий. Попавший в плен сын боярский мог рано или поздно перейти на королевскую службу. Меньшой Калитин женится на жительнице Речи Посполитой, заводит детей, а в 1580 г. присягает на

верность Стефану Баторио. Пленные полоцкие стрельцы Аникий Васильевич и др. к 1581 г. переходят на материальную пенсию («юргельт»). Возможно, так и не вернулся на родину М. Кульнев, на выкуп которого царь отводил немалую сумму – 200 р. Берестейский шляхтич Д.М. Кулень (Кульневич) позднее появится в источниках в связи с конфликтом, возникшим между ним и москвитом Д.Д. Водопьяном во время застолья.

Размеры «опатренья» зависели от доэмиграционного статуса и обстоятельств «выезда». На Варшавском сейме в марте – апреле 1564 г. выплаты перебежчикам-москвитам могли заметно различаться. Пожалования В.С. Заболоцкому (157 зл., 15 локтей дамасской ткани) значительно превосходили размер пособия группы высокопоставленных придворных и детей боярских, которую возглавляли Б.Г. Колычев (40 зл., 10 локтей ткани) и П.В. Остафьев (25 зл., 10 локтей ткани), были значительно более высокими, чем пособия С.И. Нащекина (14 зл., 10 локтей ткани), А.И. Вельяминова (14 зл., 10 локтей ткани) и др., тогда как основная масса детей боярских довольствовалась пожалованиями в пределах 2–15 зл. и 5–7 локтей ткани⁵⁶. Впрочем, В.С. Заболоцкий выпадает из этой схемы, поскольку его служба польско-литовским и венгерским монархам продолжалась к тому времени уже более 7 лет. А следовательно, обычные суммы для поступающих на королевскую службу в 1564 г. колебались в пределах 2–40 зл. и 5–10 локтей лундыша и итальянского сукна.

Королевская служба сулила твердую почву под ногами. Нередко москвиты начинали свое продвижение по социальной лестнице с денежной и продуктовой казенной пенсии. Источником выплат в этих случаях служили налоговые сборы с господарских староств Великого княжества Литовского. В обычных обстоятельствах такие выплаты, как и земельные наделы, выдавались на время, «до воли и ласки» («do woli i łaski») господаря и короля. Вскоре после своего выезда с царской службы правом «на лежу и живность» в городенском имении Сигизмунда II Августа был пожалован Ср.А. Кучицкий, возможно – первое время совместно с братом Ст.А. Кучицким. В Олите – А. Куницкий. Под «лежой» понимается в источниках

постой и право на постой. «Живность» состояла из провианта для самого сына боярского и 2-х коней, а также дополнялась небольшой суммой наличными на закупку свежего мяса и ткани – 6 коп гр. Великого княжества Литовского. Пособие выдавалось урядником имения раз в год. Судя по хлопотам, возникшим у Кучицкого в 1566 г., урядники считали «лежу и живность» временным правом и могли отказать пенсионеру в выплатах, потребовав подтверждения королевского пожалования, то есть продления пенсии.

Денежная стипендия обычно состояла из двух статей – пособия на «хлебокормление» и меньшей суммы на сукно и одежду. И.С. Белочников после Полоцкого похода 1579 г. награжден Стефаном Баторием пожизненной пенсией в 10 коп гр. Великого княжества Литовского. За Великолуцкий и Псковский походы и за ранение сын боярский Василий Карпович награжден пенсией в 10 зл., и до 1595 г. получает ее ежегодно из литовской казны, затем в ответ на проволочки подает жалобу в королевский суд, и постановлением суда выигрывает полную компенсацию за 1596–1601 гг. и подтверждение на право пожизненной пенсии. Пожизненную пенсию в 6 коп гр. заслужил И.Ю. Ододуров. Его выплаты позднее меняли конфигурацию – в 1588 г. король предписал выдавать ему рожь и одежду из берестейских доходов казны, а вскоре после этого заменил пенсию на мещанский статус, подарив москвиту обложенный чиншем участок земли в Берестье. В ноябре 1583 г. Стефан Баторий обеспечил денежным «юргельтом» общей суммой на 12 зл. в год на человека детей боярских П.В. Кокошкина, И. и С. Хлусовых, Б. Слизова. Сумма складывалась из жалования в 10 зл. и денег на одежду в 2 зл. На какое-то время был переведен на «юргельт» с уже полученного (совместно с братом) имения У.Г. Сутурма-Телеснин.

Пленные полоцкие стрельцы, перешедшие на сторону короля, первое время получали по 5 коп гр. из пинской «капеизны». Причем, как и в случае с Кучицким, им пришлось отстаивать перед арендаторами и мытниками свое право на пенсию: те отказывались им выплачивать положенную сумму. После Великолуцкого похода Аникий Васильевич, Василий Иванович,

Василий Семенович, Иван Алексеевич, Фома Семенович били челом господарю и в награду за верную службу получили вместо пенсии по 2 влоки земли в Пинском старостве «до воли и ласки» господаря. Такие же наделы, по 2 влоки, в одном имении староства Городенского предоставляют в 1582 г. и стрельцам Бажану Ивановичу, Федору Моисеевичу, Ивану Онисимовичу, Ждану Ивановичу, Стефану Альферовичу, которые после пленения в Полоцке, видимо, содержались на «юргельте».

Это был явно близкий к казенной пенсии вид вознаграждения, предполагавший и сходный социальный статус. Воин получал землю, которую в любой момент господарь мог отобрать или заменить на другое вознаграждение за службу. Нередко надел москвиты измерялся даже не единицах площади, а в службах, и таким образом предполагалось, что потеря военного слуги, местного боярина или переход его в иной социальный статус могла сказаться на размерах пожалования самого москвитина (А. Чухнов, Б.И., В.И., И.И. Бунаки, О. Бахтияр Измайлов, И. и С. Хлусовы). Примерное равенство 2 влоки земли 5-ти копам гр. Великого княжества Литовского по такому праву говорит о низкой ценности и неустойчивости самого этого права. Да и сама сумма кажется мизерной в сравнении с «юргельтом», который был получен от короля служебником короля полоцким пленником Филиппом Федоровичем по той же схеме, которая применялась для вознаграждения перебежчиков-москвитов: за московский плен и растраты он получил «до воли ласки» короля 40 коп гр. ежегодной пенсии⁵⁷. Из биографического досье И.Ю. Ододурова следует, что пенсия могла быть заменена как на условное держание служебной землей, так и в городскую недвижимость. А значит, господарский пенсионер не был в полном смысле феодалом, это был временный статус, в размерах и содержании целиком зависящий от господарской милости. И только при условии многолетней службы и по особому челобитью носитель пенсионера имел возможность перейти из этого социального «чистилища» в положение землевладельца или мещанина. Впрочем, этот переход затруднялся не только низким статусом

держаний, но и коллективной ответственностью держателей, нередко получавших имение в гнездовое, коммунальное, держание одновременно на нескольких «сябров» (О.О. Ушак и З.В. Пятый Вепрев в имении Куликово Кременецкого повета) или братьев (Б.И., В.И. и И.И. Бунаковы в Кременецком старостве, Ливонии и позднее на Жмуди, И. и С. Хлусовы в Упитском повете, З.Г. Ступа и У.Г. Сугурма Телеснины в Ошмянском повете).

Преодолев барьер между пенсией и земельным наделом, сын боярский приближался к шляхетскому сословию. Закрепить это состояние каким-либо абсолютным феодальным правом было невозможно, поскольку в социальной практике Речи Посполитой не существовало чего-то такого, что можно было бы считать феодализмом *per se*. Право землевладельца было так или иначе ограничено в привилее о пожаловании феода, и эти ограничения не были связаны с военной службой: служить должны были все светские землевладельцы, в том числе горожане. Одной из форм ограниченного землевладения было рассмотренное выше пожалование до королевского указа («до воли и ласки»). Особой привилегией считалось получение пожизненного феода («доживоте») или на определенное число поколений – например, на три поколения («до трох животов»). Такое право предоставлялось особым привилеем за заслуги перед королем и республикой. По истечении срока держания в таких случаях имение должно было перейти в господарскую казну.

Король предписывал выделить новому слуге либо уже сложившееся имение, либо определенную площадь в одном или нескольких имениях, находящихся под управлением королевского старосты. Суммарная площадь наделов, жалуемых детям боярским из казны в «доживоте», была обычно больше, чем у стрельцов не менее, чем в 3 раза⁵⁸. Однако, во-первых, были и исключения⁵⁹. А во-вторых, получив пожизненное право на землю, москвит рисковал натолкнуться на недобросовестных старост, которые под различными предложениями не выполняли предписаний. Около 20 лет не мог вступить в свое жмудское владение Сергей Зеновьевич Фолина – он был пожалован

ретовским именем в правление Сигизмунда II Августа, а окончательное решение найти его 10 влок было вынесено лишь в последний год правления Стефана Батория. Ф.Ф. Бедрынский, перешедший на польско-литовскую службу в первой половине 1560-х годов, был награжден 10-ю влоками оселыми. Державца волости Ясвенской заменил две влоки из 10-ти пустошами, и вскоре москвит пожаловался королю, что не может свести концы с концами, после чего получил еще 3 влоки пустоши. Как видно уже из этого примера, москвиты могли бороться за расширение своего надела, в том числе за счет владений в других поветах. Впрочем, держания в разных поветах были показателями зажиточности и встречаются редко. Разбросаны по нескольким поветам были имения кн. А.М. Курбского, В.С. Заболоцкого, Т.И. Тетерина, Сарыхозиных и немногих других москвитов. Чаше надел расширялся благодаря присоединению основного имения на несколько влок, чему примеры известны в данных о Бунаках, Х.А. Валуеве, Д.Д. Водопьяне, Ф.И. Зубатом и др. Преимущество «доживотья» было еще и в том, что владелец мог его продать. Так поступили со своими имениями О. Бахтияр Измайлов, Д.Д. Водопьян, Война Захарович, В.Д. Ширагов.

После смерти держателя «доживотья» его вдове или сыновьям приходится просить короля о сохранении имения. Не всегда удавалось сохранить весь надел, однако, даже в тех случаях, когда он сокращается, вдова получает землю и на себя, и на сына. Реже особый участок отводят дочерям (Марина Москалевна уп. в 1539 г., дочь Л.Т. Ракова в 1582 г.). Челобитья московитских вдов во многих случаях в 1560-е – 1600-е гг. были встречены поддержкой и продлением держаний (после смерти Л. Бибикова, Ф.Ф. Бедрынского, В. Бувостова, Ф.И. Зубатого, И.П. Козлова, М.И. Ржевского, кн. В.И. Телятевского). Завещание на детей позволяло решить вопрос о передаче «доживотья» еще при жизни шляхтича. Именно так наследуют небольшой надел В.Ф. Дударова его сыновья И.В. и С.В. Дударовичи. Видимо, разделили между собой имения кн. Б.Ф. Желиховский и его мать

княгиня Варвара. После ее смерти в конце 1601 г. имение вернулось ее сыну и невестке.

Если держатель умирал беспотомно, его земля переходила в казну на рынок «кадуков», выморочных владений, и могла быть пожалована королем новому держателю (после смерти Василия Чапли, Аг.В. Сарыхозина, Я. Вельяминова, И. Кункина, Филимона, И. Хлусова). Если в живых не было ни жены, ни потомков, предпочтение при передаче имения иногда отдавалось ближним родственникам мужа или жены. Так случилось, когда около 1573 г. умер бездетный шляхтич-смолянин Василий Иванович Харепа. Его надел в Виленском повете перешел бы в казну, если бы вдова местного шляхтича Ф.М. Еленского Фурса М.Б. Корсаковна не предъявила владельческие документы Харепы на его имения и не заявила об их продаже. Из этого ясно, что Харепа получил землю в «доживоте» и имел право ею распорядиться. Однако вопрос о правах на наследование вновь был поднят в судебном порядке через 13 лет после смерти москвитя, когда королевские инстингаторы заметили ошибки в оформлении завещания Василия. Марина Фурс проявила незавидную изобретательность, доказывая, что ее муж был «кровным» и «повиноватым» Харепы и имел право претендовать на его выморочное имение. Не было детей и в семье Дурасовых, однако, И.Ф. Дурасов в 1601 г. передает имение своему племяннику В. Дурасову.

Полна опасностями и непредсказуемостями была судьба вдовы и потомков умершего держателя «доживотя», если потомки в момент смерти отца были «в летех недорослых». Семья кн. А.М. Курбского после его смерти хлебнула горя с Ковельским имением и в конце концов потеряла и его, и большую часть служебников князя. Опекуны вдовы и детей не сумели противостоять королевским инстингаторам и даже прямо или косвенно посодействовали изгнанию своих подопечных с Волыни. Известны и менее масштабные имущественные катастрофы по схожему сценарию. Вдова и несовершеннолетний сын В.З. Жохова отсудили на содержание лишь две из его 10 влок. Оставшийся надел прибрал к рукам могущественный

Аг.В. Сарыхозин, который в 1592 г. скрыл его, обменяв своему же племяннику на его имения. Удалось избежать подобных трудностей вдове и несовершеннолетним сыновьям Г. Жука, однако, в этом случае могло сыграть свою роль трагическое обстоятельство – отец троих Жуковичей был убит соседями, королевский суд установил виновников и наложил на них «головщизну» в 100 коп гр. Великого княжества Литовского. Сыновья убитого были введены в его владение постепенно – сначала старший, затем два младших.

Особыми привилегиями детей боярских можно считать разрешение на строительство в имении «корчмы волной» (Х.А. Валуев), учреждение «ярмарка» (В.С. Заболоцкий). В некоторых случаях дети боярские получают «доживоте» и одновременно продолжают пользоваться выплатами из литовской казны или получают наградные пенсии за свои заслуги (В.Д. Ширагов, Аг.В. Сарыхозин).

Показателем признания москвитя за «своего» в повете было занятие им шляхетского уряда. Москвит на королевских урядах, как мы видим на примерах кн. А.М. Курбского и В.С. Заболоцкого, для местной шляхты был красной тряпкой. Недовольство старостами и так было значительным, а уж москвиты-старосты и их слуги были предметом открытой всеобщей ненависти. Это видно по отзывам Ф. Евлашевского об уряднике Заболоцкого М. Звереве и по дурной славе самого Владимира Семеновича, по расправам с урядниками кн. А.М. Курбского и по трудностям его слуг-москалей в вольнских судах. С должностными проблемами столкнулся даже господарский лесничий пунский Д.И. Бельский в начале XVII в. Из эмигрантов в первом поколении никто на местных урядах не побывал. Во втором поколении есть яркие примеры признания «москалевичей». П.И. Поросуков-Угловский занял уряд подсудка земского оршанского. Поветовые должности ждали сыновей и внуков И.В. Ляцкого, кн. И.Д. Губки-Шуйского, внуков кн. А.М. Курбского.

«Вечное» право на землю – высшая привилегия, доступная для держателей в Великом княжестве Литовском. Этот статус

получали далеко не все москвиты, но и он не приравнивал держание к безусловному, вотчинному и титульному. Эта привилегия приравнивала собственника к местной шляхте и давала право передавать имение по наследству, чаще всего – по мужской линии, но особой привилегией выдавалось право на наследование от отца к дочери. Подобные права москвитов вступали в противоречие со статусом коронных владений (*bona regalia*), на которых располагались имения москвитов. Идеологический подтекст в привилегиях на ковельские владения кн. А.М. Курбского 1567 г., видимо, превалировал над практической стороной дела. Люблинский сейм показал, что шляхта была недовольна тем, что Сигизмунд II распоряжается коронными владениями как своей собственностью. И позднее Курбский не только лишился одного из староств, но и не ссылался на свое «вечное» право на Ковель. Владельческие успехи Владимира Заболоцкого и Агиша Сарыхозина, не меньше чем Андрея Курбского, подозрительны тем, что свои «вечные» права они получали, когда их перспективы жениться и завести потомство могли показаться утраченными. Как известно, В.С. Заболоцкий и Аг.В. Сарыхозин умерли беспотомно, а кн. А.М. Курбский должен был доказывать, что его дети – не «заблудные». Свое «вечное» право на мстиславское имение еще в правление Сигизмунда I Старого приобрел Ларион Остафьевич Домашний. Впрочем, его имение неоднократно разорялось московскими войсками, и документы на недвижимость проходили перерегистрацию и выдавались заново. Редкий пример удачливого сына боярского, добившегося «ленного права на вечность» после Ливонской войны, – С. Костомаров.

Москвит, обзаводясь в городе домом и исполняя городские законы, присоединяется к городскому сословию и пользуется его правами. Служебник М.Ю. Радзивилла, шляхтич индурский Михаил Степанович в 1571 г. переходит в городское сословие после того, как Индурское имение отошло королю. Вся компенсация Михаила – дом на рыночной площади в городенском местечке Лунная, 1 влоку земли и 50 коп гр. Этого

было бы достаточно, пожелай Михаил приобрести себе владение под военную службу.

Территория расселения московитов-мещан весьма широка – это русские земли Литвы и Короны. В список мещан Остерского замка в 1552 г. попали московиты Афанасий и Федор, в Чернобыльском замке в том же году проживает Герасим, в Мозырском – Федор. В Кременце в 1563 г. – Иван. В Локачах в 1569 г. встречаются сыновья Москаля (или Москалей) Вакула и Роман. В пригороде Владимира-Волынского в 1570 г. по местному налоговому реестру установлен московит Василий. Киевский мещанин Григорий упомянут в списке слуг Киево-Печерского монастыря 1571 г. В том же году появляется житомирский мещанин Степан. Иван Бобровник и его дочь Матруна на ноябрь 1579 г. проживают в Мстиславле. В Менске в 1590 г. московит Тарас ссорился с налоговыми агентами, после того как не заплатил чоп и самовольно изготовил спиртной напиток. Случайно упомянут в 1598 г. слонимский домовладелец московит Семен. В Вильне в 1609 г. проживают москали Исак Кононович (возможно, сын Конона Путилы), Константин, Михаил. Множество московитов на рубеже XVI–XVII веков рассеяно по огромным имениям князей Острожских.

Могилевские московиты свободно судятся с местными жителями, расплачиваются по долгам, выступают как представители торговых и ремесленных корпораций, приносят суду присягу, завещают или дарят движимое и недвижимое имущество, закладывают недвижимость местным жителям под ссуду, судятся с городской администрацией из-за недобросовестной торговой сделки⁶⁰.

Горожане-московиты поступали на магнатскую службу, о чем мы еще скажем. Возможны были и другие пути интеграции. Отметим, как изменился состав московитов в Луцке в 1560-е – 1570-е гг.⁶¹ Сохранившиеся местные поборовые реестры содержат регулярные упоминания московитов до 1568 г.⁶² С 1569 г. москалей в Луцке как будто нет. Это необычно, и вероятнее было бы предположить, что после Люблинской унии

они продолжали проживать в Луцке, но их московское происхождение больше не акцентировалось.

Знатные москвиты были частью «большой игры» политиков Речи Посполитой. В качестве фигур на шахматной доске они разыгрывались против верховной власти в России, дополняя образ спасенных и освобожденных с тонущего корабля московской тирании. Курбский в этом качестве выступал неоднократно, и для него эта роль была органична, так как он был убежден, что в Москве правит тираничный в трех поколениях род великих князей, и считал себя даже не перебежчиком, а изгнанником «от милого отечества». Во время подготовки Псковского похода Стефана Батория в похожем качестве выступил Д.И. Бельский, которому было поручено исполнять роль приближенного к Ивану IV изгнанника, обличителя царских послов и советника в стратегии наступления королевского войска. Впрочем, нельзя исключать, что Бельский, сознательно или нет, оказался в роли двойного агента, раскрыв царским послам планы короля. Московские послы, прибывшие к королю Стефану от царя Федора Ивановича, дискредитируя нового перебежчика – М.И. Головина, ссылались на то, что им известно о консультациях между королем и Д.И. Бельским, и намекали, что эти консультации привели к неудаче королевского похода на Псков. Перед началом переговоров на Киверовой Горе таким же приемом воспользовалось окружение короля и канцлера Яна Замойского, выставив московским послам свою креатуру осведомленного перебежчика – Ф.И. Зубатого.

Особого внимания в этой связи заслуживает М.И. Головин – дворянин и брат казначея П.И. Головина. Он бежал в Речь Посполитую с 7 слугами после ссылки его брата в Казань и рассылки других их родичей, за несколько дней до 18 декабря 1584 г. На сейме января – февраля 1585 г. обсуждались, но не были приняты, его предложения начать новый поход на Россию. Головин получил за выезд в «опатренье» Пурве, или Повентское войтовство в господарской волости Меньших Дирвянах на Жмуди привилеем 10 декабря 1585 г. Его надел в 70 влок сразу ставит его в один ряд с такими крупными эмигрантами, как

Т.И. Тетерин и Д.И. Бельский. Рядом находились имения Аг.В. Сарыхозина, а также московитов из бывшей «службы» В.С. Заболоцкого – Бунаковых и В.З. Жохова. И.И. Бунакову не посчастливилось стать на пути Головина. Иван уже более двух десятилетий служил королю и чувствовал поддержку братьев и соседей. Все это не спасло его от смерти. Королевским привилеем от 8 сентября 1586 г. Головин был освобожден от вызовов в жмудские городские и земские суды и подчинен, как держатель господарских имений, напрямую королевскому суду. Эта практика уже ранее была применена к Курбскому. Она не была исключительной, однако, видимо, выдача королевского привилея на нее происходила к знак особой милости, тем более что эти привилеи не запрещали местной шляхте вносить записи в актовые книги против их владельцев. Головин к тому времени втянулся в жизнь нового отечества, в то же время пути возвращения в Россию были для него закрыты. После смерти Батория правительство царя Федора, пытаясь продвинуть кандидатуру царя на польско-литовские троны, простило крупных эмигрантов, но Головин прощения не получил. Он связался с Москвой после заключения Тявзинского мира с просьбой о прощении и получил обещание прощения в случае возвращения в 1594 г., о чем должен был сказать ему гонец П. Пивов. Возможно, с целью договориться об условиях возвращения в Москву или под этим предлогом к царю ездил слуга Головина. 10 декабря 1595 г. кн. Ю. Друцкий-Соколинский известил К. Радзивилла о приезде в Усвят Ф.М. Седилова, который назвал себя «повинным Михаила Головина»⁶³.

Михаил Иванович погиб незадолго до 8 марта 1599 г. Согласно расследованию, проведенному в Жмудском уряде, он был убит Иваном Бунаком – сыном того самого И.И. Бунака, который погиб по вине Головина. Мечь за отца обернулась для Ивана Бунака и его семьи утратой значительной части их жмудского имения (в пользу Войтеха Шукшты и Марины Войны)⁶⁴. Имение Головина король передал подканцлеру Габриэлю Войне, однако, вдова московита Федора Ждановна выступила с протестом, ссылаясь на данное ей и мужу право

пожизненного держания. Неясно, какой именно документ подразумевала Федора, однако, Война пошел на сделку. Возможно, уже к моменту королевского суда сложился проект нового брака Федоры. В акте 12 мая говорится о согласии Войны передать имение Головина его вдове. На то время она уже была во втором браке за стольником упитским, позднее земским судьей жмудским Яном Млечко. Привилей подписан королем в ответ на просьбу подканцлера⁶⁵. Семья Млечко кстати приняла активное участие в скупке и конфискации за долги литовских и жмудских имений московитов – Курбских, Сарыхозиных, Дурасовых.

Путь домой

Возвращающихся на родину московитов-перебежчиков в XVI–XVII веках можно установить, встречая в документации Речи Посполитой указания о возвращении владений в казну. Никакого института репатриации в изучаемый период не существовало. Московит, получивший пожалование за королевскую службу, считался подданным короля или господаря и гражданином республики. Уникальный пример в XVI в. представляет некто Богдан, который служил в Речи Посполитой «через час немалый», был отпущен «от пана своего», а затем королевским универсалом от 15 декабря 1591 г. – в Москву⁶⁶. Эта ситуация облегчалась для московита тем, что его сюзереном был не король, а шляхтич, и возможно, после расставания с ним у Богдана не оказалось собственного имения в Речи Посполитой. Король лишь подтвердил право на проезд через границы.

Если бы слуга господаря решил на выезд, ему пришлось бы открыто просить о разрешении на продажу имения, и, скорее всего, не получить его, а также привести основания для выезда и отвести подозрения в шпионаже. Санкции за попытку московитов бежать на родину не были голословными. М. Овдин бежал в Москву до ноября 1537 г. и лишился своих прав, впрочем, ограниченных к тому времени судебными процессами с Тышкевичами. Убив соотечественника, бежит, и возможно – в

Россию, сын боярский П. Серменин. Незадолго до февраля 1566 г. бесследно исчезают из своего витебского имения московиты Микула и Федор, и их владения вскоре были переданы витебским мещанам. Особый и не вполне ясный случай – смерть М. Зверева в походе на Смоленск. Бывший урядник В.С. Заболоцкого, Зверев был повешен при неясных обстоятельствах во время похода Ф.С. Кмиты в 1580 г. В правление Сигизмунда III бежал из Речи Посполитой С. Полтев. Все названные перебежчики лишались всех своих прав во владениях польско-литовского короля.

Перебежчики понимают, что в России их не ждут. К сомнительным результатам привели усилия кн. И.Ф. и Д.Ф. Бельского, направленные на оправдание и возвращение из эмиграции их брата кн. С.Ф. Бельского. Похоже, что эти усилия после подобных приглашений в Москву кн. В.И. Шемячича и дядей великого Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого Бельский не склонен был принимать за чистую монету. Много лет спустя в Первом послании Курбскому Иван IV осаживал своего изменника в ответ на его нежелание встречаться на земле: «Кому надо видеть твое эфиопское лицо!». Бесам место в аду, а перебежчики для царя не лучше бесов. Позже в ответ на просьбы панов рады гарантировать прощение изменникам-москвитам царь отшучивается, предложив литвинам самим подумать, были бы они рады, если бы он теперь принял какого-нибудь князя Курбского в своем государстве и пожаловал его высоким постом. Позднее и письма царя Ивана Стефану Баторию, и посольские наказания, и литературные сочинения о Псковской осаде формировали недвусмысленный образ «изменников» как виновников поражений России. Долго обсуждалось, но обернулось одними словами возвращение Тетериных, Сарыхозиных и Бельских в 1588 г. Это был пример того, как прощение в Москве получили королевские дворяне.

Заглядывая в будущее, заметим, что «изменники» Смуты Михаил Салтыков и князь Юрий Трубецкой также получили амнистию, однако, ею не воспользовались. Впрочем, амнистия была востребована в самой России, где аристократические роды

после Смуты недосчитались в своих рядах «паршивых овец». Более поздние торжественные приглашения и встречи из эмиграции И.М. Салтыкова, В.А. Ордина-Нащокина, а также подлинных и самозванных князей Курбских отвечали потребности московского двора в переосмыслении прошлого, прощении бывших врагов и опровержении образа России как закрытого варварского царства. Труднее понять, как обошелся без прощения своих заграничных изменников и их родичей в России Иван Грозный. И как обошлись его придворные и дети боярские. Возможно, механизм очищения российского общества того времени от «измены» воплотился в ритуалах, которые в нашем сознании не вяжутся с каким бы то ни было очищением.

Суммируя сказанное

Поскольку мы ограничились в этой работе высшими категориями перебежчиков из России, выводы об идентичности и статусе «московита» в Речи Посполитой потребуют уточнений после того, как будут рассмотрены эмигранты-маргиналы, чей опыт интеграции значительно отличался от рассмотренных выше возможностей москвитов-магнатов, шляхтичей и горожан. И вместе с тем на идентичности «москаля» уже на ранней стадии формирования этого идентификата сказывались те образы, которые предназначались для отдельных социальных классов эмигрантов. Служебники, переходя на службу к местной шляхте, оказывались на грани выпадения из феодальной иерархии в том случае, если их патрона постигала катастрофа в «войне всех против всех» шляхетского социума, и в первую очередь это касалось москвитов на службе их высокопоставленных земляков. К концу XVI в. возможности для интеграции в коронное и литовское общество снижаются и для детей боярских, все чаще имена москвитов встречаются в казаческих подразделениях магнатов, в полках запорожцев, в пограничных службах. Особый дискриминационный подтекст идентификата «москаль» сложился за счет притока москвитов в ряды казачества, на должности урядников и пушкарей окраинных замков, в челядь магнатов и шляхтичей-землян.

В начале этой работы поставлен вопрос о стратегиях интеграции и социальных возможностях перебежчиков и пленных из России, поступавших на польско-литовскую королевскую службу. Мне представляется ошибочным представление, согласно которому «выезд» или «отъезд» с ростом идеологии подданства в России перестает быть допустимым решением придворных конфликтов и индивидуальным выбором московских великокняжеских слуг. Беспокойство по поводу «измены», проявляемое все чаще московскими властями, носит следы не реформы ранее действовавшей и принятой модели, а имперского проекта самой верховной власти, который ограничивал возможности тех, кто этот проект не поддерживал. Этим объясняется и тот факт, что в условиях многолетней открытой войны между Российским и Польско-Литовским государствами Сигизмунд II Август и Стефан Баторий создают привлекательные условия для перехода московской элиты и детей боярских на королевскую службу.

Слова о «правах и свободах», которые получали перебежчики, были риторическим противовесом российской имперской идеологии, а их косвенными эффектами в самой Речи Посполитой были ограничение имперских тенденций, формирование интегративной модели для эмигрантов, смягчение негативных мнений местных жителей о прибывших из-за границы «изменниках» и «врагах». В этой модели, во-первых, доминировала идея поглощения, социализации и аккультурации. Нормальный ход освоения эмигранта предполагал не создание землячества, диаспоры и т. п., а утрату московской идентичности. А, следовательно, понятие «москвит», применявшееся для своих «чужоземцев», не было в полной мере этнонимом (по крайней мере, в том смысле, который вкладывался в обозначения местных евреев, армян и татар), несмотря на расхожее бытование этого термина в ренессансной «хорографии». Разумеется, эта черта, возможность раствориться в «русском» населении Речи Посполитой имела последствия и для осмысления перспектив войны против Российского государства, однако, возможность

воссоединения «москвитов» с польско-литовскими «русскими» была заложена уже в «русском» титуле литовских господарей.

Во-вторых, в феодальной лестнице, доступной москвитам, образно говоря, не хватало ступеней. Их продвижение к вершинам иерархии было сопряжено с преодолением разнообразных трудностей. Прежде всего, для достижения неформального статуса «доброего» человека в шляхетском социуме требовалось освободиться от маркера «москаль». Приходилось бороться за королевское «опатренье» и различные «юргельты», то есть пенсии и пайки, в которых и выражалась королевская опека над перебежчиком. Земельный надел «до воли и ласки» короля передавался на условном праве, обставлялся дополнительными ограничениями на распоряжение недвижимостью. Коллективные формы держания земли, предусмотренные для перебежчиков, затрудняли переход владений в собственность и ограничивали возможность их наследования. Вместе с тем при определенных условиях, особенно за верную службу или в результате вступления в брак с шляхтянкой, москвиты получали земли в «доживоте» и «вечностью», уравнивая свои позиции с шляхтой, или «пляц» и дом в городе, вливаясь в мещанское сословие. В случае конфликта с местными жителями москвит пользуется королевской защитой и имеет право на обмен своего имения и переезд на новое место. Оценки статуса и прогнозы социальных возможностей должны учитывать и тот факт, что, несмотря на ограничения и давление со стороны шляхетского общества и мещан, эмигранты крайне редко пользуются возможностью вернуться на родину, даже когда их имущественный статус претерпевает серьезные кризисы или когда в Москве им объявляют прощение и приглашают вернуться.

¹ Укажем работы, в которых приведена обширная библиография: *Backus O.P.* Treason as a Concept and Defections from Moscow to Lithuania in the Sixteenth Century // *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. 1970. Bd. 15. P. 119–144; *Auerbach I.* Ivan Groznyj, Spione und Verrater im Moskauer Russland und das Grossfürstentum Litauen //

Russian History. 1987. Spring–Winter. S. 5–35; *Grala H.* «Ex Moschouia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii. Warszawa, 1999. T. 4 (15). S. 101–130; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века. М., 2010.

² В меньшей мере, в этой работе рассмотрены клиенты магнатов и шляхтичей, казачество, селяне и челядь, это сюжеты для особых исследований, которые также планируются мной к публикации.

³ *Хорошкевич А.Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV – начале XVI в. // *Паушто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 135.

⁴ *Саганович Г.Н.* Русь в прусских хрониках XIV–XV веков // Славяне и их соседи. Средние века – раннее новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. М., 1999. С. 102.

⁵ *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. С. 60–61.

⁶ *Хорошкевич А.Л.* Термины «Россия» и «Московия» в 9-13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша // «Cultus et cognitio»: Studia z dziejów śriedniowiecznej kultury. Warszawa, 1976; *Флоря Б.Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990; *Mund S.* Orbis Russiarum. Genese et developpement de la representation du monde «russe» en Occident a la Renaissance. Geneve, 2003. P. 311–315, 322–323, 333–334, 337–338.

⁷ *Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX.* Basileae, 1555. P. 15. Подробнее см.: *Карнаухов Д.В.* Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010. С. 72–74.

⁸ На этот факт обратил мое внимание А.В. Казаков. См. также: *Казаков А.В.* Имена русских эмигрантов на фоне антропонимии Великого княжества Литовского (конец XV – первая половина XVI вв.) // Верхнее Подонье: Археология. История: сб. науч. ст. / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2009. Вып. 4. С. 236–239.

⁹ Такие реестры часто встречаются в актовых книгах местных судов Речи Посполитой. См., например: Центральний державний історичний

архів України у м. Києві (далее – ЦДІАУК). Ф. 22. Оп. 1. Спр. 5. Арк. 11–11 зв. (реєстр кременецкого имени Корытна Павла Корытенского, октябрь 1577 г.).

¹⁰ Документи російських архівів по історії України. Т. 1. Документи по історії запорозького казачества 1613–1620 гг. / Сост. Л. Войтович, Л. Заборовский, Я. Исаевич, Ф. Сысин, А. Турилов, Б. Флоря. Львов, 1998. С. 200–218 (реєстр казаков 4 января 1619 г.).

¹¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее – AGAD). Archiwum Skarbu Koronnego (далее – ASK). Dz. I. Rachunki Krolewskie. Sygn. 140. K. 208v (реєстр выплат за 10 марта – 29 апреля 1548 г., ср. другие реєстры в этом же деле).

¹² AGAD. ASK. Dz. I. Rachunki Krolewskie. Sygn. 259. K. 34v, 49v, 96 (реєстры 1580–1581 гг.).

¹³ М.Ф. Владимирский-Буданов, М.С. Грушевский и А. Стороженко предполагали, что под «севрюками» в XVI в. понимались летописные северяне. Это предположение П.Г. Клепатский отводит, считая, что «в числе севрюков мы иногда находим лиц, которые ни в каком случае не могут быть чистокровными потомками северян», и приводит тюркские имена, содержащие прозвище «Севрюк». На этой основе, со ссылкой на А.И. Соболевского, высказывается предположение о том, что «севрюков лучше всего производить от татар. сауици – суровый, одичалый = влкр. севрюк» (Клепатский П.Г. Очерки по истории Киевской Земли. Литовский период. Біла Церква, 2007. С. 404–405. Прим. 1841, здесь же обзор точек зрения). Однако связь между этническим составом всех севрюков и номинацией севрюков-тюрков не доказана: в реєстрах второй половины XVI в. подавляющее большинство «севрюков» – носители общерусских имен. С тем же успехом можно вспомнить московитов-тюрков на литовской службе: их имена также могут состоять из тюркского первого имени или фамильного прозвища и прозвища «Москвитин» («Агиш Москвитин», «Остафий Бахтияр Москвитин» и т. д.), но этот факт, конечно, не решает вопрос об этническом происхождении королевских и господарских московитов.

¹⁴ ЦДІАУК. Ф. 44. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 436 зв.

¹⁵ Jablonowski A. Etniczna postać Ukrainy w epoce zjednoczenia jej z Koroną // Kwartalnik historyczny. 1893. Roczn. 7. Zesz. 3. S. 408–435, здесь S. 427.

¹⁶ Tomkiewicz W. O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku // Przegląd historyczny. 1948. T. 37. S. 257.

¹⁷ Примером может служить имя лесничего крынского, одельского и кузницкого – Ивана Собакина: Российский государственный архив древних актов. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1 (далее – ЛМ-номер дела). Д. 47. Л. 123–123 об. (Кнышин, 27 января 1567 г.).

¹⁸ AGAD. ASK. Archiwum Skarbu Wojskowego. Dz. 85. Sygn. 67. K. 26–26v. Здесь в реестре воинов Псковского похода короля Стефана Батория, составленном под Витебском 6 августа 1581 г., форма с *сын* не может быть показателем московского происхождения личности. Данная форма с *сын* является не единственным, но устойчивым обозначением выходцев из восточных земель Речи Посполитой на всем протяжении данного реестра.

¹⁹ В отличие от татар, у которых сформировалось так называемое «маршалковство татарское». Урядом считалось «хоружтво уланское над татарми», которое различалось по поветовым стягам. Хоружим городенского стяга 22 июня 1570 г. был назначен Алакеч-улан Бегимович (копия и подтверждение: ЛМ-61. Л. 16–16 об. Торунь, 3 декабря 1576 г.). В марте 1595 г. улан Фурс Асанович был челом королю с просьбой утвердить его на «уряде маршалковском уланском» по смерти его отца Асана Ахметовича (ЛМ-76. Л. 509 об. (13 марта 1595 г.)).

²⁰ Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благовещенского монастыря. Минск, 1998. С. 10, см. также: С. 26–27; Rogov A.I. Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.А. Пичеты. М., 1978. С. 328.

²¹ Мы следуем уже сложившейся исследовательской практике. См., например: Luber S., Rostankowski P. Die Herkunft der im Jahre 1581 registrierten Zaporoger Kosaken // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1980. Bd. 28. H. 3. S. 370–371.

²² ЛМ-76. Л. 606 об. (10 мая 1596 г.).

²³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. / Подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1993. С. 7 (Л. 5 об.).

²⁴ Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. М., 2009. Т. 2. С. 162 (Л. 75).

²⁵ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные временною комиссиею, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1849. Т. 2. С. 90–120; Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropaischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. Munchen, 1985. S. 364–366.

²⁶ *Ерусалимский К.Ю.* Московский боярич, литовский староста, королевский слуга: Европейская карьера В.С. Заблоцкого // Российская история. 2011. № 4. С. 88–102.

²⁷ Наши соображения основаны на исследовании проблемы генезиса нелояльности государству в российской истории XV – начала XVII в. См. также: *Флоря Б.Н.* Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 204–214; *Grala H.* Człowiek wobec władzy na Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.) // Człowiek w społeczeństwie średniowiecznym. Warszawa, 1997. S. 405–436; *Ингерфлом К.* Между мифом и логосом: действие. Рождение политической репрезентации власти в России // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: В 2 кн. / Отв. ред А.О. Чубарьян. М., 2003. Кн. 2. С. 65–96; *Филюшкин А.И.* Понимание измены в средневековой Руси (X–XV вв.) // Мир и война: Культурные контексты социальной агрессии: Выборгские Чтения (1). М., 2005. С. 9–26; *Rustemeyer A.* Dissens und Ehre: Majestatsverbrechen in Russland (1600–1800). Wiesbaden, 2006; *Савченко Д.А.* Ответственность за государственные преступления в России после Смутного времени (1613–1645 гг.) // Россия как цивилизация / Отв. ред. О.А. Донских. Новосибирск, 2008. С. 237–265.

²⁸ Biblioteka Jagiellońska. Rkps 107. S. 360 («Новины времен Московской войны» за 30 августа 1580 г.; отдает пленников воевода виленский М.Ю. Радзивилл Рыжий).

²⁹ *Зимин А.А.* Опричнина. 2-е изд. М., 1992. С. 98.

³⁰ *Plewczyński M.* W służbie polskiego króla: Z zagadnień struktury narodowościowej Armii Koronnej w latach 1500–1574. Siedlce, 1995. S. 73.

³¹ *Grala H.* «Ex Moschouia ortum habent». Uwagi... S. 104–105.

³² *Флоря Б.Н.* Положение православной и католической церквей в Речи Посполитой. Развитие национально-конфессионального сознания западнорусского православного общества во второй половине XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине

и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. 1. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события. М., 1996. С. 87–90.

³³ AGAD. Archiwum Radziwiłłów. Dz. II. Teka 1. Sygn. 39. S. 1–2, 5–6.

³⁴ Źródłopisma do dziejów unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1856. Cz. II. S. 325; см. также: *Dubas-Urwanowicz E.* Stosunek Korony do unii z Litwą w latach 1562–1574 // *Studia Podlaskie*. Białystok, 1995. T. V. S. 12.

³⁵ *Plewczyński M.* Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiellonów. Warszawa, 1995. S. 33, 37–38; Idem. W służbie... S. 9.

³⁶ *Bardach J.* Statuty litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999. S. 23.

³⁷ ЛМ-48. Л. 110–110 об., сходный текст: ЛМ-50. Л. 240 об.

³⁸ *Skwarczyński P.* Stanowisko cudzoziemców w dawnym prawie polskiem koronnem. Lwow, 1932. О людях «добрых» и «злых» в ментальности украинской шляхты XVI–XVII вв. см.: *Яковенко Н.* Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 106–153.

³⁹ *Wisner H.* Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z dziejow Polski szlacheckiej XVI–XVII wieku. Warszawa, 1978. S. 31.

⁴⁰ ЦДІАУК. Ф. 25 (Луцький гродський суд). Оп. 1 (далее – КГЛ- и номер дела). Спр. 47. Ч. 2. Арк. 298–299 (8 ноября 1596 г.).

⁴¹ ЛМ-288. Л. 107 об. (7 апреля 1600 г.).

⁴² Там же. Л. 108: «яко чоловіку простому чужоземцю до прав и свобод наших неприпушеному».

⁴³ ЛМ-85. Л. 107 об. (12 июля 1601 г.): «А так мы, господар, показуючы в том ему, яко чоловіку чужоземському и на члоньку охромленому ласку нашу господарськую...».

⁴⁴ ЛМ-86. Л. 921 (2 августа 1613 г.): «по зоистью з сего света неякого Петра Волинського чужоземца москвитина...».

⁴⁵ КГЛ-18. Арк. 420 зв. (27 июля 1578 г.).

⁴⁶ ЛМ-275. Л. 294–295 (Городно, 16 ноября 1584 г.), 337 об.–338 (Городно, 28 ноября 1584 г.); ЛМ-73. Л. 55 об.–56 (24 февраля 1585 г.).

⁴⁷ *Ерусалимский К.Ю.* 30 апреля 1564 года // Между Москвой, Варшавой и Киевом. К 50-летию проф. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 125–193.

⁴⁸ *Piowski K.* Niedoszła wyprawa t. z. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (rok 1567/8) // *Ateneum Wileńskie*. 1928. R. 5. № 14. S. 90–91.

⁴⁹ ЛМ-48. Л. 110.

⁵⁰ Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. 6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Ред. серии И. Граля; ред. тома Ю.М. Эскин; сост. М.М. Кром. М.; Варшава, 2002. С. 109.

⁵¹ Там же. С. 114.

⁵² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 51 (1566–1574). Užrašymų knyga 51. Vilnius, 2000. P. 140 (Л. 146 об.).

⁵³ ЛМ-48. Л. 226; Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 106. Anm. 12.

⁵⁴ ЛМ-52. Л. 156 (Варшава, 29 июля 1570 г.): «on iako cudzoziemiec przychawszy z ziemie nieprzyaciela naszego na łaskę naszą wichowania swego miec nie może».

⁵⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 564 (1553–1567). Viešųjų reikalų knyga 7. Vilnius, 1996. P. 36–37 (л. 29). См. также: ЛМ-47. Л. 58 об.; Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... S. 106. Anm. 8.

⁵⁶ AGAD. ASK II. Rach. Sejm. 22. K. 68v–70v.

⁵⁷ ЛМ-47. Л. 110 об.–111 (Люблин, 10 сентября 1566 г.).

⁵⁸ Л. Бибигов – 6 вл., А. Неелов – 6 вл., И.Ф. Дурасов – 6 вл., Федор Матвеевич – 6 вл., В.Д. Ширагов – 6 вл., В. Бувостов – 7 вл., Х.А. Валуев – 8 вл., кн. Б.Ф. Желиховский – 8 вл., Г. Жуков – 8 вл., Б. Османов – 8 вл., М. Монастырев – 10 вл., Сергей Зеновьевич Фолина – 10 вл., И. Хлусов – 10 вл., С. Хлусов – 10 вл., Петр (Дунаевский) – 11 вл., З.Г. Ступа-Телеснин – 12 вл., Василий Чапля – 12 вл., И. Голохвастов – 12 вл., В.З. Жохов – 12 вл., П.В. Кокошкин – 12 вл., Яков Сергеевич – 12 вл., Ф.И. Зубатый – 13 вл., С.А. Криженин – 14 влок 33 моргов, Конон Путило – 15 вл., И.Г. Золотой Квашнин – 19 вл., Д. Мурза Купцевич – 20 вл. 6 мр., Д.Д. Водопьян – 27 вл. 26 мр., Л.М. Раков-Третьяков – 38 или 46 вл., И.П. Козлов – 40 вл., Ю.Ф. Девятый Кашкаров – 50 вл., кн. В.И. Телятевский-Микулинский – 112 вл.

⁵⁹ В.Ф. Дударов – 3 вл., С. Костомаров – 4 вл., хотя позднее имя Костомарова более чем удвоилось.

⁶⁰ Иван Милютинич в июне 1580 г., Михаил Савинич в феврале 1588 г., Иван Лопатин и Михаил Савинич в ноябре – декабре 1588 г., Григорий Иванович в декабре 1588 г., Иван, Никифор и Назар в феврале 1598 г., Алексей в марте 1598 г., Иван в мае 1598 г., Трухан Москалек в 1599 г., Данило в 1600 г., Лагута в феврале 1603 г., Ахрем и Мокей в июле 1603 г. В этом же городе осел Василий из Могилева – перебежчик из

России около 1570 г. Среди его спутников литвины, долгое время прожившие на службе в России: не известный по имени Вербицкий, Б. Горский, Даниил Иванович, Федор Кириллович, Ф. Чеховский. Все получили из казны по 2 зл. за выезд (заметим, что они награждены именно как перебежчики-московиты, а не как вернувшиеся пленные). За какого-то московита Василия в 1588 г. здесь поручаются местные жители, чтобы вызволить его из тюрьмы.

⁶¹ Крикун М.Г. Населення Луцька в 60-ті XVI ст. // Минувле і сучасне Волині: Тези доповідей та повідомлень Волинської регіональної історико-краєзнавчої конференції, 26–28 вересня 1985 р. Луцьк, 1985. С. 231–232; Кравченко В.М. Найдавніші інвентарі Луцького замку і староства (кінець XVI – початок XVII ст.) // Архіви України. 1986. С. 19–26.

⁶² За 1565–1568 гг. – Василий, Василий, Иван, Иван, пивовар и ремесленник Михаил, пивовар Скендер, за 1565–1566 гг. – Иван, за 1566–1567 гг. – пивовар Василий, Дмитрий.

⁶³ Эскин Ю.М., Граля И. «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium. К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000. С. 474. Прим. 30.

⁶⁴ Vilniaus universiteto biblioteka. Rankrasciu skyrius. F. 7. Zemaitijos zemės teismo. T. 28. L. 204v–206 (1 июля 1599 г.); ЛМ-86. Л. 101 (1 марта 1600 г.).

⁶⁵ ЛМ-84. Л. 310 об.–311 об., то же: ЛМ-86. Л. 45 об.–46.

⁶⁶ ЛМ-76. Л. 193–193 об.

Лукашова С.С. Малороссийские архиереи Русской православной церкви первой половины XVIII в. и становление российской имперской идеологии.

Несмотря на огромное количество работ, посвященных Русской православной церкви XVIII в.¹, следует признать, что данная проблематика изучена неравномерно, что характерно как для отечественной, так и для украинской историографии. Если о деятельности Святейшего Синода, отдельных монастырей и отдельных архиереев написаны фундированные научные работы, то целый ряд принципиальных вопросов, от особенностей богословия до принципов управления, оказался вне поля зрения исследователей. То же самое, только в превосходной степени, относится и к изучению истории Киевской митрополии², которая в 1684 г. вошла в состав Московского патриархата. Известно, что к XVIII в. накопились некоторые расхождения в практике Русской церкви и Киевской митрополии, которые относились к богословской терминологии, обрядности, паралитургическим практикам, системе управления и церковной жизни в целом, однако, фундаментальные исследования, относительно того, насколько глубоки и принципиальны эти расхождения, пока отсутствуют.

В настоящее время нет и устоявшегося термина для обозначения модели православия, т. е. особенностей богослужения, паралитургических практик, административного управления и церковной жизни в целом, сложившихся на территории Киевской митрополии к XVIII в. В работах украинских историков чаще всего говорится об «украинской православной церкви». Данный термин не вполне адекватно отражает этническую принадлежность, потому что до конца XVIII в. Киевская митрополия объединяла земли, населенные еще и белорусами. Формулировка «украинско-белорусская церковь/православие» также представляется неудачной из-за отчетливой национальной ориентированности, нехарактерной для

православного духовенства Киевской митрополии до XIX в. Кроме того, господствующим этнонимом в это время были «малороссияне» и «малороссы», причем наименование «Малой России» распространялась не только на территорию Гетманата, но и на другие православные земли Речи Посполитой, входившие в состав Киевской митрополии. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является термин «киевское православие», который коррелирует с понятиями «греческое» или «московское православие».

При попытке определить, чем именно киевская модель православия отличалась от московской, также возникают затруднения. В дореволюционной русской историографии не признавалось специфики киевского православия, ее самоценности по отношению к великорусским обычаям и нормам, а существование различий и даже антагонизма между малороссийским и великорусским духовенством отрицалось или переводилось на уровень исторических анекдотов; в советское время эта тема, по известным причинам, не изучалась. Общим мнением в исследованиях по истории киевской митрополии являются утверждения о больших заимствованиях из католического и протестантских вероучений и обрядности, более разнообразными паралитургическими практиками и менее развитом, по сравнению с московским православием того же времени, каноническом праве. Ряд исследователей указывает на сохранение многочисленных следов язычества и широкое включение народных обычаев в церковную практику³. Вместе с тем, историки не уточняют, насколько эти отличия выражали сущность киевского православия, а не являлись, например, следствием общего кризиса власти, характерного для украинского общества XVI–XVII в., и которые были бы преодолены естественным путем с укреплением систем центрального управления государством и церкви. Таким образом, пока неясно, что именно следует понимать под термином «киевское православие XVII–XVIII вв.».

Существуют диаметрально противоположные оценки киевского духовенства и киевского богословия в целом. Одна из

них неоднократно озвучивалась московским духовенством на протяжении всего XVII в. и указывала на заимствование ряда католических взглядов (о непорочности зачатия Девы Марии, времени пресуществления Святых Даров, существовании чистилища и некоторых других – список все время уточнялся), которые привели к «повреждению» киевского благочестия в такой степени, что в Москве на протяжении нескольких десятилетий XVII в. существовала практика перекрещивания выходцев из Киевской митрополии, а на соборе 1690 г. практически все богословские произведения, написанные в Киевской митрополии в XVII в. были осуждены как «имеющие единоумие с папою и западным костелом»⁴. Соответствующим образом оценивались и носители подобных взглядов. Вместе с тем, исследователи истории церкви неоднократно отмечали, что подобные обвинения могли быть следствием борьбы группировок внутри церкви и не иметь отношения к собственно богословию.

Широко известно негативное отношение иерусалимского патриарха Досифея (Нотары) к малороссам, которые «суть много смешении и сплетении с схизматиками и еретиками, тем же ниже имуг не лестна и чиста во всем православного догмата»⁵. Недоверие патриарха Досифея было настолько глубоко, что он отказался от церковного общения с местоблюстителем московского патриаршего престола Стефаном (Яворским), выходцем из Киевской митрополии, и убеждал Петра I назначить на это место только природного москвитянина. Соответственно, оценки политики центральных светских и духовных властей по отношению к Киевской митрополии и киевскому православию в целом колебались от «устранения недочетов» до «унификации», но были, безусловно, позитивными⁶.

Иная оценка основывается на признании высокого уровня религиозного просвещения и православной учености, присущей «самобытному» киевскому православию, в противовес «невежественной» Москве. В качестве доказательства этого тезиса приводится длинный список оригинальных богословских сочинений украинских авторов, а также сведения об устройстве и

выпускниках Киево-Могилянской Академии. В этой связи получила широкое распространение гипотеза о том, что стремление Петра I заполнять вакантные церковные должности выходцами их Киевской митрополии было продиктовано высокообразованностью малороссийского духовенства или близостью последнего к европейской культуре: «Особые надежды возлагались на тех, кто обучался в западноевропейских образовательных учреждениях»⁷; «Украинское духовенство стало культурным мостком между Московской Русью и Западной Европой, по которому эпоха "просвещенного абсолютизма" распространилась и на отсталую Московию»⁸.

В этом же ключе оценивалась и церковная политика Российской империи, характеризуемая украинской национальной историографией как «русификация» и «денационализация»: «Постепенное, но неуклонное отсекание живых национально-церковных особенностей православной церкви на Украине и превращение ее в унифицированное территориальное подразделение правительствующей Русской православной церкви»⁹. Взаимоотношения широко понимаемого «киевского православия» с Россией последовательно описываются в рамках диады: самодержавно-синодальные власти (гонители) – Киевская митрополия (гонимые): «Завладев Украинской церковью в 1686 г., Московская церковь постепенно навязала ей свой цезаропапизм... против чего Украинская Церковь все время героически боролась и протестовала...»¹⁰ и т. д. Вместе с тем, никак не комментируется тот факт, что спустя очень непродолжительное время после выезда за пределы Гетманата «гонимое» киевское духовенство становится той самой «центральной церковной властью» и превращаются в русификаторов и «гонителей украинского православия».

Общая оценка малороссийского влияния на Русскую православную церковь в подавляющем большинстве отечественных и зарубежных работ сводится к некритическому воспроизведению фактов и выводов, представленных в монографии К.В. Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» (Казань, 1914), практически

единственном фундаментальном труде по этой теме, в котором освещены основные направления взаимодействия великорусского и малорусского духовенства, в т. ч. деятельность уроженцев Киевской митрополии: архиереев, настоятелей монастырей и вообще монашествующих, учителей духовных и светских школ, проповедников, белого духовенства, причта и паломников, а также особенности книжного оборота, применительно к трем периодам: с середины XVI в. до 1653 г., 1653–1700 гг., 1700–1762 гг. Вместе с тем, работа Харламповича имеет серьезные недостатки. Во-первых, обширные хронологические рамки не позволяют сосредоточиться на специфике более мелких исторических периодов, но очевидно, что имелись существенные различия в особенностях взаимопроникновения культур в правления Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Правление Екатерины II историк вовсе не затронул, что привело к невозможности сделать выводы о роли малороссийского духовенства в построении имперской, Синодальной церкви. Во-вторых, как видно и из названия работы, автор исследовал именно малороссийское влияние на русскую православную церковь, но не обратный процесс. Наконец, историк обобщил огромный статистический материал, но представил его, по большей части, описательно, но не аналитически, в частности, приведенные списки архиереев, выходцев из Малороссии, весьма обширны, но не исчерпывающи, отсутствует описание критериев подбора кандидатов на вакантный кафедры, механизмов принятия окончательного решения, сопоставительный материал и т. д.

Таким образом, в настоящее время можно констатировать неудовлетворительное состояние изучения киевского православия, выражающееся в отсутствии методологической базы и конкретно-исторических исследований, которое сочетается с высоким уровнем востребованности этой проблематики в современной России и на Украине.

Настоящая работа посвящена изучению влияния киевской модели православия на Русскую православную церковь в XVIII в., точнее в 1700–1772 гг., т. е. начиная с момента, когда

представители киевского духовенства получили доступ к высшим руководящим должностям в структурах Русской православной церкви, вплоть до первого раздела Речи Посполитой, когда происходит принципиальное изменение светской и церковной структуры управления.

Для анализа осознаваемых представителями малороссийского духовенства различий между двумя моделями православия, большое значение имеют документы, выработанные на киевском соборе 1685 г. и переданные затем патриарху московскому Иоакиму.¹¹ Первый список содержит в себе пункты, в которых описывается отличие прав Киевского митрополита по сравнению с архиереями Русской православной церкви. Из восьми пунктов четыре посвящены защите особого статуса митрополита в общерусском масштабе¹², три – правам на высшую церковную юрисдикцию в пределах митрополии и ограничению прав московского патриарха как первоиерарха церкви¹³ и только один – требованию сохранить принцип свободной выборности Киевского митрополита. Таким образом, соблюдение особых «вольностей, судов и прав», о которых заявлено в начале документа, на семь восьмых сводится к сохранению фактической автокефальности киевской кафедры, и только один пункт может быть отнесен к иному пониманию эклисиологии.

Второй статейный список описывает нарушения старинных принципов управления епархией, которые были допущены после перехода Белгородского диоцеза под юрисдикцию Москвы. Из 17 пунктов четыре посвящены осуждению телесных наказаний, и вообще насилия, применявшегося по отношению к духовным лицам со архиерея¹⁴, и еще четыре – увеличению архиерейских денежных сборов и натуральных повинностей. Еще две жалобы связаны с неудобствами, последовавшими после смены церковной юрисдикции (необходимость замены ставленных грамот и антиминсов).

Наконец, оставшиеся семь параграфов могут свидетельствовать об особых чертах, присущих именно киевскому православию. Пункты 8 и 11 указывают на более низкий уровень церковной дисциплины (осуждение введенных

запретов на служение духовенства без отпускной грамоты и на произвольное увольнение приходским священников своего викария), пункт 7 – возможно, на несколько иные эсхатологические представления (осуждение штрафа пользу митрополита с родственников умерших внезапной смертью), пункт 10 не одобряет расследование уголовных дел, совершенных духовными лицами, светским судом. Последние три пункта прямо свидетельствуют о «*puncta controversum*» с русским православием: острое неприятие как у духовенства, так и у простых верующих, вызывали церковные службы и пение «помосковски», книги московской печати, а также обязанность крестить детей только погружением, к чему священники настолько непривычны, что даже по неосторожности топят младенцев¹⁵.

В XVIII в. Русская православная церковь также занималась реформированием церковной жизни в Киевской митрополии по унифицированному образцу¹⁶, однако, эти усилия были спорадическими, несистемными и относились преимущественно к ликвидации остатков системы церковного самоуправления. Причину подобного «нерадения» следует искать, в первую очередь, в составе высшего духовенства, управлявшего новой имперской церковью.

В течение 1700–1772 годов можно выделить четыре этапа, связанных со сменой императора, имевшего решающее значение при заполнении церковных кафедр: правление Петра I (1700–1724 гг.); период дворцовых переворотов (1725–1741 гг.)¹⁷, правление Елизаветы Петровны (1742–1761 гг.), правление Екатерины II (1762–1771 гг.)¹⁸. Хронологический принцип изложения материала позволит выявить особенности в осуществлении церковной политики российскими императорами на протяжении трех четвертей века и обозначить тенденции, для всего исследуемого периода.

Время петровских реформ характеризуется резким изменением критериев подбора кандидатов на высшие церковные должности, по сравнению с предшествовавшим патриаршим периодом¹⁹. Если раньше только кафедры Киевской митрополии

и примыкавшая к ним Смоленская заполнялись местными уроженцами, то теперь малороссы назначались и в собственно русские диоцезы, всего же Петром было произведено таких 39 назначений (56 % от общего их числа), в то время как девятнадцать (36 %) относились к великороссам, а остальные – к выходцам с Балкан. Таким образом, следует признать, что хотя в первой четверти XVIII в. церковные должности действительно чаще предоставлялись уроженцам Киевской митрополии, нельзя говорить о пренебрежении Петром интересов великороссов. Важно, что около половины из всех назначенных были старше 50 лет и имели стаж службы на начальствующих должностях²⁰ более 10 лет (пожилых великороссов было несколько больше, чем малороссов). Фактически, это были люди с уже сложившимися взглядами и интегрированные в систему внутрицерковных связей, а потому, по внешним признакам, мало склонные к реформаторской деятельности. Если выходцы из Киевской митрополии в великорусских епархиях были чужаками, опиравшимися, в первую очередь, на поддержку светской власти, то выбор «возрастных» великороссов можно объяснить тем, что Петр отбирал кандидатов по принципу личной преданности и в целом не настроенных на активное сопротивление политике реформ, а возможное пассивное он рассчитывал преодолеть.

Характеризуя церковную политику Петра I, следует подчеркнуть, что он стремился к полному обновлению епископата Русской православной церкви. Ни один из хиротонисанных ранее архиереев не получил нового назначения в первой четверти XVIII в. Среди «новопризванных» отчетливо выделяется группа епархов, представлявшая собой своеобразный «кадровый резерв» петровской церковной политики, который активно перемещался из диоцеза в диоцез и которым постепенно заполнялись вакантные стратегические для государства кафедры²¹. Большинство из этих архиереев было выходцами из Киевской митрополии.

Вместе с тем нельзя сказать, что Петр осуществлял «малороссизацию» Русской православной церкви. Более половины «киевлян»-номинатов на великорусские епархии имели

опыт настоятельства или насельничества в русских монастырях (10 из 17), и лишь семеро до хиротонии управляли только малороссийскими обителями. В дальнейшем эта тенденция будет неуклонно нарастать, и число епископов, не прошедших через процесс адаптации к великорусским принципам церковной жизни, сократится до нуля. Уже к 30-м годам XVIII в. монастыри Киевской митрополии практически утратили свои позиции в качестве этапов карьеры будущего архиерея, но действенным лифтом социальной мобильности стала служба в духовном училище, в первую очередь, Славяно-Латинской Академии в Москве.

С другой стороны, великороссы и уроженцы Киевской митрополии, служившие за ее пределами, как и в XVII в. не получали украинско-белорусских или смешанных по этническому составу епархий (т. е. Киевскую, Переяславскую, Черниговскую, Могилевскую, Луцкую, Белгородскую, Смоленскую). Это неписанное правило, практически не имевшее исключений в первой половине XVIII в., означало фактическую изоляцию киевского православия от ответного воздействия со стороны Великороссии. При изучении мотивации каждого из епископов-малороссов отчетливо заметно настойчивое желание получить именно украинско-белорусский диоцез, однако, совокупность представителей высшей церковной элиты блокировала подобные действия. Кроме того, в тех единичных случаях, когда такое назначение происходило, оно вызывало протесты со стороны паствы (наиболее острую реакцию вызвало назначение Варлаама (Вонатовича) на киевскую кафедру после 18 лет пребывания в Великороссии).

Всего в 1725–1741 годах было сделано 67 назначений, из них 38 назначений относились к выходцам из Киевской митрополии, а 27 – к великороссам. Мы можем констатировать расхождение групповых параметров той и другой группы, и напротив, сближение характеристик внутри каждой когорты. Так для «киевлян» возраст выбираемых кандидатов несколько снижается: не более трети из них были старше 50 лет²². В дальнейшем эта тенденция к омоложению епископата будет только нарастать.

Одновременно сокращается и срок служения на начальствующих должностях, что указывает на подбор кандидатов, по церковным меркам, незрелых, еще себя не проявивших и не обладающих высоким личным авторитетом, но обязанных своим возвышением центральным властям. Косвенным образом это свидетельствует о формализации требований, предъявляемых к кандидату, усилении значения принадлежности к определенной социальной группе и снижении действенного участия монарха в выборе будущего архиерея.

Архиереи-великороссы демонстрируют обратные тенденции. С одной стороны, это люди приблизительно того же возраста, что и «киевляне», но, в отличие от них, давно вошедшие в состав церковной элиты, а потому приобретшие большое количество социальных связей и могущие претендовать на лидерство. Таким образом, можно говорить о приблизительном паритете роли малороссиян и великороссов в церковной жизни этого периода. Общеизвестно, что эти две когорты не представляли реальных сообществ; каждая из действовавших внутрицерковных группировок были полиэтничной, что, однако, не отменяло осознания этнических различий, например, в случае обострения отношений, выходцы из Киевской митрополии повсеместно обзывались «черкасами»²³.

При общей оценке периода необходимо констатировать отсутствие радикальных изменений церковной политики по сравнению со временем правления Петра I. Созданная им модель имперской церкви оказалась достаточно жизнеспособной и способной к развитию даже в условиях частой смены власти и отсутствия единства во взглядах на государственные приоритеты. Эволюция этой новой модели проявилась в ее бюрократизации, установлении сложного баланса сил между внутрицерковными группировками, а также постепенном сближении церковной политики в отношении малороссийских и великорусских епархий при сохранении привилегированного статуса митрополии в числе диоцезов русской православной церкви.

Именно правление Елизаветы считается периодом максимального малороссийского влияния на Русскую

православную церковь. Всего назначения получил 41 выходец (73 % от общего числа архиереев) из Киевской митрополии, около половины которых были, по церковным меркам, очень молоды (до 45 лет), а число пожилых кандидатов – невелико (пятеро). Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что радикальное омоложение епископата не означало утрату им компетентности: только 6 кандидатов занимали руководящие должности менее 6 лет, шестнадцать успешно управляли монастырями или учебными заведениями от 6 до 10 лет, а еще 15 – от 11 до 20 лет. Соответственно, речь идет о людях, рано выбравших духовную карьеру и, если так можно выразиться, профессиональных управленцах.

Елизавета Петровна минимизировала свое участие в процессе церковных назначений, что привело к упрочнению положения, а затем и доминированию одной внутрицерковной группы, консолидация которой способствовала установлению ее моноэтничности. К 1754 г. из 28 архиереев Русской православной церкви только четверо были великороссами, а остальные – «киевлянами», однако, эти цифры являются максимальными: в последовавшие семь лет Елизавета компенсировала возникший дисбаланс, восстановив примерное равенство числа малороссийских и великорусских архиереев.

Положение Киевской митрополии в системе епархий в середине XVIII в. претерпело значительные изменения. Если раньше малороссийские, особенно Киевская, кафедры представляли собой окончательное, пожизненное назначение, и служение в них закрывало возможность великорусской карьеры, то в правление Елизаветы такие архиереи начинают перемещаться в великорусские епархии²⁴. С одной стороны, это демонстрирует достаточно высокий статус малороссийских диоцезов, поскольку с них епархи переводятся на привилегированную Московскую кафедру, бывшую патриаршую область; с другой – подчеркивает их интеграцию в систему церковных связей Русской православной церкви.

Другой аспект кадровых назначений в малороссийские диоцезы связан с проблемой возвращения этнических малороссов

после длительного пребывания в великорусских землях. Как отмечалось, в предшествующие периоды такие случаи были исключительно редки, но в правление Елизаветы Петровны можно отметить два случая хиротонии кандидатов, настоятельствовавших в великорусских монастырях²⁵ и четыре перевода архиереев с великорусских кафедр на малороссийские или близкие им диоцезы²⁶. Все владыки смогли спокойно управлять вверенными им епархиями, не испытывая отчуждения или осуждения со стороны местного духовенства и мирян, что доказывает, что и в общественном сознании населения этого региона произошли существенные изменения, выдвинувшие на первый план общегосударственную, а не этническую самоидентификацию.

Экономическая и социальная интеграция в состав империи, оказывавшая ощутимое воздействие на общественное сознание населения Малороссии с 20-х годов XVIII в., привела к повышению притягательности великорусской карьеры для киевского духовенства и способствовала развитию формированию общегосударственного, общеимперского самосознания, которое начинает постепенно вытеснять этническое. Вместе с тем, этническая компонента не была окончательно вытеснена и отчетливо осознавалась как самими малороссийскими архиереями, так и великорусскими духовенством и светскими властями.

В историографии правление Екатерины II обычно оценивается как резкое изменение всей прежней церковной политики, однако, статистические данные эту гипотезу не подтверждают. Всего за 1762–1771 гг. было произведено 33 архиерейских назначения, из них 16 (48 %) относились к выходцам из Киевской митрополии и 17 (52 %) – к великороссам (6 и 11 хиротоний соответственно). К концу исследуемого периода среди архиереев Русской православной церкви насчитывалось 14 выходцев из великорусских и столько же – из малороссийских областей, с учетом того факта, что только в течение 1771 г. скончалось три архиерея-малоросса и их кафедры были вдовствующими. Императрица не занималась и

вытеснением малороссийских архиереев на периферию церковной власти путем их перевода из влиятельных на провинциальные епархии. Имеющаяся статистика опровергает предположение о резкой смене кадровой церковной политики Екатерины II по сравнению с предшествующим периодом, особенно с последними годами царствования Елизаветы Петровны, или о принципиальном предпочтении ею великороссов перед малороссами.

При характеристике кандидатов на архиерейские кафедры необходимо указать на их крайнюю, по церковным меркам, молодость: почти все они были моложе 45 лет, а трое имели минимально разрешенный канонами возраст 33 года. Треть назначенных великороссов имела минимальный стаж служения в составе высшего духовенства, требования к малороссийским кандидатам были немного строже. Все номинаты-малороссы, как и в предшествующие десятилетия, имели школьное образование, удельный вес «школьных» великороссов достиг величины более 80 % от общего числа хиротонисанных.

Четверо малороссов и 8 великороссов в свое время возглавляли различные духовные училища. Обращает на себя внимание резкое снижение упоминаний о Киево-Могилянской Академии и расцвет провинциальных учебных заведений (Казанского, Новгородского, Рязанского, Харьковского и семинарии Троице-Сергиевой лавры) при общем лидерстве Славяно-Латинской Академии. Таким образом, кадровую политику этого времени нельзя назвать ни противоречащей тенденциям предшествующего периода, ни анти-малороссийской, однако, императрица отменила существовавший ранее режим максимального благоприятствования, что было болезненно воспринято выходцами из Киевской митрополии.

Екатерина II реализовала тенденции, намеченные в предшествующие десятилетия, и завершила формирование внутренней структуры имперской церкви. Так, начатая еще в правление Елизаветы Петровны подготовка к разделению епархий и монастырей на классы, создавала жесткий иерархизованный костяк, который ограничивал возможности

кадровых перестановок. Необходимо особо подчеркнуть, что в 1764 г. в эту иерархию не были включены малороссийские епархии, т. е. Киевская, Переяславльская Черниговская, и заграничная Могилевская. В них реформа не проводилась (и, с точки зрения епископата, они оказались в привилегированном положении²⁷). Фактически, это было последним признанием де-факто особого статуса киевского православия в составе Русской православной церкви, однако, никаких официальных разъяснений, чем эти епархии отличаются от других, сделано не было²⁸. Все епархии со смешанным населением были приравнены к чисто великорусским и все они были отнесены к низшему, третьему классу. Юго-западная граница Великороссии более не считалась особой проблемной зоной Российской империи. Таким образом, можно констатировать, что в третьей четверти XVIII в. была завершена подготовка к полной инкорпорации малороссийских кафедр в состав Русской православной церкви.

Таким образом, в течение XVIII в. в условиях декларируемого монархами предпочтения выходцам из Малороссии, существовали эффективные механизмы сдерживания и установления равенства сил между противоборствующими внутрицерковными группировками, деятельность которых объяснялась не наличием богословских или идеологических расхождений, а борьбой за власть, и в которых малороссийские архиереи не составляли единой консолидированной оппозиции великорусским коллегам. «Киевляне» были влиятельной, но не безусловно доминирующей группой в Русской православной церкви, анализ назначений на архиерейские кафедры и на должности настоятелей крупнейших монастырей показывает численный паритет велико- и малороссов за исключением непродолжительного периода в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Наконец, малороссийское духовенство никогда не демонстрировало особой приверженности именно «киевскому православию», напротив именно оно было инициатором мер по интеграции Киевской митрополии в общероссийское пространство и унификации церковной жизни.

Вместе с тем, роль малороссийского духовенства в Русской православной церкви XVIII в. сложно переоценить. Вхождение Киевской митрополии в состав Московского патриархата было несопоставимо с присоединением новых земель к России, например, на востоке страны, во-первых, потому что по древности православия и уровню богословия Киев сразу становился, как минимум, одним из важнейших центров православия в стране. Во-вторых, несмотря на заявления о «воссоединении искони русских земель», новые подданные не считали себя собственно русскими и обладали отчетливой языковой и культурной спецификой, за пределами Малороссии опознаваемой, в первую очередь, по особенностям речи, биографическим подробностям и родственно-клиентским связям. В-третьих, буквальная интервенция выпускников Киево-Могилянской Академии в состав высшего духовенства, до XVIII в. представлявшего собой национально замкнутую группу, не давала возможность игнорировать произошедшие перемены. Русская православная церковь перестала быть церковью русских и превратилась в церковь российскую.

¹ Важнейшими исследованиями по истории периода являются монографии: *Верховский П.В.* Очерки по истории русской церкви в XVIII–XIX ст. Варшава, 1912. Т. 1; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897–1913. 2 т.; *Рункевич С.Г.* История Русской церкви под управлением Св. Синода. СПб., 1900; *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855; *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 // История русской церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1.; *Филарет-(Дроздов), митр.* История русской церкви. М., 1848; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.

² *Антонович В.В.* Очерк истории православной Церкви в Юго-Западной России с половины XVII столетия до конца XVIII столетия // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885; *Власовський І.Ф.* Нарис історії Української Православної Церкви. Нью-Йорк, 1957. Т. 3. Репринтне вид. Київ, 1998; *Титов Ф.И.* Православная Русская Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII веке.

Київ, 1905. Т. 3; *Шпагинский Н.* Киевский митрополит Арсений Могилянский и состояние киевской митрополии в его правление (1757–1779). Киев, 1907; *Історія церкви та релігійної думки в Україні.* Кн. 3. *Крижанівський О.П., Плохій С.М.*: Кінець XVI – середина XIX століття. Київ, 1994. Современный справочник об иерархах Киевской митрополии см.: *Блажейовський Д.* Ієрархія Київської Церкви (861–1996). Львів, 1996.

³ Релігія в духовному житті українського народу / Відділення релігієзнавства ін-ту філософії НАНУ. Київ, 1994. С. 57; *Колодний А.* Релігієзнавство як складова українознавства // Збірник прац. Другий конгрес українців. Львів, 1993. С. 131–135.

⁴ *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 370; *Живов В.М.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследование и материалы. М., 2004. С. 26–31; *Опарина Т.А.* «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 288–325.

⁵ *Каптерев Н.В.* Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669–1707). М., 1891. Приложения. № 11.

⁶ *Титлинов Б.В.* Правительство Анны Иоанновны в его отношении к делам православной Церкви. Вильно, 1905; *Веделянин П.* Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православного духовенства // Православное обозрение. 1865. № 5–7; *Климов М.* Постановления по делам православного духовенства и Церкви в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1902; *Беликов В.* Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в Обществе любителей древней письменности. 1874–1875. и др.

⁷ *Харишин М., Мордвінцев В.* Російське самодержавство та Київська митрополічна кафедра, або як Українська православна церква позбулася автокефалії. Київ, 1999. С. 201

⁸ *Євсева Т.М.* Роль церковної еліти у формуванні політичної самосвідомості українців XVII–XVIII століть // Український історичний журнал. 1999, № 2. С. 102. Спорність подібних інтерпретацій показана в роботі В.М. Живова, который отнес декларации о необходимости распространения просвещения к разновидности политической риторики, обеспечивавшей идеологическое обоснование внутренней политики Петра I, в то время как главной его целью

оставалось «утверждение царского единовластия» (Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого. С. 43).

⁹ Історія православної церкви в Україні. Збірка наукових праць. / Відп. ред. П. Яроцький. Київ, 1997. С. 158–159. Аналогічні висказування см.: Українська церква між сходом і заходом. / Відп. ред. А. Колодний. Київ, 1996. С. 110.

¹⁰ Огієнко І., митр. Ідеологія української церкви // Українська церква й наша культура. Ідеологія української церкви. Життєпис. Вінніпег, 1991. С. 51

¹¹ Письмо Арсения, митрополита Белгородского к патриарху Иоакиму от 8 августа 1685 г. // Архив югозападной России. Киев, 1859. Ч. 1. Т. 5. С. 59–61.

¹² Ношение креста перед митрополитом, одевание белого клобука, украшение митры крестом, титулатура «митрополит всея Руси».

¹³ Запрет на обжалование действий митрополита на патриаршем суде, отказ от ежегодного со-служения с первоиерархом в Москве и вообще поддержания там резиденции, запрет на контроль Москвы над издательской деятельностью.

¹⁴ Нельзя сказать, что уровень насилия по отношению к низшему духовенству в Киевской митрополии качественно отличался, об этом свидетельствуют актовые материалы XVI–XVII вв.

¹⁵ Письмо Арсения, митрополита Белгородского к патриарху Иоакиму от 8 августа 1685 г. С. 59–61.

¹⁶ В качестве примера можно указать на упоминания в Духовном Регламенте 1721 г. о необходимости проведения поиска вредных или непотребных церемоний, вымыслов, «которые человека в недобрую практику или дело ведут и образ ко спасению лестныи предлагают», а также общей проверки акафистов, других служб и молений, «которые наипаче в наша времена в Малой России сложены суть», на предмет, «не имеют ли нечто в себе слову Божию противное, или хотя нечто непристойное и празднословное» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. VI. С. 547).

¹⁷ На этап 1725–1741 гг. приходится четыре смены монарха: Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и Иоанна VI. Вместе с тем, проведенный анализ позволяет утверждать, что этот период может быть рассмотрен как единое целое.

¹⁸ В правление Петра III не был назначен ни один архиерей.

¹⁹ Анализ биографий архиереев произведен по справочникам: История Российской иерархии. СПб., 1807–1815. 6 т. в 7 кн.; Толстой Ю.В. Списки архиереев и архиепископских кафедр иерархии российской со времени учреждения св. Синода (1721–1871). М., 1872; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877; Н. Д. Иерархия Всероссийской Церкви от начала христианства в России до настоящего времени. М., 1892–1896. 3 т.; Списки архиереев, и иерархии всероссийской, и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895). СПб., 1896; Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 992 по 1892 годы (включительно). Куйбышев, 1971. Ч. 1–5 (машинопись); Архиереи русской православной церкви (1700–1917) // Смолич И.К. История русской церкви 1700–1917. М., 1996. Ч. 1. С. 670–782; История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / Сост. М.Е. Губонин, П.Н. Грюнберг, Ф.А. Гайда и др. М., 2006; электронный ресурс благотворительного фонда «Русское православие» <http://www.ortho-rus.ru>. Также были использованы статьи и монографии, посвященные отдельным архиереям.

²⁰ Наместник монастыря, игумен, архимандрит, префект и ректор духовного училища.

²¹ Например, сибирские диоцезы, осуществлявшие христианизацию и русификацию местного населения, епархии, расположенные по западной и южной границам Российской империи и др.

²² Даты рождения, даже приблизительные, известны только у двух третей архиереев этого периода, однако, косвенным свидетельством молодости номинантов служит непродолжительный период служения на начальствующих должностях.

²³ В изученных источниках подобное наименование несет отчетливо оскорбительный оттенок, поэтому представление о том, что «к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины» (Панков А.И. Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в русском делопроизводстве XVII в. для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге). Материалы международной научной

конференции / Отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2010. С. 237) нуждается в дальнейшем уточнении.

²⁴ Иосиф (Волчанский) в 1742 г. с Могилевской на Московскую и Тимофей (Щербацкий) в 1757 г. с Киевской на Московскую.

²⁵ Назначения Амвросия (Дубневича) на Черниговскую кафедру (1742 г.) и Иоанна (Козловича) на Переяславскую (1753 г.).

²⁶ В 1745 г. Никодим (Скребницкий) по собственному желанию получил перевод с Санкт-Петербургской (!) кафедры в Переяславль, что формально выглядело явным понижением по службе (15 лет службы в Великороссии). В 1757 г. киевским митрополитом стал бывший Переславль-Залесский епископ Арсений (Могилянский) (18 лет пребывания в Великороссии). В 1761 г. были назначены епископ Воронежский Кирилл (Ляшевецкий) на Черниговскую кафедру (19 лет отсутствия) и епископ Кексгольмский Парфений (Собковский) – на Смоленскую (16 лет отсутствия).

²⁷ Реформирование малороссийских епархий началось в 1786 г. Вопрос о том, насколько реформа была в действительности выгодна духовенству, остается за рамками данной работы.

²⁸ Секуляризация, естественно, не могла быть проведена на землях Могилевской епархии, входивших в состав Речи Посполитой, однако, финансирование как раз этого диоцеза было прописано отдельной строкой в Книге штатов 1764 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XLIV. Ч. 2. С. 25)

Лабынцев Ю.А. Вслед за народной традицией: сложение православного богогласника*

Вероисповедная ориентация всегда была определяющей в выборе «свой - чужой». В общеисторическом ракурсе подобная констатация, несомненно, не может считаться абсолютной, лишенной исключений, однако, понимаемая как тенденция, переходящая в закономерность, едва ли может быть оспорена. Множество больших и малых местных особенностей в разных частях света с самого начала формировали некоторые различия в реализации одних и тех же вероисповедных постулатов даже в рамках одной и той же деноминации. Самый яркий пример тому для нас – христианская Европа, *Europe Christiana*. В славянской ее части уже в первом тысячелетии оформился мощный византийский вектор и не менее масштабный римский, постепенно вступавшие в соперничество, а затем и жесткое противоборство. В *Slavia Christiana* довольно рано сформировалась особая, весьма важная сфера духовной жизни, которую мы называем паралитургической. Параметры и слагаемые этой сферы получили и свое собственное этнокультурное и этноконфессиональное воплощение, процесс развития которой по сей день во многом определяет сам механизм формирования и проявления той или иной идентичности. Сфера эта охватывала и до сих пор охватывает огромные вероисповедные сообщества, насчитывающие одновременно десятки миллионов человек. За всю историю своего существования она воплотилась в несколько традиционных обрядовых потоков, которые применительно к ней

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Белорусско-украинская народная книжность XX–XXI вв.: православный “Богогласник” (Исследование и публикации)», проект № 08-04-00027 а.

соотносятся с *Slavia Byzantina* и *Slavia Romana*, а также образуют довольно пространный во времени пограничный мир, включающий особенности двух первых.

Именно такой была и конфигурация униатского «Богогласника» 1790 г., увидевшего свет в знаменитой Почаевской Лавре. Иван Франко считал этот почаевский «Богогласник» «наиважнейшим произведением червоно-русской культуры XVIII века, единственным существенным достижением униатским на ниве нашей культуры до времени Шашкевича»¹. «Он интересен не только своим составом и своим смешанным языком, так как содержит песни, написанные на языках церковнославянском, южнорусском, приближенном к народному украинском, польском и латинском, но также тем, что много помещенных в нем песен перешло в уста народа и употребляется до сих пор не только во время разных праздников, как Рождество, Пасха и разных святых, но вошли также в репертуар лирников или поются в церквах в паузах богослужения и не только в униатских, но также в православных»².

Справедливости ради нужно сказать, что Иван Франко всю жизнь собирал материалы о рукописных и печатных богогласниках, намереваясь написать о них большое исследование, но сделать этого не смог, ограничившись лишь отдельными заметками, сделанными в разное время. Одной из причин было постепенное понимание им необычайной широты и сложности данной проблемы, теснейшая ее связь с драматическим и даже трагическим культурным, политическим и религиозным выбором в кругу восточнославянского населения Галиции. «Богогласник» 1790 г. – «это в главное мере произведение униатское. Уже из этого вытекает, что в таком произведении необходимо искать смесь западных влияний и восточных традиций. И правда, переплетение и перекрещивание этих противоположных течений видится здесь на каждом шагу. Произведения православных писателей находятся тут рядом с иезуитскими произведениями, фразы и фрагменты из стихир, акафистов и житий перелиты тут в форму западноевропейского майстерзанга или латинских гимнов. Рядом с песнями на

церковнославянском языке мы видим здесь песни на языке народном русском, польском и латинском, а некоторые из самых лучших русских песен написаны поляками. Таким образом уния, сама в себе бессильна, побежденная православными, уstraшенная католиками, остается на пространстве церковной песни нейтральной почвой, на которой, скорее всего на какое-то время, дружно подают себе руки разные вероисповедания, разные обряды, разные народности»³. Вместе с тем, «уния под моральным и духовным перевесом иезуитов внесла в духовную жизнь нашего народа нечто такое, чего не было раньше, и главное дух нетерпимости, агрессивность, бескомпромиссность и другие признаки фанатизма, что особенно проявились у первых ее поборников и их ближайших последователей, но, на счастье, не вошло глубже в душу нашего народа»⁴.

Однако если речь идет об обрядовой стороне, то здесь униатская церковь оказалась вовлеченной в неуклонный процесс ее латинизации, достигшей апогея в XIX в., причем куда в большей степени на Холмщине и Подляшье. «Греко-католическая общественность в Королевстве Польском, – пишет современный нам польский исследователь, – составляла меньшинство, связанное множеством связей с преобладающей группой католиков латинского обряда. Греко-католический обряд... имел много общих черт с латинским обрядом...»⁵. Причем тут, на Холмщине, в отличие, например, от Галиции, самосознание восточнославянского населения склонялось тогда не в пользу, казалось бы, очевидной «русскости» и мы имеем немало документальных свидетельств, подтверждающих данное положение вещей. Более того, даже некоторые местные униатские священники не только противились делатинизации своего обряда, но и всячески агитировали за сближение с римокатоликами. Таковым, например, являлся бывший «настоятель прихода Корница» о. Киприан Ганыткевич, который в 1866 г. «разъезжал по приходам и подговаривал греко-католических священников не принимать никаких консисторских распоряжений»⁶. Управляющий делами Греко-униатских исповеданий в Царстве Польском извещал Холмскую

епархиальную консисторию, что о. Киприан – ярый противник «очищения униатской церкви от латинских введений», агитатор активного противодействия этому в приходской среде, организатор крестьянских беспорядков. Выпускник Холмской семинарии конца 1830-х годов, о. Киприан оказался выразителем взглядов той части местного униатского духовенства, которая ощущала себя поляками-униатами, поляками-греко-католиками и в подобном духе поучала местный восточнославянский народ⁷. Подобное положение почти неизменно сохранялось вплоть до середины 1860-х годов, когда и со стороны российской администрации была осознана вся острота ситуации с местным восточнославянским населением, почти исключительно крестьянским. «Униатский вопрос, – пишет Ян Левандовский, – не был делом только обрядовым и вероисповедным, но делом польскости или российскости восточных территорий Польского Королевства и таким образом его трактовали российские власти, тем более, что до 1875 года трудно было бы на этой территории увидеть среди униатов проявления украинского национального чувства»⁸. Само именование «русский» воспринималось тогда частью холмского восточнославянского общества с большой осторожностью, в том числе даже униатскими священниками, отдельные из которых явно выступали «против восстановления Русской Народности» в Холмском крае⁹, понимаемой, конечно же, в духе киевского «Синописа» XVII в.

Все это заставляло искать какие-то особые средства и механизмы этнокультурного и этноконфессионального взаимодействия в границах былого православного мира Руси, одним из которых и стало создание, издание и распространение православного богогласника. Массовой народной настольной книги, книги тогдашней крестьянской повседневности, во многом определявшей весь внутренний и внешний строй жизни, обиход народного бытия.

Почти одновременно на нее обратили внимание тогда местные высокообразованные православные уроженцы, прекрасно понимавшие значение и роль богогласников в многовековой культуре населения западной части Slavia

Byzantina¹⁰. Именно они, подвергнув анализу местные богогласники, высказались за безусловную желательность создания собственно православного богогласника, лишенного каких-либо униатских наслоений. При этом речь шла о его массовом распространении, что, в конце концов, оказало огромное влияние не только на местное некогда униатское население, но и вышло далеко за границы его проживания, став достоянием нескольких культур в современной Украине, Беларуси, Польше, России, Литве, Молдове и других странах. В 1868 г. в «Минских епархиальных ведомостях»¹¹ и сразу же в «Минских губернских ведомостях»¹² появилась статья сына одного из учителей Н.В. Гоголя, нежинского уроженца Григория Ивановича Кулжинского «О духовных простонародных песнях северо-западного края», который был поражен широтой распространения богогласников в народе, когда даже «безграмотный... люд учился, да и теперь, говоря по правде, учится» христианскому мировосприятию по этой книге¹³. Потому, восклицал выпускник Нежинского лицея, ставший инспектором народных училищ Г.И. Кулжинский, «пора дать в руки западнорусскому простонародью вообще, а северо-западному в особенности, духовный православно-русский песенник, составленный из творений многих святых и благочестивых писателей... Кто же не согласится, что замена обесмысленных временем общерусских и даже униатских песен, распеваемых ныне западнорусским народом... не будет важным шагом вперед на пути, известном у нас под именем обрусения ополяченного и окатоличенного западно-русского края...»¹⁴. Правда наблюдений лица сугубо светского, каким был Г.И. Кулжинский, целиком подтверждалась теми учеными и духовными особами, которые были близки к Киевской академии. Они считали, что в «Богогласнике» 1790 г. «вполне систематически проведено все, что, к концу прошлого столетия, обособляло униатов от православных и роднило их с римско-католиками, и для народа достаточно было лишь заучить песни Богогласника, чтобы вместе с ними воспринять в свое сознание всю римско-католическую догматику»¹⁵. Сейчас, во второй

половине 1870-х годов, «средство, подобное Богогласнику, было бы весьма благоразумным и полезным и для популяризации православия: оно много бы помогло народному сознанию и ознакомлению с чисто-православным учением и прочному утверждению в нем, помогло бы, во всяком случае, не менее, если не гораздо более, чем другие, существующие в церкви, средства вероучения христианского. Особенно же это следует сказать по отношению к настоящему времени, когда образованность мало помалу проникает в среду народа Русского, когда, следовательно, народ в своей же среде всегда может находить проводников в свое сознание приготовленных для народа духовных песней, отличающихся строго православным характером и направлением; проводниками этими удобно могли бы служить грамотники, постоянно живущие в среде народа»¹⁶. Наконец, о необходимости сложения и издания православного богогласника заговорили церковные иерархи¹⁷, и он впервые был подготовлен там, где возникло одно из самых значительных научно-образовательных сообществ в бывшей униатской среде – на Холмщине. Тут всегда живо интересовались всем, что имело отношение к анализу ситуации с «униатским обрядом»¹⁸, в частности, статьями совсем молодого тогда магистра богословия волянянина А.Ф. Хойнацкого, которые перепечатывались в «Холмском календаре» и имели «особое влияние на умы бывших униатов»¹⁹. Совсем не удивительно поэтому, что эти статьи и «сама книга Хойнацкого», составленная из них, были запрещены «в Галиции, и доселе, как известно, состоит там в числе отреченных книг, осужденных латино-униатскою властью»²⁰.

Изданный в 1884 г. Холмским православным Свято-Богородицким братством первый православный богогласник, также как и когда-то в определенной степени униатский, опирался на народную традицию, что обеспечило ему колоссальный успех. Всего лишь через два десятка лет тиражи его многочисленных изданий составляли «по 100 тысяч за один наклад»²¹ и распространялись на огромной территории всей Российской империи и в зарубежье.

Не исключено, что есть какая-то особая связь между изданным двумя годами позднее Ставропигийским Институтом во Львове львовским богогласником 1886 г. и православным холмским 1884 г. При этом «Богогласник» 1886 г. имеет определенное отношение к сложению собственно православной традиции богогласника, а типография Ставропигийского Института, преемница львовской печатни Ивана Федорова, в лице ее деятелей, тех, о ком в первом печатном богогласнике православной редакции сказано: «Русские деятели в Галиции, признавая важное значение богогласника для народа, издавали таковой неоднократно... с опущением некоторых песней, написанных на латинском языке... Эти сборники, по близости Галиции к здешнему краю, разошлись и между русским населением Холмщины и Подлясья»²².

Нам трудно сейчас представить то, что в те годы появление огромного числа народных православных изданий как по количеству книг, брошюр и листового материала, так и их экземпляров стало совершенно невиданным до той поры явлением, коснувшимся в достаточно короткий срок духовной жизни миллионов простых людей, преимущественно крестьянства. Подобные издания со второй половины XIX в. начинают формировать огромное литературное пространство, развивавшееся по своим законам, влиявшее на судьбы как грамотных, так и неграмотных не только в Российской империи, но и далеко за ее пределами, например, на славянских Балканах.

Очень важным в данной связи был указ Святейшего Синода 3 сентября 1859 г., предписывавший открывать во всех епархиях школы для народа. К 1914 г. таких церковных школ во всей империи было уже около 40 тысяч. Со всем этим всенародным образовательно-просветительским процессом теснейшим образом было связано развитие народной литературы, выпуск которой начинает нарастать год от года, становясь постепенно особой областью не только церковной, но и общегражданской деятельности. Появляются и собственно создатели подобной православной народной литературы, такие, например,

выдающиеся как И.С. Миропольский (1842-1907), автор множества стихотворных и прозаических произведений, которые до сих пор живут в народе, в том числе и среди населения на территории нынешней Беларуси.

Народная книга всегда была в те годы великим подспорьем в монастырском миссионерском и дидактическом делании. Литература эта была по преимуществу печатной, но часто тиражировалась и от руки, причем местные сочинения во множестве распространялись в основном в рукописях.

Приведем несколько примеров подобных изданий, их списков и собственно рукописных сочинений. Последние разошлись во множестве в основном среди местного населения и представляют собой списки различных стихотворных писаний, фрагменты которых мы до сих пор встречаем в домах здешних православных во время наших экспедиционных исследований в Белорусии, Польше и Литве. Очень любимы в народе были различные житийные произведения, а также святоотеческие поучения, с которых снимались многочисленные рукописные копии, которые затем также неоднократно переписывались, по крайней мере, вплоть до второй половины XX в. Пожалуй, самыми любимыми и тиражируемыми были богогласники, в том числе гродненские, а также отдельные тексты из них. Огромной популярностью пользовались слова и поучения святителя Димитрия Ростовского и всевозможные сборники православных песнопений, например, такие, какие издавала типография Троицкой Сергиевой лавры.

Как особое средство православной миссионерской деятельности очень рано оценили роль богогласников. Так, еще в 1883 г. епископ Брестский Авраамий призывал: «Для большего оживления религиозного чувства православного народа и употребления в свободное от работы, в противовес употребляемым латынянами разным стихотворным гимнам, было бы полезно переложить..., на первый раз, некоторые песни Св. Димитрия Ростовского, как то: “Иисусе мой Прелюбезный”, “Надежду мою в Боге полагаю”, “Ты мой Бог Иисусе, Ты моя радость” и канон о распятии и на плач Божией Матери»²³. Тогда же Литовская духовная консистория постановила: «Признавая

желательным и целесообразным для поднятия религиозного чувства в православном народе распространение песен древнеправославного напева, уцелевшего в Богогласниках... и ... во избежание различных неудобств при издании их, предложить причтам, которые найдут нужным иметь Богогласник – выписывать его от Холмского Братства, а также выписывать Холмский народный Календарь, в котором находятся общеизвестные песни переложённые на ноты»²⁴.

К началу XX в. были подготовлены и позднее изданы первые гродненские богогласники, затем несколько раз переиздававшиеся, сразу же ставшие настоящей настольной книгой в монашеской келье, в библиотеках монастырских и церковно-приходских школ, а также в приходских и частных крестьянских библиотеках²⁵.

¹ Франко І. Збір твор. у 50-ти тт. Київ, 1980. Т. 28. С. 15.

² Франко І. Збір твор. у 50-ти тт. Київ, 1983. Т. 38. С. 444.

³ Франко І. Збір твор. у 50-ти тт. Київ, 1983. Т. 39. С. 143.

⁴ Там же.

⁵ Lewandowski J. Na pograniczu: Polityka władz państwowych wobec unitów Podlasia i Chełmszczyzny 1772-1875. Lublin, 1996. S. 126.

⁶ Archiwum państwowy w Lublinie (далее –APL). Zespół 95. Sygn. 789. K. 3–6.

⁷ Там же. К. 27–30: «Прихожаны Корницкие, привыкшие от непомных лет, до слушания Молебствий с содействием орган, и до слушания слова Божьяго на Польском языке...».

⁸ Lewandowski J. Op. cit. S. 121–122.

⁹ APL. Zespół 95. Sygn. 789. K. 29.

Кстати, о Киприан Ганьткевич, несмотря на свой обширный послужной список борений с духовными и светскими властями, удостоился в 1877 г. персональной пенсии.

¹⁰ См., напр.: Котович І. Богогласник, его значение и употребление в народе // Виленский вестник. 1866. № 127; Хойнацкий А. Ф. Западнорусская церковная уния в ее богослужениях и обрядах. Киев, 1871. С. 367–389.

¹¹ Минские епархиальные ведомости. 1868. № 16.

¹² Минские губернские ведомости. 1868. № 35.

¹³ Цит. по: Минские губернские ведомости. 1868. № 35. С. 251–252. Здесь же Г.И. Кулжинский пишет о том, что богогласники «в прошлом веке три раза издавались почаевскими базилианами с приложением нот, и пускались в массу... И теперь можно найти их кой у кого из ех-униатского духовенства и у многих грамотных людей не только северо-западного края... Богогласники вращались в среде униатов и простодушных людей из православных. Католики не обращались и не обращаются к Богогласникам, так как у них самих есть песенники на польском языке гораздо позабористей своим содержанием. Имя тем песням кантычки. Богогласники расходились не только печатаные, но и рукописные» по всей территории современной нам Беларуси. До сих пор они «ох как любы еще Слуцкому и Пинскому уездам... А не должно забывать, что эти уезды более других мест этого края, сохранили чистоту православия... Богогласниковы песни вытеснили почти все общерусские древние духовные песни; последних осталось немного и то в искаженном виде...»

¹⁴ Там же. С. 252.

¹⁵ *Мирович Н.* Библиографические и историко-литературные исследования о Богогласнике. Вильно, 1876. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 89–90.

¹⁷ Это был ключевой по важности принятия решений момент. См., напр: Литовская духовная консистория. Постановления по отчету за 1883 г. Вильно, 1884. С. 11–12.

¹⁸ Проблема «униатского обряда на Холмщине и Подляшье в начале второй половины XIX в. стала центром внимания ряда вдумчивых исследователей. Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А., Щавитская Л.Л.* Записка об обряде подляшских униатов // *Гістарычная брама*. 2008. № 1. С. 62–69; *Они же.* Униатская обрядность на Подляшье в XIX столетии: православный взгляд // *Традиции и современность*. № 7. 2007. С. 120–125.

¹⁹ *Левцицкий О.И.* Двадцатипятилетие Церковно-литературной деятельности протоиерея А.Ф. Хойнацкого. Почаев, 1887. С. 4.

²⁰ Там же.

²¹ Подробнее см.: *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвиль, 1955.

²² Подробнее см.: *Лабынцев Ю.А.* Календари львовских богогласников (в печати).

²³ Документы из частных архивов на востоке современной Польши.

²⁴ Там же.

²⁵ Первый такой богослужитель увидел свет в Гродно в 1903 г.

Остапчук О.А. Этностереотипизация как инструмент моделирования национальной идентичности (на примере агитационных текстов на украинском языке эпохи польских восстаний 1830 и 1863 годов)*

В современных исследованиях национальной идентичности наблюдается устойчивая тенденция рассматривать ее не как имманентное качество индивидуума или коллектива, но как динамический процесс, соотносимый с самоидентификацией и коллективным самоутверждением этнонационального сообщества, в том числе в глазах других сообществ¹. Идентификация предстает как заведомо амбивалентный и многомерный процесс, в этом смысле она является важнейшей составляющей националистического дискурса, в котором участвуют акторы разного уровня и различных целеполаганий, что особенно справедливо для этнически неоднородных территорий, к каковым относится и объект нашего анализа – Правобережная Украина в середине XIX в. Националистический дискурс в связи с проблемой идентичности рассматривается, прежде всего, как диалог «элит», стремящихся вербализовать базовые концепты и ценности, и «народа», который нередко реагирует на эти попытки непредсказуемым образом².

Если же попытаться выйти за рамки узконационального нарратива, то окажется, что в этом процессе принимают участие, помимо идеологов национального движения, также наднациональные и инонациональные акторы. В нашем случае для украинских земель, вошедших в состав Российской империи по третьему разделу Польши в 1795 г., в этой роли, соответственно, будет выступать имперская администрация,

* Статья подготовлена при содействии фонда Fundusz Popierania Nauki – Kasa im. Jozefa Mianowskiego (Варшава, Польша).

представляющая интересы российской власти с одной стороны и традиционная польская (или полонизированная) региональная элита – с другой³. В такой ситуации неизбежно возникают сложные диалогические связи националистических дискурсов, взаимно конкурирующих и пересекающихся в сфере ключевых концептов и инструментов идентификации, прежде всего это касается концепции исторического прошлого нации и «национальной памяти»⁴, представлений об этнической территории, а также – что нас интересует в данной статье прежде всего – языковой идеологии.

В своем понимании термина «языковая идеология» мы идем за Ладой Биланюк: «Языковая идеология проявляется на уровне конкретного языкового акта в фонологии и наборе лексем и языковых структур. В более широком понимании языковая идеология относится к представлениям о природе языка в абстрактном смысле – имеет ли он идеальную форму, как он соотносится с этнической или национальной идентичностью»⁵. В украинском случае соревнование национальных проектов в XIX в. (имперского проекта большой русской нации, польского проекта политической нации и собственно украинского проекта «народной» нации – *Volksnation*) воплотилось в сфере языковой идеологии как конкуренция различных «идеалов», моделей построения литературного стандарта, причем эта конкуренция распространилась на различные аспекты языкового строительства. Так, лишь к концу XIX в. дискуссия относительно принципов правописания во всеукраинском масштабе завершилась победой сторонников фонетического (вводящего ряд специфических букв и их сочетаний для характерных украинских звуков), а не традиционного этимологического письма (основанного на использовании букв русского алфавита); свою роль в затягивании этой дискуссии сыграла и конкуренция кириллического и латинского шрифтов⁶. К этому же времени был достигнут относительный компромисс (окончательно реализованный только в 1930-е гг.) по вопросу о диалектной базе нового украинского литературного языка. Известный украинский диалектолог П.Е. Гриценко выделяет на начальной стадии

формирования украинского литературного стандарта пять его моделей, развивавшихся в различных регионах Украины на базе местных говоров: кроме среднеподнепровской, это галицийская, буковинская, закарпатская и русинская⁷.

Актуализация различных диалектных баз происходила в каждой из частей украинского этнокультурного пространства с учетом специфической историко-культурной ситуации и сопровождалась определенной регионализацией идентичности. В языковой идеологии этого периода важное место занимало конструирование образа «врага» – языка, который следовало исключить из числа возможных «доноров» новых слов для формирующегося литературного стандарта. По сути, в каждой из перечисленных культурно-языковых зон на территории Украины у этого «врага» было свое национальное лицо: если в Галиции и Поднепровье в этой роли выступали в разное время соответственно польский и русский языки, то на Буковине пуризм был направлен против румынского и немецкого, а в Закарпатье – венгерского и немецкого языков. Неслучайно ключевым моментом общенациональной языковой дискуссии конца XIX в., инициированной Б. Гринченко, П. Кулишем и И. Нечуй-Левицким, стало отношение к заимствованиям, в том числе русизмам и полонизмам⁸.

Наши исследования показывают, что украинское Правобережье в середине XIX в. вполне может рассматриваться как еще одна – шестая (с учетом пяти выделенных П.Е. Гриценко) – специфическая культурно-языковая зона, обладающая ярко выраженной спецификой в отношении всех составляющих языковой идеологии. Как показывает наш материал, здесь, как и на других украинских землях шла выработка наддиалектного койне, велась текстовая кодификация нового литературного стандарта и прилагались усилия для его коммуникативной эмансипации. Своеобразие этого процесса состояло в том, что первые произведения на украинском языке на Правобережной Украине были созданы двуязычными писателями – выходцами из польской или полонизированной местной шляхты, представителями так называемой «украинской школы» в

польской поэзии или – что в данном случае лучше отражает суть явления – польской школы в украинской литературе. Специфическая национальная и социокультурная ориентация литераторов – выходцев с бывших польских «кресов», пишущих на украинском языке, обусловила сознательный выбор языковых средств для оформления своих произведений. Стихи (реже проза), стилизованные под народный фольклор, записывались чаще всего латиницей, в качестве диалектной основы использовались хорошо знакомые авторам подольско-волынские говоры, а сам язык произведений оказывался максимально открытым для заимствований из польского языка⁹.

В настоящей статье мы остановимся лишь на одном частном аспекте языкового строительства на правобережных землях в середине XIX в., а именно на сознательном использовании польскими идеологами национального движения закрепленных в языке и языковом сознании этнонациональных стереотипов с целью налаживания политического диалога с украинским крестьянством. С этой целью мы намерены проанализировать собственно языковую форму и содержание агитационных материалов, предназначенных для распространения на украинских землях бывшей Речи Посполитой в 1830–1831, а также 1848 и 1863 годах. Свою непосредственную задачу мы видим в установлении зависимости между избранной авторами прокламаций дискурсивной моделью и тем набором конкретных языковых средств (в первую очередь, этнонимов, основанных на них определений и связанных с ними географических, социополитических и др. терминов), которые оказываются наделенными, помимо непосредственного лексического значения, также коннотациями идейного свойства, напрямую связанными с концепцией нациостроительства.

Большинство ранних украиноязычных пропагандистских текстов (1831, 1848 годов) связаны с Галицией и вызывают исследовательский интерес, прежде всего, у историков, а полновесную лингвистическую оценку получили лишь совсем недавно в работах известного австрийского украиниста М. Мозера¹⁰. Предметом нашего анализа являются воззвания к

украинским крестьянам, предназначенные для распространения на территории Подолии и Волыни в ходе восстания 1830–1831 годов и событий 1848 г. Тексты, послужившие основой для статьи, происходят из фонда Библиотеки Чарторыйских¹¹. Это проекты, письма, воззвания, мемориалы, сохранившиеся в рукописях и литографических копиях. Тексты объединены под общим названием «К жителям Ново Российских губерний» («Do Mieszkańców Gubernii Nowo Rossyjskich»). Установить авторов не удалось, но наверняка они принадлежали к ближайшему окружению кн. Чарторыйского или являлись его агентами. Более поздние материалы аналогичного содержания обнаружены нами также в Винницком областном архиве¹². Листовки и политические прокламации, будучи частью собственно политического (институционального) дискурса, можно рассматривать как наглядный пример попытки манипуляции общественным сознанием с целью конструирования национальной идентичности. Вопрос, однако, состоит в том, частью какой общности осознавали себя авторы прокламаций и какую общность пытались создавать, вовлекая в этот процесс украинских крестьян.

Совмещение разных типов идентичности – локальной, региональной, этнической, национальной, наднациональной, признается характерной чертой начальной стадии развития националистических дискурсов¹³. Это как нельзя более справедливо для полиэтнических регионов, которые одновременно оказываются вовлеченными в несколько национальных проектов. Здесь особенно продуктивной оказывается категория «одновременность неодновременного», традиционно используемая для описания истории Германии в XIX в., и развитая У. фон Хиршхаузен на примере Риги во второй половине XIX – начале XX вв.¹⁴ Произведенный ею анализ латышской, немецкой и русской идентичности показал сложное сочетание модерных и традиционных элементов в самосознании элит.

«Одновременность неодновременного» на Правобережье в середине XIX в. проявляется не просто в столкновении разных

концепций идентичности, разрабатываемых польской и российской элитой «сверху», и противостоящей им «снизу» традиционной идентичности украинского населения, по преимуществу крестьянского. Одновременно в каждом из перечисленных конкурирующих национальных дискурсов присутствуют и традиционные, и современные инструменты идентификации. Так, украинский крестьянин осознавал себя частью, прежде всего, сословной и конфессиональной общности. На уровне языкового сознания это выражалось, в частности, в приписывании церковнославянскому языку как сакральному функции маркера традиционной надэтнической общности «православных». Одновременно народный диалект (в данном случае подольско-волынський) постепенно в сознании крестьянина приобретал функции не только социального, но и этнического дифференциатора, отграничивающего «свое» этноязыковое пространство от «других» (поляков, евреев, русских) на уровне повседневной коммуникации. Подобную роль этносоциального маркера выполнял язык в интермедиях XVII–XVIII в., где за каждым персонажем была закреплена своя «языковая маска»¹⁵. В свою очередь, польская идентичность на «кресах» строилась как преимущественно региональная, но, учитывая традиционно прочные позиции поляков в административной и культурно-образовательной сферах¹⁶, в данном случае на первый план выдвигалась сословно-политическая идентификация¹⁷.

Различия социально-политического характера, обусловленные принадлежностью к разным слоям общества, обладавшим различной степенью культурного и политического влияния, создавали предсказуемый эффект «обманутого ожидания» в текстах, написанных польскими агитаторами с мыслью об украинском крестьянстве. В то же время непосредственная языковая форма воззваний – народно-разговорный украинский язык парадоксальным образом обеими сторонами воспринималась как основа для сближения и становился важным инструментом, в частности, политического влияния.

Принятое в теории национализма выделение «политического» и «этнического» национализма¹⁸ непосредственно связано с отношением его идеологов к языку как инструменту идентификации. В украинском случае национальный дискурс формируется как отчетливо этнический: коммуникативная эмансипация народного языка провозглашается условием сначала культурного, а затем и политического «возрождения» нации. Традиционные культурные компоненты начинают использоваться в качестве инструмента конструирования национального сознания после соответствующего переосмысления их в категориях «высокой» культуры¹⁹. Введение народного крестьянского («низкого») языка в сферу «высоких» коммуникативных функций, прежде всего в сферу литературы и/или политического дискурса является лишь частным проявлением этой общей тенденции.

В свою очередь, польский национальный проект в начале-середине XIX в. предполагал совершенно иную иерархию структурных компонентов идентичности, включая культурные. В среде польских мыслителей эпохи романтизма идентификация исключительно на базе единства этнического языка не получила широкой поддержки, предпочтение было отдано идее *Natione Polonus*, т. е. территориально-исторической общности, заведомо полиэтничной (а значит и многоязычной), опирающейся на единство культурно-исторических традиций и системы ценностей, в том числе политических²⁰. В определенных кругах «кресовой» шляхты был воспринят высокий тип культурной идентификации в специфической форме козакофильства²¹, сочетавшийся с двуязычной польско-украинской моделью языкового поведения. Такая форма билингвизма имела явные идеологические коннотации и была своеобразной формой противостояния официальной политике Российской империи, направленной на утверждение в наиболее престижных коммуникативных функциях русского языка. Оценивая уровень владения украинским языком в среде польской шляхты, мы, однако, вынуждены признать пассивный характер билингвизма (при его общей массовости), что означало ограниченное

речепроизводство на украинском языке. Так в большинстве произведений так называемой «украинской» школы в польской литературе середины XIX в. этот тип двуязычия представлен главным образом отдельными фразами, маркирующими этническую принадлежность героев (не авторов)²². Переход к активному употреблению украинского языка становится возможным только в специфических социополитических условиях. Такие благоприятные условия возникли в 1830 г. в ходе подготовки ноябрьского восстания.

Среди агитационных документов этого периода явно преобладают польскоязычные тексты²³, однако, практические соображения при соответствующей структуре национальной идентичности сделали возможным появление прокламаций на местных языках: украинском, а также литовском²⁴ и (позже) белорусском. Существенно, что ориентация на крестьянство как основную целевую аудиторию агитации, непосредственно повлияла в украинском случае на языковую форму воззваний, сделав их максимально приближенными к народно-разговорному, точнее, диалектному языку (в текстах обнаруживаются диалектные особенности, характерные для говоров юго-западного украинского наречия, прежде всего подольских и волынских). Немаловажен и тот факт, что в начале и даже в середине XIX в. эти прокламации принадлежат к весьма немногочисленным примерам литературных текстов с Правобережья, написанных на народном украинском языке²⁵. Для передачи особенностей украинской речи в ранних воззваниях 1830–1831 годов была использована латиница, что для авторов-поляков было естественным шагом: территория Правобережной Украины («кресов») мыслилась идеологами польского национального движения в полном соответствии с идеей утраченного рая-Отечества как органическая часть «своего» «воображаемого» пространства. При этом ряд орфографических особенностей воззваний указывает на знакомство их авторов с практикой передачи украинской речи графическими средствами латиницы, распространенной на Правобережье в данный период²⁶. В то же время более поздние тексты (1848 и 1863 годов)

известны только в кириллическом оформлении, что отражает развитие конфликта кириллицы и латиницы и приписывание им роли маркеров культурно-языкового пространства на украинских территориях.

Политический дискурс характеризуется активной эксплуатацией «языковых масок»²⁷: в случае с воззваниями к украинским крестьянам такая «маска», помимо непосредственной языковой формы, предполагала также апелляции к другим уровням этноязыкового сознания. Так, авторы прокламаций попытались преодолеть весьма важную для этнического сознания границу «свой»–«чужой» путем декларирования причастности к общим ценностям и институтам, в том числе политическим: король, сейм, право и т. п.²⁸ Впрочем, политические лозунги были мало понятны в низших социальных слоях и оказывались фактически полностью лишены опоры в условиях отсутствия общих символических фигур и мифологем. Созданием этого отсутствующего культурного звена в соответствии с идеей польской политической нации, включавшей и украинцев, занялись среди прочего представители украинской школы в польской поэзии. Так в символическом круге образов появляется Вернигора как мифический символ общности национальных исторических судеб²⁹, явившийся ярким примером искусственной мифологизации, подобно тому, как творчество большинства поэтов украинской школы являет собой пример по большей части искусственной фольклоризации³⁰.

На собственно языковом уровне использованная авторами воззваний «языковая маска» потребовала, прежде всего, выработки формальных средств для обращения к предполагаемым слушателям (читателям). Одним из наглядных способов дифференциации национальной языковой картины мира в том ее сегменте, который касается восприятия «своих» и «чужих», являются этнонимы и другие способы категоризации (дифференциации) этнического пространства. Традиция использования этнонимов в политическом дискурсе – явление относительно новое для первой половины XIX в., по крайней мере, для российской публицистики. Так в ходе общественно-

политических дискуссий в России в 1830–1840-х годов «мы» в трудах славянофилов и западников крайне редко соотносится с этнонимом «русский». Как отмечает исследовательница русской национальной идентичности в этот период О.Ю. Малинова: «Можно лишь строить предположения, было ли это следствием неактуальности этнических характеристик по сравнению с культурными или сказывалось чересчур очевидное расстояние между образованной элитой, мучительно решающей вопрос о культурной идентичности, и народом. Наконец, отчетливой потребности в определении «нас» в качестве нации могло не возникать и по причине того, что политическая составляющая данного понятия (нация как легитимная основа политического сообщества) не была предметом обсуждения»³¹. Добавим от себя, что в данном случае неактуализированность этнонимического определения связана, в частности, с разворачиванием дискуссии в этнически однородной среде: «мы» и для западников, и для славянофилов имеет определенные этнические границы, вопрос состоит в том *какие* мы. Иная ситуация складывается на этническом пограничье или при столкновении этнонациональных проекций политических идей: в нашем случае решается вопрос, *кто* включается в понятие «мы», и потому появление этнонимов и этнических определений в политических прокламациях, преследующих цель социальной мобилизации, не только обоснованно, но и необходимо для вербализации базовых категорий.

Однако здесь идеологи польских национальных восстаний столкнулись с объективными трудностями, в том числе с незавершенностью процесса «национализации» языкового сознания и отсутствием общепринятого этнонима, который мог бы объединить целевую украинскую аудиторию. Несмотря на возникновение самоназвания *украинец* уже в XVI–XVII вв., оно довольно редко появляется в политическом и культурном дискурсе вплоть до XIX в. В первой половине XIX в. отмечается частотности определения *украинский* в публичном пространстве 1820-х годов (в частности, в названиях харьковских изданий: «Украинский вестник» 1816–1820 гг., «Украинский журнал»

1823–1825 гг. и др., а также в названии главного манифеста зарождающегося национального движения «Книги битія українського народу» 1845–1846 гг.), однако, параллельно в качестве синонимов используются другие этнические определения, в том числе повсеместно на территории Галиции *руський*, то же наблюдается и на правобережных землях, например, в произведениях подольского поэта середины XIX в. С. Руданского³². Показательно отсутствие этнонима *українці* в произведениях ключевой для культурного и национального дискурса этого (и не только этого) периода фигуры – Т.Г. Шевченко, где их заменяют квазиэтнические определения (соционимы, конфессионимы³³ и др.): *козаки, запорожці, гайдамаки, хрещені люде, русичі*. Даже во второй половине XIX в. использование этнонима *українець* в роли псевдонима (как в случае с поэтессой Ларисой Косач и известным деятелем украинского движения Михаилом Драгомановым) стало возможным благодаря сохранению у него идентифицирующих (характеризующих) элементов значения и семантических коннотаций³⁴ национально-политического свойства.

В этой связи вполне объясним тот факт, что в пропагандистских текстах 1830–1831, 1848 и даже 1863 годов этноним *українці* появляется лишь в одном воззвании и носит скорее характер регионального обозначения («A wsi senatory i posły naczaly welmy radowatysia, szczo ich brat'ja Łytwyny, Wołyńci, ta Podolci i *Ukrajinci* pamiatajut' o swojeji rodni, o Polszy» – ДХ³⁵) в полном соответствии с польской традицией употребления географического термина Украина в ряду других названий частей украинских земель, входивших в состав Речи Посполитой³⁶: «woszło trysta mołodciw iz Łytwy, Wołynia, *Ukrainy*, Podola i Pobereża, wsi żwawy ta harny oden w druhoho, a wsi waszyi brat'ja, kotorym udaołsia utekty z waszoji storony» (ДХ). При этом Украина воспринимается как неотъемлемая часть польского политического тела и культурного пространства, реже как равноправный субъект истории и политический партнер («*Ukraina* zdawen dawna Buła i szcze bude sławna» – ВК³⁷; «Билы Ангель повіе над нами, вса *Украина* въ руки сплаше, и Свааты

Богъ дасть намъ славу, свободу и шастье по вѣкъ вѣковъ» – ПА³⁸), но в любом случае противопоставленный Москве («бѣжить на Москалѣ, въ помощь Польши, въ помощь *Украини*» – ПА).

В силу названных причин место этнических определений в пропагандистских текстах занимают, как правило, другие способы идентификации украинского населения «кресов». В каждом из воззваний адресат определяется особо, при этом наблюдается стремление к максимально широкому охвату предполагаемой аудитории: так появляются собирательные «*dobryi myriane*» (ДХ), «*za pamu dobryi lude, za pamu*» (ДХ), «панове громада» (ПГ³⁹) с подчеркнута «соборными» коннотациями. Используются также сложные этнические определения, в том числе с использованием общепринятого для территорий на запад од Днепра прилагательного *руський*: «вѣсь *народъ Рускій* не знает ни крепости, ни сказокъ» (ПГ), «*Raześmy wswit tohoneyały Szczob ruski dity były moskałamy*» (ВК). В воззваниях используется также традиционное для польского культурного и регионального дискурса обращение к украинцам *козаки*⁴⁰, однако, учитывая преимущественно исторические коннотации самого квазиэтнонима и социальные характеристики предполагаемой аудитории, его частотность гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Соционим *козаки* и производное от него определение *козацкий* встречается только в тех текстах, где аудитория довольно четко локализована в географическом смысле, в том числе благодаря другим оттопонимическим обозначениям типа *черноморци*, *черноморский*, что хорошо видно на примере названия одной из прокламаций: «До Пановъ Атамановъ, Полковниковъ, Сотниковъ, Старшины и Пановъ Молодцовъ *Козацкого Черноморского Войска*, и всего *Козацкого Черноморского Народа*» (ПА); ср. далее в том же тексте: «*Черноморци*, Славны *Козаки*, Кровь съ Кровьи Кость съ Кости Старого Запорожа». Аналогичное обращение использовано в русскоязычной прокламации к донским казакам, что подчеркивает второстепенную роль этнических коннотаций в данном социониме: «Поза(!)вите къ Вамъ всѣхъ *Козаковъ* и тогда

сделаетесь Государствомъ сильнымъ которое будетъ владѣть землями и морями и благодѣйствовать въ славѣ» (КД⁴¹).

Гораздо более востребованными в польском политическом дискурсе и наиболее нейтральными оказались конфессионимы, одновременно способные объединить максимальное количество предполагаемых слушателей, как, например, в титульных обращениях двух прокламаций «*Dobryi Chrystiane!*» (далее ДХ) и «*Хрыстьяне Подолья, Волыня, Украины*», ср. далее в том же тексте «Слушайте Правовирны *Хрыстьяне!*» (ХП⁴²). Такая коммуникативная стратегия опиралась на эксплуатацию базовой для традиционного крестьянского сознания конфессиональной составляющей в структуре этнического самосознания, которая в условиях этноконфессионального пограничья приобретает особую важность⁴³. Примечателен в этой связи тот факт, что примененная в прокламациях «языковая маска» потребовала от их авторов соответствующей трансформации собственных этноконфессиональных представлений в рамках автостереотипа, что в данном случае означало расширение «своего» культурного пространства за счет включения в него православного населения «кресов»⁴⁴. Это вылилось, в частности, в развернутые апелляции к базовым понятиям религиозного дискурса: «Теперь вси люде знаютъ що одень Господь Богъ есть на свити для всихъ Хрестіанъ» (ХП); и далее там же «Давъ Господь Богъ одну землю щобъ однако всихъ кормыла. Давъ намъ сылу не на тее щобъ одень другого за лобъ державъ; щобъ одень для другого потомъ и кровлею зальвавъ ся; але для того щобысьмо для себе самыхъ только оралы, сіалы и збералы; и щобысьмо землю нашу видъ вспильного нашего ворога боронылы» (ХП).

Расширение этноязыковых границ «своего» культурно-исторического пространства закрепляется в языке прокламаций прямым обращением к украинской аудитории с использованием определений *brat*, *brat(ь)я*: «*Nuże brat'ja Wołyńci, Ukrajincy ta Podolci!*» (ДХ). «Языковая маска» авторов воззваний не предполагает полной их идентификации со слушателями, но призвана, в том числе, на вербальном уровне создать общее ассоциативно-эмоциональное поле, а также впечатление близости

базовых морально-этических представлений и исторических судеб: «Давъ намъ Господь Богъ сердце щобу(!)сьмо сѣ якъ *братя* между собою любви» (ХП); «Daj Boże giwnist *zbratom* buty wimir Widnoj mohyli czy wiednoj stołyci» (ВК). Аналогичный риторический прием культурно-языковой суггестии был использован в русскоязычном воззвании к донским казакам с соответствующим расширительным толкованием понятия *братья*: «Козаки Донскіе подайте одну руку давнымъ *братьямъ* Вашимъ Полѣкамъ и другую Черкесамъ⁴⁵ которые такъ храбро и постоанно сражаются за свою свободу» (КД). Присутствие в значении слова *брат*, элементов, указывающих на общность (занятия, среды и т. п.) способствовало формированию положительной эмоциональной оценки образа автора (говорящего): «Otoż wy *brat'ja* na takoje szczast'je prypanyte kzemli, i deń i nycz mołytesia Hospodu Bohu myłosernemu, szczoby daw szczast'je waszym *brat'jam* Polakam i chutko zawiw ich do was» (ДХ). В этом примере особенно показательно столкновение в рамках минимального контекста слова *брат* и этнонима *поляк*, которые таким образом оказываются в общем семантическом поле при наличии аналогичных позитивных коннотаций, что, в свою очередь, позволяет осуществлять их взаимозамену, в том числе, в несобственно-прямой речи: так появляется призыв, обращенный к полякам, от имени «украинцев»: «Братѣ наши, Рыцары наши, до насъ прибывайте» (ПА).

Наиболее ярким дискурсивным приемом в рамках избранной идеологами польского восстания языковой стратегии явилась соответствующая этностереотипизация. Предельная концентрация идеологом и полемическая заостренность пропагандистского текста естественным образом способствует кристаллизации представлений о том, что угрожает некой идентичности и что нужно для ее благополучия. Использование с этой целью этнонациональных стереотипов является прагматически обоснованной и эффективной коммуникативной стратегией, особенно когда речь идет о сообществе, идентификация которого опирается на традиционные элементы (как в случае с украинским крестьянством). Неслучайно

исследователи особо выделяют такой идеологический конструкт; т. е. стереотип, относящийся к возможным и одновременно желаемым ситуациям как социальная программа⁴⁶. Актуализация данной его функции происходит в моменты социальной мобилизации общества, когда возрастает необходимость защитить и/или оградить свой социум (этнос) от нежелательного воздействия другого социума (этноса). Защитный механизм этнической идентификации приводит к созданию идеологемы «врага» с ее неопределенностью, непредсказуемостью, почти мифическим характером⁴⁷. В этой роли в ходе подготовки к восстанию 1830–1831 годов, а затем и в польской агитации в 1846–1848 и 1863 годах выступил этнический образ «русского».

Проблема столкновения польско-русских этноязыковых и культурных стереотипов, прежде всего, на материале художественной литературы получила свое детальное освещение в целом ряде коллективных публикаций последних лет, явившихся плодом совместных усилий польских и российских ученых⁴⁸. Польская и русская беллетристика и мемуаристика XIX в. – эпохи после разделов Польши и инкорпорации восточнославянских (украинских и белорусских земель) в Российскую империю – действительно дает богатый материал для изучения этнонациональных представлений, их аксиологической и эмоционально-маркирующей роли в рождающемся национальном дискурсе. Ключевым моментом, выявленным в ходе исследования авто- и гетеростереотипов русских и поляков, явилось признание их взаимосвязи и взаимозависимости от национальной поэтики и культурных мифов⁴⁹.

Однако русско-польский фронт является территорией столкновения больше, чем двух этнокультурных пространств: на ментальной карте стереотипных представлений присутствует еще один актор – до определенного времени пассивный – украинское население «кресов», обладающее, тем не менее, своим собственным комплексом представлений о «своих» и «чужих», отраженным главным образом в традиционном фольклоре. Восприятие украинских территорий на правом берегу Днепра в

первой половине XIX в. обеими сторонами этнополитического конфликта (и русскими, и поляками) как «своих» порождало специфику идеологических конструктов, в которых в зависимости от конкретной стратегической задачи актуализировались те или иные черты этнокультурных образов. Идеологи польского национального движения используют стереотипные представления о «русском», присутствующие в украинском народном сознании, для решения конкретной стратегической задачи: привлечения украинских крестьян к восстанию на «кресах». В свою очередь, российские публицисты после разгрома восстания апеллируют к этнонациональному образу «поляка» в украинском обществе с целью утверждения имперской, государственнической идеи⁵⁰. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с этностереотипизацией, понимаемой (вслед за М.В. Долбиловым), как динамический процесс, который непосредственно зависит от исторической обстановки и активности элит, заинтересованных в распространении тех или иных представлений с целью мобилизации общества⁵¹.

Собственно лингвистическое понятие стереотипа включает совокупность социально и коммуникативно устойчивых семантических (оценочных) коннотаций, т. е. суждений (и предрассудков), связанных с конкретным явлением (понятием) и закрепленных в языке как в форме отдельных лексем и их дериватов, так и словосочетаний, в том числе устойчивых (фразеологизмов)⁵². Этнонимы и связанные с ними языковые единицы разных уровней, будучи основным средством дифференциации этноязыкового пространства, естественным образом отражают накопленный субъективный историко-социальный (нередко негативный) опыт межкультурного общения⁵³. Место и значимость субъективных элементов значения в семантической структуре этнонимов может различаться в зависимости от типа этнонимического обозначения и коммуникативных условий его употребления. Так, именно на основании преобладания оценочных (чаще всего негативных) коннотаций, сформированных на базе стереотипных представлений о «другом», явилось основанием для выделения

экспрессивных (прозвищных) этнонимов⁵⁴. Если применительно к любому связному тексту (в т. ч. фольклорному и художественному) справедливо замечание о преобладании «отсубъектных» характеристик в семантике этнонимов⁵⁵, то в политическом дискурсе в рамках коммуникативной стратегии «языка вражды» они оказываются наиболее востребованными, будучи одним из эффективных средств манипулирования сознанием. В воззваниях к украинскому крестьянству такой механизм мобилизационной «субъективизации» этноязыкового дискурса проявляется довольно отчетливо, особенно когда речь заходит о способах обозначения основных участников этнополитического конфликта: поляков и их антиподов в рамках избранной коммуникативной стратегии – русских.

В пропагандистских текстах для определения автора-говорящего и одновременно главного союзника украинского крестьянина используется как основной этноним *лях*. Такое обозначение для жителей Польского королевства (равно как в собирательном значении *ляхы* для обозначения территории Польши) засвидетельствовано под 1444 г. в «Словаре староукраинского языка XIV–XVI вв.» без указания на наличие дополнительных коннотаций, т. е. в чисто этнонимическом значении⁵⁶. Отсутствуют явные маркеры оценочности и в статье *лях* (переведено как *Pole*) в изданном в конце XIX в. «Украинско-немецком словаре» Е. Желеховского⁵⁷. Аналогичную картину наблюдаем в «Русско-украинском словаре» А. Крымского, в данном случае, однако, ассоциативный ряд активизируется за счет приведенных в словаре сочетаний с прилагательным: *кичливый лях – бундючний*⁵⁸; русское *поляк* также предлагается переводить предположительно нейтральным украинским *лях*, хотя вторым приводится также синонимичное обозначение *поляк*. Характер словарной фиксации этнонимов для обозначения жителя Польши, в частности, предпочтительный характер цитации примеров с *лях* и производными, свидетельствует о широкой распространенности и высокой частотности этой лексемы. В то же время находим свидетельства того, что этноним *лях* в сознании представителей традиционной украинской

народной культуры мог обладать уже в период до XIX в. комплексом коннотаций, связанных с образом врага, предателя⁵⁹.

Распространенность этнического определения *лях* в украинской языковой среде способствовала закреплению его в рамках переносного автостереотипа поляков: «*українці називають нас (заносчивими) ляхами*»⁶⁰. Показательно, что в польском культурном и политическом дискурсе этого времени этноним *lach* редко использовался в качестве нейтрального средства самоидентификации: словари польского языка не вводят для этой лексемы стилистических маркеров, указывая лишь на региональные ограничения в его функционировании⁶¹. Заметим, что в региональном сознании носителей польских периферийных («кресовых») говоров до сих пор сохраняется разграничение *lach* «шляхтич» *mazur* «крестьянин»⁶², однако в названных пропагандистских текстах, написанных от имени польских элит, актуализируется другая сема в значении этнонима – католик⁶³, поляк как представитель этноса в целом. Употребление данной лексемы в ее первичной (сугубо этнической) функции крайне редко встречается в нашем материале (один из немногочисленных примеров – «чи то, Пань чи шляхтичь, чи москаль чи ляхь чи жидь, не вольно ему никакой обьади чинити» – XII). В большинстве случаев появление этнонима *лях* в пропагандистских текстах можно рассматривать как важную часть коммуникативной стратегии («языковой маски»), примененной авторами воззваний с конкретной политической целью. Своеобразное языковое «перевоплощение» предполагало определенную трансформацию собственной языковой картины мира с учетом характера предполагаемой аудитории и на формальном уровне означало использование таких языковых средств, которые, по мнению авторов прокламаций, должны были способствовать сближению участников коммуникации, в том числе в пространстве стереотипного восприятия «другого»⁶⁴. Этностереотипизация в данном случае преследует цель создания положительного языкового образа *ляха* и происходит на основе контекстуального сближения данного этнонима с лексемами, обладающими ярко выраженной положительной коннотацией,

как например, *брат*, в рассмотренных выше примерах обращений. Аналогичную мелиоративную функцию выполняют прилагательные, выражающие позитивную оценку объекта, в сочетании с этнонимом *лях*: *chrobri lache, baskie lachie* (ВК). Нейтральный (общепринятый в польском языковом пространстве) этноним *поляк* выступает только в одном тексте, где также подчеркивается у него наличие положительной эмоциональной оценки («...*Polaki wzięli za ruki...*»; «...*jakoho dobroho Polaka zabyty albo zamuczyty...*» – ДХ), что особенно заметно в случае с производным от этнонима прилагательном *польский*: «Potim obrały naczalnikom w wjśku żwawoho mołodcia kniazia Radziwiła, szczoby z *łycarami polskimy* piszow do Łytwy, ta na Wołyń, Podole, Ukrainu i Pobereże», и далее «i rozhonowszy Moskaliw, worohiw waszych, złuczywsia z wamy, zrobyw z was *Polakiw*, daw wilnośty używaty i powernuw wam waszyji prawa» (ДХ). Заметим, что в последнем примере *поляк* выступает не только и не столько в роли этнического обозначения, сколько в функции политонима – названия конструируемой в воображении идеологов восстания нации, включающей также население бывших «кресов».

Конструирование положительного языкового стереотипа предполагало трансформацию отдельных конститuentов образа поляка в языковом сознании украинцев, таких как «католик», «предатель», «пан»⁶⁵. Как и этноним *лях*, указанные конкретизированные характеристики входили в состав переносного автостереотипа поляков, о чем свидетельствуют примеры из наших источников, в том числе приведенные ранее при обращении к элементам религиозного дискурса в воззваниях. Аналогичные примеры обнаруживаются и в ходе анализа дискурса социального: «zobranyi Pany Polśki na Sejm, wsi zhodno ta zwesiljem powutały was jak swoju rodniu» (ДХ); «тай Паны нась дусылы» (ХП). Здесь наблюдается эффект «опережающей интертекстуальности», который мы, вслед за В.Б. Кашкиным, понимаем как предписывание отношения к предполагаемому участнику коммуникации до начала самой коммуникации⁶⁶, что в рамках рассматриваемой языковой стратегии предполагало

«упреждающую» нейтрализацию отрицательных коннотаций соционимов в контекстах типа: «Панамъ руки звѣзаны и Паны и мы неволныками Москвы», «Бо оны и мы сыны одной матери Польши; между нами и ными нима жадной ризъныцы» (ХП). Учитывая принадлежность предполагаемых слушателей к крестьянскому сословию и важную роль социального сознания в традиционной этнической идентификации, авторы воззваний особое внимание уделили обоснованию политической идеи «социального равенства»: «Бо мы сыны одной земли. Дидычъ, Посесоръ, Шлахтычъ, Пипъ, Ксїондзь, Мужыкъ, вси мы Диты одной матери Польши» (ХП), «а́к нешла́хтычъ буде храбрымъ и розумны, то буде и Хетманомъ и Воеводомъ. А а́къ Кна́зь а́ки и Графъ буде дурньо́мъ то и останеса́ въ дурнахъ. Небуде шла́хты и нешла́хты вси люде будутъ иднаки, вси братья́ межъ собою вси диты Польши» (ПА). Это сделало возможным употребление соционимов вне связи с конкретными социальными реалиями и способствовало соответствующей трансформации их семантической структуры: коннотации, связанные с социальным превосходством (ср. 'господин') отходят на второй план, при этом актуализируются ассоциативные связи с понятием свободы: «весь народъ буде *Шлахтычомъ, Дидычомъ и Вильнымъ*» (ХП), «Кто схоче надъ Кубань са́ вертаты то и такъ зробыть а и тамъ и тамъ буде вилны и свободень. *Панъ* дла себе и *Панъ* у себе» (ПА).

Рассмотренный механизм этностереотипизации предполагает предельную поляризацию концептов «мы(свои)» и «они(чужие)», реальным языковым воплощением которых становятся противопоставленные друг другу на шкале эмоциональной оценочности *лях* и *москаль*. *Москаль* является единственным в анализируемых пропагандистских текстах обозначением для представителей русского этноса, однако нейтральным его можно считать только в русскоязычном воззвании к донским казакам, где оно употреблено в сугубо этнонимическом значении: «*Ступайте против Царя Тирана, и даруйте свободу самимъ же Москалямъ*» (КД). Фиксации открыто экспрессивного для русского языкового сознания XX в.⁶⁷ этнонима *москаль* в более

ранних словарях (в том числе, украинского языка) не содержат помет стилистического характера и не дают однозначного ответа на вопрос, применялось ли это обозначение ко всем русским или только к военным, по крайней мере, на первом месте, как правило, оказывается этнонимическое значение, и лишь затем – социальное: так, для Б. Гринченко *москаль* – это 1) «великоросс», и 2) «солдат»⁶⁸. Тот факт, что прилагательное *московский* в нашем материале появляется преимущественно в связи с представителями государства («Мы братья ваши, такъ яко и вы чиновниками москоскими(!) мучены, взявши Бога на помѡчь вооружилисьмося и многіе полки москоскіи совсѣмъ розбылисьмо» – ПГ), подтверждает сделанное А.И. Миллером наблюдение относительно большей детализации образа *москаль* в украинском языковом сознании по сравнению с польским⁶⁹. Стоит, однако, отметить важность регионального фактора, в том числе, удаленность Правобережья от русских этнических границ; относительно недавнее присоединение к телу империи и – как следствие – актуализация в составе стереотипа не объективных, основанных на непосредственном опыте, а субъективных и максимально абстрактных коннотаций. Эти особенности этнонационального образа *москаля* оказались востребованными в польской пропаганде и способствовали перерастанию его в обобщенный пейоративный образ врага. В воззваниях *москаль* лишен черт определенности, а соответствующие минимальные контексты способствуют актуализации предельно общих негативных коннотаций: «тай зь *Москалемь* прышла Бида и неволя» (ХП); «*Moskali Polsczu zabrały Moskali prawdu iskraty*» (ВК). Отрицательная этностереотипизация опирается в данном случае на прямое соотнесение обозначения *москаль* с образом врага, в том числе на сугубо формальном языковом уровне («...rozhonywszy *Moskaliw, worohiw waszych...*» – ДХ; «Але возьмымо ся вси до дила тай выженимъ *Врага Москаля* шо Боронить Панамъ даты намъ свободу и землю на дидычтво(!)» – ХП). Открыто негативные коннотации приобретает также прилагательное *московский* за счет помещения его в

соответствующий контекстуальный ряд: «*udarte wo imia Hospoda z hory na moskowśkuju szarańczu*» (ДХ).

Так в пропагандистских текстах эпохи польских национальных восстаний выстраивается базовая семантическая оппозиция, закрепленная на формально-языковом уровне в противопоставленных друг другу по своей экспрессивно-эмоциональной оценке этнонимических обозначениях *лях* (реже *поляк*) – *москаль*: «Нехай са справдать слова Верныгори. *Козаки зь Ляхами* побратаются а́къ ридни брата *Москала* выженуть, а кароль даеьт всему народу вильность и свободу» (ПА). Такое противопоставление этнонимов и связанных с ними номинативных моделей, опирающееся на механизм взаимной этностереотипизации, является текстопорождающим компонентом воззваний и проявляется на разных уровнях смысловой структуры анализируемых текстов. Свое дальнейшее развитие данная семантическая оппозиция получает в противопоставлении *Польши* и *Москвы*: «котры любыть *Польшу* не любыть *Москву*; котры любыть *Польшу* еьт Шлахтычомъ и вильнымъ чоловикомъ» (ХП). Данная оппозиция соотносится с предыдущей как гипонимическая по своему характеру (очевидно, что и *Польша*, и *Москва* – не только и не столько географические названия, сколько собирательные обозначения, близкие по своему значению и функции к политонимам). Образ *Москвы* в пропагандистских текстах строится с опорой на распространенное в этностереотипизации противопоставление цивилизованности и варварства⁷⁰ с привлечением в качестве дополнительного (семантически подчиненного предыдущему) образа «рабской, несвободной» страны, противопоставленной «свободной» Польше: «чыжь вже Вамь вильнымъ сынамъ Запорожцимъ якъ рабамъ якимъ по вить виковъ въ *Московскои неволи* житы и Мерты» (ПА); «Вилность перешла цильй свить и задержалась передь *Москвою* якъ передь *турмою Неволныкивь!*» (ХП); ср. «изъ *Полиши* свобода и честь войскова и слава въ хмарахъ гуде» (ПА). В рамках коммуникативной стратегии «языка вражды» формулируется и единственно возможно условие достижения свободы: «Выженемъ *Москала*, а

будемо Вильни Щаслыви и Богати!» (ХП); «i stały wony prosyty, szczoby senatory ta pošły, sama starszyna polskája, pamiataly o was swojich brat'jach i pomohły wam z wijkom wyhnaty Moskaliw, ta wyswobodyty was na wilność» (ДХ)..

Дальнейшее развитие такой логики взаимной этностереотипизации предполагает эмоциональное столкновение в аналогичных контекстах *царя (царей) московского* и *короля (королей) польского*: «Чижь вже Вы забулы [...]свободу подь *Королáми Польши*, нашими Батьками [...] чыжь вже Вамъ áкъ собакамъ *Московскому Царю* по викъ виковъ служиты» (ПА); «*Car nakazywaw bidu dla nieszczęśliwego naroda*» (ДХ). Заметим, что в обоих случаях (за редким исключением) мы имеем дело с предельно обобщенным обозначением лица, облаченного высшей властью в государстве (соответственно польском и российском), явно тяготеющим к стереотипу. Но даже появление в одном из ранних воззваний образа Николая I не делает его более конкретным, т. к. его изображение подчинено общей логике этностереотипизации: «*Mykołaj Car moskowskij* zaszidaw na krasnym, pozoloczenym prystoli, a senatory polski i pošły spustywszy wnyz hołowy musiały tylko słuchaty szczo win im skazaw; czyto jakoho dobroho Polaka zabyty albo zamuczyty» (ДХ). Такая коммуникативная стратегия опирается, в частности, на народные представления об этнической «чуждости» «неправедного» правителя, так, в воззвании к донским казакам дается такая его этническая характеристика: «Царь Московский *Немць* Гольштейнь Готорпъ а не *славанинъ* изъ родины(!) Романовыхъ» (КД). Так – уже на другом уровне абстракции – возвращается прием олицетворения «чужого» и «своего» – в данном случае – политического пространства: «Весь(!) свить Французы, Таланцы, Нимци, Славане, вси Народы Запада, сталысь вильными и свободными Тилко иденъ *Московской Царь* пиль нимця пиль Татара, хоче над рабми(!) пановаты» (ПА) ср. «Не так то було за Польщи, за *Короливъ Польскихъ*; Диды наши запаматають тыи щаслывы часы; и свобода була, и голоду не було» (ХП).

Позитивно-оценочные коннотации при упоминании короля и негативно-оценочные при упоминании царя приобретают

абсолютный характер благодаря привлечению элементов религиозного дискурса: «Свѣты Богъ *Карола* и весъ народъ поблагославить, и буде шастье и все добре на Мiру» (ПА); ср.: «Тилко иденъ *Московской Царь* [...] хоче [...] Христански народы въ Сибирь гнаты, Кнутом владаты. Не вамъ не намъ того Антыхриста поддерживаты» (ПА). Важную роль в положительной этностереотипизации играет представление о *короле* как о стороннике веротерпимости: «*Православна* вира буде шанована. Така волѣ *Корола* така волѣ народа *Польскаго*» (ПА) (ср. отрицательный стереотип поляка – католика). В свою очередь, образ *московского царя* имеет свои прямые аналоги в этнолингвистическом материале с этноконфессионального пограничья, где «чужой» этнос связывается в народном сознании с нечистой силой и может стать причиной появления в мире Антихриста перед концом света⁷¹. Эксплуатируя народные стереотипные представления о «чужой» вере как «неправильной», авторы прокламаций отказывают представителям русского этноса в праве называться православными. Появляется определение *московская вера*⁷²: «wozmytesia chwaćho (!), a z waszumu panamy ta poramy, prohonyte *mořkowskuj*u wiru, szczoby waszoho chliba nejļa, ta po zemli waszoji nechodyļa» (ДХ); противопоставленное парадоксальным образом не только «украинской» православной церкви, но и старообрядчеству («освобождайте отъ гоненій *вѣру Старообрадцевъ* вѣру вашихъ Отцевъ» – КД)

Проанализированные нами архивные документы позволяют утверждать, что хотя использование украинского языка в польской пропаганде и литературном творчестве писателей пропольской культурной ориентации преследовало главным образом конкретные политико-идеологические цели, оно привело к важным последствиям, прежде всего, в сфере языкового строительства. Билингвальная литературная и пропагандистская практика объективно способствовала повышению коммуникативного статуса украинского народно-разговорного языка и формирующегося на его основе литературного стандарта в коммуникативном сообществе. Однако конкретные

стратегические цели, которые ставили перед собой авторы политических прокламаций, не были достигнуты – в целом украинское крестьянство не поддержало польских национальных восстаний. Анализ использованных в пропагандистских текстах языковых средств манифестации идентичности и механизма этностереотипизации отчасти позволяет ответить на вопрос, почему так произошло.

Закон моделирования аудитории требует от оратора знания и учета социально-демографических, общественно-психологических и индивидуально-личностных черт аудитории с целью достижения максимального коммуникативного эффекта⁷³. Базовыми дифференциальными характеристиками аудитории в нашем случае являются этнические и социальные показатели – с их учетом авторы воззваний к украинскому крестьянству попытались откорректировать свою программу с учетом социальных ожиданий, приписываемых данной части населения Правобережья. Однако именно пренебрежение к потребностям, мотивам поведения, а главное – отношение к самим авторам как представителям «чужого» круга культуры (социальной, политической, этнокофессиональной) привело в результате к провалу пропагандистской акции: украинские крестьяне оказались не готовыми становиться польскими гражданами.

Попытка разрушить традиционную идентичность местного крестьянства, основанную на общности народных обычаев, православных верований и обрядов и противостоящую «польскости» как идентичности, опирающейся на совершенно иные базовые понятия, была обречена на провал. Смещение эмоциональных акцентов (с отрицательных на положительные) в восприятии образа «близкого», «знакомого» чужого⁷⁴ (католика-поляка) и замена его «далеким» абстрактным врагом (русским) также оказалось невозможным. Еще менее удачной можно признать попытку создания идейной и эмоциональной причастности к общим политическим институтам, «справедливой» власти, символическим фигурам и событиям в истории⁷⁵. Однако парадоксальным образом такая языковая и идеологическая стратегия уже к концу XIX в. принесет свои

весьма весомые плоды – правда, совсем не те, которых добивались идеологи польского национального движения и в совершенно иной – интеллигентской – среде. Польское козакофильство, или в более поздней версии, хлопоманство, стало мостиком, способствовавшим трансформации регионального украинско-польского сознания в национальное украинское. Так, не польскими, а украинскими гражданами, стали, например, историк Владимир Антонович, поэт советской эпохи Максим Рыльский и многие другие.

¹ Одним из первых предложил такой подход к анализу идентичности Ф. Барт: *Barth F. Ethnic Groups and Boundaries*. Boston, 1969.

² О развитии такого взгляда в исследованиях национализма см.: *Porter B. Podzwonne dla badań nad nacjonalizmem // Narod-Tożsamość-Kultura. Między koniecznością a wyborem / Pod red. W.J. Burszty, K. Jaskułowskiego, J. Nowak*. Warszawa, 2005. S. 87; там же глубокий аналитический обзор существующей литературы предмета.

³ Подход к национализмам на территории Российской империи как к диалогу центральной имперской власти и местных элит, в том числе на примере Украины, последовательно реализован в работах А.И. Миллера, см.: *Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)*. СПб., 2000; *Он же. Национализм и империя*. М., 2005; см. также: *Западные окраины Российской империи / Под ред. А. Миллера, М. Долбилова*. М., 2006.

⁴ Об этом на примере русского национального сознания см.: *Решер А. Изобретающее воспоминание: русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии*. М., 2005. С. 440.

⁵ «The language ideology is expressed on the level of specific speech acts in phonology and word choice... and body language. On the more general level language ideology can refer to beliefs about the nature of language in abstract sense – whether or not it has an ideal form, or how it relates to ethnic or national identity» (перевод наш. – О. О.). In: *Bilaniuk L.M. The Politics of Language and Identity in post-soviet Ukraine. A dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy (Anthropology) in the University of Michigan*, 1998. P. 9.

⁶ Об этом подробнее см.: *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

⁷ *Гриценко П.Е.* Некоторые замечания о диалектной основе украинского литературного языка // *Philologia Slavica: к 70-летию академика Н.И. Толстого*. М., 1993. С. 284–294; таким образом, здесь подвергается сомнению неоспоримость традиционного тезиса о полтавско-киевских диалектах как базе современного украинского языка.

⁸ Об этом на современном материале см.: *Ostapchuk O.* Looking for friends and enemies: borrowings in language philosophy, language building and usage in Modern Ukraine // *Ukraine's Reintegration into Europe: A Historical, Historiographical and Politically Urgent Issue / Ed. by G.B. Bercoff and G. Lami. Alessandria, 2005. P. 181–196; Остапчук О.А.* Фактор полилингвизма в истории украинского литературного языка // *Славянский вестник*. М., 2004. Вып. 2. С. 257–269.

⁹ Собственно языковые аспекты текстовой кодификации в произведениях одного из представителей билингвального польско-украинского сообщества на Правобережье см.: *Остапчук О.О.* Післямова до «азбучної війни»: кириличне видання творів Тимка Падури // *Українська мова*. 2009. № 2. С. 26–49.

¹⁰ Лингвистический анализ текстов и перечень источников см.: *Moser M.* Das Ukrainische («Ruthenische») der galizischen Polen und Polonophilen zwischen 1830 und 1848/1849 // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2003. Band 62. Heft 2. P. 311–358.

¹¹ Biblioteka Książąt Czartoryskich (Далее – BCz). Rks. MNRXII-1400, 1113070III; 3940 IV; в каталоге значатся под названием: Bruliony listow 1831: Akta, odezwy, korespondencja Rządu Narodowego i gen. Skrzyneckiego (Далее – В. I.). S. 286.

¹² Речь идет, в частности, о документе: «Дело о найденных у кассира Ханковецкого имения дворянина Килярского Виктора песен и стихов антиправительственного содержания» (Вінницький обласний державний архів. Могилевская военно-следственная комиссия. Д-807. Оп. 1. Ед. хр. 1. 1863. Л. 16–36. Рукописные польские песни свойства патриотического (pisni patriotyczne). Далее при цитировании – ДХ.

¹³ Об этом как о характерной черте начальной стадии современного национализма см.: *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism Since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge, 1990.

¹⁴ *Хирихаузен У., фон.* Сословие, регион, нация и государство: одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы. Пример Риги 1860–1914 годов // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 472–501.

¹⁵ О лингвистической специфике интермедий см., в частности: *Передриенко В.* Староукраїнські тексти другої половини XVI–XVIII ст. як об'єкт лінгвістичного аналізу // *Ucrainica I. Současna ukrajiniстика. Problemy jazyka, literatury a kultury.* Olomouc, 2004. С. 49–56.

¹⁶ О системе образования в этот период см.: *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // *Historia i współczesność języka polskiego na Kresach wschodnich.* Warszawa, 1997. S. 203–298; *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. T. II. Szkoły podstawowe i średnie. Lublin, 1991.

¹⁷ Ср. аналогичный характер идентичности у остзейских немцев: *Хирихаузен У., фон.* Указ. соч. С. 472–501.

¹⁸ Применительно к Польше эту теорию развил А. Валицкий в: *Walicki A.* Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland. Oxford, 1992. P. 66–69; о чертах этнического национализма см. *Smith A.* The Ethnic Origins of nations. Oxford, 1986; *Смит Е.* Культурні основи націй: ієрархія, заповіт і республіка. Київ, 2010. С. 37.

¹⁹ Подробнее см.: *Yekelchik S.* The Nation's Clothes: Constructing a Ukrainian High Culture in the Russian Empire, 1860–1900 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas.* 2001. Vol. 49. P. 230–239.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Nowak J.* Naród i narodowość w polskiej myśli romantycznej // *Narod-Tożsamość-Kultura.* Między koniecznością a wyborem. S. 201–225.

²¹ Об этом см.: *Grabowicz G.G.* Ukraina // *Słownik literatury polskiej XIX wieku.* Wrocław, Warszawa, Kraków, 1991. S. 979.

²² О явлении языковой стилизации с использованием отдельных украинизмов в польскоязычном тексте см.: *Strycharska-Brzezina M.* Kozak ukraiński. Studium językowe. Kraków, 2006. S. 345–350.

²³ См.: *Zawisza A.* Odezwa do kozaków (1833) // *Spółeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku = Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году.* Ossolineum 1984. S. 230–231.

²⁴ См. воззвание «Milej Brolej»: *Королюк В., Марахов Г. и др.* Восстание 1863 г. Материалы и документы. Москва, Вроцлав, Киев, 1963. С. 539.

²⁵ И. Матвияс, выделяя подольскую разновидность восточнoукраинского варианта нового украинского литературного языка, первым примером такой разновидности считает роман А. Свидницкого «Люборацкие» (написанный в 1861–1862 годах, но опубликованный после смерти автора в 1886 г.): *Матвія І.* Варіанти української літературної мови. Київ, 1998. С. 83–89; примерно этим же временем датированы первые журнальные публикации стихотворений С. Руданского (1859, 1861 г.)

²⁶ Речь идет, в частности, о специфическом знаке *e*, введение которого один из популярных поэтов того времени Т. Падурра в своих писаниях предваряет следующим образом: «На юге правобережной Украины... чаще всего на месте *E* употребляют *И*, поэтому над этими гласным ставлю две точки, чтобы показать различия в произношении» (перевод наш: ср. «W Ukrainie południowej Przeddnieprowskiej... najczęściej w miejscu *E*, używają *Y*, dlatego nad temi samogłoskami kładę dwie kropki, aby pokazać różnicę w wymawianiu języka»): *O życiu i pismach Tymka Padurry // Pyśma Tymka Padurry.* Wydanie posmertne z awtohrafiw. Lwiv, 1874. S. 125–126.

²⁷ *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Текст опубликован на Интернет-странице: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>

²⁸ О ментальных принципах консолидации современного национального сообщества, в том числе на основе осознания причастности к политическим и др. институтам см., в частности: *Гудков Л.* Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия россиянами себя как этнонациональной общности // *Гудков Л.* Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 116.

²⁹ О подобных аспектах мифологизации прошлого см.: *Грабович Г.* Грані міфічного: образ України в польському й українському романтизмі // *Грабович Г.* До історії української літератури. Дослідження, есе, полеміка. Гарвардська серія. Вип. 1. Київ, 1997. С. 177, 180, 188.

³⁰ О явлении фольклоризации в различные эпохи развития украинской популярной культуры см.: *Різник О.* Фольклор // *Нариси*

української популярної культури / За ред. О. Гриценка. Київ, 1998. С. 717–718.

³¹ *Малинова О.Ю.* Традиционалистская и прогрессистская модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830–1840-х годов в России // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 31.

³² О способах обозначения населения украинских земель в этот период см.: *Балушок В.* Несподіванки української етнотермії // Київська старовина. № 5. 2002. С. 27–35; *Шкляр Л.* Українці: етногенез, етнос, етнічність // Генеза. 1994. № 2. С. 127–133.

³³ О классификации языковых единиц в связи с типом обозначаемой ими идентичности см., в частности: *Апанасенко Э.Г.* Россия–Восток–Запад в зеркале русских этнонимов. Автореферат ... к.ф.н. Владивосток, 2009. С. 7.

³⁴ Лексические коннотации в рамках московской семантической школы понимаются как несущественные, но закрепленные в языке (в переносных значениях, привычных сравнениях, производных словах и др.) устойчивые признаки выражаемого словом понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта см.: *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 36–38.

³⁵ «Dobryi Chrystianel!»: BCz. Rks. MNRXII-1400 za 1113070III z 1830–31 г. Печатное воззвание (литография). Далее при цитировании – ДХ.

³⁶ Об аналогичной польской практике употребления термина Украина в раннее новое время см.: *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // Міжкультурний діалог. Т. 1. Ідентичність. Київ, 2009. С. 83.

³⁷ ВК.

³⁸ BCz. Rks. 5422 IV. Sp. 19. S. 951–953. Далее при цитировании – ПА.

³⁹ «Панове громада...»: BCz. Rks. 3940 IV «Do Mieszkańców Gubernii Nowo Rossyjskich». S. 207–209. Далее при цитировании – ПГ.

⁴⁰ Подробно анализирует его употребление и эмоционально-стилистический потенциал в произведениях писателей «украинской школы» М. Стрыхарска-Бжезина: *Strycharska-Brzezina M.* Op. cit. S. 37–118.

⁴¹ Рукописное воззвание «Храбрый Народъ Козаки Донскіе»: BCz. Depesze wschodnie. Rks. 5422 IV. B. I. Od 06.05.1848. S. 760. Далее при цитировании – КД.

⁴² BCz. Rks. 5422 IV. Sp. 12. S. 729–730. Далее при цитировании – ХП.

⁴³ К аналогичному выводу приходит О.В. Белова на основе анализа фольклорных материалов с польско-белорусско-украинско-литовского пограничья: *Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. М., 2005. С. 80; *Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование)*. Автореферат ... д.ф.н. М., 2006. С. 15–16. Текст размещен на интернет-странице: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belova10.htm>.

⁴⁴ Согласно наблюдениям О.В. Беловой: «Для католиков характерно разграничение русской и польской веры; «русская» вера соотносится с православием, а «польская» с католичеством, причем по ряду свидетельств, *православным отказано в праве называться христианами*» (курсив наш. – О.О.): *Белова О.В. Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // Славяноведение*. 1997. № 1. С. 26.

⁴⁵ Здесь речь идет, скорее всего, об украинцах, применительно к которым в некоторых русскоязычных документах более раннего периода употреблялось обозначение «черкесы», «черкасцы». Об этом см., в частности: *Яковенко Н. Вибір імені versus вибір шляху*. С. 57–95.

⁴⁶ *Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe // Współczesny język polski. Encyklopedia kultury polskiej XX wieku / Red. J. Bartmiński*. Wrocław, 1993. Т. II. S. 371.

⁴⁷ Идеологема «врага», по мысли Льва Гудкова, является одним из основных принципов политической организации мобилизационного общества: *Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков*. М., 2005. С. 7–79.

⁴⁸ *Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов*. М., 2000; *Polacy a Rosjanie. Поляки и русские / Pod red. Tadeusza Epszteina*. Warszawa, 2000; *Поляки и русские в глазах друг друга*. М., 2000.

⁴⁹ См., в частности глубокий анализ взаимных стереотипов в культурной сфере: Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa, Kraków, 1990.

⁵⁰ О «манипулирующей» функции языкового стереотипа как орудия ментального воздействия на массы в идеологических и политических целях см. также: Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). С. 4.

⁵¹ Об этом на примере русских и польских дискурсивных практик в 1860-е гг. в Северо-Западном крае см.: Долбилов М. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // Образ врага. М., 2005. С. 127–174, Долбилов М. Полонофобия и политика русификации Северо-Западного края (1860-е гг.): метаморфозы этностереотипов. Текст размещен на Интернет-странице: <http://mion.sgu.ru/empires/articles/index.html>.

⁵² Такое понимание языкового стереотипа развивается, в частности, в польской лингвистической традиции см.: Grzegorzczukowa R. O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych // Język a kultura. Т. 12. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / Wyd. i red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1998. S. 113.

⁵³ О роли межкультурных конфликтов в формировании языковых стереотипов см.: Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 178.

⁵⁴ Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа (Межрегиональные исследования по общественным наукам). Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 175–187. Там же см. обзор терминологии; см. также: Шеен Д.А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка. Автореферат... к.ф.н. Нижний Новгород, 2009. С. 5.

⁵⁵ В том числе таких, как «неопределенность», «негативная оценка вообще» и под.; подробнее о семантической структуре этнонима см.: Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале: языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / Отв. ред. Г.П. Нецименко. М.,

2002. С. 232–253. Текст размещен на Интернет-странице: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich4.htm>.

⁵⁶ Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / Под ред. Л.Л. Гумецької. Київ, 1977. Т. 1. С. 569; Фасмер указывает на древнерусские корни этнонима *лях*, но также не отмечает его оценочности, см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. II (Е–Муж). С. 553.

⁵⁷ Ср. производные от него прилагательные *ляховский*, *ляцкий*, *ляшский*, *ляховитий*, которые переводятся просто как *polnisch*: Малорусско-німецкий словарь / Ул. Е. Желеховский. Львів, 1886. Т. 1 (А–О). С. 421.

⁵⁸ Російсько-український словник / Гол. ред. А.Е. Кримський. Харків, 1924. Т. 2 (З–Н). С. 472.

⁵⁹ Е. Онацкий, ссылаясь на М. Драгоманова, приводит пример песни о Семене Палие, предводителе народного восстания, которого схватили по приказу И. Мазепы козаки: «Ой під дубом стародубом, там *ляхи* суд збирали, того Семена, того Палія на баль зазивали», см.: *Онацький Є. Історичні пісні // Українська мала енциклопедія / За ред. Є. Онацького. Буенос-Айрес, 1957. Ч. 1. Розд. 11. Ст. 25 (Цит. по: Рудницький Я.Б. Етимологічний словник української мови = An etymological dictionary of the Ukrainian language. Оттава, 1982. Т. II. (Випуски 1–3). Д–Б. С. 789.*

⁶⁰ Мы, вслед за В.Б. Кашкиным, выделяем простые и переносные авто- и гетеростереотипы: Кашкин В.Б. Этноним в наивной философии языка и картине мира. Текст размещен на Интернет-странице: <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/KachkineIdentity2002.htm>.

⁶¹ а) в среде карпатских гуралей для обозначения жителей равнин и б) на территории Украины для обозначения поляков, см.: *Słownik języka polskiego / Uł. J. Karłowicz, A. Kryński, Wł. Niedźwiedzki. Warszawa, 1902. Т. II (Н–М). S. 672*; подобным образом трактуется значение слова в: *Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1962. Т. IV (L–Nić). S. 4.*

⁶² Об этом см., в частности: *Dzięgiel E. Polska gwara wsi Zielonej na Podolu na tle innych gwar południowokresowych. Fleksja imienna i werbalna. Krakow, 2001. S. 23–24.*

⁶³ Именно это значение приводится первым в: *Słownik języka polskiego / Uł. J. Karłowicz. S. 672*

⁶⁴ Явление имитации чужого речевого поведения в рамках одного языка – русского исследует М.В. Шпильман, см.: *Шпильман М.В.* Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких): Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. С. 105.

⁶⁵ Об аналогичных составляющих русского стереотипа поляка см.: *Skrzypek A.* Polska–Rosja – stereotypy. Текст размещен на Интернет-странице: <http://www.wbc.poznan.pl/Content/39758>.

⁶⁶ «Лексема-этноним ... приписывает возможному собеседнику классификационные признаки еще до вступления в коммуникацию, и последствия этой антиципации прослеживаются на протяжении всего коммуникативного акта, события или ряда событий»: *Каушкин В.Б.* Этноним в наивной философии языка и картине мира.

⁶⁷ Д.Н. Ушаков сопровождает его пометами «дореволюц., пренебр.», приводя такое толкование: «шовинистическое прозвище, прилагавшееся жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к солдатам»: Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Любопытно, что в статье *лях* приводится лишь помета «устаревшее».

⁶⁸ То же у М. Фасмера – «выходец из Москвы, русский (солдат)»: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. II (Е–Муж). С. 659; аналогично у В. Даля: «слово малорусского происхождения, москвич, русский, солдат, военный служащий».

⁶⁹ Об этом см., в частности: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении.

⁷⁰ О роли оппозиции цивилизованность–варварство в западноевропейском дискурсе о Восточной Европе в эпоху Просвещения см.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу. М., 2005; об аналогичной антиномии в составе стереотипного представления о «русском» в польском культурном дискурсе см.: *Skrzypek A.* Polska–Rosja – stereotypy. Текст размещен на интернет-странице: <http://www.wbc.poznan.pl/Content/39758>.

⁷¹ На польском и русском материале об этом см.: *Белова О.В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры.

⁷² Об этнических определениях в роли маркеров «своего» или «чужого» этноконфессионального пространства см.: *Белова О.В.*

Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях. С. 25–32.

⁷³ Подробнее об учете социально-демографических и психологических черт аудитории как условия успешности выступления оратора см.: *Мацько Л.І., Мацько О.М.* Риторика. Київ, 2003. С. 94–95.

⁷⁴ Ср. наблюдения В.Б. Кашкина о преобладании негативных коннотаций в номинативных моделях для обозначения финнов в пограничном с Финляндией Санкт-Петербурге по сравнению с Воронежем (Центральная Россия): *Кашкин В.Б.* Этноним в наивной философии языка и картине мира.

⁷⁵ Об отличии интеграционных оснований этнической и национальной общности см.: *Гудков Л.* Комплекс «жертвы». С. 116.

Неменский О.Б. Национализм городского и сельского типа. Украинство на фоне других национальных идеологий Центральной и Восточной Европы

В научной литературе не раз подчеркивалась в различных аспектах уникальность украинства как националистической идеологии и связанных с ним практик. Действительно, этой идеологии присуще определенное своеобразие, и тем важнее понять его место в ряду других европейских идейных течений подобного рода.

Со времени появления основных теоретических работ по национализму Ганса Кона (т. е. с середины XX в.) в теории нации утвердился основной принцип различения национальных проектов: западный национализм (гражданский, государственный, представленный в первую очередь, Великобританией, Францией и США) и восточный (культурный, этнический, ярко показанного немецкой и славянской традицией). Примечательно, что с тех пор никаких серьезных нововведений, получивших широкое признание, в типологию национализма сделано не было. Так или иначе, идет ее уточнение и дробление по тем или иным признакам. Не раз уже подчеркивалось, что это два различных типа именно национализма, т. е. проектов, по которым создавались нации, но не самих наций. Нации сохраняют в себе многие черты, обусловленные особенностями создавших их национализмов, однако, сами по себе столь определенно на эти типы не делятся, обладая принципиальной общностью черт. Более того, в любых западных нациях можно найти немало свойств и того, и другого варианта. Что, тем не менее, никак не отменяет значимость типологизации национализмов, т. к. как главный вопрос, интересующий исследователя нации, состоит именно в том, как и на основе чего они формируются.

Время проверило полезность и адекватность разведения восточного и западного национализмов. Однако думается, что

критериев может быть и больше. Возможно, проблема национальной теории состоит в том, что она привыкла иметь дело с материалом именно Западной Европы, своеобразие исторического опыта которой предопределяет некоторые ограничения для исследовательской мысли. Последнее становится очень заметно тогда, когда западные теоретики нации пытаются описывать исторический опыт народов бывшей Российской империи. При этом собственно типологическая мысль здесь оказывается весьма скудной, так как все местные национализмы так или иначе описываются через «восточную», этнокультурную модель.

Между тем материал Восточной и Центральной Европы дает основание для проведения некоторых новых различий националистической мысли, которые как раз здесь оказываются принципиально значимыми и даже определяющими для любых констатаций о взаимоотношении местных национальных проектов. При этом стоит особенно отметить, что обычный для этого исторического пространства этнонационализм уже давно не является единственным типом: помимо появления ряда сознательно гражданских национальных проектов, некоторые прежние национальные идеологии вполне этнокультурного типа показали свою способность существенным образом изменяться и воспринять гражданственный подход к строительству нации.

Надо оговориться, что исследовательская мысль уже давно различает национализм государственных наций и антиимперский национализм, формирующийся как национально-освободительная идеология. Однако как раз это разделение дает больше всего осечек. Можно привести венгерский пример, до событий Второй мировой вполне совмещавшего оба типа, а также и русский (если выделять собственно националистическую мысль из господствовавшей имперской), который во многом имел антиимперскую направленность. Вряд ли такой подход может объяснить и преимущественно антинемецкую направленность старого латышского национализма, или же антипольскую – литовского.

Обе обозначенные типологизации исходят из соотношения «народ – государство», рассматривая именно государственный принцип как определяющий характер национального проекта: ставится ли задача создать единую нацию в рамках уже существующей государственности (гражданский национализм), объединения целого ряда донациональных государств в единую нацию на основе этнокультурной общности, или же выделения такой общности из многоэтнической империи в особую национальную государственность (все это, так или иначе, этнонационализм). Однако при таком подходе недооценивается, что национальная государственность является лишь конечным результатом предпринимаемого националистами процесса, но не его основой. В основе идеи о нации лежит та или иная историческая идентичность и связанная с ней культурная традиция, что, в свою очередь, ставит вопрос о соотношении «народ – культура», ведь культурные традиции друг другу далеко не всегда типологически тождественны. Сама идея нации – нововременная, модерная, она предполагает определенную стадию развития культуры. И здесь проблема уже не в том, есть ли у народа своя государственность и какова она, а в том, есть ли у него своя достаточно развитая культура.

Вынесенные в заглавие настоящей статьи понятия «городского» и «сельского» национализмов вовсе не отсылают к уже традиционным рассуждениям о том, что националистические настроения в среде городских и сельских жителей довольно заметно разнятся друг от друга (с неизбежными при этом выводами о большей «эксклюзивности» села). Речь идет о принципиальных свойствах национальных проектов, которые, так или иначе, всегда являются продуктом мысли городских интеллектуальных и политических кругов, причем эти проекты приходят потом в село уже в виде более-менее стройных идеологий. Я здесь обращаю внимание на различие культурных основ самих националистических построений.

Нетрудно заметить, что, в отличие от ситуации на Западе, народы остальной части Европы принципиально не походили друг на друга друг от друга именно по состоянию культур на

время зарождения их национальных проектов. Многие из них просто не имели к тому времени развитой городской культуры. Более того, здесь было немало народов, вовсе не имевших своей городской культуры. Некоторые из них не имели такой культуры никогда, а некоторые хотя и обладали в прошлом своей аристократией и городской жизнью, но к XIX веку оказались на положении сельского населения, живущего между инокультурными (и иноязычными) городами.

Городская культура – особый исторический феномен. Именно с развитием городской жизни начинается собственно история. В городах формируется особый исторический опыт, обретается письменная культура, историческая память. Не только в современных (пост)индустриальных, но и в старых аграрных обществах именно с городом неразрывно связана жизнь социальной и культурной элиты, аристократии. Культура нового времени, породившая национальную модель общества, была связана именно с городской культурной средой.

Село же является хранителем традиционной дописьменной культуры. К эпохе национальных возрождений сельская жизнь почти во всей Центральной и Восточной Европе мало чем отличалась от того, какой она была несколько сотен лет назад. Во многом можно ставить под вопрос даже степень адаптации селянством христианской религиозности, а бытовая сторона их жизни почти ничем не отличалась от догосударственной эпохи. Культурная пропасть между городом и деревней оставалась чрезвычайно глубокой даже в XX веке, что нашло выразительное отражение в марксистских социальных концепциях о «двух культурах», а также о борьбе «мировой деревни» с «мировым городом».

Однако в эпоху национализма возникла возможность стать нациями не только народам с развитой городской культурой, но и этим «сельским народам», не имеющим ни своих литературных языков, ни своей системы образования, ни своей печати, ни своей политической жизни, ни того образованного культурного слоя, который мог бы все это создавать. То есть не имеющим ничего из

того, что, по мнению почти всех теоретиков национализма, является необходимым условием для складывания наций.

Наиболее ранним и ярким примером такого «подтягивания» сельского населения до национального бытия стало чешское национальное возрождение. Чехи имели в прошлом свою высокую аристократическую культуру, ренессансный XVI век. Однако после Белогорской битвы 1620 г. немецкий элемент обрел здесь столь преобладающее значение, что к середине следующего века чешская городская культура фактически была утрачена. Чешский язык вышел из употребления не только в городах, но во многом даже и в сельской местности (вследствие давней немецкой колонизации), и как письменный перестал развиваться. В конце XVIII в. Йозеф Добровский высказал предположение, что чешский уже стал мертвым языком. Его не изучали в школах, на нем не выпускали книг. Богемская шляхта и мещанство были немцами по языку и «богемцами» по самосознанию. И в таких условиях появляется культурное движение по возрождению всего чешского.

Ранние чешские «будители» были вынуждены самостоятельно изучать чешский язык, так как их родным был немецкий. Франц Палацкий¹ призывал «научиться думать, говорить и писать по-чешски», – и это был крайне смелый для того времени лозунг, так как «мужичий» язык меньше всего подходил для культурной деятельности. За этим языком шли в те немногие села, где он еще сохранился. Само стремление людей немецкой культуры возродить культуру чешскую – своеобразный сюжет эпохи немецкого романтизма, требующий отдельного рассмотрения². Важно подчеркнуть: уже к середине XIX в. стала складываться собственно чешская интеллигенция и чешская буржуазия, а еще через немногим более полувека появилась государственность, основанная на чешском национальном проекте. И хотя даже в 30-х годах XX в. она еще многим казалась искусственной и нежизнеспособной, в наши дни существование особой чешской нации уже никто отрицать не решится. Нации, создание которой начиналось почти с нуля небольшой группой инокультурных интеллектуалов. В прошлом немецкие по

культуре и языку города теперь говорят на языке, сконструированном в XIX в. филологами на основе сельских диалектов, а их жители считают себя не «немцами», не «богемцами», а «чехами», как и жители тех сел.

В истории Западной Европы примеров подобных национализмов найти трудно. Можно сравнить с кельтскими проектами, со становлением той же ирландской нации. И все же Ирландия складывалась на основе английской городской культуры и так англоязычной и осталась. Там «село» так и не одолело город – не удалось даже возродить саму ирландскую сельскую культуру. А вот в Восточной Европе примеров, схожих с чешским, можно привести еще не мало. Во многом таков был национализм народов, освобождавшихся от Османской империи или из-под венгерской власти, таков был национализм народов Прибалтики.

Не везде ситуация изобретения национальной культуры представителями иных культур повторялась столь же отчетливо. Большую роль играл и переход сельского населения в город. Выходцы из деревни, обосновываясь в городе, усваивали иные культурные традиции и обучались другим языкам, однако нередко сохраняли особую идентичность. Век утверждения идеологии национализма не мог обойти стороной и этих людей – в их среде появлялись идеи о национальном самоопределении и для их сельских народов, мечта о «возвращении себе» городов. Например, в исторически немецком городе Риге латышская община была легализована только в 1868 г., и в том же году вышел первый учебник латышского языка, написанный по-русски. Это нормальный для того времени процесс – эмансипации народов, не имевших прежде развитой культуры, появления их собственной городской среды. Однако он проходил уже не сам по себе, а попутно с формированием национальных идеологий – развития современной идеи о нации в приложении к этим народам, появления проектов их национальных государственных.

Этот «сельский» (или, можно сказать – рустикальный) национализм существенным образом отличается от национализма

тех народов, которые издавна обладали своей городской культурой, и его главной отличительной чертой является искусственность. Само это слово – «искусственность» – ни в коей мере не подразумевает отрицания его прав на существование. Наоборот, сама логика национализма утверждает это право. Однако это слово характеризует важнейшую сторону такого национализма: он проходит через долгий этап сознательной творческой работы интеллектуалов по догоняющему и неизбежно подражательному созданию литературных языков, «национальных» историй, традиций городской жизни, системы образования и т. д. Кроме того, им приходится проходить этап борьбы за признание своих прав на существование со стороны тех старых крупных культур, на замещение которых в городах они претендуют. Культура села – глубоко традиционная, древняя; в ней меньше всего отражается исторический опыт эпохи письменной культуры. Освоение сельскими жителями города – это всегда перенятие, аккультурация, разрушающая собственно деревенскую культуру.

Можно было бы сказать, что у обоих типов национализмов – городского и сельского – схожие задачи. Перед городским национализмом стоит задача утверждения в селе, в преобладающих массах деревенского населения (и это достигается через административное воздействие и систему всеобщего начального образования). Перед сельским национализмом стоит задача «завоевания» города. Однако само по себе явление национализма – принципиально городское, это продукт развития городской культуры. И поэтому национальный проект, основанный на сельском народе, всегда вынужден изобретать недостающую ему городскую культуру. И все же полного замещения отсутствующих веков городского развития произойти не может, поэтому сельский характер национализма оставляет печать на всем проекте, сохраняя свое значение и для уже созданной нации.

Важно подчеркнуть, что различие городского и сельского типа национализма вовсе не тождественно и не всегда совпадает с национализмом государственных и порабощенных наций.

Яркий пример национального движения, имевшего подчеркнuto аристократический характер, но формировавшегося именно на основе национально-освободительных задач – польский национализм. Для него важнейшей проблемой была иноэтничность села на западнорусских землях, которые и стали основным пространством его формирования и борьбы. Можно привести пример и столь древней и развитой городской культуры, как итальянская, между тем итальянский национализм так же формировался отчасти как антиимперское освободительное движение. В то же время история России XX в. дает немало примеров, когда насильственно созданная «имперским» центром национальная автономия с этническими кадрами во главе вынуждена создавать свою национальную городскую культуру уже постфактум, в условиях уже наличествующей национальной формы государственности.

* * *

Особенно причудливо сложилась судьба городского и сельского национализма на русском культурном пространстве. Рассуждая о русском национализме, приходится делать оговорку, что как такового русского национального проекта нет: русские – единственный народ европейской части света, до сих пор не преобразовавший свою жизнь в национальные формы и даже не имеющий определенной идеологии создания нации. Тем не менее, русская националистическая мысль имеет уже более чем столетнюю историю и в некоторой степени позволяет судить о самых общих свойствах проекта. Кроме того, русские имеют давно сложившийся литературный язык, сам по себе задающий некие рамки национальной мысли. При этом она вынуждена развиваться в условиях спора и столкновения с другими национальными проектами, принципиально ей альтернативными и имеющими региональное приложение.

Русский национализм в любом случае является городским: за ним стоит многовековая история русской городской жизни и аристократической культуры. При этом его проект по логике своего создания общерусский, то есть претендующий на все историческое пространство «Русской земли» в том ее понимании,

каким оно было запечатлено в культуре со средних веков. Общерусским является по своей природе и русский литературный язык, историю которого невозможно представить без западнорусского этапа развития. Тем не менее, концентрированность российской государственности вокруг Москвы способствовала появлению в русском самосознании явных региональных черт: оно склонно к актуализации особенностей именно региона волго-окского междуречья. История и культура отдаленных земель – северных, южных, и особенно западных – современной русской идентичностью адаптированы довольно слабо. Это проявилось еще в XIX в., когда стали складываться национальные проекты, отвергающие общерусскую идентичность. Характерная черта всех этих проектов – их ярко выраженный рустикальный характер, ориентация на культуру села.

Речь идет об украинском, белорусском, казакском и еще нескольких проектах, проявивших себя в меньшей степени. Даже на общем восточноевропейском фоне они выделяются особым своеобразием. Их оригинальность, прежде всего, в том, что они – не просто национализмы сельских народов, претендующие на «завоевание города», но и сознательно анти-городские проекты.

В отличие от ряда других народов, действительно сельских и потому вынужденных конструировать свое городское пространство почти с нуля, у населения, на которое претендует, например, украинство, городская культура была и никуда не исчезала. В прошлом современной Украины – многовековое развитие городской жизни, имевшее значительное своеобразие и высокие культурные достижения (вспомним, например, братское движение православных мещан, православные училища и т. д.). Даже в, казалось бы, польско-еврейском городе Львове середины – второй половины XIX в. мы наблюдаем большой подъем восточнославянской интеллектуальной жизни, основанный во многом на тех институтах местной русской городской жизни, которые сформировались здесь еще в XVI веке (например, ставропигия). Особая местная городская традиция сложилась в XVII–XIX вв. на землях собственно Украины, то есть казачьих

территориях. И в Киеве местная городская жизнь никогда не прекращалась и не становилась инокультурной.

Однако вся старая автохтонная городская культура территории современной Украины стала органической частью общерусской культуры, стала одной из основ возрожденного общерусского культурного пространства. И так было даже в оторванном от России Львове. Попытки создать здесь особый национальный проект, отличный от русского и украинского, провалились – слишком уж местное письменное «язычие», как его тогда называли, было схоже с русским литературным языком, да и идеологических оснований для различения с общерусской культурой явно не доставало. Т. н. «русофильское» идейное и политическое движение стало здесь господствующим и оставалось таковым до времени насильственного уничтожения основных его носителей. Еще более выразительным было господство русской культуры и самосознания в Киеве и других городах в России³. Их культура была не великорусской, не привнесенной из Северо-Восточной Руси – она органически продолжала местное развитие городской жизни, уходящее корнями еще во времена Киевской Руси.

Однако эта культура, будучи частью и основой городского по своей природе общерусского национального проекта, оказалась ненужной сельскому проекту украинской нации. Зарождался он, как и все подобные проекты: городская русскоязычная интеллигенция увлеклась сельской «мовой» Полтавщины и попыталась ввести ее в культурный оборот, поначалу даже в качестве шутки («Энеида» И. Котляревского). Однако сельский национализм развивался и ближе к концу века стал заметной общественной силой. Его изначальной особенностью была необходимость приходить в города на смену местной же (то есть той же народности) городской жизни, противостоять своей же городской культуре. Для этого со временем потребовались даже такие экстраординарные меры, как смена идентичности и самоназвания с «русского» на «украинское».

При общем свойстве всех сельских национализмов – их неизбежной искусственности, догоняющем конструировании

своей городской среды – украинский проект был вынужден конструировать новую идентичность даже того сельского населения, на котором он поначалу основывался. С одной стороны, это помогало разграничить представителей традиционной культуры и самосознания (обладающих своей местной и сельской, и городской культурной традицией) и носителей нового национального проекта. Но это же в результате трансформировало малорусский сельский национальный проект в украинство, то есть создало современную украинскую идеологию, которую трудно поставить рядом с другими «сельскими» национализмами именно за ее особое отношение к историческому наследию и старому самосознанию своей народности.

Эта ситуация уникальна: здесь не было адаптации селом инокультурной городской жизни, а наоборот – отвержение собственной городской среды и ее традиций. Этот сельский национализм не «вспоминал» яркое городское прошлое своего народа, а наоборот – усиленно его забывал. Именно поэтому он воспринимался носителями традиционной идентичности не как национальное движение возрождающейся народности, но как «сепаратизм», то есть движение по выделению из общего этнокультурного пространства (о политическом отделении речи еще долго не шло). Это особый подтип рустикального национализма – антигородской, то есть направленный не на (вос)создание своей городской культуры, а на ее уничтожение. И именно из-за этого он являлся (и по сей день является) альтернативным для своего народа: его задача – в определенном регионе заместить собой другой – городской – проект той же народности. Здесь сама по себе типологизация национализмов как «городских» и «сельских» помогает определить сущность этой ситуации сосуществования альтернативных национальных проектов в одном этническом пространстве.

Примечательно, что теперь украинство, выросшее из сельского национализма и почти однозначно квалифицируемое как «этнонационализм», проявило способность играть роль гражданского национального проекта. Это стало возможным

благодаря его господствующему положению в созданной внешней «имперской» силой государственности и одновременно оторванности от реальной исторической этничности всех его жителей и регионов. И хотя обе трактовки украинства – этноцентричная и гражданская – в наши дни открыто соревнуются на Украине, способность украинской идеологии к строительству гражданской нации была ярко продемонстрирована в период президентства Л. Кучмы и остается реальной альтернативой государственной политики.

Однако несомненно, что появление и такое яркое развитие альтернативного сельского национализма в пространстве русской этничности было обусловлено и слабыми сторонами складывавшегося общерусского проекта. Можно сказать, что этот проект изначально был чрезмерно городской. Огромные просторы, охватывающие регионы с довольно разным историческим опытом, были объединены подчеркнуто междугородними отношениями. Не случайно даже в древнерусскую эпоху все земли именовались именно по крупным городам. Русь не знала такой урбанистической культуры, как Западная Европа, и, тем не мене, к Новому времени она подошла с аристократичной городской культурой, мало учитывающей своеобразие региональной сельской жизни. Еще более это усугубила петровская эпоха, итогом которой стала подлинная культурная пропасть между вестернизированным городом и «патриархальной» деревней.

Этот разрыв стал одной из важнейших тем русской культуры всего XIX в. И если в начале века встречаются лишь отдельные размышления об этом (как, например, в дневниках А.С. Грибоедова), то в середине – второй половине века глубокое осознание проблемы становится определяющей стороной идеологии такого мощного общественного течения, как народничество. По сути, именно на идее «хождения в народ» и вырос в Малороссии свой сельский национализм. Этому способствовало и то, что оторванная от городской среды старая сельская культура сохраняла заметное своеобразие различных исторических регионов, в культуре верхов почти не выраженное.

А в условиях продолжительного господства крепостнических отношений село было более архаичным, чем где-либо в Западной Европе.

Само слово «народ» в русском языке обрело значение «сельского люда», что разительно отличает русскую культуру от, например, польской, в которой слово «narod» закрепилось за шляхтой. И если русское общество было озабочено вопросом, как вернуть в «народ» культурные верхи общества, то польская мысль одновременно с этим трудилась над вопросом, как включить в «narod» большие сельские массы, проявившие свою пассивность и безразличие к национальным задачам во время польских восстаний. С этим связано и принципиальное различие в понимании слова «народность» («narodowość») в русском и польском языках того времени.

Понятие «народности», сыгравшее в русской культуре огромную роль, вышло на первый план российской общественной жизни в 1830–40-х годах. «Народность» виделась несколько иначе, чем в советской историографии. Русская традиция употребления слова «народ» как тождественного «простонародью» здесь сыграла важнейшую роль, хотя немалое значение имели и западные идеи. На его формирование оказали большое влияние идеи Ж.-Ж. Руссо, немецкой философии (И.Г. Гердера, И.Г. Фихте, мифологической теории братьев Гримм) и в целом культура немецкого романтизма. Однако понятие оказалось в своих значениях специфически русским⁴. Народность первоначально понималась как «проявление в литературе национального духа» (выражение П.А. Вяземского), однако источником и выразителем этого духа признавался исключительно «простой народ», крестьянство. Именно в такой трактовке термин «народность» употребляли славянофилы, ставшие, фактически, законодателями его значений для культуры того времени.

Одновременно с этим понятие народности определяло особое отношение к культуре: подлинной, настоящей культурой виделось именно культурное наследие крестьянства, а городская культура, тем более культура аристократического слоя

понималась как наносная, неподлинная, являющаяся скорее достоянием общеевропейской цивилизации, чем самого народа – а потому и не составляющая народность, не выражающая национальное лицо. Искать «русскость» требовалось в деревне, так как только она виделась ее хранительницей. И из этого же делался вывод о необходимости приближать культуру верхов общества к культуре народной, «идти в народ» за подлинными ценностями, настоящим, неисковерканным городской жизнью языком, моралью – всем, что могло быть названо «национальным». Несомненно, на формирование идеи народности решающее влияние оказал самый факт культурного разрыва между разными слоями русского общества. И понятно, что европеизированная культура верхов воспринималась как наносная, а культура деревни виделась хранительницей исконных русских форм.

Это умонастроение верхов русского общества не было чуждым и дворянству Малороссии. Влечение ко всему народному (в русском смысле слова) проявилось здесь так же еще в первой половине XIX века и весьма заметно уже в текстах 1846 г., связанных с Кирилло-Мефодиевским братством. Именно оно стало основой для отхода от старой, узкосословной, восходящей к шляхетской сословной идеологии республиканской традиции местного патриотизма к более демократичной, представлявшейся одновременно возрождением старых и подлинных казацких устоев. По сути, это было переключением с польского понятия слова «народ» на собственно русское, актуальное для всей имперской культуры того времени. Про казацкие войны XVII в. писалось: «скоро все люди в Украине стали бы казаками, т. е. вольными и равными»⁵. Эта новая волна увлечения идеей «народности» стала основным содержанием развития украинофильских идей почти на всю вторую половину XIX в.

Городская культура Украины виделась не вполне подлинной, ненациональной, а потому достойной отрицания и замещения ее «подлинной народной» культурой. В основной части России, несмотря на очень широкую и долгую увлеченность в обществе

этими свойствами идеологии народности, тем не менее, не смогли создать на сельской основе какой-то новой культурной традиции, претендующей на замещение старой городской культуры. Хотя теоретически попытаться создать на основе одного из многочисленных сельских диалектов альтернативную версию литературного языка можно было почти в любой точке Русской земли. На Украине (то есть на землях бывшей Гетманщины) это в значительной степени удалось.

Большую роль в этом сыграло то, что местная городская культура – вся русскоязычная и основанная на многовековой местной традиции – была признана не национальной не только как городская, но и как «общеимперская», общерусская. Действительно, русская культура, какой она сложилась к XIX в., была основана на западнорусской традиции (в том числе и языковой) едва ли не в большей степени, чем на среднерусской, и роль Киева как культурного центра была для нее никак не меньшей, чем Москвы. В результате городская культура Киева или Чернигова мало чем отличалась от культуры городских центров Великороссии, в чем легко можно было усмотреть и опасность общерусской стандартизации.

Кстати, сам по себе факт малорусского участия в создании общерусской культуры не только признавался, но и подчеркивался украинофилами. Так, например, в стихотворении «Національний ідеал» П. Кулиш написал: «Так само й Москалю живу вказали мову, / І привели його ід пушкінському слову»⁶. Тем не менее, эта культура «верхов» виделась оторванной и мало выражающей сельскую стихию Малороссии. Сама по себе эта идея может быть признана абсурдной, ведь городская культура не может быть основана только на сельской традиции – ей естественно наследовать многовековой культурной истории. Но в соединении с новыми националистическими идеями эта мысль оказалась довольно плодотворной.

Русское понятие о народности с его постулированием подлинно народного характера только за деревней создало благоприятную почву для формирования особого – нигде более в Европе параллелей, не имевшего – национализма,

противопоставлявшего сельское и городское население одного и того же народа. Укратиофильство, перейдя на национальные рельсы, воспринимало свой народ именно как «плебейский» и моделировало национальное движение по образцу сельских народов Центральной Европы. Оно утверждало необходимость формирования местной национальной жизни за счет местной городской, как будто она была пришлой, чуждой, как культура завоевателя. При этом никаких теорий, которые бы (пусть и ошибочно), но рассматривали бы местную городскую культуру как культуру иного народа, не было: достаточно было общего признания городской культуры как ненародной, свойственного тогда почти всему русскому интеллектуальному обществу. Так возникло украинство, которое еще редко выдвигало действительно националистические идеи (о национальном суверенитете, о независимой Украине), но оказалось основой своеобразной идеологии антигородского национализма. Последний стал альтернативой идеям формирования национальной жизни на основе местной городской традиции, имевшей общерусский характер.

Наиболее остро проблема «плебейского национализма» проявилась в творчестве Михаила Драгоманова – одного из основных идеологов позднего украинофильства, представлявшего уже крайние его формы. Драгоманов хорошо осознавал, что городская культура его земли ей не чужда, но был убежденным приверженцем идеи народности, которую защищал в украинофильстве. Идею, что в основу национальной жизни должен быть положен «живой народный язык» и деревенские традиции, а городское наследие должно уйти в прошлое как ненародное.

Общерусскость украинской городской культуры виделась ему прямым доказательством ее ненародного характера: «Беда наша была в том, что наше просветительное движение XVI в., в котором было заметно влияние европейского возрождения, наук и реформации, не иссякло в результате Брестской унии и вызванной ею православно-казацкой реакцией, которая обеспечила в нашей литературе XVII в. победу

церковнословянско-русского макаронизма над народным элементом. Вследствие этого наши писатели XVII в. не чувствовали разницы своего языка и письменного московского языка, также по-своему макароничного. А когда этот язык во времена Петра Великого стал органом широкой государственной культуры, с довольно сильным для Восточной Европы того времени содержанием светских европейских интересов, то московско-петербургская литература, которую при Петре Великом помогали создавать и украинцы, стала более широкой и оживленной, чем тогдашняя украинская, и притянула к себе и других людей, которые смотрели на нее не как на чужую, а как на свою⁷. Однако эта общая культура виделась Драгоманову не подлинно народной, а значит и чужой. Он признавал наличие «общей интеллигенции русской или российской, которая складывается из великорусов и малорусов»⁸; но считал украинцев народом деревенским, и только за этой деревенской культурой оставлял право на дальнейшую жизнь в национальную эпоху.

Интересно «народническое» мышление Драгоманова проявилось в его взглядах на общественное движение в Галиции. Говоря о местном «москвофильстве», он находил такие его основания: «Очень смешно выводить “москвофильство” в Галичине только от “московских рублей” или от существования “погодинской колонии”. Бесспорно, галицкое “москвофильство” должно иметь свои органичные основания. Наибольшее из них: реакция на полонизацию – одного рода с той, которая привела Б. Хмельницкого в подданство Москве. Далее это своего рода аристократизм, который не верит в силы самого галицкого мужицтва, а обращается к родственной державе, которая имеет свое правительство, иерархию, русское дворянство. В конце концов, галицкую старую партию (т. е. так называемых «старорусов». – *О. Н.*) притягивает к Московщине и национальное родство»⁹. Помимо реакции на полонизацию, в основе москвофильства Драгоманову виделась «аристократизм» и «национальное родство» – то, что составляло основу для национальной консолидации у любого другого народа Европы, имевшего свою высокую культуру. Однако в этом не было

«народности», то есть той самой «веры в силы мужицтва», которая виделась Драгоманову и всем украинофилам вместе с ним единственным достойным основанием для национального движения. При этом он вполне отдавал себе отчет, что идея общности «украинской народности» Надднепрянщины и Галичины сама по себе весьма сомнительна, ведь «для галичан ... приднепрянская история почти столь же чужая, как и приволжская, тогда как сама история приднепрянская все-таки имеет много точек, общих с приволжскою и приневскою»¹⁰.

Не меньше (если даже не больше) негатива вызывало у Драгоманова галицкое краевое движение, пытавшееся создать местные национальные формы жизни на основе специфической для этого края русской городской традиции. Выступая против этой программы «австро-рутенизма», направленной, по его словам, против «общеруссизма и украинизма», он указывал, что местная городская языковая традиция есть «не народный язык, а язык Вашей публики и ее литературы»¹¹. Неудивительно, что он получил ответ, в первую очередь выражающий недоумение по поводу столь странного для галичанина того времени представления, что есть «народное», «народ». Львовская интеллигенция жила в контексте польской культуры, и русское понятие «народа» было для нее странным и непонятным: «Интересно однакъ знати, що Вы понимаете через слово “народъ”? Изъ Вашихъ словъ можна только съ всею вѣроятностью заключити, що “народъ” то селяне, земледѣльци, – значить “народъ” берете въ значенію найтѣснѣйшомъ: яко то само що “найнижшій, непросвѣщенный класъ общества”, або “простый народъ”. Того последнего имени однакъ намъ заказуете употреблять; и въ письмахъ до насъ неупотребляете. Для чого? Нехай буде по Вашому, нехай слово “народъ” означае “простый народъ” (plebs). ... То слѣдовало бы зъ того только то, що мы всѣ чуемъ себе чи “публику” такъ близкими до “народа”, що просто идентификуемъ ся съ нимъ. ... Еслижъ мы, если сама “публика” т. е. высшая клясса у насъ (бо шляхты не маемъ, ни дворянь) себе воображавъ за “настоящій народъ” (Вашои дефиници), пытаемъ, чи то не верхъ совершенства, чи не больше, якъ зближенъе? А Вы

таки сердитесь!»¹². Так, украинофильство в лице М. Драгоманова наталкивалось в Галичине на культурную границу, которую путем диалога преодолеть было вряд ли возможно.

На деле оба эти течения ушли в прошлое, уступив место собственно украинству, которое принципиально отличалось от них по важнейшим параметрам. Главное различие между ними – это отношение к традиционной этничности тех земель, за которые боролись эти идеологии. Если украинофильское движение пестовало местную историческую специфику Украины, то украинство создало принципиально новую идентичность, прежде не существовавшую (украинскую), и представляет собой уже не краевой проект, а национальный. В его основе идентичность, которая создается умозрительно и навязывается сверху, а не выявляет местные исторические особенности. Это уже не национальное движение, а политическая идеология, которая создает под себя нацию. Если украинофильство возникало на основе реальной потребности защитить местные культурные особенности Юго-Западной Руси от культурной унификации внутри Российской империи, то украинство создано на основе, по сути, прямо обратных геополитических проектов по дерусификации западнорусского населения.

Датой рождения собственно украинства, наверное, можно считать известную декларацию Ю. Романчука и А. Вахнянина в Галицийском Сейме 25 ноября 1890 г. А история официального существования украинского национализма начинается с 1895 г., когда вместо прежней «русской» делегации на этот Сейм приехали те же депутаты, но «украинские». При этом украинство унаследовало основные языковые и историографические наработки украинофилов, и в этом смысле как бы продолжило их движение. Во многом именно в особенностях украинофильства стоит искать условия, причины появления украинства. И, возможно, важнейшей такой причиной был антигородской его характер, что оборачивалось, по сути, антиисторичностью, то есть использованием этнографических сюжетов наравне с отрицанием городской культуры своей страны.

Так именно глубокий разрыв между городской культурой и деревенской, а также общее признание необходимости «идти в село – искать корни нашей культуры», позволили увидеть в региональном сельском диалекте нечто «исконное» и требующее возрождения, а к городской культуре отнестись как к чему-то искусственному и наносному. Русское осознание оторванности городской культуры от «подлинно народной», популярность идеи народности, имперское торможение процесса русской национальной консолидации создало идеальные условия для появления альтернативных рустикальных национальных проектов. А последующий приход к власти политической силы, сознательно поддерживавшей все малые национализмы в Империи и с симпатией относившейся к любому противопоставлению «народных масс» «верхам» старого общества позволило этим сельским национализмам перескочить этап конкурентной борьбы с едва появившимся общерусским национализмом.

Для других сельских национальных проектов Центральной и Восточной Европы такую роль сыграли события вокруг Первой и Второй мировых войн (произошедшее в результате них очищение от немецкого населения Чехии, Латвии и Эстонии, деполонизация Западной Украины и Белоруссии, элиминация венгерского фактора в словацкой части Чехословакии и польского в Литве и т. д.). XX век стал веком побед целого сонма национальных проектов, основанных на усиленной модернизации сельских культур. Такое создание нации посредством «победы деревни над городом» (или же победы в городе новой национальной идеологии, основанной на актуализации сельских образов, как в случае с украинством) – принципиально иной путь формирования современных обществ, чем классический (немецкий) этнокультурный национализм или классический (французский) государственный национализм, в обоих случаях предполагающие развитие старой городской культуры.

¹ Фридрих Энгельс назвал его «свихнувшимся ученым немцем» – характеристика, которую он наверняка мог применить к большинству

других деятелей чешского национального возрождения. См.: *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии. Гл. VII. Поляки, чехи и немцы // *Маркс К., Энгельс Ф.* ПСС. Изд. 2-е. Т. VIII. М., 1957. С. 54–55.

² См. об этом подробнее: *Неменский О.Б.* Феномен чешского национального возрождения как теоретическая проблема // *Вестник Университета Российской академии образования.* 2004. № 2. С. 79–99.

³ Об этнической номинации исторических текстов, описывающих культурные реалии прошлого Западной Руси см.: *Неменский О.Б.* Проблемы исторической номинации Западной Руси // *Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии.* Москва, 2008. С. 387–394.

⁴ См. последнее по времени и очень подробное описание истории этого понятия в монографии: *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 35–161 (Часть I. От народности к этничности: язык научного описания).

⁵ Закон Божий (Книга бытия украинского народа) // *Костомаров Н.* Скотской бунт. М., 2002. С. 394.

⁶ «Так же и Москалю живой указали язык, / И привели его к пушкинскому слову».

⁷ *Драгоманов М.* Чудацькі думки про українську національну справу // *Драгоманов М.П.* Вибране. К., 1991. С. 536: «Лихо наше було в тому, що наш освітній рух XVI ст., на котрому видно було вплив європейського відродження наук і реформації, не вигорів через Берестейську унію й визвану нею православно-козацьку реакцію, котра дала в нашому письменстві XVII ст. перевагу церковнослов'янсько-руському макаронізму над елементом народним. Через те наші письменники XVII ст. не чули різниці своєї мови від письменської мови московської, також по-своєму макаронічної. А коли ця остання за часи Петра Великого стала органом розширеної державної культури, з досить сильним для тодішньої Східної Європи процентом світських європейських інтересів, то московсько-петербурзька література, котру виробляли помагали за Петра В. й українці, стала ширшою й живішою, ніж тодішня українська, й потягла до себе й наших людей, котрі дивились на неї не як на чужу, а як на свою».

⁸ *Драгоманов М.* Література російська, великоруська, українська і галицька // *Правда.* Львів. 1874. № 5. С. 208.

⁹ Драгоманов М. Чудацькі думки... С. 555: «Дуже смішно виводити “москвофільство” в Галичині тільки від “московських рублів” або від існування “погодінської колонії”. Безспірно, галицьке “москвофільство” мусить мати свої органічні підстави. Найбільша з них: реакція полонізму – одного роду з тою, котра привела Б. Хмельницького до підданства Москві. Далі свого роду аристократизм, котрий не вірить в сили самого галицького мужицтва, а обертається до спорідненої держави, котра має уряд, ієрархію, панство руське. Нарешті, притягає галицьку стару партію до Московщини й спорідненість національна».

¹⁰ Там же. С. 556: «для галичан... придніпряньська історія майже стільки ж чужа, як і приволзька, тоді як історія придніпряньська все-таки має багато точок, спільних з приволзькою й приневською»

¹¹ Драгоманов М.П. Українщина или рутенщина? (Второе письмо в редакцию «Друга») // Другъ (Львов), 1874–1875. Текст размещен на Интернет-странице: http://www.dragomanov.info/dragomanov_drug4.html.

¹² Отповедь на «второе письмо» г. Украинця (редакции «Друга») // Другъ (Львов), 1874–1875. Цитата оставлена без перевода. Текст размещен на Интернет-странице: http://www.dragomanov.info/dragomanov_drug5.html

Королев Г.А. (Киев) Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы

Украинская история «долгого» XIX века характеризуется процессом формирования современной нации, основной чертой которого был выбор исторических перспектив. Актуальность исследования указанной проблемы обусловливается существованием в современной Украине «цивилизационного раскола» (понятие С. Хантингтона), а также спецификой развития украинской региональной идентичности. Историография проблемы достаточно обширна, учитывая широкий контекст истории национально-освободительного движения Украины в XIX в.¹, поэтому предметом нашего исследования будет только развитие федерализма как легитимного проекта государственности.

Эпоха XIX века обозначена двумя взаимосвязанными сторонами исторического процесса: это формированием «национального проекта» и целенаправленной политикой интеграции украинского народа в общественно-политические структуры империй Габсбургов и Романовых. Отмеченная дуалистическая сущность украинской истории того времени вела к возникновению особого социокультурного и политического фона. Ассимиляционные мероприятия со стороны монархий касались украинцев как национальной общности и практически не задевали их на индивидуальном уровне, позволяя подниматься на высокие общественные ступени и проявлять себя в любых областях деятельности². Поэтому значительная часть украинцев придерживалась двойной идентичности — не отрекаясь от своей этнической принадлежности, в то же время не видела острой необходимости в достижении суверенитета, что способствовало зарождению разновекторных вариаций украинского национального движения. В условиях отсутствия собственной государственности и постоянного ассимиляционного давления со стороны русского самодержавия и австрийского монархизма,

наиболее консолидирующими идеологическими ценностями социальных групп и классов были ценности мобилизационного характера, которые представляли собой систему перманентных вызовов. Идеологические и духовные вызовы воспринимались без установки на отторжение, тогда как социальные и материальные – почти всегда получали ответ, который был связан с образованием структур общественной самоорганизации.

Если посмотреть на политические реалии российских и австрийских украинских земель, то выяснится, что в обеих империях происходили принципиально похожие, по крайней мере, в своей перспективной направленности кардинальные сдвиги³. Они обуславливались включением империй в модернизационные процессы, которые начались в Западной Европе еще с середины XVI в. и были связаны с существенными изменениями в экономической сфере, – переходом обществ от аграрного к индустриальному образу жизни и формированием новых политических идей, которые стали проявляться со времен Английской буржуазной революции 1640–1660 годов, творчества британских мыслителей Ф. Бекона, Т. Гоббса, Дж. Локка и др.

Эти процессы способствовали формированию гегемонии Запада в мире, в противовес деструктивным процессам в Китае и других восточных цивилизациях. Возникшие в Британской империи явления получили развитие в эпоху Просвещения, войне за независимость в США и Великой Французской буржуазной революции 1789–1794 годов. Европа становилась «Западом», который кардинально отличался от других частей света материальной цивилизацией и «новой» светской моралью. С того времени берет начало принятое в политологии разделение европейского континента на «Западную» и «Восточную» части⁴.

Мифическая «Восточная Европа» становилась «другим» миром с противоположными закономерностями и моделями общественного развития. Характерно, что даже расширение ее пространства базировалось на «изобретении» европейского, которое было критерием цивилизованности и прогрессивности определенного общества. События, которые охватывали Украину

того времени, были обозначены модернизационными влияниями, которые кардинально изменяли жизнь общества.

Политические интенции представителей украинского движения основываются на трансформации сакрального образа «Украины» в реальный проект в контексте эпохи нациотворения и капитализма. Этот процесс характеризуется совершенствованием и дополнением сущности философского разделения на «исторические» и «неисторические» нации.

Миф о Переяславской раде в 1654 г. был питательной средой для развития автономистского видения Украины в составе Российской империи. Для большинства интеллектуалов именно это событие было главным ориентиром в легитимности будущего федералистского союза между двумя восточнославянскими народами на основе общего вероисповедания.

Миф о Люблинской унии в 1569 г. как равноправной федерации Речи Посполитой пленял умы представителей народолюбивой партии и ополяченной украинской шляхты в Галиции. Он утверждал принцип равноправного сосуществования наций, что способствовало его позитивному восприятию в противовес идеи «возобновления Великой Польши в границах 1772 г.»

Интеллектуальный синтез этих мифов на украинской почве прослеживается в федералистской концепции М. Костомарова о создании славянского союза с центром в Киеве, а позднее привел М. Драгоманова к мысли об «историческом коловороте»⁵. М. Грушевский пытался развить проект черноморской федерации⁶, который впоследствии переосмыслили украинские ученые С. Рудницкий и Ю. Липа. Сущность «кооперации народов Черного моря» заключалась в гегемонии Украины в Восточной Европе.

Модернизационные и национальные процессы способствовали появлению иного образа Украины. Конструирование Украины как рационального политического сообщества и геополитической единицы базировалось на исторически обусловленном разделении между частями Украины – Галицией и Великой Украиной. Модель «Великой Украины»

расширяла пространство для государственности и предоставляла временное измерение. Этот концепт был призван служить своеобразным индикатором процесса роста национального самосознания в обществе. Свое теоретическое обоснование он получил в творческом наследии М. Грушевского.

В понимании ученого «Великая Украина» должна была стать «палладиумом демократических вольностей», «забралом социализма», «ареной национального согласия». Вместе с украинцами на правах, в частности, «национально-персональной автономии» в ней перестраивали бы свою жизнь представители других наций. «Украшением» государства и нации должна была стать армия, главным же «основанием» – крестьянство⁷. Это определение, сформулированное М. Грушевским в последний год «длинного» XIX в., по периодизации Е. Хобсбаума, – в 1918 г., было своеобразным итогом поиска исторических перспектив Украины. «Великая Украина» была интеллектуальной формулировкой не только М. Грушевского, хотя именно в его федералистской концепции получила смысловое наполнение. Понятие «Великая Украина» появилось в свете осмысления им феномена партикуляризма, поражения и деформаций «национального проекта» в период украинской революции 1917–1921 годов. Его содержание имеет идеологический характер и характеризуется общей национальной идентичностью. «Великая Украина» не имела специфических черт, а была направлена в будущие государственнические перспективы.

Это сугубо политическое название имело «морально-этические» категории, и распространялось с целью обеспечения консолидационных убеждений в среде вновь возникшей политической элиты. Усиление модернизации в Российской и Австро-Венгерской империях характеризовалось определенной либерализацией общественной жизни. Но если в общественной жизни Галиции она имела реальные длительные последствия (отмена барщины в 1848 г., доступность образования, развитие «русско-украинского» языка), то на территории империи Романовых проявления либерализации были кратковременными и сразу же сменялись реакцией. Социально-экономическое

развитие Галиции в то время практически полностью перешло на капиталистические рельсы, тем самым, став периферийной экономикой империи Габсбургов. Последняя же была периферией модернизирующейся Европы. Это объясняет дисбаланс в экономическом развитии украинских земель. Историческая судьба «Великой Украины», в рамках российской колониальной модели отношений между метрополией и зависимой территорией, определялась колоссальным внутренним ресурсом. Интенсификация промышленного и аграрного производства свидетельствует об успешной модернизации. При этом Россия в период капитализма избрала собственный евразийский путь модернизации. Предпосылками ее стали отставание империи на уровне цивилизационного развития, резкая социальная стратификация, значительный уровень отчуждения народа от власти, активность радикально экстремистских сил, разбалансированность социальной структуры, сохранения полного преобладания села над городом, сельского хозяйства над индустрией. Происходил процесс, как это не парадоксально звучит, самоукрепления феодализма путем бюрократизации государственного аппарата⁸.

Исторический смысл «Великой Украины» заключался в создании новых принципов, что фактически предоставляло украинской политической традиции преемственность, а также актуализировало ее особенность, которая заключалась в идее соборности.

Роль Галиции под скипетром Габсбургов, в представлениях тогдашнего социума, заключалась в конструировании будущего. Галицкие деятели вопрос объединения с «российской» Украиной откладывали на неопределенное время. Существование глубоких партикуляристских убеждений в их среде, а также политика «замирения», которая проводилась австрийским правительством, способствовала быстрой интеграции галицкого общества в реалии конституционной монархии. Политический строй Австрии обеспечивал за всеми ее народами по закону равные права и давал почву для свободной общественной работы, для

культурного продвижения, для политической борьбы за человеческие права⁹.

Место Галиции в истории «длинного» XIX в. было простым и однозначным. Эпоха «модерности» характеризуется формированием определенных особенностей, которые усложняют сравнение и обобщение исторических явлений. В украинской историографии господствующей является позиция, согласно которой тогдашнее галицкое общество отличалось высоким уровнем национального сознания, культурного развития, поликонфессиональностью. Причины этого, отмечал историк И. Лысяк-Рудницкий, «лежат не в самой народной субвенции, которая идентична с обеих сторон Збруча, а в отличной политической и (частично) культурной формации, которая вытекает из другого исторического развития, обстоятельств, воспитания»¹⁰. Историк, представитель украинской диаспоры, достаточно удачно артикулирует особенности развития Галиции, основывая свои утверждения на мысли о существовании различных исторических путей одной Украины – Надднепрянщины и Галиции. В этом измерении некоторые исследователи чрезмерно возвеличивают роль последней в украинском прошлом. Однако не случайно известный историк С. Томашевский отмечал: «Разница в национально-политическом положении украинцев по этой и той стороне австро-российской границы такая, что выше развитой, хотя и малой части своего народа в Галиции, досталась роль (не первый раз в истории) быть рассадником политической мысли и национального сознания среди одного из наибольших народов Европы, – идей, которые сами собой должны вести за собой политический и хозяйственный рост целой Украины»¹¹.

Известно, что галичане, находясь в составе конституционной монархии Австро-Венгрии, получили большой опыт легальной политической и экономической самоорганизации, нежели их побратимы за Збручем. Украинский язык и культура в Галиции имели возможность более свободного развития. В целом лояльное отношение к украинцам со стороны имперских властей привело к усилению антиукраинской составляющей в идеологии

польского национального движения Галиции. Результатом стал рост галицкого украинского движения, которое провозглашало своей целью борьбу за «возвращение» Галиции в Украину.

И. Лысяк-Рудницкий в такой ситуации видит несколько позитивных факторов. Во-первых, это религиозная ситуация в регионе, которая заостряла у украинцев чувство национальной самобытности. Почти все галицкие украинцы, за незначительными исключениями, принадлежали к греко-католической церкви. Восточный обряд четко отделял их от поляков, в то же время подчиненность Риму защищала их от влияния Русской православной церкви. Общая вера привязывала украинцев Надднепрянщины и Волыни к России.

Другим преимуществом украинского движения в Галиции, о чем уже упоминалось, было то, что оно действовало в конституционном государстве. Возможность участия в политической жизни империи стала причиной для формирования существенной прослойки лидеров национального движения, которые приобретали мастерство в организационных делах и парламентских процедурах.

Третьим позитивным фактором стала помощь, которую галицкое движение получало из Надднепрянской Украины. Эти импульсы видоизменили мировоззрение его представителей, лишили узкого провинциализма и обеспечили всеукраинской идеологией¹².

Галиция сыграла весомую роль в интенсивном формировании начальных основ современного национального сознания. Как известно, по историческим причинам этот процесс имел место, главным образом, в интеллектуальных социальных группах. Собственно, генезис идеи «украинского Пьемонта» объясняет его особенности.

Галиция в XIX в. была местом сохранения основ традиционной цивилизации, исторической памяти, принадлежности к «русско-украинскому» народу, регионом пересечения польской, немецкой, армянской, еврейской, украинской, польской, австрийской культур. Три характерных черты развития Галиции в эпоху модерности определяли ее

специфику. Это поликонфессиональность галицкого общества, синкретичность «русинского» села, поликультурные процессы в городах. Отмеченные черты способствовали утверждению особенной цивилизационной и геополитической роли Галиции в контексте дихотомии «Россия–Европа».

Конструирование национального федерализма в украинском интеллектуальном осмыслении получило форму успешной метафоры и мощного регионального проекта со времен казацкого автономизма XVIII в. Так сложилось, что традиция «феодалной раздробленности Руси» была перенесена в условия XIX – начала XX в. Исторические реалии и идеологические доктрины национального движения доказывают, что украинский народ пытался преодолеть последствия этой традиции путем поиска консолидирующего и лояльного проекта. Именно таким стала концепция федерализации. На другом полюсе государственно-созидательных интенций лежал феномен национального партикуляризма, который, в сущности, был следствием политической раздробленности Руси и монгольского господства.

Большинство украинских мыслителей сходились в том, что партикуляризм был результатом развития «неисторической» нации при сильных внешних влияниях, и потом стал угрозой для сохранения ее единства. Однако, в эпоху нациотворения партикуляризм как явление терял смысл, способствуя появлению региональной идентичности украинских земель. Она определялась синтезом национальных традиций, общественных представлений, конфессиональных настроений. На этом основании дуализм украинского общества в пределах конструкции «Россия—Европа» принял форму «цивилизационного разделения».

В украинской истории важное значение имеет длительное разъединение этнических земель между западноукраинскими территориями и Великой Украиной. Причины этого пытались осмыслить многие историки, а общественные деятели направили свою деятельность на консолидацию обеих частей Украины. Наибольших успехов в этом достигли И. Франко и М. Грушевский. Отношения между писателем и ученым

иллюстрируют перипетии национального развития XIX – начала XX в. В центре нашего внимания будет находиться именно суть их общественно-политических и идеологических взаимоотношений. При этом стоит выделить наличие общего знаменателя их политического мировоззрения – оба были убежденными приверженцами идей федерализма, особенно концепции М. Драгоманова. Под влиянием последнего И. Франко и М. Грушевский прошли путь от политического романтизма к идее объединения украинцев по обе стороны Збруча, дополнив федералистскую концепцию М. Драгоманова рядом положений, которые в Надднепрянщине звучали как конституционализм и требование национально-территориальной автономии, а в Галиции – как право «коронного края», и в перспективе – идея самостоятельности.

В своем стремлении к консолидации М. Грушевский и И. Франко заметно опережали соратников и оппонентов; стремясь наполнить теоретические постулаты украинского движения реальным содержанием. И. Франко разделял взгляды М. Грушевского относительно направлений деятельности украинского общественно-политического движения¹³. Для обоих синтез национального и социального освобождения был не только отзвуком популярных тогда идей, а составлял содержание их мировоззрения, став базовой формулировкой их политической публицистики.

Статья И. Франко «Поза межами можливого»¹⁴, опубликованная в «Літературно-науковому віснику» в 1900 г., и активное участие М. Грушевского в деятельности национально-демократической партии стали заметным этапом развития идеи самостоятельности в национальном движении на рубеже XIX–XX вв. Состоялось определенное смещение приоритетов в сторону ее рассмотрения в широком контексте и в пределах легитимных путей достижения автономии для Галиции в качестве отдельного коронного края, и для Надднепрянской Украины в форме национально-территориального образования.

Закономерно, что идея самостоятельности была неотделима от федерализма. Период Первой русской революции 1905–

1907 годов позволил М. Грушевскому утвердиться в своих федералистских взглядах¹⁵. И. Франко и дальше продолжал считать, что федерализм не отрицает самостоятельность: «Политическая самостоятельность возможна и в связи с Россией; при федеральном ее укладе»¹⁶.

Можно утверждать, что федерализм занимал доминирующее положение в украинском национальном движении. Он был общественно-политической парадигмой, отразился на стиле мышления деятелей и современников нациотворения, наполнял прагматичным смыслом идеологические доктрины. На рубеже XIX–XX вв. украинская историческая перспектива, как это ни парадоксально звучит, была тесно связанной с русским имперским и православным контекстом.

Синтезом альтернатив исторической перспективы стали идеи М. Грушевского о Галиции как «украинском Пьемонте» и Надднепрянщине как «Великой Украине». Аргументы ученого имели прагматический характер. Опыт партийной и научной деятельности во Львове убедил его в важной роли Галиции как культурного и духовного (не религиозного) центра в борьбе за соборность¹⁷. Такая мировоззренческая позиция иллюстрирует сложные процессы становления Украины как государственного организма. При этом историк решающую роль в происхождении новой государственности отводил именно «Великой Украине», где распространение западных идей приобретало рациональные формы и совмещалось с оптимальными внутренними ресурсами.

Разработка идеи «украинского Пьемонта» проходила в русле идеологии федерализма и соборности. «Впервые авторитетным деятелем движения приднепровского украинства (М. Грушевским. – Г. К.), – пишет историк И.В. Михутина, – в качестве принципиальной цели была поддержана идея объединения всех украинских земель при полном разрыве с той государственностью, в которую была интегрирована большая их часть. Правда, Грушевский предусматривал постепенное приближение к этому идеалу через ряд промежуточных стадий, включая реформирование государственной системы России¹⁸.

Идея «украинского Пьемонта» содержала две составляющие – территориальную (определение региона, который положит начало консолидации и собиранию украинских земель) и идеологическую (сосредоточение «духовной энергии», национально-культурного труда). Идея соборности в то время появлялась в форме создания национального государства как ответ на «неисторичность» нации. Если федерализм был приобретением западной общественно-политической мысли, то соборность стала отображением украинского понимания модели формирования государственности. Проблема соборности была достаточно дискуссионной, учитывая ее генезис и использование российскими интеллектуалами в XIX – начале XX в. Соборность является понятием православия, согласно которому религиозное единство должно объединять разные территории. Такое содержание как можно лучше отвечало тогдашним представлениям об исторических перспективах. При этом консервативное и «самостийническое» течения национального движения использовали ее лишь в плоскости проблемы территориального объединения земель, тем самым упрощая сущность.

Рецепция идей федерализма и соборности в среде украинской интеллигенции осуществлялась через поиск легитимных путей возрождения государственности. В их осознании последние были концепциями поступательного и эволюционного развития украинской истории, свидетельством распространения гуманистических и демократических идей в обществе, признаком углубления модернизационных процессов. Разработка идей федерализма и соборности способствовали консолидации политических требований интеллигенции и побуждали украинские партии к идеологической институционализации.

Для Украины на рубеже XIX–XX вв. реалистичным проектом становилось обеспечение единства Галиции и Надднепрянщины. В этом контексте популярное в историографии и политической риторике понятие «украинского Пьемонта» имеет несколько иное смысловое значение, в первую очередь, как центра культурного развития, однако не политической консолидации народа.

«Великая Украина», согласно концепции И. Франко и М. Грушевского, должна лишь учесть общественный и культурный опыт Галиции с целью реализации идеи соборности.

М. Грушевский считал, что угрозу отделения Галиции от российской Украины несет не австро-венгерская власть, а польские чиновники. Именно в начале XX в. он решительно высказался по поводу существования исторически обусловленного разделения между Галицией и Великой Украиной, подчеркивая, что религиозный фактор играл в этом одну из решающих ролей. Такой цивилизационный подход стал интеллектуальным достижением ученого, который приложил все усилия ради единства и консолидации украинцев по обе стороны Збруча.

¹ *Иванова Л.Г.* Україна між Сходом і Заходом: до проблеми становлення національної ідеї в українській суспільно-політичній думці в контексті східноєвропейського розвитку (I половина XIX ст.). Київ, 2007; *Її ж.* Україна між Сходом і Заходом: українська національна ідея в суспільно-політичній думці 50–60-х рр. XIX ст. Київ, 2008; *Кармазина М.* Ідея державності в українській політичній думці (кінець XIX – початок XX ст.). Київ, 1998; *Політична історія України XX ст. У 6 т. Т. 1: На зламі століть (кінець XIX ст. – 1917 р.) / Ю.А. Левенець, Л.П. Нагорна та ін.* Київ, 2002; Т. 2: Революція в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920) / *В.Ф. Верстюк, В.Ф. Солдатенко.* Київ, 2003; *Корольов Г.О.* Автономістсько-федералістські погляди Михайла Грушевського: формування, втілення, трансформація: Дис... канд. іст. наук. Київ, 2009; *Корольов Г.О.* Федералізм в конституційному проекті М. Грушевського на початку XX ст. // *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* Київ, 2008. Вип. XIV. С. 173–180; *Левенець Ю.А.* Теоретико-методологічні засади української суспільно-політичної думки: проблеми становлення та розвитку (друга половина XIX – початок XX ст.). Київ, 2001; *Потульницький В.А.* Теорія української політології. Курс лекцій. Київ, 1993; *Лисяк-Рудницький І.* Інтелектуальні початки нової України // *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. Київ, 1994. Т. 1. С. 173–193; *Лисяк-Рудницький І.* Четвертий Універсал та його ідеологічні попередники // *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. Київ, 1994. Т. 2. С. 1–27; *Український вибір: політичні системи XX століття і пошук власної*

моделі суспільного розвитку / Під ред. В.Ф. Солдатенко та ін. Київ, 2007; *Нагорна Л.* Федеративна ідея в Україні: традиції, сучасне бачення, перспективи // *Історичний журнал.* 2006. № 5. С. 3–12; Політична система для України: історичний досвід і виклики сучасності / *О.Г. Аркуша, С.О. Біла, В.Ф. Верстюк* та ін. Київ, 2008; *Грицак Я.* Від федеративності до самостійництва: до еволюції української політичної думки ХІХ – на початку ХХ ст. // Другий Міжнародний конгрес українців, Львів, 22–28 серпня 1993 р.: Доп. і повід. Історія. Ч. 1. Львів, 1994. С. 248–257; *Скельчик С.* Пробудження нації: До концепції історії українського національного руху другої половини ХІХ ст. Мельбурн, 1994; *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців (1848–1914). Львів, 1926; *Охрімівич Ю.* Розвиток української національно-політичної думки: Від початку ХІХ ст. до Михайла Драгоманова. Львів; Київ, 1922.

² *Михутин І.В.* Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // Текст размещен на интернет-странице: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz16.htm>

³ Український вибір: політичні системи ХХ століття і пошук власної моделі суспільного розвитку. Київ, 2007. С. 11.

⁴ *Вулф Л.* Винайдення Східної Європи. Київ, 2009. С. 495–497.

⁵ *Драгоманов М.* Чудацькі думки про українську національну справу // *Драгоманов М.* Вибране. Київ, 1990.

⁶ *Корольов Г.О.* Автономістсько-федералістські погляди Михайла Грушевського: формування, втілення, трансформація: Дис... канд. іст. наук. С. 164.

⁷ *Грушевський М.* Велика Україна // Хто такі українці і чого вони хочуть? Київ, 1991. С. 157–162. Опять заметный интеллектуальный ренессанс образа Украины как сакральной сущности.

⁸ *Решет О.П.* Перечитуючи написане. Київ, 2005. С. 10.

⁹ *Стебницький П.* Українська справа // *Стебницький П.* Вибрані твори. Київ, 2009. С. 83.

¹⁰ *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в українські визвольні змагання // *Лисяк-Рудницький І.* Між історією й політикою. Статті до історії та критики української суспільно-політичної думки. Мюнхен, 1973. С. 213.

¹¹ *Томашівський С.* Галичина. Політично-історичний нарис з приводу світової війни. Б. м., 1915. С. 6.

¹² *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в українські визвольні змагання // *Історичні есе.* Київ, 1994. Т. 2. С. 476–477.

¹³ *Гирич І. М.* Грушевський і І. Франко: до історії взаємин // *Український історичний журнал.* 2006. № 5. С. 45.

¹⁴ *Франко І.* Поза межами можливого // *Франко І.* Зібрання творів: У 50 т. Київ, 1986. Т. 45. С. 276–285.

¹⁵ *Грушевський М.* Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. СПб, 1907.

¹⁶ Цит по: *Гирич І. М.* Грушевський і І. Франко: до історії взаємин. С. 46.

¹⁷ *Грушевський М.* Український П'ємонт // *Грушевський М.* Твори: У 50 т. Львів, 2002. Т. 1. С. 444.

¹⁸ *Михутин І. В.* Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // Текст розміщен на інтернет-сторанице: <http://litopys.org.ua/vzaimo/vz16.htm>

Фалькович С.М. Исторические судьбы польского народа как фактор формирования национального самосознания и национального стереотипа поляков .

Формирование нации, ее созревание, выработка ею национального сознания, приобретение своеобразных черт и особенностей – длительный процесс, характеризующийся различной интенсивностью на разных его этапах, сменой ритма и энергетики, чередованием периодов эволюционного развития и моментов резких революционных скачков. Эти особенности процесса в огромной степени определяются спецификой условий, в которых он протекает, и облик сформировавшейся нации во многом зависит от ее исторической судьбы, от пройденного ею пути и препятствий, которые на этом пути ей пришлось преодолеть.

Возникшее в X в. польское государство просуществовало восемь столетий и за это время оно пережило многое. Полякам приходилось вооруженной рукой отстаивать свою независимость, в многочисленных войнах они одерживали славные победы, проявляли мужество и храбрость. Целью вооруженной борьбы было также завоевание новых земель, распространение границ Польского королевства. Территориальное расширение и укрепление могущества государства происходило и за счет заключения союзов с другими народами. Высшей точкой на этом пути явилось заключение в 1569 г. в Люблине унии между Королем Польским и Великим княжеством Литовским и создание Речи Посполитой – Государства обоих народов. В этот период Польша занимала позицию региональной державы. Поляки воспринимали свою страну как «щит», заслонявший Европу от Азии, и в то же время как соединительное звено, призванное транслировать на Восток свет культуры. Польша

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 10-01-00425а).

ориентировалась на уровень европейской цивилизации, в частности, в области просвещения, и по ряду направлений шла впереди. К XVI в. в стране сложился литературный польский язык, получила развитие национальная культура. В 1364 г. в Кракове была основана Академия, ставшая в XVII в. Ягеллонским университетом, вторым европейским университетом после Болонского и самым крупным среди тех, что возникли позже в Центральной Европе. А в XVIII в. просвещение в Польше, по утверждению Г. Коллонтая, «пышно расцвело и блеском своим уже начинало бить в глаза всей Европе»¹.

Завоевания и внутривосточные успехи служили полякам основанием для роста национального самосознания. Они гордились своей страной и испытывали чувство превосходства, ощущая себя ее представителями – смелыми, просвещенными, эмансипированными, находящимися на передовых позициях европейской цивилизации. Это чувство заставляло их свысока смотреть на народы, менее прогрессивные, с их точки зрения, а некоторые из соседних стран считать объектом своей цивилизаторской миссии. Так складывался польский автостереотип, и одновременно формировался образ поляков в глазах других народов, считавших их высокомерными, чванливыми и заносчивыми.

Однако этот национальный стереотип в действительности относился лишь к части польского народа – шляхте. Шляхта имела и более высокий уровень национального самосознания, по сравнению с другими классами польского общества, устраненными от участия в политической жизни, – с городскими слоями и, особенно, с крестьянством, лишенным гражданских прав, находившимся в феодальной зависимости от шляхты и магнатов. Специфика социально-политического строя Польши определила внутреннюю, а в конечном счете, и внешнюю слабость Польского государства, что послужило причиной его гибели в 1795 г. Разделы Речи Посполитой, осуществленные Россией, Австрией и Пруссией, лишили польский народ необходимых условий национального развития – суверенитета и

территориального единства. Поляки оказались разобщенными и включенными в состав трех инонациональных государственных образований, им угрожала перспектива русификации и онемечивания, а в перспективе и потери национальной идентичности.

В этой ситуации подспорьем для национального самосознания служили воспоминания о «прекрасном утре» польского народа и «сиянии совершенства», светившего в пору его зрелости, о том, что в прежнее время Польша «подавала пример другим народам, равно блистала как в военных делах, так и в просвещении и, являясь очагом гуманитарных знаний, несла свет в Европу»². Оглядываясь на прошлое, поляки находили в нем доводы, подтверждавшие мнение о прекрасных качествах своего народа. Так, анонимный автор брошюры «Могут ли поляки добиться независимости» писал в 1800 г. о польской нации, «которая не стремилась к захвату чужих земель, а только к самосохранению, которая не прибегала к интригам, чтобы выиграть за счет других, а стремилась только улучшить положение своих соотечественников». По мнению автора, «польская нация больше, чем какая-либо иная, [...] жертвовала на общественные нужды», она «самая гостеприимная в Европе», а поляки «могут считаться одним из наиболее нравственных народов в Европе»: «души поляков проникнуты стремлением к добру», «поляк питает к преступлению чувство отвращения», «при обсуждении государственных дел обнаруживает свое бескорыстие», он «благородно отвергает все политические махинации, которые наносят оскорбление справедливости, позорят разум и угнетают человечество». Все эти утверждения приводили к выводу: «16-миллионная нация, ранее процветавшая, не уступавшая никому в Европе в энергии и мужестве», «такая нация не только должна сохранить свое существование и место в ряду великих держав, но и заслуживает высокого уважения»³.

Таким образом, положение, в котором оказался польский народ, давало дополнительный импульс его самоутверждению, акцентированию положительных национальных черт,

дальнейшей эволюции польского автостереотипа в том же направлении. Рисуя собственный благородный образ, поляки противопоставляли его подлому лицу врагов, растерзавших их родину. В одной из брошюр, появившихся во время восстания Т. Костюшко, говорилось: «Нас предавала, обманывала, притесняла Россия». «Акт восстания граждан жителей Краковского воеводства», провозгласивший начало борьбы, заклеил «низость двух соседних держав», «бесчестные намерения» и «вероломство» Фридриха Вильгельма и Екатерины II, а изданный Костюшко Поланецкий универсал напомнил об «истории царской тирании в Польше», о «насилии», которое распоряжалось судьбами поляков, «пользуясь такими средствами, как подкуп, соблазнительные обещания, лесть предрассудкам, потворство страстям, натравливание одних против других, очернение поляков в глазах иностранцев»⁴. При подобных утверждениях Польша представала как жертва интриг, несправедливости, жестокого насилия, и в глазах европейского общества рождался новый образ польского народа-страдальца.

Этот образ стал элементом сознания и самих поляков. Однако развитие национального самосознания предполагало не только определение внешних врагов, виновных в гибели Польского государства, но и более глубокое и объективное осмысление прошлого страны, всесторонний анализ причин, в том числе и внутренних, приведших Речь Посполитую к падению. Так, С. Сташиц, признавая за польским народом «отличные склонности» («живость, проницательность, рассудительность, бодрость, силу, большие способности ко всему») и отмечая «прирожденное свойство поляков» – мужество, в то же время указывал на «глубокие пороки, свойственные польскому обществу»: в государственном устройстве Речи Посполитой он видел «источник слабости и бедности поляков», именно основные принципы социально-политического строя Польши и «упорство предрассудков» он называл «настоящей причиной гибели столь великого государства»⁵. Г. Коллонтай также упоминал о «беспорядке и раздорах» как «основах крайней анархии» и перечислял пороки,

ставшие причиной краха Речи Посполитой: «чрезмерное честолюбие, презрение к равенству, неподчинение правительству, пренебрежение святыми заповедями религии, насилие и несправедливость»⁶.

Более тщательное и объективное выявление пружин хода исторических событий подтверждало, что самосознание польского народа поднялось на более высокий уровень. Такой сдвиг, обусловленный новой исторической обстановкой, был продиктован необходимостью ускорения темпов созревания нации. Следствием явился рост патриотических настроений и распространение их на более широкие слои общества. В свою очередь, развитие патриотического движения способствовало активизации процесса развития национального самосознания. Это проявилось уже на первом этапе национально-освободительной борьбы поляков. Она началась в 1794 г., накануне последнего, окончательного раздела Польши: восстание под руководством Т. Костюшко всколыхнуло широкие массы, выступившие на защиту независимости страны. Последующий ход национально-освободительного движения объединил польских патриотов в трех частях бывшей Речи Посполитой и в эмиграции. Восстания 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 годов проходили уже под лозунгом восстановления независимого Польского государства, они обозначили новую эру польской истории – эру национально-освободительной борьбы. На протяжении трех десятилетий росла массовость вооруженных выступлений, что говорило об охвате национальным чувством широких слоев польского общества, о росте национального сознания и патриотизма. Восстания были наиболее мощным выражением патриотической энергии, но в промежутках между вооруженными выступлениями в Польше непрерывно действовала конспирация, что наглядно отражало уровень самосознания народа.

Патриотическое сознание росло и у той части польского народа, которая непосредственно не участвовала в вооруженных восстаниях и конспиративной деятельности под лозунгом независимости Польши, а проводила так называемую

органическую работу. «Органический труд» был направлен на использование всех возможностей, какие предоставляли полякам новые условия существования под чужеземной властью, для развития национальной экономики, образования и воспитания национальных кадров специалистов, просвещения народа на родном языке, создания очагов национальной культуры. Это являлось вкладом в построение материального и духовного фундамента будущего независимого польского государства и тем самым становилось своеобразной формой национальной борьбы. Сочетание различных форм национально-освободительного движения поляков составляло его особенность; превращалось в национальную традицию, что, в свою очередь, обогащало национальное самосознание.

В целом борьба за независимость родины породила и новую историческую традицию, обогатившую память народа о прошлом, дополнившую ее новыми знаменательными датами и именами героев. В результате эта память и национальные традиции стали мощным рычагом развития процесса складывания польской нации, формирования ее самосознания. Важным фактором в этом процессе, наряду с исторической памятью и народными традициями, была и национальная культура, которая в это время активно развивалась. Ее творцы откликались на все, что происходило в Польше и за ее пределами и имело значение для судьбы родины; они создавали художественные произведения, непосредственно влиявшие на чувства поляков, возбуждавшие в них патриотические стремления. Это проявлялось в энтузиазме, который вызывало у поляков исполнение народных песен и танцев, в реакции зрителей на те театральные постановки, те произведения живописи и пластики, которые были посвящены тематике, связанной с историей Польши, с ее героями. Оно выражалось также в чествовании деятелей национальной культуры, творивших искусство, проникнутое патриотическим пафосом.

Патриотическая деятельность творцов культуры была обусловлена неотложной задачей нести польскому народу, утратившему условия нормального национального развития и

оказавшемуся под угрозой потери национальной идентичности, дополнительный заряд энергии, спасительную жизненную силу. В этой связи приобретал большое значение вопрос о специфике условий существования поляков в каждой из трех частей разделенной Польши. От социально-экономической и политической обстановки, положения польского населения, политики властей по отношению к полякам и их реакции на нее зависел общий процесс формирования национального самосознания и складывания польской нации. Национальная жизнь поляков развивалась более интенсивно там, где чужеземная власть предоставляла им относительную свободу и проводила более толерантную политику, как это было в первые годы после создания конституционного Королевства Польского, ставшего автономной частью Российской империи, а также в Галиции с конца 1850-х годов, когда в этой австрийской провинции поляки фактически получили национальную автономию. В то же время ужесточение польской политики государствами, разделившими Польшу, попытки проведения ими курса на русификацию и германизацию вызывали у польского населения решительный отпор, мобилизовали его на борьбу. Следствием был рост национального сознания и патриотизма, что имело особенное значение для западных польских земель, где начавшаяся гораздо раньше германизация уже дала результаты. Начавшаяся с середины XIX в. энергичная деятельность польских патриотов способствовала национальному возрождению этих территорий: там утверждался родной язык, развивались национальная культура и просвещение, осуществлялись усилия для развития польской экономики.

Эпоха борьбы польского народа за независимость своей страны внесла дополнения в национальный стереотип поляка: как правило, в национальном движении, особенно в таких его проявлениях, как восстание 1863–1864 годов, активное участие принимало духовенство, что способствовало росту авторитета церкви, религиозному подъему польского общества. В результате сочетание «поляк-католик» стало неразрывным и прочно вошло в национальный польский стереотип. Но особое распространение в

связи с широко развернувшейся патриотической борьбой польского народа получил образ «поляка-бунтовщика». Причем, если для правительств государств, разделивших Польшу, а также и для значительной части общества этих стран такой образ был однозначно негативным, то прогрессивные и революционные общественные силы как этих стран, так и всей Европы воспринимали его сочувственно, соединяли его с образом «поляка-страдальца» и поддерживали национально-освободительные стремления польского народа. Позитивное восприятие ими революционного облика польского национально-освободительного движения определялось и тем обстоятельством, что «поляки-бунтовщики», оказывая помощь другим народам в их национальной борьбе, с оружием в руках участвовали во всех революционных событиях, происходивших в Европе.

Существенную роль играла многочисленная польская политическая эмиграция, возникшая после подавления вооруженных выступлений в Польше, когда их участники были вынуждены бежать за пределы родины. Польская эмиграция демонстрировала Европе высокий уровень национального самосознания и патриотизма и вместе с тем предъявляла доказательства обладания интернациональным сознанием, участвуя в революционной освободительной борьбе других народов. Международное революционное сотрудничество стало польской национальной традицией, причем характерным для польских патриотов было переплетение и слияние национального и интернационального сознания: участие в европейском освободительном движении всегда означало для них борьбу за собственную цель – возрождение независимой Польши, осуществление которой они надеялись тем самым приблизить. Такая традиция возникла еще со времени участия польских легионов в походах Наполеона. И хотя связанные с французским императором надежды на восстановление Польши были в действительности беспочвенными, интернациональная составляющая революционной борьбы поляков прочно

закрепилась и в дальнейшем служила инспирации их патриотического сознания.

Так условия жизни польского народа, менявшиеся в ходе его исторических судеб, изменяли и его самого, становились фактором роста его самосознания, развития и обогащения его образа. Характерные польские черты, привычки, новые и старые традиции, воспоминания об историческом прошлом Польского государства, опыт 123 лет жизни поляков под чужим ярмом и борьбы их за освобождение, опыт других народов, контакты и сотрудничество с ними – все это шло на переплавку в процессе развития национального самосознания, объединения различных компонентов и складывания единой польской нации. Процесс, на пути которого стояли такие огромные трудности и препятствия, завершился уже в XX в. с возрождением в 1918 г. независимого польского государства.

¹ Коллонтай Г. Состояние просвещения в Польше в последние годы правления Августа III (1750–1764) // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей (далее ИПППМ). М., 1956. Т. I. С. 450.

² Там же. С. 449. См. также: Фалькович С.М. Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска (1815–1830) // *Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do drugiej wojny światowej*. Warszawa, 2005. S. 105.

³ ИПППМ. Т. I. С. 539, 542, 578, 581.

⁴ Костюшко Т. Документы национально-освободительного восстания 1794 г. // ИПППМ. Т. I. С. 508, 518, 532.

⁵ Сташиц С. Предостережения Польше, вытекающие из современных политических отношений в Европе и из законов природы // ИПППМ. Т. I. С. 172, 173; *Он же*. Размышления над книгами поэмы «Человеческий род» // Там же. С. 286.

⁶ Коллонтай Г. Несколько писем анонима к Станиславу Малаховскому // ИПППМ. Т. I. С. 303, 305; *Он же*. Речь в сейме 28 июня 1791 г. // Там же. С. 345.

Снапковская С.В. Этнокультурные особенности развития образования в Белоруссии во второй половине XIX – начале XX вв.

Научный интерес к данной проблематике объясняется существенной ролью этнокультурного фактора как в развитии образования и просвещения всей Российской империи и ее составной части – белорусских губерний периода второй половины XIX – начала XX в., так и в современном культурно-образовательном процессе, развивающемся на территории постсоветских независимых государств. Правовая и политическая неурегулированность этнокультурной и этнообразовательной сферы стала причиной значительной части этнических и социально-политических конфликтов в прошлом и настоящем. Значимость изучения и научного осмысления этнокультурных (этнических, национальных, конфессиональных, языковых) особенностей развития национальных систем образования продиктована стремлением народов к сохранению своего национально-культурного своеобразия в условиях глобализации и унификации культурно-образовательных ценностей. Актуальность заявленной темы представляет также научный и практический интерес с точки зрения современных российско-белорусских отношений, поскольку происходящие процессы требуют осмысления исторического опыта взаимоотношений русского и белорусского народов в период их совместного проживания в составе многонациональной Российской империи.

Хронологические границы исследования охватывают более чем полувековой период, который начинается этапом создания «чрезвычайного законодательного режима» для развития просвещения в Северо-Западном крае (земли Белоруссии и Литвы), установленного после подавления восстания 1863–1864 годах. Верхним рубежом выступает начало Первой мировой войны, которая в корне изменила ситуацию на территории

белорусских губерний, объятых военными действиями и оккупацией.

В своем исследовании мы рассмотрим два основополагающих фактора – конфессиональный и языковой, позволяющие охватить этнокультурные особенности развития образования, просвещения и школы в белорусско-литовских губерниях во второй половине XIX – начале XX в.¹

Важнейшей предпосылкой, определяющей пути развития образования в Белоруссии после ее присоединения к Российской империи, стала переориентация просвещения с западноевропейской, католической модели на российскую, восточно-православную. Конфессиональный фактор сыграл важнейшую роль в культурной судьбе белорусов, равно как и в развитии образования, просвещения и школы Северо-Западного края. Религиозная пестрота населения Белоруссии, напряженные отношения между представителями разных вероисповеданий создавали возможность правительству использовать ситуацию в своих целях. Борьба между православной и католической конфессиями то затухала, то разгоралась вновь. В 60-е годы XIX в. правительство и Святейший Синод взяли курс на установление русского духовно-культурного доминирования в Белоруссии и вытеснение «польскости» и католичества. Большая роль в политико-идеологической работе с молодежью и взрослым поколением белорусов отводилась церкви. Основу воспитания и обучения в школе было составляло православие, с которым непосредственно связывался второй важный принцип российской официальной идеологии – принцип русской народности.

Закон Божий (далее по тексту – ЗБ) становился основным предметом содержания образования церковноприходских школ. В этой связи белорусский историк академик В.М. Игнатовский писал, что в начальной школе Белоруссии конца XIX в., как и в период Средневековья в Западной Европе, все другие науки были поставлены в служебную зависимость от веры². Священники осуществляли наблюдение за политической лояльностью учителей.

Суть государственно-политических отношений Российского государства к римско-католической конфессии была сформулирована в послании обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева императору Николаю II от 21 сентября 1899 г., в котором он предлагал не заключать новый конкордат с Ватиканом. Победоносцев писал: «Отношение русского государства к римскому католицизму совсем особенное, так как что масса католиков у нас поляки и потому еще, что в Литве и Северо-Западном крае масса русского народа составляет предмет исторической, донныне делящейся тяжбы между Россией и Польшей. Все тайные усилия католической Польши обращены к тому, чтобы эта масса стала католической и, стало быть, польскою. Это вопрос жизни и смерти между ними и нами: быть или не быть России»³.

Между тем позиции русской православной церкви в деле образования и просвещения белорусского населения, несмотря на государственную поддержку, укрепились не сразу. После 1864 г. в течение 20-летнего периода количество церковных школ в Белоруссии уменьшилось. В начале 80-х годов они, как подчеркивает белорусская исследовательница В.В. Григорьева, сохранили прочные позиции только в пределах Могилевской епархии – 898 школ, в то время когда в Минской епархии их оставалось 184, Полоцкой – 20, Литовской – только 14 школ⁴. Это объяснялось открытием народных училищ вместо церковных школ⁵.

Но министерские училища не смогли в полной мере способствовать русификаторской политике царизма. Недостаточно было придать учебно-воспитательному процессу нужное содержание путем введения соответствующих предметов обучения. Надо было довести идею до умов и сердец учеников. Воспитателями учительских семинарий, которые готовили учителей для училищ Министерства народного просвещения (далее – МНП), чаще всего были местные жители, которые учили любить родной край, и далеко не всегда их идеи, передаваемые ученикам, были по нраву властям⁶. Этот момент «местного патриотизма» среди выпускников учительских семинарий

отмечали А.И. Цвикевич, Я.А. Лесик и другие деятели белорусского национально-культурного возрождения. Что же касалось ставки М.Н. Муравьева и его соратников на семинаристов из внутренних российских губерний, приглашенных на работу в Белоруссию, то это не принесло существенных желаемых перемен.

В середине 80-х годов началось восстановление позиций церковной школы. За 10 лет после принятия «Правил о церковноприходских школах» от 13 июня 1884 г. их количество увеличилось в Литовской епархии почти в 100 раз, Минской – в 7, Могилевской – в 30 раз. Расширение церковных школ в белорусских губерниях шло более интенсивно, чем во всех других губерниях России. Особенностью церковно-школьного строительства в Белоруссии было то, что среди церковных школ значительно преобладали школы грамоты, призванные давать лишь элементарные знания. Так, в 1893 г. в Литовской епархии насчитывалось 1399 церковных школ, в том числе 139 церковно-приходских школ и 1260 школ грамоты; Минской – 172 и 1144; Могилевской – 311 и 1271; Полоцкой – 143 и 476 соответственно⁷.

В соответствии с «Правилами о школах грамоты» от 4 мая 1891 г. школы передавались в распоряжение церковного ведомства. После обследования их состояния было проведено разграничение церковно-приходских школ и школ грамоты. Более благоустроенные школы грамоты зачислялись в церковно-приходские школы, а некоторые закрывались. Разграничение было вызвано и тем, что многие из них прекращали свою деятельность из-за отсутствия подготовленных учителей и нежелания крестьян посылать туда своих детей⁸. Священник Л. Паевский писал в письме к окружному инспектору Виленского учебного округа В.П. Кулину 15 марта 1887 г. о неудовлетворительном состоянии крестьянских народных школ и надеялся, что их объединение с церковно-приходскими школами «принесет в будущем большую пользу просвещению западноруса в духе родной веры и языка»⁹.

Ускоренный рост школ грамоты по сравнению с церковно-приходскими школами объяснялся бедностью белорусских крестьян, отсутствием необходимых средств на народное просвещение у деревенских священников. Небольшие школы грамоты, которые не требовали от крестьян значительных денежных и других материальных затрат, лучше воспринимались простыми людьми. Духовенство также считало, что при высоком уровне неграмотности белорусского крестьянства любая школа была бы шагом вперед в деле просвещения

В 80-е – начале 90-х годов, когда, по словам заместителя попечителя Виленского учебного округа (далее ВУО) А. Белецкого, «польскость» развернула жестокую борьбу против русской начальной школы, попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский принял ряд мер по укреплению ее позиций. Он выступил против распоряжений Министерства народного просвещения о разрешении лицам польского происхождения открывать в крае частные учебные заведения (от 21 января 1881 г.) и принимать в Виленский учительский институт за счет казны лиц польского происхождения католического вероисповедания (от 25 декабря 1881 г.), о покровительстве домашнему обучению грамоте среди сельского населения лицам, которые не имеют учительского звания, принятого в феврале 1882 г., и добился отмены этих документов. По настоятельному ходатайству Сергиевского 7 февраля 1892 г. был издан указ Александра III о признании русского языка обязательным языком преподавания ЗБ римско-католического вероисповедания в начальных училищах¹⁰.

Период активного насаждения церковных школ в Белоруссии охватывает 1884–1904 гг. «Положением о церковных школах ведомства православного вероисповедания» от 1 апреля 1902 г. роль церкви в развитии начального образования усиливалась. Наивысшего пика распространения сеть школ церковного ведомства на территории края достигла в период революции 1905–1907 гг. На 1 января 1905 г. тут функционировало 4990 церковных школ (1217 церковно-приходских школ и 3773 школ грамоты) со 156812 учащимися. Из них двухклассных (с 4–5-

летним обучением) было только 26 школ, остальные – одноклассные с трехлетним обучением. С 1906 г. в результате широкой неудовлетворенности населения школами церковного ведомства их количество стало сокращаться. На 1 января 1908 г. было 4027 церковных школ со 143 670 учащимися. На 1 января 1914 г. оставалось 2813 школ (2346 церковно-приходские школы и 467 школы грамоты) со 136 900 учащимися¹¹.

Сокращение количества церковных школ произошло за счет примитивных школ грамоты, количество которых уменьшилось с 1905 по 1914 г. более чем в 8 раз. Сравнение количества учащихся в министерских и церковных школах показывает, что, если в 1905 г. в первых было на 50 тыс. учеников меньше, то в 1914 г. на 167 тыс. более (перевес в 2,5 раза), чем в синодальных школах. Главной причиной резкого падения количества церковных школ и учащихся в них следует считать низкий уровень учебно-воспитательной работы. Так, в рапорте могилевского губернатора от 23 сентября 1903 г. отмечалось: «Только училища Министерства народного просвещения можно считать рассадниками начального образования, ведь школы грамоты никакой пользы не несут, а в церковноприходских школах изучение грамоты поставлено весьма неудовлетворительно»¹². В большинстве из них использовались неэффективные, устаревшие методы обучения (диктанты, буквослагательный способ обучения письму и чтению, зубрежка старославянских текстов и молитв), применялось физическое наказание. В итоге в школах грамоты за одну–две зимы большинство детей не успевало усвоить даже навыки чтения.

Правительственная политика в деле просвещения и деятельность управления ВУО были направлены на то, чтобы в губерниях с православным населением – Витебской, Могилевской, Минской – расширять школы церковного ведомства. А развитие сети начальных школ МНП, по мнению попечителя ВУО, необходимо было сконцентрировать в Гродненской, Виленской и Ковенской губерниях, в которых большинство населения отказывалось от православных церковных школ уже в 1904 г.¹³.

Недовольство родителей и общества официальной политикой стало причиной широкого распространения в Белоруссии «тайного» обучения. «Тайные» неправославные школы возникали в деревнях и поместьях, в 1877 г. они существовали в 126 местечках. К 1881 г. на территории Виленского учебного округа было выявлено 144 «тайные» школы¹⁴. В начале XX в. в Белоруссии сложились две разновидности «тайных школ»: русско-белорусские, где обучение велось на русском и белорусском языках, и польские, распространенные в западных уездах. Согласно некоторым источникам, чисто белорусских тайных школ было невелико из-за отсутствия у белорусских крестьян необходимых средств на их содержание¹⁵. И эти школы существовали непродолжительное время. Но были и исключения. Так, тайная школа в деревне Стрельцы Гродненского уезда существовала около семи лет – с 1893 по 1899 годы¹⁶.

Среди «тайных» школ преобладали польские католические, количество которых быстро росло. Преимущественное большинство католиков не желало отдавать своих детей в русские школы, особенно когда ЗБ излагал православный священник. Но небольшая часть белорусских крестьян – католиков все-таки направляла своих детей учиться в православные школы. Так в 1894 г. в Минской епархии среди учеников церковно-приходских школ и школ грамоты учащиеся-католики составляли 2,1 %¹⁷.

Между тем борьба с «тайным» обучением заметно активизировалась. 3 апреля 1892 г. Александр III утвердил «Временные правила о наказаниях за тайное обучение в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Подольской и Волынской», которые предусматривали строгие наказания (в размере штрафа 300 рублей) либо арест на 3 месяца для основателей школ и всех тех, кто содействовал их созданию¹⁸.

Подобные действия вынудили Виленского епископа С. Зверовича в июне 1899 г. обратиться к министру внутренних дел Горемыкину с требованием изменить «ненормальное состояние» религиозного воспитания в народных училищах и

церковных школах, где учеников-католиков заставляли молиться по православному обряду. Он требовал выдать всем начальным школам учебники для католиков, разрешить ученикам свободно посещать костел и ввести в каждой начальной школе престола католического законоучителя. Однако обращение епископа осталось безрезультатным. 12 февраля 1902 г. был издан циркуляр, запрещающий католикам посылать своих детей в церковно-приходские школы и школы грамоты. В итоге тысячи католических воспитанников покинули эти школы. Распятой за демарш было освобождение виленского епископа от должности и отправка за пределы Северо-Западного края. Вместе с тем министр внутренних дел К.В. Плеве признал, что С. Зверович пал жертвою ошибочной политики местных властей¹⁹.

На весьма напряженное положение в национально-религиозных отношениях в крае обращал внимание императора виленский губернатор П.Д. Святополк-Мирский в своем «Всепопданейшем отчете»²⁰. Святополк-Мирский обратился к Министерству народного просвещения с ходатайством о постановке ксендзов-законоучителей на государственное денежное удержание. С января 1904 г. ксендзы, которые излагали ЗБ в народных училищах, стали получать деньги от государства. Князь снизил штрафы за открытие и удержание «тайных» школ²¹. Но значительных перемен в конфессиональной образовательной политике так и не произошло.

Под влиянием революции 1905–1907 годов количество «тайных» школ значительно увеличилось. Указом Николая II от 24 августа 1906 г. были отменены правила от 3 апреля 1892 г. о наказаниях за «тайное» обучение. Но вопрос о разрешении функционирования этих школ не был решен, что создавало почву для их дальнейшего развития, поскольку они оставались единственным средством получения образования на родном языке для широких кругов населения. Немало деятелей национально-культурного возрождения Белоруссии прошло через эти школы, в том числе Я. Купала, Тетка, П. Меделка, Ш. Ядвигин и др.

После выхода Манифеста о веротерпимости и разрешения ксендзам пользоваться в богослужении польским языком католическое население белорусско-литовских губерний встревожилось по поводу стремления правительства через систему образования оттолкнуть католиков от костела и приобщить их к православию. Эта мысль была высказана виленским генерал-губернатором А.Г. Бусыгиным в письме от 27 июня 1905 г. Наиболее желательным решением проблемы он считал договоренность с римской курией «по вопросу о белорусском языке в богослужении»²². В результате таких действий украинский и белорусский языки в разгар революции 1905–1907 годов стали для царских властей «более желательными», чем польский.

В январе 1907 г. белорусская газета «Наша нива» сообщала, что Ватикан разослал указания всем епископам в России о ведении ксендзами богослужения на том языке, на каком прихожане разговаривают между собой. Из этого вытекало, что белорусы, литовцы, украинцы католического вероисповедания получили возможность слушать проповеди на родном языке. Газета высказывала надежду, что теперь «простой язык» получит те же права в костеле, что и барский, т. е. польский²³.

Съезд церковно-приходских деятелей Полоцкой епархии, состоявшийся в феврале 1905 г., постановил в целях распространения православия ввести преподавание ЗБ в «инородческих» школах до начала ознакомления с русским языком на родном языке местного населения²⁴. Однако белорусский язык не прижился ни в костеле, ни в церкви, ни в школе.

Распоряжением Министерства народного просвещения от 7 февраля 1906 г. лица лютеранского вероисповедания допускались на общих основаниях к педагогической деятельности в начальных училищах²⁵. Согласно распоряжению МНП от 15 ноября 1911 г. вводилась 20 % надбавка к жалованью законоучителям римско-католического вероисповедания в мужских гимназиях и реальных училищах²⁶. Распоряжением МНП от 5 декабря 1914 г. лица других христианских

вероисповеданий, которые желали получить звание учителя народных училищ, освобождались от экзамена по церковно-славянскому языку²⁷.

Представители педагогической мысли России, деятели народного образования поддерживали необходимость создания школ для польского, литовского, латышского и еврейского населения. Инспектор управления ВУО В. Флеров в журнале «Народное образование в Виленском учебном округе» подчеркивал, что такие школы больше всего нужны именно для русского православного люда, который составляет основу русской государственности в крае. Умственное и моральное голодание белорусского населения, его темнота и неграмотность должны быть компенсированы, по его мнению, делом всеобщего обучения в крае. Анализируя материалы переписи 1897 г., он сравнивал письменность белорусов-православных и белорусов-католиков и пришел к печальному итогу. Письменность населения Гродненской губернии (в уездах без городов) по основным этническим группам составляла следующую картину: белорусов-православных – 17,7 %; белорусов-католиков – 34,6 %; поляков – 40 %; евреев – 42,4 %. По Минской губернии, соответственно: 9,2; 21; 37,5; 38 %; по Могилевской губернии, соответственно (без учета еврейского населения): 10,5; 21; 45 %. В Сенненском уезде письменность белорусов-православных почти в 3 раза уступала уровню белорусов-католиков (7,7 % против 22 %)²⁸.

Главной целью конфессиональной политики правительства и святейшего Синода в Северо-Западном крае было вытеснение польско-католического влияния и укрепление позиций Русской православной церкви. К началу XX в. в ее реализации были достигнуты существенные результаты. Православный священник стал основной фигурой не только в церкви, но и в школе. Важной особенностью осуществления конфессиональной политики правительства в Белоруссии был ее дифференцированный характер. В губерниях с большинством православного населения насаждались церковные школы с более низким качеством обучения. А более прогрессивные в учебно-методическом деле

начальные школы МНП открывались преимущественно в западных белорусских губерниях. В результате такая конфессиональная политика тормозила удовлетворение образовательных нужд православного населения, поскольку школы, дававшие более качественную подготовку, обслуживали неправославное население.

В последние годы российскими историками образования и педагогики разработаны методологические и этнические основания формирования системы российского образования второй половины XIX – начала XX в²⁹. Однако этноязыковой аспект образовательной политики правительства в Белоруссии, рассмотренный в общероссийском контексте, не дает полноты представления всей сложности и уникальности этноязыковой проблемы в образовании «русских инородцев». Важность языкового фактора в образовании не ставил под сомнение никто из выдающихся просветителей прошлого. Научное обоснование основополагающей роли родного языка в процессе образования и воспитания было дано еще в середине XIX в. К.Д. Ушинским. Известный русский педагог, автор концепции национальной школы, характеризовал язык как естественный медиум, через который «сама культура усваивается как прирожденная». В продолжение мысли К.Д. Ушинского отметим, что язык – это цементирующее звено культуры, придающее ей самобытность и национальную целостность. Именно язык сохраняет и проектирует национальный менталитет каждой личности и общества в целом.

На протяжении XIX в. в Белоруссии существовала уникальная языковая ситуация. Она заключалась не только в полилингвизме и зависимости употребления того или иного языка от социального и конфессионального статуса личности. В это время язык становится одним из аспектов и средств политической борьбы. Главным конфликтом в тогдашней языковой ситуации в Белоруссии было противостояние русского и польского языков. Такое положение оказывало непосредственное влияние как на состояние языка коренной

национальности - белорусов, так и на статус языков других этнических общностей.

Во второй половине XIX в. Россия уже сформировалась как многонациональное государство, где по переписи 1897 г. насчитывалось около 150 языков. На национальных окраинах России проживало 57 % ее населения. Сложившаяся ситуация беспокоила правительство, которое с 60-х годов активизировало законодательные пути решения проблемы образования нерусского населения, наделив исключительными административными функциями в решении этого вопроса местное руководство.

Проведение буржуазных реформ 1860-х годов в Белоруссии не имело такого результата, как в центральных губерниях, поскольку совпало с установлением правительственного реакционного курса после восстания 1863–1864 годов. Самым пагубным образом это отразилось на системе народного образования. Для белорусско-литовских губерний был разработан режим специальных законов, где ключевое место стали занимать «Временные правила для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, Высочайше утвержденные 23 марта 1863 г.», которые приобрели постоянный характер вплоть до февраля 1917 г.

Содержание этнокультурной политики в крае было направлено на запрет высшего образования, ограничение среднего и русификацию системы просвещения. За участие студентов в восстании был закрыт Горы-Горецкий земледельческий институт – единственное в Белоруссии высшее учебное заведение. Поэтому высшее образование белорусская молодежь могла получить за границей или в университетских центрах империи, правда с последующей четырехлетней отработкой в российской глубинке. Там многие молодые и образованные люди обзаводились семьями и оседали. На родину возвращались единицы. В то же время все местные служащие учебных заведений края заменялись «благонадежными» выходцами из центральных губерний России, которых

привлекали различными льготами — повышенными окладами, перспективой быстрого карьерного роста и др. Земское самоуправление было введено в крае только в 1911 г. и только в восточных белорусских губерниях. Западным (Гродненской и Виленской губерниям) было высказано недоверие в деле создания земского самоуправления.

Существование белорусского народа, его культуры и языка не признавалось. Само название «Белоруссия» было вычеркнуто из официального обихода и заменено безликим словосочетанием «Северо-Западный край». Уроженцев Белоруссии определяли не по этнической, а по конфессиональной принадлежности: католиков относили к полякам, а православных к русским. В результате противостояния двух конфессий белорус вместе со своим богатейшим этнокультурным наследием «вымывался» из местной социальной среды, а его место стал занимать безмолвный и трудолюбивый «тутэйшый» (здешний). Поэтому в режиме специальных законов для Северо-Западного края действовали не общие для империи правила о печати 1865 г., а особые циркуляры генерал-губернаторов М.Н. Муравьева и К.П. Кауфмана, в соответствии с которыми печать целиком отдавалась под надзор местной администрации. Книги и периодические издания на белорусском языке до 1905 г. практически не выходили.

Попечитель ВУО И.П. Корнилов, сославшись на неразработанность и бедность языка белорусского народа, настаивал на полной «бесполезности» печатания книг на белорусском «наречии»³⁰. В Вильно была введена внутренняя (для местных изданий) и внешняя (для иностранных изданий) цензура. Самые незначительные отступления от официальной политики в Северо-Западном крае приводили к запрету деятельности печатного органа. В середине XIX в. между русским и польским языковыми течениями установилось шаткое равновесие, которое дало возможность «пробиться первым росткам» нового белорусского литературного языка. Попечитель ВУО А.П. Ширинский-Шахматов даже готовил планы официального разрешения белорусского языка в школе для

крестьян³¹. Однако этим планам не суждено было сбыться из-за восстания 1863–1864 годов.

Одновременно правительство принимало меры по запрету печатания латиницей по-белорусски. Исходным правовым актом стал циркуляр Главного управления цензуры от 30 апреля 1859 г. о запрете печати украинской литературы «для народа» латинским шрифтом. Этот документ распространялся и на белорусский язык³². Иллюстрацией к запрету послужило табу на перевод белорусским писателем В. Дуниным-Марцинкевичем поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш». Тогдашняя цензура исходила из того, что «малороссийское и белорусское наречия составляют ветвь русского языка». По инициативе министра внутренних дел П.А. Валуева были усилены ограничения книгопечатания на периодическую печать на украинском языке. В 1863 г. было запрещено печатать книги духовно-морального содержания на украинском языке. Рекомендовалось запретить ввоз из-за границы любых украинских книг, а в границах России разрешить печатание только исторических документов и произведений художественной литературы. Такие исторические факты являются крайне важными, поскольку этот запрет распространялся и на белорусскую периодическую печать.

Поэтому на протяжении 60 – 80-х годов XIX в. в Российской империи не было опубликовано ни единого литературного произведения на белорусском языке за исключением фольклорных сборников, которые издавались Российской Академией наук. В 1867 г. было запрещено печатать латинским шрифтом на территории Белоруссии и Литвы даже по-литовски и по-польски. Вместе с тем, белорусский язык не был официально запрещен правительством. Закона, который бы запрещал публикации художественной литературы на белорусском языке кириллическим шрифтом, не существовало³³. Судьбу рукописей решала сверхбдительная цензура, руководствуясь правительственным курсом в белорусских губерниях и, так сказать, «собственным мнением».

Так 16 марта 1899 г. один из виленских цензоров обратился в Главное управление по делам печати с вопросом о разрешении к

печати рукописи на белорусском языке под названием «Белорусские повествования Бурачка». В своем запросе цензор особенно подчеркнул: «Прячется ли в этом сочинении тенденция, помимо «малорусской», создать еще «белорусскую» литературу и, таким образом, разбить и ослабить литературное и национальное единство, а в результате этого и политическую мощь русского народа...» В ответ Главное управление по делам печати сообщило, что названная рукопись, автором которой был белорусский просветитель Франтишек Богушевич, не может быть разрешенной к печати³⁴. Важнейшей точкой отсчета в этом плане послужило восстание 1863–1864 годов под руководством К. Калиновского. В ряду революционных лозунгов национального и социально-демократического направления значительное место уделялось развитию просвещения и науки на белорусском языке.

В результате наиболее важным сегментом правительственной политики стало форсированное внедрение русского языка, который был объявлен единственным государственным языком в крае. Русский язык начал быстро распространяться во всех сферах общественной жизни: административно-политической, социально-экономической, культурно-просветительской и образовательной, религиозно-культурной и бытовой, заняв к началу XX в. в Белоруссии доминирующие позиции и вытеснив все остальные языки на полулегальное положение. За столетия интенсивного «обрусения» в белорусском обществе сложилось общественное мнение, направленное против использования родного языка. Редактор-издатель первой белорусской газеты «Наша нива» А.Н. Власов вспоминал, что «откликнуться по-белорусски означало то же самое, что голым показаться на улице»³⁵. Белорусский писатель и педагог Я. Колас характеризовал отношение к сложившемуся положению следующим образом: «Белорусский язык осуждался, высмеивался, изгонялся. Из сознания народа искоренялось само название его края. А на того, кто выступал со своим родным словом, смотрели, как на чудака, над которым можно было только посмеяться. Таковы были условия жизни»³⁶.

Между тем некоторые педагоги Несвижской учительской семинарии, где обучался Я. Колас, имели свое мнение, отличное от официального. Учитель русской словесности Ф.А. Кудринский, заметив талант юноши, посоветовал ему писать на белорусском языке. Он ставил в прямую зависимость развитие образования на родном языке с воспитанием патриотов своего края. В журнале «Народное образование в Виленском учебном округе» (№ 5 за 1909 г.) в статье «О национальном воспитании» Ф.А. Кудринский сравнивал отечественный язык с сердцем народа, которое охраняет и приводит в движение весь его организм. Здесь важно отметить характерную примету того времени: отношение к родному языку высвечивало политические взгляды учителя. Блестящий профессионал-славист считался неблагонадежным и довольно часто, к великому сожалению своих учеников, переводился начальством из одного учебного заведения в другое.

Несмотря на неблагоприятный общественно-психологический климат белорусское слово не исчезло. Общее недовольство обрусением выражалась в протестах в учебных учреждениях закрытого типа - Минской духовной семинарии, учительских семинариях, Виленском учительском институте, где в педагогическом процессе с середины 1880-х годов употреблялся белорусский язык. Судя по воспоминанию белорусского педагога и писателя А. Лесика, характерное для учителей-белорусов «цоканье» и «дзеканье» не могла выбить у семинарских воспитанников никакая русификация»³⁷.

Между тем этноязыковая идентификация представляла собой серьезную проблему для местного учебного и конфессионального руководства. 25 августа 1905 г. управляющий Могилевской римско-католической архиепархией прелат Денисевич выдал циркуляр о способах определения родного языка учеников. Им надо было считать тот язык, на котором они читают свои ежедневные молитвы, т. е. польский. Если класс был многонациональным, то преподавание предлагалась вести на родном языке большинства, а остальным давать краткие толкования на понятном им языке. Молитвы перед уроками и

после рекомендовалось вести на том языке, на котором будет вестись преподавание ЗБ³⁸.

Уступки правительства в области употребления «местных языков» были «выбиты» во время подъема революционной волны осенью 1905 г. Попечитель ВУО В.А. Попов циркуляром от 6 сентября 1905 г. сообщил директорам народных училищ о разрешении МНП излагать ЗБ для учеников-поляков на польском языке, а «для католиков - литовцев и католиков - белорусов - на их родных языках»³⁹.

5 октября 1905 г. министр народного просвещения, ссылаясь на соответствующее решение Совета Министров от 1 мая 1905 г., принял циркуляр «Об отмене запрещения учащимся употреблять польский язык в стенах учебного учреждения». Отменялся также циркуляр от 8 января 1864 г. «О неиспользовании в стенах учебных учреждений местных языков»⁴⁰. После этого законоучители-ксендзы активизировали свою деятельность, добиваясь признания учениками-католиками польского языка как родного. В этой связи попечитель ВУО циркуляром от 6 ноября 1905 г. обратил внимание директоров народных училищ на то, что для определения родного языка учеников католического вероисповедания не надо опрашивать самих учеников, а руководствоваться показаниями их отцов. Объяснялось, что «ученики, для которых домашним языком является белорусский, на основании закона имеют право слушать Закон Божий по-белорусски, а остальные - по-польски» и предложил «объявить отцам белорусам, что они имеют полное право добиваться осуществления права, которое предоставлено им законом». Однако сам попечитель не принял действенных мер для осуществления прав белорусов-католиков изучать ЗБ на белорусском языке⁴¹.

Министр народного просвещения 22 мая 1906 г. утвердил «Временные правила для преподавания Закона Божия других христианских исповеданий и о порядке наблюдения духовными лицами за преподаванием этого предмета в учебных учреждениях ведомства народного просвещения». Эти правила были разработаны на основании указа Николая II о веротерпимости от

17 апреля 1905 г., согласно которому признавалось, что во всех учебных учреждениях других христианских вероисповеданий преподавание ЗБ «ведется на родном языке учеников, причем преподавание это должно быть поручено духовным лицам соответствующего вероисповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же вероисповедания»⁴².

Согласно «Временным правилам ...» преподавание ЗБ во всех средних и начальных учебных учреждениях, по уставам которых этот предмет не являлся обязательным, вводилось по желанию отцов и опекунов учеников и признавалось необязательным. Преподавание ЗБ инославных вероисповеданий должно было осуществляться на родном языке учеников, который определялся на основании письменного заявления. Ученики, принадлежащие к разным национальностям, разделялись относительно родного языка на несколько групп, и преподавание велось, прежде всего, для большинства учеников. Затем организовывалось преподавание ЗБ на всех остальных языках для следующих групп учеников. При невозможности этого с согласия отцов или опекунов «допускается введение преподавания на одном известном всем ученикам данных групп языке, напр. русском, белорусском и др.», причем несколько групп могли быть объединены в одну. Преподавание должно было осуществляться по программам и пособиям, которые должны были быть утверждены духовными властями соответствующего вероисповедания и допущены для использования МНП⁴³.

Однако следует заметить, что «Временные правила...» давали возможность для злоупотребления ими, поскольку не устанавливали точно определенного порядка обучения. Разумеется, что ксендзы хотели вести преподавание только на польском языке. Они не желали спрашивать отцов учеников белорусов-католиков об их родном языке, зная, что им является белорусский язык. В ряде случаев законоучители католического вероисповедания даже отказывались от преподавания по-белорусски. Между русским учебным начальством и католическим духовенством развернулась острая борьба за влияние на учеников-католиков. Ксендзы стремились доказать,

что все они поляки, а учебное начальство утверждало, что они белорусы. Новым в вековой борьбе между православием и католичеством было то, что русское учебное руководство не объявляло всех белорусов «исконно русскими», признавало белорусскую национальность и язык, пусть только в отношениях преподавания ЗБ римско-католического вероисповедания. Разумеется, что это был вынужденный шаг со стороны управления ВУО в целях освобождения учеников белорусокатоликов из-под влияния ксендзов. Это было некоторое, хотя и не значительное, движение вперед по сравнению с XIX в.

Решение вопроса о преподавании на польском, литовском и латышском языках продвинулся также только в годы Первой русской революции. В соответствии с указом Николая II от 1 мая 1905 г. и распоряжением МНП от 22 сентября 1905 г. разрешалось преподавание литовского и польского языков в начальных двухклассных и городских училищах и средних учебных учреждениях там, где большинство учеников принадлежало к литовской или польской национальности⁴⁴.

24 апреля 1906 г. Николай II издал указ «Об использовании литовского языка в начальных училищах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний и польского - в начальных училищах части Гродненской губернии», предусматривавший возможность использования не только русского, но и литовского языка в преподавании арифметики, не говоря уже о преподавании ЗБ и литовского языка как предмета. В той части Гродненской губернии, которая прилежала к Царству Польскому и где население было почти все польским, разрешалось использование польского языка⁴⁵. В соответствии с распоряжением МНП от 6 ноября 1908 г. разрешалось введение латышского языка в начальных училищах в местностях Витебской и Ковенской губерний, где большинство учеников принадлежало к латышской национальности⁴⁶.

24 ноября 1905 г. вступил в действие Закон о печати, который позволял издавать произведения белорусской литературы и переводы на белорусский язык с других языков. Однако белорусский язык по-прежнему запрещали использовать в

общественно-культурной и политической сфере, не имел он доступа и в школы. Отменялся запрет на печатание (каждый раз с разрешения Синода) переводов Евангелия на украинский язык. В качестве причины ослабления называлась бессмысленность запрета в условиях, когда украинское Евангелие широко распространялось из-за границы⁴⁷.

В педагогических товариществах края стали допускаться «местные языки» при условии сохранения за русским языком лидирующих позиций в официальной переписке и делопроизводстве. 10 января 1907 г. канцелярия учреждений императрицы Марии выдала циркуляр о разрешении преподавания на местном языке в женских гимназиях Северо-Западного края⁴⁸. Но это были только частичные и временные уступки. Положение мало изменилось из-за сопротивления администрации и местного руководства православной церкви, которая не позволяла своим священникам учить детей Закону божьему на белорусском языке.

В начале 1905 г. католический клир белорусско-литовских губерний во главе с виленским епископом Э. фон Роппом усилил борьбу за образовательные права католического населения. Весной 1905 г. Э. фон Ропп обратился к министру народного просвещения с предложениями введения в народных училищах новых порядков, Речь шла о том, чтобы в училищах с перевесом учеников католического вероисповедания назначались учителя-католики, чтобы материальное и моральное положение законоучителей-католиков было приравнено к православным законоучителям, чтобы ЗБ обязательно излагался на родном языке в соответствии с желанием отцов.

Важно отметить, общественный и религиозный деятель Э. фон Ропп выступал против слепого отождествления католицизма с польскостью, содействовал введению литовского и белорусского языков в церковную жизнь. 22 апреля 1905 г. на основании царского указа от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости он издал распоряжение, которое предусматривало право учеников отвечать на родном языке и изучать на нем ЗБ. Он рекомендовал учителям читать молитвы, катехизис, священную

историю на том языке, на котором дети молятся дома, т. е. на польском и литовском языках. Для детей, говорящих по-белорусски, епископ разрешил в начальных школах преподавать ЗБ по-белорусски. Он высказался также за равноправие в изучении и развитии белорусского и великорусского языков в народных школах. Однако через 2 дня после распоряжения барона Роппа попечитель ВУО направил ему письмо с просьбой отменить этот документ, ссылаясь на отсутствие распоряжения от МВД относительно изучения ЗБ «инославных вероисповеданий» на родном языке. Попечитель также отметил, что пока не установлено для каждого из учеников-католиков, какой язык его семья считает для себя родным: польский, литовский или белорусский⁴⁹.

Но то, что еще не стало установкой для русского учебного начальства, явочным порядком вводили ксендзы-законоучители. После принятия «Временных правил о преподавании Закона Божия инославных христианских вероисповеданий ...» в учебные учреждения посыпались письма от католиков-белорусов с просьбой излагать их детям ЗБ по-польски. Это объяснялось как сильным влиянием деятельности католического духовенства на местное население, так и слабой национальной сознательностью крестьян-белорусов. Такая конфронтация католического клира и русской администрации вокруг проблемы языка обучения: польского или русского, привела к тому, что в 1912 г. в 46 училищах Гродненской губернии ученикам римско-католического вероисповедания ЗБ не преподавался вообще⁵⁰.

27 октября 1912 г. МНП выдало циркуляр, который вносил изменения во «Временные правила о преподавании Закона Божия других христианских вероисповеданий и о порядке наблюдения духовными лицами за преподаванием этого предмета в учебных учреждениях ведомства народного просвещения». Изменения касались придания больших прав руководству учебных учреждений с целью уменьшить влияние пропольски настроенного католического духовенства. Теперь само школьное начальство получило право определять родной язык учеников на основании «всех фактических данных, которые имелись по этому

вопросу». Распоряжения барона Роппа отменялись. В случае, когда законоучитель не владел родным языком учеников, предусматривалось преподавание ЗБ на государственном, т. е. русском языке⁵¹.

В 1910 г. III Государственная Дума разрешила обучение на родном языке полякам, литовцам, немцам, татарам, эстонцам, латышам, армянам, чехам, грузинам, бурятам, калмыкам и евреям. Но белорусам и украинцам было по-прежнему запрещено учиться на родном языке. Анонимный автор в статье «Пожалейте детей», помещенной в газете «Наша нива» от 20 сентября 1912 г. с горечью отмечал, что депутаты от белорусских губерний голосовали за то, чтобы учителям не позволяли преподавать в школе «по-простому», т. е. по-белорусски⁵². Только в частных школах белорусский язык мог являться языком обучения. Вместе с тем власти высказывали озабоченность развитием «инородческой школы».

На совещании 1911 г. по вопросу школьного образования в местностях с инородческим и инославным населением бывший директор департамента духовных дел Харузин обратил внимание на «систематическое стремление инородцев к захвату под видом удовлетворения религиозно-просветительских нужд в свои руки дела начального и даже среднего образования юношества с сообщением ему почти повсеместной узконационалистической и более или менее рельефно выраженной противогосударственной окраски». Участники совещания констатировали, что «обучение не может служить поприщем для националистического политиканства» и высказало надежду, что с введением всеобщего начального обучения исчезнет необходимость в частных начальных училищах с преподаванием на родном языке учеников. В средних школах, в особенности в Польше и Прибалтике, правительство считало бы достаточным удовлетворить требование допускать родной язык только в первые 3 года занятий⁵³.

1 июля 1914 г. Николай II утвердил Правила пользования языками в частных учебных учреждениях, согласно которым выбор языка преподавания предоставлялся их учредителям или

владельцам. Вместе с тем правила предусматривали обязательное преподавание русского языка и словесности, общей истории и географии на государственном, русском языке. В земских учебных учреждениях все общеобразовательные предметы, за исключением ЗБ и вероучений иноверцев, «родной» язык учеников и другие языки, помимо русского, должны были излагаться на государственном языке. При преподавании русского языка ученикам, которые не говорят по-русски, позволялось пользоваться их родным языком в качестве вспомогательного в течение первого года обучения в начальных или средних учебных учреждениях⁵⁴. Это была последняя уступка самодержавия белорусскому и украинскому языкам в области народного просвещения.

Правительство, которое было вынуждено под давлением национальных движений пойти на послабления в деле просвещения на родном языке, одновременно всеми силами держалось за государственный статус русского языка. В 1905 г. с теоретическим обоснованием роли и значимости русского языка в многонациональной Российской империи выступил один из идеологов монархизма Л.А. Тихомиров. В своей книге «Монархическая государственность» он писал о необходимости наличия единого языка в разноплеменном государстве, которым может быть только язык основного племени, т. е. русский язык. Вместе с тем ученый признавал, что общность одного государственного языка не должна вести к подавлению «местных языков», а, напротив, дополняться их развитием. Это содействовало бы обогащению и гибкости государственного языка и преобразованию его в еще более сильное средство культуры, общей для всего государства⁵⁵.

Л.А. Тихомиров критично характеризовал языковую политику правительства, отмечая отсутствие в ней «определенной и выдержанной мысли». По его утверждению, «не предпринималось мер для развития школы, способной дать возможность всем знать государственный язык, и в то же время, принимали репрессивные меры против русских же наречий, например, против малорусского языка, который составляет

исторически один из главных источников нашего литературного языка, и впредь может служить его обогащению»⁵⁶. Главный недостаток государственной национальной политики идеолог монархизма видел в осуществлении централизаторских устремлений за счет ослабления местных сил.

В начале XX в. управление ВУО усилило работу по обеспечению доминирующих позиций русского языка в школьном деле. В редакционной статье о первоочередных задачах народной школы в «Северо-Западном крае», помещенной в 1901 г. в журнале «Народное образование в Виленском учебном округе», ставилась задача обучения учащихся более правильному разговорному русскому языку не только в школе, но и за ее стенами⁵⁷.

В статье учителя И.М. Дадыкина «О преподавании русского языка», помещенной в циркуляре по ВУО за 1906 г., констатировалось, что преподавание русского языка в средней школе поставлено в противоестественные условия. Отмечалось, что ученики на всех уроках, включая «отечественный язык», редко слышат литературный русский язык; в большинстве случаев он носит следы польского, немецкого, французского языков, белорусской и малорусской речи, владимирского и псковского говоров и даже еврейского жаргона. Сторонник чистоты русского языка предложил для устранения этих недостатков во всех без исключения средних и начальных учебных учреждениях изучать чистый русский литературный язык или, что почти одно и то же, разговорный язык современного образованного московского общества без всякой примеси местных говоров. По мнению учителя, именно этот язык ученики должны слышать на всех уроках, а не только на уроках русского языка⁵⁸.

Однако местное руководство вполне удовлетворяло поверхностное усвоение русского языка, пусть с теми же примесями «белорусской речи». В циркуляре управления ВУО «О постановке преподавания русского языка в начальных, одноклассных училищах» от 1 апреля 1908 г. учителям

рекомендовалось не предъявлять завышенные требования при оценке знаний учеников по русскому языку⁵⁹.

Суммируя сказанное, можно отметить, что на рубеже веков Россия была одним из немногих многонациональных государств Европы, где этнический аспект образования не был урегулирован законодательно. Существовала серия подзаконных актов, направленных на ущемление прав местных языков и наречий. Острые правительственной языковой политики было направлено против украинского языка, что, однако, касалось непосредственным образом и интересов белорусского языка. Значительные надежды в укреплении русской школы в Северо-Западном крае правительство возлагало на земскую школу. Однако образовавшееся противоречие между функционированием белорусского языка в крестьянской среде и внедрением русскоязычной земской школы лишало учащихся перспективы перехода в среднее звено обучения. В этой связи недостатком начальной земской школы при ее форсированном введении в Белоруссии стало низкое качество знаний, а точнее – рецидив неграмотности белорусского крестьянства. Вынужденные уступки, сделанные правительством в деле образования на родном языке для нерусских народностей во время и после революции 1905–1907 годов, не распространялись на украинский и белорусский языки вплоть до февраля 1917 г. В такой многоязычной системе, которой являлась Российская империя, языковые права и использование языков являлись предметом политического выбора. В результате этой сложной контаминации Министерство народного просвещения и другие администраторы того времени, за небольшим исключением, так и не смогли увлечь объединительной политикой в сфере образования широкие общественные круги.

¹ См. публикации автора на эту тему: *Снапкоўская С.В. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі: 3 гісторыі школы і педагогічнай думкі Беларусі канца XIX – пачатку XX ст.* Мінск, 1995; *Она же. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст.* Мінск, 1998; *Она же. Гісторыя адукацыі і педагогічнай думкі*

Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стст.): Вучэб. дапаможнік для студэнтаў вышэйш. навуч. устаноў. Мінск, 2001.

² *Ігнатоўскі У.* Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1928. С. 148.

³ *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 // История русской церкви. М., 1997. Кн. 8. Ч. 2. С. 299.

⁴ *Грыгор'ева В.В.* Русіфікацыя насельніцтва Беларусі і канфесіянальная палітыка (1861–1904) // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX в.). Мінск, 1998. С. 81–82.

⁵ Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. Мінск, 1985. С. 244.

⁶ *Грыгор'ева В.В.* Указ. соч. С. 82 – 83.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. С. 245.

⁹ *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1908. Вып. 1. С. 444.

¹⁰ *Белецкий А.* Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский (24 октября 1869 г. – 25 июня 1899 г.). Вильно, 1903. С. 10–12.

¹¹ Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. С. 374.

¹² Документы и материалы по истории Белоруссии. (1900–1917). Мінск, 1953. Т. 3. С. 264.

¹³ Цит. по: Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. С. 338.

¹⁴ *Белецкий А.* Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский. С. 11.

¹⁵ *Лесік Я.* Культурны стан Беларусі к моманту Лютаўскай рэвалюцыі // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэв. руху. Мінск, 1924. С. 100–118.

¹⁶ *Смалянчук А.Ф.* Касцел і царква: змаганне за ўплыў // Адукацыя і выхаванне. 1993. № 3. С. 95.

¹⁷ *Грыгор'ева В.В.* Указ. соч. С. 91.

¹⁸ Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. С. 177.

¹⁹ *Смалянчук А.Ф.* Указ. соч. С. 95–96.

²⁰ Всеподданейший отчет... Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II // Беларускі гістарычны часопіс. 1997. № 2. С. 106.

²¹ *Смалянчук А.Ф.* Указ. соч. С. 97 – 98.

²² См.: *Медведков А.П.* Краткая история русской педагогики в культурно-историческом освещении для самообразования и специально-педагогического характера школы. Пг., 1916. С. 60.

²³ Беларуская мова ў касцэле // Наша ніва. 1907. 13 студзеня. № 2.

²⁴ Труды I съезда церковно-школьных деятелей Полоцкой епархии. Витебск, 1905. С. 30–33, 49.

²⁵ *Медведков А.П.* Краткая история русской педагогики в культурно-историческом освещении для самообразования и специально-педагогического характера школы. С. 131.

²⁶ Министерское распоряжение «О размере 20 % добавочного жалования законоучителям римско-католического исповедания в мужских гимназиях и реальных училищах» от 15 ноября 1911 г. за № 13607. № 1. С. 59.

²⁷ Министерское распоряжение «Об освобождении лиц инославных исповеданий, подвергающихся испытанию на звание учителя начального училища, от экзамена по церковно-славянскому языку» от 5 декабря 1914 г. за № 56289 // Циркуляр по Виленскому учебном округу. 1915. № 2. С. 129.

²⁸ *Флеров В.* О введении всеобщего обучения // Народное образование в Виленском учебном округе. 1907. № 3. С. 110.

²⁹ См. напр.: Историко-методологические и философские проблемы развития педагогики и образования в России во второй половине XIX в. М., 2005; Методологические, нравственные, правовые и этнические основания педагогики пореформенной России: Сборник научных статей. М., 2007.

³⁰ *Корнилов И.П.* Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. СПб., 1898. С. 62.

³¹ *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. С. 18.

³² Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 59–60.

³³ *Біч М.В.* Гісторыя Беларусі: канец XVIII в. – 1917 г. Вучэб. дапам. для 8 кл. агульна-адукац. школы. Минск, 1998. С. 145.

³⁴ Там же. С. 145–146.

³⁵ *Каўка А.К.* Адносіны да роднай мовы як этычная праблема: (паводле публіцыстыкі Я. Коласа) // Каласавіны. Минск, 1987. С. 19.

³⁶ *Колас Я.* Публицистические и критические статьи. Минск, 1957. С. 116.

³⁷ *Лесик А.* 3 жыцця Язэпа Лесика // Літаратура і мастацтва. 1990. 14 снежня. С. 14.

³⁸ *Кириллов М.К.* Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и начале XX в. (1869–1907) // Из истории школы Белоруссии и Литвы. М., 1964. С. 120.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Министерское распоряжение «Об отмене запрещения учащимся употреблять польский язык в стенах учебного учреждения» от 5 октября 1905 г. // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1905. № 10–11. С. 395.

⁴¹ *Кириллов М.К.* Начальная школа Белоруссии во второй половине XIX и начале XX в. С. 122.

⁴² Министерское распоряжение «Временные правила для преподавания Закона Божия инославных христианских вероисповеданий и о порядке наблюдения духовными лицами за преподаванием этого предмета в учебных учреждениях ведомства народного просвещения» от 22 мая 1906 г. № 3950 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1906. № 4. С. 122–125.

⁴³ Там же. С. 123–124.

⁴⁴ Распоряжение МНП по вопросу о преподавании литовского и польского языков в учебных заведениях. 22 сентября 1905 г. № 19703 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1905. № 9. С. 371–375.

⁴⁵ Высочайшее повеление. Об употреблении литовского языка в начальных училищах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний и польского – в начальных учебных заведениях части Гродненской губернии. 24 апреля 1906 г. № 8389 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1906. № 9. С. 361–362.

⁴⁶ Распоряжение МНП. По вопросу о преподавании латышского языка в начальных учебных заведениях Витебской и Ковенской губерний. 6 ноября 1908 г. № 29256 // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1908. № 12. С. 545.

⁴⁷ Национальная политика России: история и современность. С. 60–61.

⁴⁸ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 39. Оп. 2. Д. 10.

⁴⁹ *Смалянчук А.Ф.* Указ. соч. С. 98; *Грыгор'ева В.В.* Каталіцкая царква на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX в. //Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы. У 2-х ч. Минск, 1994. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 116–117.

⁵⁰ *Грыгор'ева В.В.* Канфесіі і грамадска-палітычнае жыццё (1905–1917) // Там жа. С. 120.

⁵¹ *Грыгор'ева В.В.* Каталіцкая царква на Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX в. С. 117; *Она же.* Канфесіі і грамадска-палітычнае жыццё (1905–1917). С. 121.

⁵² *Г. Б. Пашкадуйце дзяцей* //Наша ніва. 1912. 20 верас. № 38.

⁵³ Национальная политика России: история и современность. С. 70–71.

⁵⁴ Высочайшее повеление. Правила о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерство народного просвещения, не пользующихся правилами правительственных учебных заведений. 1 июля 1914 г. //Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1914. № 9. С. 653–663.

⁵⁵ *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 611–612.

⁵⁶ Там же. С. 611.

⁵⁷ Частные задачи народной школы в Северо-Западном крае //Народное образование в Виленском учебном округе. 1901. № 1. С. 32–40.

⁵⁸ *Дадыкин И.М.* О преподавании русского языка //Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1906. № 12. С. 1–8.

⁵⁹ Министерское распоряжение «О постановке преподавания русского языка в начальных одноклассных училищах» от 1 апреля 1908 г. № 4701 //Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1908. № 4. С. 181–182.

Гронский А.Д. (Минск) Проблемы формирования белорусской этнокультурной идентичности в начале XX в.

Белорусский национализм сформировался лишь в начале XX в. в связи с появлением политических организаций, проповедовавших данные взгляды. Однако организации, транслировавшие белорусские националистические лозунги оказались непопулярны, а чаще попросту неизвестны в той среде, в которой националисты собирались вести пропаганду. Для националистической идеологии нужны были некие опорные точки, которые разграничивали бы белорусов и не-белосов. В конце XIX – начале XX в. в повседневной жизни появляются принципиально новые черты, массовое производство позволяло выпускать огромное количество похожих предметов, распространявшихся по всей империи, независимо от региональных особенностей¹, происходило развитие образования, литературы и средств массовой информации на государственном языке. Все это унифицировало жителей империи, поскольку фабричная одежда не предусматривала этнических различий, характерных для традиционного облика русского, литовца или поляка. Таким образом, отличительным маркером для националистов становились не внешний вид или набор продуктов питания, а нематериальные составляющие. Самым главным маркером был язык, который четко увязывался со своими носителями и территорией их компактного проживания. В данной статье будут рассмотрены этнокультурные и этнолингвистические взгляды белорусских националистов рубежа веков.

Образ Белоруссии как отдельного региона изначально был сформирован противниками белорусского сепаратизма. Первыми о судьбах Белоруссии заговорили те, кого потом называли «западнорусами». Именно они, подчеркивая непольскую ориентацию края, показали Белоруссию как Западную Россию, на некоторое время попавшую под польское влияние. С середины

XIX в. появляется ряд исследований, посвященных Белоруссии как субъекту. До этого времени, по мнению могилевского ученого И.А. Марзалеюка, «не существовало ни одной книги, которая была бы посвящена именно истории Белоруссии, а не истории Литвы или Руси»². Однако никто из «западнорусских» исследователей не видел в белорусском вопросе какую-то проблему в смысле необходимости создания суверенной национальной единицы. Все исследования только подчеркивали первоначальную «русскость» населения. Тем не менее, белорусские националисты воспользовались рядом исследований, проведенных «западнорусами», для создания представлений о своей правоте. Исследования «западнорусов» интерпретировались в пользу нужных для национализма выводов, в исследованиях изначально не содержащихся.

Одним из самых активно интерпретируемых исследователей оказался академик Е.Ф. Карский, который занимался изучениями особенностей белорусских говоров. До сих пор широко распространено мнение о том, что Карский очертил область проживания этнических белорусов на своей «Этнографической карте белорусского племени». Однако сам ученый указывал, что карту он делал не для того, чтобы показать расселение белорусов как этнокультурной группы, а для очерчивания ареалов белорусских говоров. Так, буквально на первых страницах своего исследования «Белорусы» Карский пишет о принципах подготовки карты: «Основой для определения границ Белорусской области служит у нас исключительно язык; вследствие этого, например, те литовцы Виленской губернии, которые в настоящее время говорят только по-белорусски, у нас отнесены к белорусам, а те обитатели калужского и орловского Полесья, которые говорят по-южновеликорусски, отнесены к южновеликорусским, хотя предки их, несомненно, были белорусы. Таким образом, очерченная ниже область скорее принадлежит белорусскому наречию, нежели племени»³. Карский не старался очертить границы проживания белорусов как группы, таким образом, его карта не являлась претензией на территорию, которую должна занимать Белоруссия. Традиция считать, что

Карский очертил границы расселения белорусов, сохранилась до сих пор. Например, в четвертом томе шеститомника «Энциклапедыя гісторыі Беларусі» указано, что ученый «дал этнографическую карту Белоруссии начала XX в.»⁴. А в приложении к вышеуказанной энциклопедии «Атласе гісторыі Беларусі» есть карта «Межы рассялення беларусаў», где границы, предложенные Карским для наречия/языка, воспринимаются как границы расселения народа⁵. Таким образом, до сих пор подменяются понятия говорения на определенном языке и принадлежности к определенной этнокультурной группе. Ведь если предположить, что распространение языка говорит о том, что его носители принадлежат к одной этнокультурной группе, то в современных условиях примерно 96 % белорусских граждан говорят на русском языке, т. е. по логике интерпретаторов Карского, можно заявить, что все это население великорусы, а территория принадлежит России. Однако по современным международным нормам Беларусь является независимым государством. Таким образом, подмена языковых границ этнокультурной территорией не всегда возможна.

Первой попыткой каким-то образом зафиксировать в декларациях отдельность белорусов именно как особого этнокультурного субъекта был нелегальный журнал «Гомон», издававшийся на русском языке в Санкт-Петербурге в 1882 г. Какой идентичности придерживались люди, издававшие журнал, сказать трудно. Польский исследователь Р. Радзик предполагает, что «гомоновцы» были не-католики и не-дворяне, происходившие из Восточной Белоруссии. Их место рождения и социальный статус наложили свой отпечаток на деятельность и содержание творчества⁶. Однако сам Радзик приводит цитату В. Йодко-Наркевича, в которой говорится, что «Гомон» «поставил перед собой цель создать белорусскую культуру и интеллигенцию», т. е. по словам современника, белорусской культуры как таковой не существовало⁷. О редакторах журнала Йодко-Наркевич заявляет следующее: «Его редакторами были молодые поляки, находившиеся в учебных заведениях Петербурга и во время учебы почувствовавшие себя белорусами.

Действительность, не дававшая никакой пищи их амбициям, отсутствие реальной революционной программы очень быстро сделали из них обыкновенных литовских филистеров, исключением была маленькая группа, которая обмоскалилась»⁸. Хотя Р. Радзик и предупреждает, что цитируемый социалист мог понимать термин «поляки» в самом широком смысле⁹, следует признать, что это только предупреждение, а не четкое доказательство. Поэтому остается непонятным, что точно понималось под определением «молодые поляки». Таким образом, если верить Йодко-Наркевичу, носители белорусской идеи, столкнувшись с реальностью, попросту перестали быть носителями белорусских лозунгов. Отклика в массах «Гомон» не нашел, а сами народники-белорусы «не оставили ни непосредственных продолжателей своего дела, ни четких следов в сознании творцов новой белорусской культуры начала XX в.»¹⁰

Таким образом, белорусы-народники никаким образом не повлияли на развитие белорусского национализма, поскольку их тексты оказались недоступны для тех, кто позже конструировал белорусские лозунги. «Гомон» и его авторы не приняли участия в формировании «классического» белорусского национализма. Их призывы оказались невостребованными и не использовались в создании ранних вариантов белорусской идентичности. Получается, что влияние на белорусскую националистическую идеологию «Гомон» начал оказывать задним числом, когда о журнале стало известно белорусским националистам и его включили в перечень фундаментальных источников.

Реальной точкой отсчета белорусского национализма (но не его институализации) можно считать выход в свет книги Мацея Бурачка (псевдоним бывшего польского повстанца Ф. Богушевича) «Дудка белорусская» («Dudka Biełoruskaja») в 1891 г. Она вышла на территории Австро-Венгрии в Кракове и оказалась недоступна жителям белорусских губерний. Тайно перевезти книгу через границу вызвались польские социалисты, которые старались поддерживать любые антиправительственные силы в России¹¹. Книга Мацея Бурачка стала первым явлением в цепочке событий, приведших к объявлению о создании

белорусской нации. Именно от «Дудки белорусской» можно проследить непрерывное развитие белорусского национализма. Сама книга являлась сборником стихов и практически не повлияла на становление белорусского самосознания. Всю национально-идеологическую нагрузку взяло на себя предисловие к книге. Именно там в концентрированном виде была изложена концепция белорусского национализма и даны основные опорные точки, на которые должны были опираться националисты в будущей деятельности. Академик Е.Ф. Карский считал, что именно эта книга (а точнее, предисловие) дала «решительный толчок белорусскому движению»¹².

«Братцы милые, дети Земли-матери моей! Вам жертвуя труд свой, хочу с вами поговорить немного о нашей доле-недоле, о нашем отцовском извечном языке, который мы сами, да и не одни мы, а все люди темные “мужицким” зовут, а зовется он “белорусским”¹³», – так начинается предисловие к книге стихов. Бурачок-Богушевич очень точно уловил, на чем можно было выстроить в народном сознании образ «своего» и образ «чужого» – отличия в народном говоре. Богушевич оценил язык как достаточно значимый маркер идентичности. «Отец белорусской литературы» писал: «Много было таких народов, что потеряли сначала язык свой, так, как тот человек перед смертью, которому язык отнимет, а потом и совсем замерли»¹⁴. Кстати, Богушевич, наверное, первым предположил определять территорию Белоруссии по распространению языка, чем до сих пор пользуется, пожалуй, большинство белорусских исследователей, и о чем мы писали выше, упоминая об интерпретациях по поводу «Этнографической карты белорусского племени» Е.Ф. Карского. Вот как сформулировал идею «язык=территория» сам Богушевич: «Может, кто спросит: где же теперь Белоруссия? Там, братцы, она, где наш язык живет: она от Вильны до Мозыря, от Витебска чуть ли не до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев, Вильна и много местечек и деревень...»¹⁵.

Язык в конце XIX – начале XX в. являлся, пожалуй, самым главным маркером этнокультурного отличия. Именно поэтому «возрождение» национального языка считалось представителями

любых националистических течений одной из важнейших задач. В белорусском варианте эта задача решалась еще более сложно, поскольку официальная наука не признавала существование особого белорусского языка.

Язык для белорусского национализма был актуален и по причине невозможности маркировать белорусов по признаку вероисповедания. Религиозная идентичность не давала возможности обособления белорусов, с одной стороны, от русских (для православных), с другой – от поляков (для католиков). Особую актуальность языковая проблема получила с появлением белорусских националистических группировок в начале XX в. Белорусские националисты выступили за развитие белорусского языка и предложили начать обучение на нем в начальной школе, утверждая, что именно это будет способствовать лучшему овладению школьной программой крестьянскими детьми¹⁶. Однако власти не видели смысла переводить обучение в начальной школе с русского языка на диалект, по их мнению, того же русского. Все серьезные ученые того времени, изучавшие белорусские говоры, не рассматривали их совокупность как отдельный язык. Понятие «белорусский язык» использовалось ими в качестве аналога понятию диалект, наречие, т. е. говор социальных низов¹⁷. Если бы народные говоры разных регионов объявлялись отдельными языками, их оказалось бы несколько десятков, если не больше.

В конце XIX в. свою работу по изучению белорусских говоров начал будущий академик Е.Ф. Карский. Он выпустил трехтомник «Белорусы», посвященный развитию народного белорусского наречия¹⁸. Труд Карского наносил удар по националистическим заверениям о самостоятельности белорусского языка, но он был использован не сторонниками триединства русского народа, а как раз белорусскими националистами, которые, не обращая внимания на доказательства отсутствия самостоятельного белорусского языка, сконцентрировались на перечислении диалектных, с точки зрения Е.Ф. Карского, отличий, которые были объявлены отличительными особенностями белорусского языка. Возможно,

в силу отсутствия специального гуманитарного образования практически у всех деятелей белорусского национализма могло быть и обычным непониманием научного текста. Но, скорее всего, это было сознательным игнорированием «неудобных фактов». На научном уровне с тем же Е.Ф. Карским никто из белорусских националистов спорить не мог, поэтому, они лишь выражали сожаление о том, что такой великий ученый не понимает настоящей «правды»¹⁹. Кроме того, для придания весомости своим требованиям отдельности белорусского языка представители белорусского национализма достаточно просто объясняли отсутствие упоминания о нем в прошлом.

Так, в небольшой брошюре «На дарозі да новаго жыцця» ее автор Антон Новина (псевдоним А. Луцкевича) в комментарии к фразе из Литовского статута 1588 г. о том, что писари в Литовской Руси обязаны писать только по-русски, а не по-польски, прямо указывает «по-русски ... значит по-белорусски», обосновывая это только тем, что жителей Литовской Руси раньше называли русскими, и их язык, соответственно, русским, а жителей Московской Руси – москвитами, чей язык не русский, а московский²⁰.

Ситуация в целом в регионе была для националистов достаточно неблагоприятной. Крестьяне, на которых в первую очередь они рассчитывали, совершенно индифферентно относились к националистическим лозунгам. Крестьянские дети добровольно обучались в начальных школах на русском языке, ведь русский был государственным языком, именно на нем писались официальные документы, законы и т. д. Примерно такую же роль раньше на территории Северо-Западного края играл польский язык, но после восстаний 1830–1831 и особенно 1863–1864 годов имперское правительство значительно сократило сферу его применения. Кроме того, русский язык был языком проповедей в православной церкви, а польский – в католической. Однако и священники, и учителя время от времени, в начале обучения или для объяснения библейских сюжетов использовали местные говоры для облегчения понимания материала. Проблема белорусского языка состояла в

отсутствии единой языковой нормы, Гродненщина и Могилевщина, например, говорили на разных диалектах. Для катехизации и преподавания в школе на местном диалекте нужны были бы учителя и священники, уроженцы именно этого региона. Кроме того, перевод русскоязычных учебников сразу на несколько белорусских диалектов ради обучения небольшого количества школьников в каждом регионе был бы экономически невыгоден. Обучение не на языке государственного общения резко сужало круг возможностей выпускников школ, например, невозможность карьерного роста у поволжских немцев до революции была напрямую связана с обучением в начальной школе на немецком языке²¹. Ученик, привыкший к получению сведений не на русском языке, в будущем уступал по скорости восприятия информации, естественно, это лишало его возможности конкурировать с выпускниками русскоязычных школ.

С другой стороны, обучение на местном говоре или языке толкало выпускников к оседанию в своем регионе и было связано с невозможностью сделать общегосударственную карьеру. Регионализм мог вполне вызвать комплекс неполноценности и сепаратистские настроения. Естественно, что такой сценарий не устраивал имперские власти; хотя некоторые имперски настроенные интеллектуалы продумывали и такие последствия²².

Напомним, что белорусские националисты предлагали перевести школьное образование в Белоруссии на белорусский язык, утверждая, что белорусские дети не понимают программы, преподаваемой по-русски. Очень интересной иллюстрацией такого непонимания являются воспоминания известного историка В.В. Улащика, который родился в Минской губернии. Учиться ему пришлось также сначала в Минской губернии, а потом в самом Минске. Белорусские дети, по словам Улащика, не понимали, что такое в «Полтаве» Пушкина «дым багровый» (не понимали именно слова «багровый»), что такое «поле битвы роковое» (т. к. те, кто знал польский, выводили «роковое» от польского «rok» – год)²³. Учитель попытался объяснить детям, что такое «поле битвы роковое», но не смог, поэтому смысл слова

так и остался недоступным для школьников²⁴. Также никто из крестьянских детей вообще не слышал о «проказнице мартышке» из басни Крылова²⁵. Проблема была и с различением букв «е» и «ё». Услышав слово «этажерка» Улащик написал «эта жердка». Как он сам объяснил: «мы никогда не видели этажерки и не знали, что она есть». Дети пугали «гулять» и «играть», поскольку в белорусском варианте «гулять» это и есть «играть». В учебнике по математике, где содержались задачи о том, как вода выливается из одного бассейна в другой, дети не понимали смысла слова «бассейн»²⁶. После Февральской революции в школу, где учился Улащик, пришел пропагандист, который объяснил, что сейчас свобода и людей не будут сажать в казематы. Из школьников никто не слышал, что такое казематы, поэтому суть объяснений осталась непонятной²⁷. Непонятным оказывалось содержание художественной литературы. Как пишет Улащик: «Например, в книге был отрывок из Войны и мира», того места, где описывается банкет у Ростовых. Для нас не только граф был фигурой мифической, но и лакей, тем более непонятным было все другое [...]»²⁸. Непонятными были «старые русские народные песни, стихи XVIII в., совсем непонятным осталось “Горе от ума”»²⁹. Все приведенные Улащиком примеры вряд ли стоит сводить к «национальной» или «этнокультурной» проблематике. Непонимание крестьянскими детьми русского литературного языка было явлением социальным, но никак не национально-этническим. Ведь вряд ли кто-нибудь из жителей сибирских, поморских или центрально-русских деревень знал, что такое «роковое поле битвы», «багряный дым» или «проказница мартышка». Именно поэтому непонимание белорусскими детьми русского литературного языка не стоит сводить лишь к тому, что литературный язык был не родным для белорусов, таким же не родным русский литературный язык был и для остальных низов России, поскольку даже в великорусской глубинке говорили на диалектах, а не на литературном языке. Сам Улащик также не замечал пропасти между говорами крестьянских детей и нормами русского литературного языка. Ученый писал: «Понятно, что успехи в русском языке были бы

значительно большими, если бы мы могли читать что-нибудь, кроме учебников, но в школе не было ни одной книги из художественной или научно-популярной литературы. Очень возможно, что таких книг не было и у наших учителей, потому что за все время обучения вопрос о внешкольном чтении не поднимался ни разу. Очень возможно, что таких книг не было ни у кого в местечке»³⁰. Говоря о содержании учебников, Улащик отмечал, что «наши учебники были приспособлены для детей сельских, малокультурных, но в них без конца встречались никогда не слышанные и потому непонятные слова»³¹.

Хотя в белорусской среде и были свои специфические слова, которые писались так же, как и русские литературные, но имели другое наполнение. Например, белорусский поэт и политический деятель М.А. Богданович указывал, что белорусские дети слово «плот» воспринимают не как средство водного передвижения, а как «забор». Богданович также перечислил несколько десятков слов русского литературного языка, которые белорусский крестьянин воспринял бы по-другому³². Естественно, что школьный учитель, не знавший местных говоров мог и не понять то, о чем говорили его ученики, однако это касалось не только белорусских говоров, но и великорусских, которые так же отличались от русского литературного языка. Так, фраза «изсерим вену сороковку ун пылну дену бродиям по канавам» вряд ли была понята носителем литературного русского языка, а так говорили на Псковщине³³.

Интересно, что замечание Улащика по поводу не таких уж серьезных препятствий в понимании белорусскими детьми русского языка коррелируют с наблюдением Карского, который, рассуждая, почему белорусоязычная литература так и не возникла в XIX в., выводит главную причину. Она заключается в том, что «особенная близость народного белорусского языка к южновеликорусскому, вследствие чего, если опустить в напечатанном этимологически белорусском произведении дзеканье, цеканье, то получится почти общелитературное произведение, отличающееся только меньшей отделкой и, следовательно, менее достойное внимания читателя»³⁴. Т. е.

известный филолог не видел серьезных препятствий к пониманию белорусами русского языка, мотивируя это похожестью того набора слов, которым пользовались белорусские крестьяне в быту, и лексики русского языка.

Кстати, несмотря на заявления белорусских ученых о том, что учителя в массовом порядке тайно обучали детей на белорусском языке³⁵, это не соответствует действительности. Подавляющее количество учителей оказалось настроено преподавать как раз на русском. Подтверждением этому могут служить воспоминания Улащика, где он указывает, что в бывшем реальном училище в Минске в начале 20-х годов (т. е. уже в то время, когда белорусская идентичность была официально узаконена) учителя «если только не смеялись просто с тех порядков, в первую очередь, с белорусизации, как назывался новый курс, то только потому, что боялись». Кроме того, «белорусское, все, что объявлялось государственной политикой, старые учителя и вообще интеллигенты встречали как нечто нелепое, ненужное, как вульгаризацию»³⁶. Такого же мнения придерживался и известный белорусский националист Я. Лесик, писавший о работе Всебелорусского учительского съезда, что он похож на собрание «парафиальных попов», которые хотят выразить «чувство беспредельной любви к обожаемому монарху»³⁷. Нужно заметить, что съезд проходил в конце мая 1917 г., когда высказывать проимперские лозунги было не только не модно, но и опасно.

Спорным являются и утверждения, что белорусских крестьян не удовлетворяло образование на русском языке, что они хотели видеть белорусоязычные тексты, а «чтение литературы на родном языке вызывало у каждого белоруса большую, законную гордость за нее»³⁸. Например, когда семья Улащика читала в 1920 г. белорусоязычную газету «Звон», все удивлялись «зачем это писать так, как говорят. Писать газету – это же не шутки. Такое делать может только “ученый” человек, тогда почему же он не пишет, как следует “ученому”?» Особенно против белорусского языка в газете выступал старший брат Н.Н. Улащика, который спрашивал разве можно назвать литературой предложение

«Бяжыць карова, залупіўшы хвост»? Когда Улащик начинал спорить с домашними, доказывая, что они не хуже других, и язык и них как язык, то с первой частью фразы о том, что «мы не хуже», все соглашались, но с тезисом о том, что белорусский язык «человеческий», никто из родственников не согласился³⁹.

Поскольку крестьянство никак не различало белорусский и русский языки как нечто обособленное, у него не стояло вопросов по поводу того, каким языком пользоваться. Между собой они говорили на «мужицком» языке, обращение в администрацию писали на литературном или близком к литературному русскому, но для крестьян оба они были «своими», как бы социальные диалекты одного языка. Если крестьянский школьник продолжал дело отца, то есть оставался в своей социальной группе, он говорил по-белорусски, если поступал учиться дальше и получал новый социальный статус – переходил на русский или, в некоторых случаях, на польский язык. Таким образом, язык для крестьянина означал не национальную принадлежность, а социальный статус. Естественно, что каждый родитель желал своему ребенку лучшей доли, поэтому знание русского являлось большей ценностью, чем проповедование непонятного крестьянам значения разделения их говора с говорами горожан и чиновников. То, что для белорусских националистов представлялось предательством своего народа, для массы крестьян было всего лишь переходом в более высокий статус, который абсолютно никакого предательства по отношению к оставшимся не представлял.

Другое дело, что перетекание местного населения «в русские» не давало шансов белорусскому национализму создать свою базу среди крестьянства. Употребление русского языка постепенно лишало возможности крестьян воспринимать себя как нерусских, а это было серьезным ударом по белорусскому национализму, поскольку язык на то время был, пожалуй, единственным средством размежевания белорусов от своих очень похожих соседей. Таким образом, расширение образования было невыгодно для белорусского национализма, ведь оно происходило на русском языке. Однако социалистические идеи

не позволяли носителям националистических установок выступать против образования вообще, поэтому приходилось делать заявления, в которых приветствовалось открытие школ и библиотек, но постоянно утверждалось, что крестьяне были бы очень рады, если бы это все было на белорусском⁴⁰.

Белорусские националисты не спрашивали крестьян, хотят ли они обучаться на белорусском или нет. Кроме того, в школьных хрестоматиях того времени были тексты на церковнославянском и русском языке. Последний подразделялся на три наречия, которые также были отражены в хрестоматиях. Поэтому школьники получали представления о белорусском уже из курса русского языка⁴¹. Очень интересным может представляться факт трактовки того, что в белорусоязычной газете «Наша нива» чертежи ульев и прочих построек для сельского двора подписывались по-русски. Этим, возможно, подсознательно белорусские националисты разделяли сферу применения белорусского и русского языков. Все-таки более структурированное явление — чертеж — имело подписи на русском, чертеж не был публицистикой или пропагандой, вполне возможно именно поэтому и подписывался по-русски.

Отождествление носителей языка с отдельным народом в условиях распространения образования постепенно сокращало шансы для белорусских националистов найти себе подходящий вехомый народ. Вполне возможно, что имперская власть также понимала это. Во всяком случае, правительство Николая II постоянно увеличивало расходы на начальную школу⁴². Хотя правительство вряд ли даже рассматривало возможности белорусского национализма, он практически был неизвестен и на белорусской территории. Наверное, больше имперскую власть волновало конструирование украинцев, поскольку Галиция и Закарпатье находились на территории Австро-Венгрии, куда не доходило российское влияние. Русские в Австро-Венгрии небезосновательно рассматривались венскими властями как своеобразная пятая колонна в случае войны с Россией. Поэтому австрийскому правительству было очень выгодно создать лояльные Вене прослойки из восточнославянского населения

империи. Эти прослойки расширяли свою деятельность и на территорию России; поэтому российские власти могли совершенно резонно опасаться появления украинских проавстрийских группировок в период создания Тройственного Союза. То, что австрийские власти делали ставку на украинское движение как альтернативу тяготения к России, подтверждается многочисленными документами⁴³.

Еще одна серьезная языковая проблема для белорусских националистов заключалась в письменности. Дело в том, что православное население предпочитало на письме использовать кириллицу, а католическое – латиницу. Поскольку среди белорусов православных было большинство (более 80 %), то кириллица использовалась более массово. Однако представители белорусского национализма практически все были католиками, то есть воспитывались в польских традициях и привыкли к использованию латиницы как «своего», «настоящего» письма. Для того чтобы распространять свои идеи на как можно более широкий круг населения, национализм пользовался обеими графическими системами. Причем сами националисты называли кириллическую графику русскими буквами, а латинскую – польскими⁴⁴. Это давало возможность крестьянам понимать, какой шрифт используется, но это же подчеркивало маргинальность белорусского письма, которое оказывалось или русским, или польским. Признание нежизнеспособности белорусского языка как отдельной самостоятельной системы распространения информации вела к кризису белорусского национализма и потере смысла его существования. Для навязывания своего мнения была необходима сила, которой белорусские националисты не располагали, поэтому белорусский язык остался таковым лишь для небольшой группы заинтересованных в этом людей, для остальных незаинтересованных в нем лиц он был лишь диалектом русского языка. И дело здесь не только в том, что на самом деле представляет собой белорусская разновидность идиом – язык или диалект. Как пишет В.А. Тишков, среди ученых существует очень емкое выражение: «язык – это тот же диалект, но только с

армией»⁴⁵. Еще Ф. Богушевич, в предисловии к «Дудке белорусской» очень точно оценил роль говорения на белорусском языке для развития белорусского национализма: «Не покидайте же языка нашего белорусского, чтобы не умерли!»⁴⁶ Таким образом, обоснование существования белорусского языка было необходимо для существования белорусского национализма, поскольку язык был самым ярким отличительным маркером.

Интересной представляется гипотеза, согласно которой формирование белорусского этнического самосознания у части его носителей было следствием широких языковых контактов. Говорившие «на простом языке», попадая в смешанные коллективы, состоящие из представителей разных областей империи, обращали на себя внимание произношением. Это часто вызывало смех, поэтому люди начинали стесняться своего произношения, а перейти на другой говор были не в состоянии, поскольку некоторые особенности, заложенные в детстве, практически невозможно, тем более в короткое время, изменить на другие, пусть и более принятые.

Например, житель бывшей Гродненской губернии, попав на Балтийский флот, утверждал, что белорусов из него и еще одного гродненца сделали русские. На корабле было 85 человек, «все были русские и только [...] двое белорусов с Гродненщины». Бывший моряк заявлял, что он и его земляк «по-русски говорить не умели и говорили по-своему, по-простому». Т. е. он не считал этот говор белорусским языком, а всего лишь «своим» или «простым». Моряк говорил вместо «солнце» «сонцо», на что обращали внимание сослуживцы, которые тут же начинали использовать это слово как прозвище: «Сонцо, куда пошел!», «Сонцо, к капитану!». «И вот таким способом они нам выбили из головы то, что мы русские. И только с того момента я начал о себе думать как о белорусе, а не как о русском», – говорил бывший моряк, утверждая, что именно тогда он понял, что его родина «это не Россия, но Белоруссия», хотя до этого времени был уверен, что он русский. Встает вопрос, каким образом гродненский моряк понял, что он белорус, если он был уверен, что говорит «по-простому», а не по-белорусски. Видимо,

идентичность появилась позже, когда вместо «простого языка» появилось понятие языка белорусского. «Русские меня отбили от России и подтолкнули в сторону Белоруссии» – подытоживал бывший моряк русского флота⁴⁷. Таким образом, непохожесть в произношении, воспринимавшаяся до революции в интеллектуальных кругах (за исключением кругов, образованных представителями некоторых локальных национализмов) как региональные различия стали восприниматься носителями этих произношений как маркер отличия.

Множество подтверждений этой гипотезе попадает в воспоминаниях Улащика. Описывая свою учебу в школах, он подчеркивает, что в Минске большинство школьников говорили «хорошо», приехавшие учиться в Минск из провинции, «чтобы не казаться слишком уж “мужиками”» хотели не только улучшить свое произношение, но и готовы были посмеяться над теми, у кого этот процесс шел медленно⁴⁸. Все в высшей начальной школе говорили по-русски и насмеялись над теми, кто старался, но говорить по-русски не мог⁴⁹. О своем понимании ситуации Улащик пишет: «Понятно, когда мы ехали учиться в Минск, то наперед знали, что будем говорить “хорошо” – там это обязательно, кто не умеет так, с того минчане смеются, лучше уж самому над кем-нибудь смеяться, чем терпеть, чтобы насмеялись над тобой»⁵⁰. Таким образом, говорившие на народных белорусских говорах как бы испытывали комплекс неполноценности – так «культурные» и «ученые» люди не говорили. Естественно, в школах учились для получения образования, т. е. для того, чтобы стать «ученым», поэтому переход на то произношение, которое было «человеческим», «культурным» нельзя воспринимать как попытку «денационализировать свое сознание», это желание использовать диалект более высокой, а поэтому более престижной социальной группы. К слову сказать, белорусские крестьяне воспринимали великорусские говоры примерно аналогично. Например, Улащик вспоминает, что мать одной из подруг его сестры, бывшая москвичка, «говорила будто шепелявя: “чай”, “лепешки” и др. С нашей точки зрения, это был дефект, но они считали наш говор

полностью дефектным, и мы старались со всей силы как можно быстрее овладеть “хорошим” русским говором, но то же твердое “р” и другое!»⁵¹

Невозможность перейти на «человеческий» говор потенциально могла способствовать стремлению объявить именно свое произношение таким же «человеческим», т.е. поднять его хотя бы в собственных глазах. Иллюстрацию этого можно найти в следующем примере. Когда после революции (Улащик не уточняет, когда конкретно, но, видимо, это был конец 1919 – начало 1920 г.⁵²) пришел белорусоязычный учитель, он заявил, что «мы, кто говорит “по-простому”, такие же самые люди, как и не “простые”, что наш говор настолько же человеческий, как и другие»⁵³. Проводя разные аналогии, учитель сказал про преимущества полотна домашней выделки перед фабричным, с чем школьники не согласились. Но «совсем иначе было воспринято утверждение, что мы не хуже, чем другие, в первую очередь это значило, что мы говорим не хуже, чем другие люди. Правда, все это было воспринято не сразу и не всеми. Прежде всего, это утверждение восприняли сельские [...]»⁵⁴.

Важно, что утверждение о том, что «мы говорим не хуже, чем другие» в первую очередь было поддержано выходцами из деревень, т.е. теми, чей выговор действительно не соответствовал литературным нормам. Вооружившись утверждением о значимости белорусского языка, одноклассники Улащика уже могли ответить ученикам других школ, где преподавание шло на русском, если те начинали смеяться над деревенскими говорами, объявляя их неучами⁵⁵. Таким образом, если раньше свой статус можно было поднять путем изменения в произношении, что было очень сложным для привыкших говорить определенным образом, то теперь можно было просто признать, что крестьянское произношение имеет такой же высокий статус. Второй вариант был менее затратным с точки зрения времени и сил, поэтому выступал как определенный компенсатор.

Предположение о том, что белорусский язык распространился в качестве компенсатора, требует

дополнительной проверки. Вряд ли многие из мемуаристов прямо признаются в том, что они стали сознательными белорусами потому, что это давало верный шанс подняться, как минимум, в собственных глазах, на более высокую ступень культурной лестницы. С другой стороны, мы не собираемся утверждать, что абсолютно все, пришедшие к белорусской идее, сделали это только лишь по компенсаторной причине.

Таким образом, «борьба за язык» являлась одной из главных задач белорусского национализма начала XX в. Однако эта борьба проходила далеко не так, как хотелось бы националистам. Для повышения значимости своего влияния на массы постепенно стал создаваться миф о массовой поддержке белорусскими крестьянами языковых требований националистов. На самом деле это была попытка выдать желаемое за действительное, которая увенчалась определенным успехом только с началом белорусизации уже в советское время.

¹ Во многих номерах белорусоязычной газеты «Наша ніва» встречаются сегование на то, что молодежь покупает одежду фабричного производства, не обращая внимание на то, что сделано в домашних условиях. Домашняя одежда украшалась вышивками, популярными в регионе, поэтому считалось, что эти белорусские узоры могут отличить белорусов от не-белосов, создав тем самым ощущение принадлежности к какой-то особой группе.

² *Марзалиук І.А.* Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў, 2009. С. 7.

³ *Карский Е.Ф.* Белорусы. Минск, 2006. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словестности. / Уступны артыкул М.Г. Булахавы, прадмова да першага тома і каментырыі В.М. Курцовай, А.У. Унучака, І.У. Чаквіна. С. 34.

⁴ *Кісялеў Г., Скалабан В.* Карскі Яўхім Федаравіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1997. Т. 4. С. 127.

⁵ Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзен: Дадатак да 6-томнай «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» / Аўтар тэкста Л.І. Языковіч; Склад.: Г.Р. Шыкунова, Л.І. Языковіч. Мінск, 2004. С. 76.

⁶ Радзiк Р. Петербургские народники – творцы современной белорусской национальной идеи. // Белорусский сборник. Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб, 2005. Вып. 3. С. 84.

⁷ Об этом же пишет современная французская исследовательница Э. Каррер д'Анкосс: «Да, интеллигенция мечтала о создании собственно белорусской культуры [...]» (Каррер д'Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007. С. 170).

⁸ Радзiк Р. Указ. соч. С. 83.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 86.

¹¹ Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб., 2003. С. 18.

¹² Карский Е.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 373–374.

¹³ Багушэвіч Ф. Творы. 2-е выд. Мінск, 2001. С. 21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Лыч Л. Беларуская нацыянальная ідэя: тэарэтычны і практычны аспекты. Мінск, 2010. С. 72.

¹⁷ Карский Е.Ф. Указ. соч. Т. 1. В этом томе в названии IV главы словосочетание «белорусский язык» прямо взято в кавычки (С. 110), а в главе IX понятие «белорусский язык» употребляется как равное по статусу понятию «ожновеликорусский язык», которое, несомненно, означает диалект великорусского.

¹⁸ Трехтомник Карского писался и выпускался с большими перерывами на протяжении почти 20 лет. Первый и второй (в двух частях) тома, а также первая часть третьего тома вышли до революции. Именно на этом материале белорусские националисты доказывали отдельность белорусского языка от русского. Две последние части третьего тома вышли уже при советской власти, когда белорусы были признаны отдельным народом, а белорусский язык отдельным языком уже на уровне власти. Однако Карский остался верен своим научным взглядам, за что и подвергался критике белорусских националистов. Даже сейчас белорусские исследователи утверждают, что Карский «недопонимал» всю глубину отдельности белорусского языка и находился в плену шовинистической и великодержавной российской методологии.

¹⁹ Лесік Я. Е.Ф. Карскі. Беларуская Речь (Рэцэнзія) // Лесік Я. Творы: Апаваданні. Казкі. Артыкулы. Мінск, 1994. С. 307–308; Луцкевіч А.

Я.Ф. Карскі [Некралог] // *Луцкевіч А.* Выбранныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва. Мінск, 2006. С. 373.

²⁰ *Новіна А.* [Луцкевіч А.]. На дарозі да новага жыцця. Пецяярбург, 1912. С. 6.

²¹ *Ельчанинов В.А., Шайдуrow В.Н.* Еще раз о национальных особенностях исторического сознания // Текст размешен на Интернет-странице www-ic.dcn-asu.ru/~silant/histor/works/08.htm

²² Напрымер см.: *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 613; *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 59 и др.

²³ *Улашчык М.* Выбранае. Мінск, 2001. С. 324.

²⁴ Там же. С. 303.

²⁵ Там же. С. 324.

²⁶ Там же. С. 302.

²⁷ Там же. С. 310

²⁸ Там же. С. 315–316.

²⁹ Там же. С. 304.

³⁰ Там же. С. 304.

³¹ Там же. С. 303.

³² *Багдановіч М.* Голос из Белоруссии. К вопросу о белорусской и великорусской речи в местной школе. // *Багдановіч М.* Зорка Венера. Творы. Мінск, 1991. С. 438–439.

³³ «“Изсерим вену сороковку ун пылну дену бродиям по канавам” в переводе (!) на русский означает “Выпьем одну четвертинку и целый день бродим по канавам”» (*Белоусов В.Н.* Русский язык в межнациональном общении (1986–1992 гг.) // Язык–культура–этнос. М., 1994. С. 188).

³⁴ *Карский Е.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 340.

³⁵ *Лыч Л.* Указ. соч. На с. 83. можно прочесть: «Что же касается позиции учителей, так она часто шла в разрез с теми, кто укоренял в школах “русские национальные черты”».

³⁶ *Улашчык М.* Указ. соч. С. 328.

³⁷ *Лесік Я.* Настаўніцкі з’езд // Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы. Мінск, 1994. С. 134.

³⁸ *Лыч Л.* Указ. соч. С. 71.

³⁹ *Улашчык М.* Указ. соч. С. 327.

⁴⁰ Такие утверждения встречаются очень часто во многих номерах «Нашай нівы».

⁴¹ См., например, Русский язык для 4 кл. Применительно к новой программе Мин. Нар. Просвещения для средне-учебных заведений / Сост. проф. Н.К. Грунский. Б. м., б. г. На с. 16–18 этого учебника представлен раздел, озаглавленный «Белорусское наречие», в котором дается характеристика белорусских говоров.

⁴² *Миллер А.И.* Национализм и империя. М., 2005. С. 40.

⁴³ Например, см.: «Украинская» болезнь русской нации М., Имперская традиция, 2004. 560 с.; *Щеголев С.Н.* История украинского сепаратизма. М.: Имперская традиция, 2004. 472 с.; Русская Галиция и «мазепинство». М., Имперская традиция. 2005. 592 с. Вполне возможно, что подборка текстов в книгах несколько тенденциозна, однако, в последнее время появляется много исследований, показывающих, что украинский проект не поддерживался теми, кого считали «украинцами», то есть украинская идентичность была навязана. Об этом см., например: *Савченко В.Н.* Восточная Галиция накануне Первой мировой войны (этносоциальная ситуация по данным российского Министерства иностранных дел) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 32–41; *Шевченко К.* «Вся Лемковщина была покрыта виселицами...» // Родина. 2007. № 9. С. 87–91 и др.

⁴⁴ Например, вторая легальная белорусская националистическая газета «Наша ніва» на первой странице постоянно делала комментарий: «Печатается русскими и польскими буквами».

⁴⁵ Тишков В. Язык и алфавит как политика // Текст размещен на Интернет-странице

www.archipelag.ru/geoculture/langsnpeoples/Yazikovaya%20politika/language/. Однако оценивать язык/диалект с точки зрения доминирующего убеждения, поддержанного политикой, не всегда верно; предпочтительнее использовать научные критерии, которые, впрочем, тоже могут быть далеко не объективны.

⁴⁶ *Багушэвіч Ф.* Указ. соч. С. 22.

⁴⁷ *Баршчэўскі А.* Малая і вялікая айчына ва ўспрыяцці беларусаў з Усходняй Беласточчыны. // Беларусіка=Albaruthenica. Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжрэлігіўнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Мінск, 1997. Ч. 1. С. 300.

⁴⁸ *Улашчык М.* Указ соч. С. 317.

⁴⁹ Там же. С. 322.

⁵⁰ Там же. С. 318

⁵¹ Там же. С. 316.

⁵² Улащик пишет, что белорусоязычные учителя пришли к ним в конце 1919 г. (Там же. С. 322), а с лета 1920 г. Улащик один год не учился (С. 327).

⁵³ Там же. С. 318.

⁵⁴ Там же. С. 323.

⁵⁵ Там же. С. 326.

Клопова М.Э. «Русское дело» в Австро-Венгрии: активисты, друзья, оппоненты

Годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, были непростыми для многих национальных движений народов Центральной Европы. Явственно приближавшаяся угроза грандиозного военного столкновения, которое неминуемо должно было повлечь за собой изменение карты Европы, стала причиной существенных изменений как в идеологии национальных движений славянских народов, так и в их положении в стране.

Серьезные испытания выпали в этот период на долю русофильского движения, одного из национально-политических движения восточнославянского населения Австро-Венгрии. В 1909–1910 годах русофильское движение поразил тяжелый внутренний кризис. На состоявшемся в феврале 1909 г. съезде Русско-народной партии в рядах ее руководства произошел раскол, разделивший партию на сторонников выраженной пророссийской ориентации, т. н. «молодых» русофилов, и приверженцев более консервативной, «старорусинской» ориентации. Безусловно, раскол негативно отразился на русофильском движении, когда, по словам лидера «молодых» В. Дудыкевича, «наступило тяжелое время, время упадка народной дисциплины и полного застоя общественной деятельности», отмечались даже отдельные случаи выхода из Русско-народной партии¹. Организационные проблемы, возникшие после раскола, существенно ослабили работу русофильских организаций, в том числе и хозяйственных, лишившихся тех немногочисленных дотаций, которые выделяла им венская администрация. Внутренние противоречия в среде русофилов, а также отказ галицийской администрации от их поддержки привели и к ослаблению позиций русофилов в Сейме, а затем и в Рейхсрате. На выборах в Сейм 1910 г. русофилам удалось провести только одного своего кандидата – Д. Маркова, причем, как отмечалось в записке представителя Санкт-

Петербургского телеграфного агентства (СПБТА) С. Колосова «при помощи украинских голосов, поданных за него»².

В результате внутренних противоречий, приведших к расколу и созданию двух самостоятельных политических организаций, а также усиления негативного отношения со стороны галицийской и общеимперской администрации русофилы лишились скольконибудь заметного политического влияния, сосредоточившись на культурной и религиозной пропаганде.

Углублению именно культурно-религиозного направления в работе русофилов способствовали их контакты с единомышленниками в России. Основное место в поддержании контактов с «русскими» активистами в Габсбургской монархии принадлежало Галицко-русскому обществу. Основанное еще в 1902 г., Общество ставило своей целью «оказывать всякого рода нравственную и материальную поддержку русским галичанам и их семьям временно или постоянно проживающим в С.-Петербурге»³. Таким образом, первоначально, деятельность общества не распространялась за пределы Российской империи. Но после 1908 г., во многом благодаря его председателю графу В.А. Бобринскому, она приобрела иной характер. Все больше внимания члены общества уделяли поддержке русского (русофильского) движения в Австро-Венгрии. Сам Бобринский неоднократно совершал поездки в Галицию, Буковину и Угорскую Русь, поддерживал тесные контакты с активистами русского движения. Деятельность Бобринского вызвала опасения со стороны австрийских властей и в декабре 1910 г., по сообщению посла в Вене Н.Н. Гирса, было издано распоряжение о розыске и задержании Бобринского⁴. Посол добавил, что причиной распоряжения послужила речь, произнесенная Бобринским в 1908 г. в Сенате в поддержку русского дела в Галиции. Речь была расценена австрийскими властями как агитация против императора Франца Иосифа. По мнению посла «всякая пропаганда соединения с Россией, которую делают в Галиции некоторые наши общественные деятели и некоторые органы нашей прессы, обращающиеся с угрозами к Австрийскому правительству, могут при нынешних условиях

лишь повредить Русскому национальному движению, и мы будем бессильны защищать единомышленников от строгих репрессивных мер здешнего правительства»⁵. Сходные мысли высказывал и корреспондент СПбТА В.П. Сватковский, по мнению которого «Вена не хочет и боится войны с Россией, но верит, что она будет и поэтому все внимание посвящает России и соседней с ней Галиции»⁶. Ссылаясь на мнение видного чешского политика К. Крамаржа, Сватковский отмечал, что «именно этим обстоятельством объясняются, с одной стороны, постоянные дутые инциденты с русскими шпионами, а с другой стороны, тревога по поводу русофильского движения в Галиции и гонения, которым подвергаются галицко-русские начинания и деятели»⁷.

Развивая свою мысль, Сватковский отмечал, что «вопрос о русской, якобы антигосударственной, пропаганде в Галиции, по-видимому, вновь поставлен на очередь и очень серьезно»⁸ и задействована в этом как украинская пресса, так и немецкие издания, как, например газета «Vaterland», которая, приводя слова одного из православных священников о помощи «подъяремной Руси», заявляла, что «интересы нашей монархии требуют, чтобы церковные и светские власти посвятили русофильским и схизматическим проискам больше внимания и энергии»⁹.

События 1912 г на Балканах и, как следствие, рост напряженности в австро-российских отношениях, заметно отразились и на положении русофилов в Австро-Венгрии и на отношении к русофильскому (русскому) движению в России. Чем явственнее становилась угроза австро-российского столкновения, тем активнее шел поиск возможных союзников в этой войне. «Руськое» население Австро-Венгрии все чаще рассматривалось в качестве такого потенциального союзника. Оценивая с этой точки зрения состояние «русского дела» на австрийских землях, российские наблюдатели рассматривали его, прежде всего, как реальную альтернативу украинскому движению. По словам М.М. Казанского, главы Одесского отделения Галицко-русского общества, «русофильская партия... делает в настоящее время героические попытки в борьбе за деревню»¹⁰. Казанский

констатировал, что степень влияния русофилов определить достаточно сложно, поскольку «какой-либо политической роли в государственном и местном представительстве партия играть не может, т. к. имеет всего лишь два депутатских кресла в парламенте и одно в сейме»¹¹. На то, что русофильское (его все чаще и в официальных документах называли русским) движение является единственной альтернативой растущему и активно развивающемуся при поддержке австрийских властей украинскому движению, указывал в своей обширной докладной записке, представленной председателю Совета министров В.Н. Коковцову, В.А. Бобринский. Он подчеркивал, что «защита русского дела на Днестре и Сане есть защита его на Днепре и, работая в Галиции, мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса воссоединения с нами Червоной Руси» и что «в Австрии сильно рассчитывают на украинский народ в России в случае войны с нами»¹². Будучи убежден в том, что поддержка пророссийских настроений в «русских» землях Австро-Венгрии является делом государственной важности, Бобринский внес несколько предложений относительно финансирования русофильских организаций. По его мнению, необходимо было «изыскать постоянный и нормальный источник денежных средств путем ассигнования в законодательном порядке достаточных сумм в виде секретных средств МИДа»¹³. Далее он высказал мнение, что «расходовать плодотворно эти средства можно только путем постоянных сношений преданных частных лиц в России с русскими патриотами Прикарпатья». Бобринский хорошо понимал, что открытое оказание помощи со стороны официального Петербурга может привести к осложнениям в австро-русских отношениях, что не может не беспокоить Министерство иностранных дел, поэтому он предлагал передавать выделенные деньги русским учреждениям Галиции, Буковины и Угорской Руси под видом жертв русских частных лиц и обществ. По его мнению, «таким образом, не только Австро-Венгерское правительство, но и получатели денег не будут знать о причастности нашего правительства к этому делу, а

посему деньги должны находиться в непосредственном распоряжении центральных установлений МИДа, а отнюдь не посольств или консульств»¹⁴.

Руководство Министерства иностранных дел с осторожностью относилось к подобным предложениям. Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов, которому была адресована секретная записка М.М. Казанского, согласившись с частью предложений, касавшихся, прежде всего, усиления значения российского консульства во Львове, категорически отверг те из них, которые требовали от консула непосредственного участия в поддержке русофильских настроений. Нератов, как и Сазонов, опасался, что австрийские власти постараются использовать такую деятельность консула в качестве доказательства вмешательства России во внутренние дела соседней монархии. С большими сомнениями отнесся к идее увеличения финансовой поддержки русофилов управляющий Министерством финансов. В письме С.Д. Сазонову он высказал пожелание сохранять в течение пяти лет, начиная с 1914 г, тот уровень расходов (200 тыс. рублей в год), который предлагался еще в письме Бобринского, в то время как Сазонов предлагал увеличить сумму расходов до 260 тыс. рублей. По мнению управляющего министерством финансов, «предстоящие огромные расходы на усиление состава нашей армии», служат препятствием к увеличению финансовой помощи¹⁵.

Таким образом, несмотря на то, что идея поддержки русского движения как альтернативы украинскому признавалась полезной представителями практически всех российских ведомств, к ее практической реализации в Петербурге приступать не спешили. Тем не менее, даже столь незначительная помощь русофилам с российской стороны вызывала обвинения со стороны украинских активистов и неприязнь со стороны официальных властей. Так призыв Галицко-русского благотворительного общества помочь голодающим жителям «Прикарпатской Руси» (Галиции) и образование в октябре 1913 г. «Комитета помощи голодающим», собравшего в итоге около 1 млн. рублей¹⁶, вызвала активное неприятие украинских лидеров, видевших в этом «работу

восточного соседа по присоединению «подъяремной Руси», а собранные средства считавших «деньгами на агитацию и пропаганду»¹⁷. Также был убежден в том, что активную поддержку русофилам оказывает российские представительства, в том числе и консульство во Львове, лидер галицийских украинцев К. Левицкий. Убежденность в том, что русское движение инспирировано Санкт-Петербургом высказывали и австрийцы. Один из руководителей австрийской контрразведки М. Ронге, отмечал в своих воспоминаниях, что Галиция была «глубоко отравлена русскими интригами»¹⁸.

По мере нарастания напряженности в российско-австрийских отношениях, деятельность активистов русского движения вызывала все больше подозрений со стороны как краевых, так и имперских властей. Наместник Галиции М. Бобжиньский в своих воспоминаниях высказывал убежденность в том, что вся издательская и просветительская деятельность русофилов была направлена на формирование в народе чувства единства с Россией и на борьбу с католичеством и украинизмом. Особенно он отмечал активность общества им. Качковского и работу т. н. бурс, «русских» общежитий для молодежи¹⁹. При этом необходимо еще раз отметить, что благодаря сдержанной позиции официального Петербурга, политические организации и культурные учреждения, возглавляемые русофилами, получали довольно скромную помощь. Практически поддержкой пользовалось лишь движение за возрождение и развитие православия в «Прикарпатской Руси».

Вопрос этот был весьма сложным. Официально в Габсбургской монархии православие не было запрещено, а в Буковине было даже преобладающим вероисповеданием, однако, на практике попытки местного населения перейти в православие жестко пресекались властями²⁰. Наиболее активные меры по борьбе с распространением православия оказывалось в Венгрии, где, по словам одного из российских дипломатов: «патологическое беспокойство по поводу контактов Русинов с Россией перешло в патологический страх»²¹. Еще в 1903–1904 годах в Угорской Руси, исторической области, входившей в состав Венгерского

королевства, прошел судебный процесс, на котором обвинения в антигосударственной деятельности были предъявлены крестьянам села Иза, перешедшим в православие. Стоит отметить, что массовый переход жителей из унии в православие нередко носил протестный характер, причиной его были не только религиозные, но и социальные и общественные противоречия. Несмотря на то, что политика венгерских властей по отношению к «бунтовщикам» была весьма жесткой, движение за возвращение в православие не затихло. Новые волны подобных «бунтов» поднимались и 1905, и в 1906 годах. С событиями в Угорской Руси связано также начало деятельности целого ряда представителей нового поколения активистов русофильского движения в Австро-Венгрии. Среди них стоит особо выделить братьев Алексея, Георгия и Романа Геровских и о. Алексея (Александра Кабалука).

Братья Геровские принадлежали к семье убежденных и активных сторонников идеи общерусского единства. Внуки Адольфа Добрянского, лидера национального движения карпатских русинов в середине XIX в., племянники Ольги Грабарь, чье имя связано с печально известным процессом 1882 г., и Антона Семеновича Будиловича, видного учено-слависта, многое сделавшего для укрепления связей Галиции и России, сыновья Юлиана Геровского, директора Ставропигийского института во Львове и депутата Рейхсрата и дочери Добрянского Алексии, одной из руководительниц «Общества русских женщин Буковины», с ранней юности они восприняли идеи общерусского единства и стали активными участниками русофильского движения. Алексей Геровский был исключен из гимназии в Черновцах за то, что расклеивал объявления на русском языке. После окончания университета (Алексей учился в Черновцах, Роман в Праге), братья совершили поездку по Угорской Руси, во время которой были арестованы и высланы за пределы Венгрии.

Через несколько лет, также во время летней поездки по Карпатам, Алексей Геровский познакомился с Александром Кабалуком, будущим архимандритом Алексеем, видным

деятелем карпаторусского движения. Греко-католический священник, в доме которого гостил Геровский, рассказал ему, что среди его прихожан есть молодой человек, которого следовало бы послать в Россию в какой-нибудь монастырь и там его подучить, затем дать ему возможность побывать в святых местах, в особенности в Киеве и Иерусалиме». Священник особенно подчеркнул, что именно Геровские, имеющие родственников в России, могут помочь в осуществлении этого плана. Геровский вспоминал, подошедший вскоре к нему молодой гуцул поистине «был замечательный человек. Глубоко верующий, русский и готовый на подвиг»²² Геровский с помощью своего дяди Антона Будиловича, бывшего тогда ректором Юрьевского университета, помог Кабалуку приехать в Россию. Там он два года провел в Яблочинском монастыре, где принял монашество и был рукоположен в иереи. Затем он побывал в Киеве, Иерусалиме и, наконец, в Константинополе, где был принят патриархом. Вернувшись на родину о. Алексей начал свое служение. Преодолевая активное сопротивление властей, он крестил, венчал, отпевал крестьян-русинов. Следует отметить, что в регионе сложилась парадоксальная ситуация конфессионального безвластия. Несколько тысяч крестьян отказались пользоваться услугами униатских священников и сами крестили детей, венчали молодых, отпевали усопших. О. Алексей, тайно прибыв в Изу в течение тех дней причащал, венчал, исповедовал сотни, если не тысячи обратившихся к нему крестьян. Вскоре, он был арестован и выслан в родное село Ясень. Позднее о. Алексей получил, с помощью сербского патриарха, официальную возможность вести богослужения в «мятежных» русинских селах.

Активная работа по распространению идей общерусского единства велась и в других частях Австро-Венгрии. В Буковине Алексей Геровский с 1908 г. издавал в Буковине еженедельную газету «Русская Правда» и ежемесячник «Вера и Церковь», а после раскола в Русско-народной партии стал главным редактором органа т. н. «молодых» русофилов «Прикарпатская Русь». Геровский вспоминал, что, несмотря на негативное отношение венгерских властей, русофильские издания

пользовались большой популярностью у русинов не только в Буковине, но и в Угорской Руси. Многие крестьяне приходили в Черновцы пешком или приезжали верхом на лошадях, невзирая на немалое расстояние.

В Галиции, несмотря на утрату русофилами политического влияния, их деятельность не прекратилась. Продолжали свою работу Общество им. Качковского, Галицко-русская матица, другие русофильские общества. Галицийские русофилы не раз приезжали в Россию. Следует отметить, именно подобная деятельность, направленная на развитие и поддержание идеи общерусского единства, развитие контактов между «Державной» и «Подъяремной» Русью соответствовала изначальным установкам многих представителей русофильского движения, основной соевей задачей видевших не политическую, а культурно-просветительскую и религиозную деятельность. Заметно усилилось и тенденция к возвращению в православие. В 1911 г. в Галиции было отмечено несколько случаев перехода «руських» сел в православие. Тогда же, по словам председателя Галицко-русского общества В.А. Бобринского, «целый ряд преданных и вдохновленных верой молодых людей, русских галичан и угроруссов, австро-венгерских подданных... приняли рукоположение... и вернулись на родину для служения своим православным землякам»²³.

В результате и центральные, и региональные власти Австро-Венгрии пошли на ужесточение политики в отношении сторонников русофильского движения. В 1912 г. в результате деятельности провокатора, внедренного в русофильские круги в Венгрии, был арестован и привлечен к суду целый ряд активистов русского движения²⁴. Обвинение, предъявленное архимандриту Алексею Кабалуку и ряду других лиц (в основном это были крестьяне и лица духовного звания) гласило: «Означенные лица находятся в сношениях с графом Бобринским, жительствоющим в Петербурге, русским подданным, председателем “Русского национального союза”... с Евлогием Холмским, Антонием Житомиро-Волынским, православными русскими епископами, с афонскими, холмским, московскими,

киевскими, почаевскими и яблочинскими православными монахами и получают от них денежную поддержку... Они вошли в соглашение с целью обратить униатских жителей государства в православную русскую веру... Все это делалось с целью присоединения означенных территорий к русскому государству и подчинения их скипетру русского царя»²⁵. По делу привлекалось около двухсот человек, перед судом предстали 94 обвиняемых.

В это же время во Львове под подозрение властей попали галицийские русофилы. Весной 1912 г. были арестованы два православных священника И. Гудима и М. Сандович, журналист С. Бендасюк, студент В. Колдра. В ходе следствия, тянувшегося около двух лет, отслеживались все их контакты, прежде всего с В. Бобринским, Д. Вергуном, а также А. Геровским; привлеченным к суду по Мармарош-Сигетскому делу. Особое внимание вызывали поездки обвиняемых и их единомышленников в Петербург.

Процесс в Мармарош-Сигете начался в декабре 1913 г., и вызвал пристальное внимание общественности как в Австро-Венгрии, так и в России. Надуманный характер обвинений был очевиден для многих. (Забавное доказательство надуманности обвинений привел тот же А. Геровский. По его словам, свидетели показали, что видели у обвиняемых русскую 1000-рублевую купюру, в то время как самой крупной была банкнота в 500 рублей). Даже убежденный противник русофилов, лидер галицийских украинцев, К. Левицкий писал об обвиняемых как о «невинных жертвах, поскольку давление венгров доведших их до полного упадка национально-культурной жизни и экономического краха, сделало их легкими жертвами русофильской пропаганды»²⁶. В защиту обвиняемых высказывались и многие общественные деятели: чехи В. Клофач и Т. Масарик, М. Годжа, венгерский публицист В. Аради, по чьему ходатайству из Будапешта приехали защищать обвиняемых лучшие адвокаты, и многие другие.

Одно из основных обвинений – в сотрудничестве с графом Бобринским, подозреваемым в организации шпионажа против Австро-Венгрии, было сорвано приездом в Мармарош-Сигет

самого В.А. Бобринского, решившего выступить на процессе в качестве свидетеля. Не получив разрешения австрийских властей на въезд, он приехал в Венгрию через Румынию под гарантии неприкосновенности со стороны венгерской администрации. При этом представители российского внешнеполитического ведомства в Австро-Венгрии высказывались против подобных действий, поскольку неоднократно получали заверения властей о том, что граф Бобринский будет арестован²⁷. Тем не менее, сотрудникам российского консульства в Будапеште удалось убедить министра иностранных дел Л. Берхтольда в том, что показания Бобринского будут уместны на процессе²⁸. В судебном заседании Бобринский показал, что имел контакты с провокатором Дулишковичем, который встречался с ним в Санкт-Петербурге и выказывал интерес к русскому движению и распространению православия. При этом Бобринский не отрицал, что оказывал денежную помощь «угороссам», но категорически отвергал, что средства эти выделялись российским правительством. Позднее, выступая на заседании Государственной Думы, Бобринский еще раз подчеркнул, что как таковой, цели пропаганды православия у него не было, «ибо и пропаганды никакой нет ни с моей стороны, ни с чьей бы то ни было... угрорусский народ давно и всегда считал себя православным»²⁹.

Уже в ходе Мармарош-Сигетского процесса, в декабре 1913 г. в Черновцах, были арестованы братья Алексей и Георгий Геровские, названные вдохновителями и руководителями организации, замышлявшей государственную измену. Алексей Геровский вспоминал, что информацию о готовящемся аресте получил задолго до начала процесса, когда находился на лечении в России, а главный обвиняемый о. Алексей (Кабалюк) совершал поездку по Америке. По словам Геровского, следователи Мармарош-Сигете пытались убедить обвиняемых крестьян в том, что их лидеры бросили их на произвол судьбы, что сильно подорвало их моральный дух. И Кабалюк, Геровский сочли необходимым вернуться на родину, чтобы разделить участь своих единомышленников³⁰. О. Алексей был арестован сразу,

Геровский – через несколько месяцев. Им также было предъявлено обвинение в государственной измене.

Позднее, Геровским удалось бежать из тюрьмы и перебраться в Россию. Посол в Вене Н.Н. Шебеко получил записку, поданную Алексеем Геровским, в которой он излагал обстоятельства своего ареста, в том числе и попытку своей вербовки со стороны буковинских властей и местных украинских активистов. По его словам, «летом 1913 г. один еврейский маклер предложил мне как издателю популярной политической газеты “Русская Правда” войти в соглашение с австрийским правительством и украинской партией, находящейся на услужении у последнего и изменить направление моей газеты в желательном для Вены и украинцев смысле.. За это мне была обещана значительная сумма денег и различные другие льготы, в том числе депутатское кресло в австрийском парламенте»³¹. Геровский полагал, что именно его решительный отказ от подобного предложения и послужил причиной их ареста, поскольку до того они не замечали со стороны властей сколько-нибудь негативного отношения. В то время, когда Алексей и Георгий находились под арестом, их брат, Роман Геровский опубликовал в российской газете «Новое время» открытое письмо министру-президенту Венгрии Стефану Тиссе, в котором решительно опроверг обвинения, предъявленные ему и братьям. Он напомнил, что дядя нынешнего министра, граф Колман Тисса, выступил с аналогичными обвинениями против деда и тетки Геровских, А. Добрянского и О. Грабарь, на процессе 1882 г., и тогда обвинения эти не нашли подтверждения в суде³². Р. Геровский подчеркнул, что протест против политики венгерских властей и их представителей, не может считаться и не является антигосударственной деятельностью. Он заявил, что «мы остались Русскими, не видя между своей национальностью и австрийским патриотизмом никакого противоречия». Мармарош-Сигетский процесс закончился в марте 1914 г. Алексей Кабалюк был осужден на четыре с половиной года тюремного заключения, около трети обвиняемых были приговорены к разным срокам заключения и денежным штрафам, остальные были признаны невиновными.

Процесс во Львове, начавшийся 9 марта 1914 г., во многом напоминал процесс в Мармарош-Сигете. Обвинения были основаны на данных осведомителей, заявлявших о том, что они имели контакты, как с подсудимыми, так и с их единомышленниками в России³³. Излагая официальную версию обвинения, Ронге писал, что «следствие установило их связь с известным агитатором графом Бобринским, с русско-галицийским благотворительным союзом, с местами русофильской пропаганды – Почаевским православным монастырем, интернатом в Житомире и русским разведывательным бюро»³⁴. Доказательствами при этом были якобы измерение моста И. Гудимой и М. Сандовичем через реку Черемош, что впоследствии не было доказано, чтение В. Колдрой в крестьянских читальнях повести «Тарас Бульба» и т. д. В австрийском Министерстве внутренних дел имелись сведения о том, что подсудимые и их единомышленники агитировали за переход в православие³⁵. В донесениях полицейских агентов сообщалось также о том, что подсудимые имели связи с российской военной разведкой собирали сведения военного характера для передачи русскому военному агенту³⁶. При этом, в самом штабе Киевского военного округа, в ведении которого находилась и организация разведки против Австро-Венгрии, сведениями о том, были ли обвиняемые связаны с русской разведкой, не располагали³⁷. Хотя М. Ронге писал, что «материал так недвусмысленно подтвердил обвинение в государственной измене, что защитник не смог его опровергнуть»³⁸, никто из обвиняемых не признавал себя виновным в предъявленных обвинениях и в ходе судебных слушаний настаивали на том, что их деятельность не была враждебной по отношению к Габсбургской монархии. Отрицали они и обвинения в получении денежных субсидий от российского правительства³⁹. Показания свидетелей обвинения также были шаткими, более того, в ходе процесса, защите, которую возглавляли лидеры русофильского движения В. Дудыкевич и К. Черлюнчакевич, удалось дискредитировать самих свидетелей

Большое впечатление произвел и приезд на процесс пяти депутатов Государственной Думы, обратившихся к подсудимым со словами «Целуем ваши вериги!». Защита настаивала на приезде в качестве свидетеля архиепископа волынского Антония (Храповицкого). Обер-прокурор Синода В.К. Саблер выразил свое согласие и обратился за разрешением на подобную поездку к императору, который также согласился с подобной возможностью⁴⁰. Однако министр иностранных дел Сазонов высказал мнение, что «при нынешнем положении вещей такая поездка легко могла бы привести к неприятным случайностям, одинаково не желательным как с точки зрения интересов иерарха Русской Православной Церкви, так и с точки зрения наших политических отношений с Австрией»⁴¹ и счел поездку недопустимой. В.А. Бобринского, готового выступить и на этом судебном процессе, суд не счел возможным выслушать, поскольку тот недавно уже был обвиняемым на Мармарош-Сигетском процессе. Тем не менее, Бобринский высказал свое отношение к обвинениям, выдвинутым на Львовском процессе. По его словам, само понятие «русофильская партия» не имеет смысла, поскольку «в Галичине среди русских не может быть руссофильской партии, ибо русские не могут быть руссофилами или руссофобами; француз, венгерец, немец, может быть руссофилом или руссофобом; русские же могут быть просто русскими, не великороссами, а просто русскими»⁴². При этом Бобринский вновь вернулся к высказываемой уже им мысли о том, что и сами процессы, и общее негативное отношение австрийский и венгерских властей к руссофильскому движению в целом, особенно к его массовой, «народной» составляющей, имеет политический характер. Он отметил, что «Австрия сто лет относилась терпимо и даже благосклонно к своим русским подданным,... но затем, лет сорок тому назад... стали искусственно и насильственно насаждать украинское мазепинство в самой ужасной его форме – ненависти ко всему православному и всему русскому»⁴³. И, по его мнению, именно позиция австрийских властей в «галицком вопросе», существенно осложняет австро-российские отношения.

Процесс завершился 6 июня 1914 г. полным оправданием подсудимых. К. Левицкий счел это вполне предсказуемым, поскольку нарочито смехотворные доказательства серьезных обвинений, не могли стать основой для иного вердикта присяжных. Интересно, что лидер украинского движения в своих воспоминаниях высказывал убеждение, что процесс был инспирирован польской администрацией для того, чтобы доказать свою непричастность к русофильской пропаганде⁴⁴. Подобные соображения высказывал и посол в Вене Н.Н. Шебеко, отметивший, что «самый вердикт присяжных (по 20 пунктам обвинения он был единогласным оправданием, а по 4 из 10 голосов 8 высказались за оправдание) многими объясняется как сознательный политический маневр присяжных заседателей-поляков: вердикт этот будто бы главным образом основан на расчете, что оправдательный приговор наносит удар слишком усилившемуся последние годы мазепинству и, усилив русскую партию, служить службу полякам, закрепив раскол среди галичан. Он равным образом будто бы послужит на пользу полякам в пределах России»⁴⁵. Шебеко при этом подчеркивал, что весь процесс носил явный политический характер и «поэтому неудивительно, что все участвовавшие в нем элементы, начиная с коронных судебных властей и кончая присяжными, испытывали на себе влияние политических и национальных интересов»⁴⁶. Оценивая возможные последствия оправдательного приговора, посол отмечал также, что «приговор не успел снять с обвиняемых всякое подозрение в глазах общественного мнения Австрии. Здесь невольно чувствуют, что за закономерным стремлением к культурному сближению с Россией – какового они несколько не скрывают – у галичан таится глубокое тяготение к России, которое не может рано или поздно не вылиться в политическое сближение»⁴⁷. Однако, по его мнению «центральное правительство скорее... довольно исходом процесса», поскольку ему, «также, несомненно, озабоченному улучшением отношений с Россией, не безразлично благоприятное впечатление, производимое у нас исходом процесса»⁴⁸.

В то же время, организаторы процессов по делу русофилов в определенной степени достигли своей цели. Несмотря на то, что Львовский процесс окончился победой сторонников русского движения, его результаты не стали основой для внутренней консолидации русофилов, раскол между консервативными «старорусинами» и их оппонентами не был преодолен, прежнее политическое единство не было достигнуто. Сократилась и финансовая помощь из России. Процессы во Львове и Мармарош-Сигете вынудили официальный Петербург проявлять большую, нежели обычно осторожность. Несмотря на то, что с 1 июля 1914 г. предполагалось увеличение финансовой помощи русским организациям в Австро-Венгрии, уже в апреле 1914 г. консул в Черновицах Доливо-Добровольский, поддерживавшим на протяжении многих лет достаточно тесные контакты с русофилами и хорошо знакомый с ситуацией в регионе, высказал мнение, что «ввиду создавшегося положения в связи с процессами в Мармарош-Сигете и во Львове, следует повременить с осуществлением выработанных предложений»⁴⁹. Консул предложил «отложить производство по настоящему делу до осени»⁵⁰.

Подозрения в нелояльности по отношению к Габсбургам оказались для многих русофилов роковыми и в годы Первой мировой войны. Уже через несколько месяцев после оправдания подсудимых на Львовском процессе, с началом военных действий, на них обрушились жестокие репрессии. Арестованы были депутат Рейхсрата от Русской народной партии Д.А. Марков, адвокат, доктор права, К.С. Черлончакевич, защищавший подсудимых на недавнем Львовском процессе. Расстрелян был в Перемышле оправданный на этом процессе о. Максим Сандович. Казнены, нередко без суда или же по решению военных судов, десятки «русских» крестьян, заподозренных в шпионаже, а на деле просто посещавших читальни Общества им. Качковского, голосовавших за кандидатов от Русско-народной партии или же просто носивших православный нательный крестик. Многие сотни галицийских, буковинских, угорских русинов были заключены в лагерь

Терезин и Талергоф. Нелегкой была и судьба тех, кто покинул родные места. Многие тысячи галицийских беженцев оказались рассеяны по России, разделив с нею все тяготы военных и революционных лет.

¹ *Аркуша О., Мудрий М.* Русофілство в Галичині на середині ХІХ— на початку ХХ ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 263.

² Статистические данные о выборах в галицкий сейм в 1910 г, записка о сепаратистских газетах, издававшихся в Львове. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 135. Оп. 747. Д. 149/275. Л. 2–4.

³ Галицко-русское благотворительное общество в С-Петербурге. Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества за 1911 г. СПб., 1912. С. 26.

⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 265–266.

⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910 г. Д. 6. Л. 265.

⁶ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 744/802. Л. 118–119.

⁷ Там же. Л. 118

⁸ Там же. Л. 118.

⁹ Там же. Л. 119.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 155. Л. 9–38.

¹¹ Там же. Л. 11.

¹² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 152/118. Л. 5–32.

¹³ Там же. Л. 16

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 152/118. Л. 37.

¹⁶ *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине ХІХ–ХХ вв. М., 2001. С. 135.

¹⁷ *Левицкий К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 670.

¹⁸ *Ронге М.* Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 73.

¹⁹ *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław; Krakow, 1957. S. 298.

²⁰ *Пашаева Н.М.* Указ. соч. С. 139.

²¹ *Magocsi P.R.* The Shaping of National Identity. Subcarpatian Rus' 1848–1948. London, 1978. P. 68.

²² *Геровский А.* Иза и сиготский процесс // Свободное слово. 1960, № 19–24. Текст размещен на Интернет-странице: <http://www.ukrstor.com>.

- ²³ Галицко-русское благотворительное Общество в Санкт-Петербурге. Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в Санкт-Петербурге за 1911 г. СПб., 1912. С. 13–14.
- ²⁴ *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 245.
- ²⁵ *Геровский А.* Иза и сиготский процесс.
- ²⁶ *Левицкий К.* Указ. соч. С. 683.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1973. Л. 34.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/1. Д. 1973. Л. 43.
- ²⁹ Россия. Государственная Дума. Четвертый созыв, сессия II, 10.05.1914. Ст. 386.
- ³⁰ *Геровский А.* Иза и сиготский процесс.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 861. Л. 2.
- ³² Новое время. 10/23.05.1914.
- ³³ Archiwun Główny Akt Dawnych (далее – AGAD). Ministerium des Innern. № 329. Z. 2818/13. 19.04.1913.
- ³⁴ *Соколов Л.* К 90-летию судебного процесса по делу С. Бендасюка и товарищей. «Русская правда» // Текст размещен на Интернет-странице: www.pravda.org.ua.
- ³⁵ AGAD. Ministerium des Innern. № 329 Z. 6859/13. 1.08.1913.
- ³⁶ AGAD. Ministerium des Innern № 328. Z. 6306. 10–14.09.1912.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 1759. Оп. 3. Д. 1387. Л. 27.
- ³⁸ *Ронге М.* Указ. соч. С. 74.
- ³⁹ Новое время. 5/18.03.1914.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 14.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470, 1914 г. Д. 165. Л. 15.
- ⁴² Россия. Государственная Дума. Четвертый созыв, сессия II, 10.05.1914. Ст. 386.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Левицкий К.* Указ соч. С.699.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Д. 165. Л. 116.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 747. Д. 155/117. Л. 58.
- ⁵⁰ Там же.

Щавинская Л.Л. Начало белорусского движения у католиков: «Kantyczka» 1914 г.*

В настоящее время стала особенно заметной незавершенность в отображении исследователями богатой религиозной культуры белорусов, в котором, наряду с яркими проявлениями языческой архаики, что постоянно подчеркивается мировым научным сообществом, сосуществуют два основных христианских лагеря – православных и католиков, а также достаточно многочисленные протестантские группы. Нельзя забывать и о том, что именно на территории современной Беларуси, в Бресте получило развитие религиозное направление, называемое ныне чаще греко-католицизмом.

Близость к западному миру, к католицизму довольно рано поставила перед местными жителями многие принципиальные вопросы, ответ на которые практически всегда предполагал и некую, поначалу не слишком явную констатацию своей национальной особенности. Постепенно формировалось то, что в XIX в. уже можно будет назвать белорусским национальным движением, истоки которого находятся именно здесь¹.

Белорусоязычное население западных губерний Российской империи проживало почти исключительно в сельской местности и относилось к крестьянскому сословию. Согласно первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. в Минской, Могилевской и Витебской губерниях крестьяне составляли до 94 % от числа живущих там белорусов. Весьма знаменателен факт признания половиной (около 86 тысяч человек) потомственных шляхтичей, составлявших чуть более 2 % белорусского населения империи, своим родным языком

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Белорусско-украинская народная книжность XX–XXI вв.: православный «Богогласник» (Исследование и публикации)», проект № 08-04-00027 а.

белорусский². Несмотря на то, что в целом среди белорусов абсолютно преобладали православные – более 81% от общего их числа, статистические данные, преимущественно губернского и уездного охвата, позволяют выявить весьма значительный процент белорусов-католиков. Наибольший процент белорусов-католиков был в Виленской губернии – 32,81 %, в Гродненской губернии – 13,32 %, в Минской – 6,9 %. В различных переписных документах они именовались местной администрацией западных губерний Российской империи как поляки, говорящие по-белорусски. По подсчетам некоторых исследователей белорусоязычные католики составляли тогда 78,8 % от числа всех католиков, живших на территории современной Беларуси³.

После царского манифеста 17 апреля 1905 г., провозгласившего свободу совести, на польско-восточнославянском пограничье отмечается довольно массовый (в несколько десятков тысяч человек) переход бывших униатов, а затем православных, непосредственно в римо-католичество. Эти неокатолики практически автоматически порывают со своим «русинством» и «тутейшестью» и становятся «поляками». Впрочем, подобные переходы в римо-католичество бывших униатов были и после 1839. и после 1875 г. В различных архивах сохранилось множество документов на этот счет. Причем детальность данных, в них представленных, касается по-годных событий в жизни отдельных семей и даже людей, что позволяет с большой точностью проследить за ходом весьма важной для нашей темы этноконфессиональной метаморфозы – отречением от «русской веры» и переходе в «польскую», то есть в среду «поляков-католиков» или «католиков-поляков»⁴. Все эти процессы теснейшим образом были связаны со школьным делом, борьбой в этом вопросе «польского» и «русского» начал, ставшей весьма заметной еще задолго до ликвидации на белорусских землях церковной унии в 1839 г. Отдельные чиновники Минской губернии накануне Первой мировой войны говорили, что некоторая модернизация образования последних лет «открыла двери для навязывания белорусскому населению польского национального самосознания»⁵. На самом деле польская

этноконфессиональная пропаганда после манифеста 17 апреля 1905 г. получает в среде восточных славян западных окраин Российской империи заметное развитие. Выводы ряда светских и церковных организаций, собиравших статистические данные, сходились в том, что пропаганда эта была всесторонней, затрагивающей, в том числе, и школу. «Во главе всей этой агитации стояли лица интеллигентные, которые довольно искусно направляли латино-польскую пропаганду» – местные чиновники, помещики, ксендзы⁶.

При формировании и определении национальной идентичности, как правило, во главу угла ставятся некие атрибуты и символы этой идентичности. Таким символом для белорусского национального возрождения в конце XIX – начале XX вв. в первую очередь был белорусский язык. Но в отличие, например, от литовского, а именно с литовским национальным движением белорусское оказалось в те годы необычайно тесно связанным⁷, белорусский язык близок к русскому и польскому языкам, представители которых тогда каждый со своей стороны считали белорусский язык «испорченным» – или русским или польским. Местное белорусское население, преимущественно крестьянское, вело себя в определении этого вопроса в основном весьма индифферентно.

Одним из центров белорусского национального движения в начале XX в. становится Вильна: «... в конце прошлого столетия оживилась наша белорусская молодежь... Везде начала заниматься белорусским делом. Она думает издавать книжки на белорусском языке, чтобы просветить своего сельского брата, чтобы научить его чему-то хорошему... В 1903-4 годах издает две книжки “Калядная чытанка” и “Вялікодная чытанка”» («... ў канцы прашлага стагоддзя заварушылася наша беларуская моладзь... Ёсціudy paczała займацца справай беларускай. Яна думае выдаваць кніжкі ў мові беларускай, каб асвіціць свайго брата з сям’і, каб навучыць яго чаму добраму... У 1903–4 годках выдае дзве кніжкі “Каладная чытанка” і “Вялікодная чытанка”»)⁸. Тогда же отмечаются первые проявления белорусского национального движения в среде католического духовенства, получившее особое

развитие в деятельности таких личностей, как, например, ксендз Адам Станкевич (1891–1949)⁹.

О. Адам Станкевич уже в самом начале своего пастырского и политического пути выразил совершенно очевидное стремление к белорусизации костела на белорусских землях, резкое неприятие и даже сопротивление полонизации белорусов-католиков: «Белорусы католики на протяжении нескольких столетий, при разных политических обстоятельствах, перенимали католичество от своего западного соседа – Польши. Это католичество, с очень небольшими исключениями, прививались нам не как наука Христа, а как политическое оружие для ополячивания белорусов. Наиболее ярким доказательством этого стала уния православия и католичества с 1596 г. Заложение Унии, способ проведения ее в жизнь, отношение к ней польской власти, польского духовенства и общества – все это вместе доказывает, что католичество это – только плащ для польской политической работы. Так было и так есть»¹⁰.

Если вчитаться в публицистику о. Адама, его переписку и материалы личного архивного фонда¹¹, становится очевидным, что через всю свою жизнь он пронес идею широкой белорусизации костела на белорусских землях. «Католичество в Белоруссии с самого начала его появления здесь стало действительно польской верой. Не удивительно, что и сегодня многие здесь его так и называют. Польские политики всегда старательно заботились, чтобы католичество в Белоруссии было не универсальным, как показывает его название, но исключительно польским. И действительно, католический костел в Белоруссии всегда был инструментом польской политики. Но из этого не следует, что все католики в Белоруссии это поляки. Нет. Полякам через костел и другими путями удалось полонизировать только незначительный процент белорусского народа, и к тому же, прежде всего, на самых западных белорусских этнографических рубежах, в целом же белорусский народ остался верен своему языку, обычаям, своей национальности»¹². Идея эта, в конце концов, стала главной для него, а возможно, и всегда была таковой. Не случайно, еще в

начале 1920-х годов он утверждал, что даже «для руководства католическим костелом в Советской Белоруссии может и должно быть создано Белорусское епископство с епископом обязательно сознательным белорусом. Это единственный способ против польского католичества на белорусских землях, вредного как для католичества, так и для белорусского народа. Об этом нужно незамедлительно начать переговоры с Римом»¹³.

С 1906 г. в Вильне начинает выходить первая белорусская газета «Наша доля», а затем – «Наша Ніва», издававшаяся вплоть до 1915 г. «Наша Ніва» выпускает различные белорусские книги, календари. Здесь же в период с 1913 до середины 1915 г. выходила первая белорусская католическая газета «*Bielarus. Tydniowaja katalickaja hazeta*», редактором которой сначала стал А. Бычковский, а с 1914 г. – Б. Пачобка¹⁴. В этой газете, издававшейся латиницей, печатались произведения многих белорусских авторов, в том числе множество стихов на религиозную тематику. В 1913 г. в Вильне организуется «*Беларускае выдавецкае таварыства*», которое активно приступило к выпуску белорусских изданий.

С развитием белорусского национального движения перед белорусскими католическими священниками встал вопрос об издании богослужебной литературы на белорусском языке, в том числе предназначенной для народа. «Апробирование текстов белорусских религиозных песен было задачей уже первых начинателей белорусского национального возрождения (1905–1915 гг.)»¹⁵

В 1914 г. «*Беларускае Выдавецкае Таварыства*» в Вильне, секретарем которого был Янка Купала, издает небольшой томик «*Kantyczka abo sabranie naboznych piesień dla uzytku katalikou bielarusou*»¹⁶ («Кантычка или собрание набожных песен для католиков белорусов») – белорусоязычный латинографичный стихотворный сборник, в составе которой находились самые популярные в белорусском народе того времени песнопения, преимущественно переведенные с польского языка на белорусский. Сборник этот не имел положенного для таких изданий разрешения католического епископата. В 1915 г.

Б. Пачобка подготовил и издал латиницей первый белорусский молитвенник «Вoh з памі»¹⁷ («Бог с нами»), в котором были помещены как тексты для практического богослужения, так и духовные песни, составившие специальный раздел¹⁸.

Следует отметить, что паралитургический корпус литературы и книжности, к которому относятся вышеперечисленные издания, привлекает особое внимание в белорусском культурном пространстве XVIII – начала XX вв. Без преувеличения, это ее самый массовый вид, широко представленный в печатной, рукописной и устной формах, по крайней мере, с XVII в. Самыми популярными и наиболее часто встречаемыми из числа паралитургических произведений являются различного рода кантычки — сборники стихотворных текстов религиозного содержания, которые и по сей день имеют широкое распространение, как в Литве, так и в Белоруссии. Традиция их создания и бытования насчитывает уже несколько столетий. Наши наблюдения позволяют говорить о сложении особой кантычковой культуры на белорусских землях уже в XVIII столетии. Творцами этой культуры были в основном католики и униаты, отчасти православные. Эти сборники тогда были необычайно популярны среди здешнего населения, в основном крестьянского: «... известно, что здешние крестьяне римско-католического исповедания, говорящие русским языком, молятся по польским молитвенникам... крестьянин может выбрать, по своему достатку и вкусу...польский молитвенник можно встретить иногда даже у неграмотного крестьянина: не умея читать, он довольствуется тем, что переворачивает страницы, креститься и целует их, нечего греха таить, вы увидите его и в сельской православной церкви, в руках православного крестьянина...»¹⁹.

Польскоязычные кантычки восточнославянского происхождения появляются довольно рано, первые, возможно, уже в XVII в. Среди их сочинителей выделяются авторы из числа образованных базилиан, отдельные произведения которых, в конце концов, стали достоянием и римо-католиков. Одним из древнейших и крупнейших литературно-издательских центров

белорусской кантычковой культуры: стал Супрасльский Благовещенский монастырь с его многовековой литературной школой²⁰. Супрасль, дав наиболее ранние примеры белорусского польскоязычного кантычкового творчества, способствовал распространению подобных произведений в XVIII - начале XIX вв. в огромных по тем временам количествах²¹. В свое время еще А. Мицкевич отмечал значимую роль кантычек в духовной жизни родного его края, в развитии народной культуры и поэтического творчества самых разных слоев населения. Кантычки, «сборник мало известный теоретикам, мало используемый поэтами, весьма важный для истории и национальной поэзии»²². Вероятно, его же следует считать первым светским ученым – исследователем кантычек²³. Выполняя своего рода завет отца, сын А. Мицкевича Владислав, его верный духовный наследник, биограф, издатель и популяризатор, выпускает в 1868 г. в своей знаменитой серии «Biblioteka Ludowa Polska» четыре изящных томика собрания кантычек с предисловием великого поэта.

А. Климович, занимавшийся сбором белорусских религиозных песен в Западной Белоруссии и на Виленщине, так писал об издании сборника «Kantyczka» 1914 г. в своих неопубликованных набросках «Да гісторыі беларускай рэлігійнай песьні»: «Песни, изданные тогда в форме “Кантычки”, на белорусский язык перевел Янка Купала. Эти же песни вошли в первую богослужебную книжку для белорусов-католиков “Бог с нами”, которую составил тогдашний редактор газеты “Беларусь” Болеслав Пачопка... Эти же песни перешли в молитвенник “Голос души”, составленный Казимиром Сваяком и изданный в 1924 г. и переизданный в 1934 г. в Вильне...»²⁴. Непосредственное участие в создании сборника «Kantyczka» Янки Купалы, на которое указывает А. Климович, по нашему мнению, пока может считаться лишь предположением.

Издание этого небольшого сборника – своего рода отголосок развернувшейся в то время борьбы между сторонниками присутствия латиницы и кириллицы в белорусском культурном пространстве. Виленская латинографичная белорусоязычная

«Kantyczka» 1914 г. является своеобразным синтезом польскоязычной кантычковой традиции и сугубо белорусских ее дополнений. Не исключено, что выход ее в свет был в определенной степени подготовлен деятельностью земляка Оскара Милоша католического епископа Стефана Денисевича (1836-1913), инициатора издания белорусоязычной литературы католиков. Весьма интересным представляется репертуарный состав тома «Kantyczka». Собственно, этот сборник – избранная сокращенная кантычка, в составе которой популярные в белорусском народе того времени песнопения, преимущественно переведенные с польского языка на белорусский.

«Kantyczka» 1914 г. содержит двадцать таких песнопений: Raničnaja pieśnia; Wiačornaja pieśnia; Na Kalady; Pryšli pryłacieli charosy anieli; Na Wialiki Post; Na Wialikdzień; Pieśnia ab apiece Boskaj; Bože wiačystaj dabracie addany; Twaja čeść, chwala; La twaich dzwiarej; Pieśnia ab Karoncy Dziewy Maryi; Čelawieče mizerny; O, moj Bože!; Pieśnia ab św. Darocie; Pieśnia da św. Mikalaja; Plač dušy; Pieśnia da Jezusa Chrysta; Pieśnia ab Łazary; S psalmu (Ščasliwy, chto ŭ radu blahich nie ūstupaje); Światy Bože. О степени популярности этих белорусских песнопений говорит тот факт, что многие из них нам неоднократно встречались в составе рукописных и печатных сборников различного времени, сберегающиеся в различных хранилищах, государственных и частных.

Открывается «Kantyczka» 1914 г. двумя стихотворениями «Raničnaja pieśnia» и «Wiačornaja pieśnia», явно являющиеся белорусоязычным переводом стихов Франтишека Карпинского «Pieśń roganna» и «Pieśń wieszogna», издавна любимых простым народом²⁵.

Ф. Карпинский был также одним из любимейших поэтов А. Мицкевича, который называл Ф. Карпинского «поэтом своего времени и своего народа, ибо в его поэзии оживали характер и нравы земляков»²⁶. «Еще при его жизни во всех деревенских костелах католической Польши пелись его набожные песни, полные простоты и чувства»²⁷. Безусловно, произведения Карпинского стали классическими уже в XIX столетии, правда,

имени автора не знает практически никто из тех, кто сейчас в той или иной обстановке исполняет его произведения. В ходе наших многолетних экспедиций мы постоянно отмечаем факты широчайшего современного бытования духовной поэзии Ф. Карпинского в народной среде²⁸.

Следует заметить, что «Pieśnia ganičnaja» и «Pieśnia wiašoŭnaja» довольно часто встречаются и в белорусских печатных и рукописных сборниках того времени. Так, например, два варианта этих песен помещены в рукописном белорусском латинографическом сборнике начала XX в. «Katalicki śpieŭnik dla chatniaho, skolnaho i kascielnaha uzytku»²⁹ («Католический песенник для домашнего, школьного и костельного пользования»), хранящимся в Вильнюсе в собрании Отдела рукописей Библиотеки им. Врублевских Академии наук Литвы.

Одним из авторов белорусоязычных вариантов «ganičnaj» и «wiašoŭnaj» песен, возможно, мог быть Карусь Каганец. Известный белорусский религиозный деятель А. Станкевич писал в своем исследовании «Беларускі хрысьціянскі рух»: «Перу Каганца принадлежат также два религиозных стихотворения “Песня утренняя” и “Песня вечерняя”. Написаны, по всей видимости, наподобие таких же польских»³⁰.

Популярнейший народный жанр колядок в сборнике «Kantyczka» представлен разделом «Na Kalady» с двумя хорошо известными в народе песнями «Anioł skazaŭ pastuškam» и «Prysli pryłacieli charosy anieli». Оригиналом для перевода на белорусский язык первой из них могла послужить польскоязычная кантычка «Anioł Pasterzom mówił», взятая, например, из незадолго перед тем изданного в Вильне сборника³¹. В рукописном белорусском латинографическом сборнике «Katalicki śpieŭnik»³² в разделе «Набожные песни» («Pieśni nabożnaja») также есть варианты этих песен.

«Anioł skazaŭ pastuškam: „Naradziŭsia Chrystos nam U Betlei, u miastečku Dawidowym,	«Anioł pastuškam kazaŭ: Naradziŭsia Chrystus wam U Betlejem miastečku Dawida,
--	--

U pakalenni Judowym
Z Dziawicy Maryi”.

...

Bohu čeść i sława budź,
Što nikoli nie zamruć,
Jak Ajca, tak i Jaho Synawi,
I Swiatomu Duchowi,
Jadznamu ũ Trojci!»

(Kantyczka. 1914. S. 5-7)

U pakalenni Judy
Z Dziawicy Maryi.

...

Bohu čeść i sława budź,
J na wieki nie adbudź,
Jak Ajcu, tak Syny
Jadynamu,
Roŭna-z Duchu Swiatomu,
Bohu Tryadnamu!»

*(Katalicki śpieŭnik A. 31-
31ab.)*

«Pryšli – prylacielu charosy
anieli,

Zalatyje krylli, a sami u bieli.
Pryjšla z nieba wiasioła
nawina:

Boża Maci paradzila Syna,
Paradziüşy ũ pialonki
spawiła,

Spawiüşy ũ jasli złażyła.

Laży, laży, Jezu malusieńki!

Laży, laży, Jezu bialusieńki!

Zniała Maci z halawy chustu,

Dy pasłała pasciel Synu

Chrystu,

Pastuski na zalejkach jamu

ihrajuć,

Anioly rajski pieśni

śpiewajuć:

Hej Chrystos Boh u Betlejem

naradziŭ,

Nas ũzwiesieliŭ, ludziej

adkupiŭ»³³.

«Pryšli – prylacielu charosy
anieli,

Zalatyje krylli, a sami u bieli.

Pryjšla da nas z nieba

wiasioła nawina:

Dziawica Maryja paradziła

Syna,

Boha paradziüşy ũ pialonki

spawiła,

Siencam padasłaüşy ũ jasli

pałażyła.

Lulaj-ze lulaj Ty, Jezu

malusieńki!

Laży, laży ũ jaśliach, Boże

milusieńki!

Pastuski na na dudkach

wiasioła ihrajuć,

Anioly niabiesny pieśni tam

śpiewajuć:

Jezus Boh praŭdziwy ũ

Betlejem naradziŭsia,

Rod ludzki adkupić, świet

В тогдашней белорусской народной среде широкое хождение имел религиозный гимн «О, Мой Божа, веру Табе», написанный в духе «поэзии простоты», «поэзии сердца» Ф. Карпинского. Нельзя исключать, что автором этого гимна, появившегося на рубеже XVIII–XIX вв., мог быть и сам Ф. Карпинский, владевший местными восточнославянскими наречиями; в чем поэт не раз охотно признавался, в частности, в своих мемуарах³⁵.

А. Климович писал, что эта песня «просуществовала в некоторых местностях Витебщины и Могилевщины аж до 1-ой мировой войны, а во время этой же войны ожила и на западе Белоруссии»³⁶. Основанием для подобного утверждения могли послужить, например, и воспоминания местного старожилы, бывшего профессора Полоцкой семинарии С.К. Шимкевича, опубликованные в сборнике белорусских песен П.В. Шейна: «Прочитав тетрадь с духовными песнями и стихотворениями, я вспомнил, что некоторые из них мне довольно часто приходилось слышать в молодости моей, лет двадцать пять, тридцать тому назад, в местечках Бешенковичи, Чашники (Витебской губернии) и Смолянах (Могилевской губернии); таковы: “Ах, мой Божа, веру табе” и “Ишли три паненки Христа шукаци”. Пение этих двух песен, особенно первой, было употребительно в народе (до воссоединения униатов с православными) в униатских церквях городов, местечек и сел; по воскресеньям и праздничным дням ее часто можно было слышать: после обедни и вечерни все присутствующие в храме мужчины и женщины становились на колена и хором пели ее. Эта песнь была припечатываема в некоторых служебных книгах униатских, но в народном употреблении подвергалась разным изменениям, впрочем, незначительным. ... Первую из них, лет 8 назад, я слышал в м. Сиротин, во время храмового праздника от нищих, которые пели ее вместе с Лазарем»³⁷. В своем сборнике Штейн публикует два варианта этой песни, записанные им в Витебском и Городокском уездах³⁸.

Вслед за А. Климовичем, современные белорусские исследователи авторство песни «О мой Божа, веру Табе» также приписывают Я. Мартусевичу³⁹. Белорусоязычный латинографичный вариант этого гимна вошел и в состав сборника «Kantyczka» 1914 г.⁴⁰ Практически тот же текст с незначительными отличиями включен и в белорусский латинографичный рукописный сборник «Katalicki śpieŭnik». О степени популярности этого песнопения можно судить и по тому, что он звучал даже на дальневосточных окраинах Российской империи, куда забрасывала судьба белорусских переселенцев. Гимн этот популярен среди белорусов и доныне⁴¹. Он бытует в рукописных и машинописных списках, виденных нами в ходе многочисленных экспедиций. Его текст и сейчас отмечается значительной вариативностью и отображается в письменной версии латиницей или кириллицей.

В сборник «Kantyczka» 1914 г. составители включили песню о св. Дороте («Pieśnia ab św. Darocie»)⁴². Если варианты всех остальных песнопений, помещенных в этот сборник, встречались нам неоднократно в различных печатных и рукописных сборниках, то песня о Святой Дороте уникальна. Правда, известен еще один вариант песни о святой Дороте, бытовавший на западнорусском пограничье, который начинается так:

«Ой шла свента Дорота
Крузь крулевскіі ворота.
Судосів еі ясны круль:
– “Куды-ж ты ідэш, Дорота,
Крузь крулевскіі ворота?”
– “Еще тэго круль не годзон,
Ўо на мэнэ поведзяль”.
Всадыв Дороту круль в тэмныцю,
А сам поіхав на войныцю.
Сыдыць Дорота в тэмныці,
Нэ мае круля в войныці.
Сыдыць Дорота дэвэть літ,
А такі круля з войны ніт.

...

Свенту Дороту до нэба взялы,
Свента Дорота в нэбі раюе
Нам вічнэ місце шіхуе,
А пану крулю пэкло готуе»⁴³.

Выбор этого песнопения для включения в состав сборника мог быть обусловлен тем, что оно представляет собой такой весьма популярный и любимый простым народом словесный жанр как стихотворное житие святой, написанное к тому же живым, образным языком. Источником для белорусского перевода, вероятно, послужила польская песня «Legenda o św. Dorocie», известная уже в XV в.⁴⁴ Не исключено, что автором его мог быть кто-то из редакторов-составителей, например, Янка Купала.

Оригиналом для белорусоязычного варианта песни, помещенного в сборник «Kantyczka», послужила, скорее всего, именно «соответствующая польская песня»:

«Oj, Darota, Darota,
Kraše perel i złota!
Jak ubačyŭ karol-pahan,
Tak Darota ŭpadabaŭ.
«A Darota, Darota,
Mnie wialika achwota
Ciabie paznaci,
Ciabie za žonku ŭziaci.

«Fabrycyjusz, krol okrutny,
Krześcijanom się prociwi,
Jej-ci kraszy pożađał
I śnębce poślał.
Ślibując bohactwa mnoho,
Złato, kamienie droho,
Chcąc by jemu pozwoliła,
Krysta zaprzała.

....

– „Oj, pahanski karalu,
Nia my jaje zywili:
Żywiŭ jaje sam Boh
Sa swajmi anioły”».⁴⁵

...

Odpowiedzie cna Dorota:
werzim ja w Jezu Krysta,
zjim się budu kochaci,
po wszycki wieki ».⁴⁶

Следует отметить, что культ св. Дороты⁴⁷ был широко распространен в Западной Европе, до сих пор популярен на территории Польши⁴⁸, Чехии⁴⁹. В Российской империи

«немецкие показыватели выпускных кукол», которые посетили Петербург в первые годы царствования Императрицы Анны Иоанновны», давали представление под названием «О житии и смерти мученицы Доротеи»⁵⁰. «Что касается представления “О житии и смерти мученицы Доротеи”, то эта пьеса, являющаяся драматизированной переделкой жития, была очень популярна среди простонародья в Германии, Франции и у западных славян. У одних чехов она известна в десяти различных вариантах, причем все они большею частью близки к текстам жития в старейших чешских пассионалах»⁵¹. Известен культ св. Дороты и в Белоруссии, свидетельством чего может служить, например, икона «Богородица с младенцем и святой Доротеей» XVIII в. из деревни Лужки Шарковищинского района Витебской области. В Музее древнебелорусской культуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси, к примеру, есть алтарь-триптих «Святая Екатерина, Матерь Божья, Святая Доротея»⁵².

В сборник «Kantyczka» 1914 г. вошла и популярнейшая в народной среде «Pieśńia da światoha Mikalaja», более распространенная под названием «О кто, кто Николая...», которая начинается так:

«A chto, chto Mikalaja lubić,
A chto, chto wierna jamu służuć,
Tamu zaŭsiody światy pamahaje,
Ad Boha łaski jon wymalaje
Mikalaju!»⁵³.

Эта песня широко распространена и среди других славянских народов, прежде всего украинского и польского. Уже в XVIII в. была известна в Болгарии и Сербии⁵⁴. Белорусоязычный вариант этой песни есть и в белорусском рукописном сборнике «Katalicki śpieŭnik», начало которой звучит так:

«A chto, chto Mikalaja lubić,
A chto, chto jamu wierna służuć.

Tamu światy Miakałaj
U kozny čas pamahaje. Miakałaju
A chto, chto da jaho ŭciekaje
Na pomač jaho pryklikaje,
Toj nia budzie złoklučony
A ad hrachaŭ adračony. Miakałaju!»⁵⁵.

В числе текстов, записанных известным исследователем Е. Романовым на территории тогдашней Могилевской губернии, также есть это песнопение:

«А хто хто Мікалая любя, а хто хто ўсердно ему служба,
Тому святитель на всякий час помогаю – Миколаю!
А хто, хто к яму прибегаю, да й на помочь скорэ прызываю.
Той не буде злоклученный, а от грехов отраченый –
Миколаю!

А хто, хто спешит ў яго доми молитца об святом его крове,
Тому святитель помочник скорый як на сусе, так на мори –
Миколаю!

Миколай, избранный воевода, заступничак хришчянскаго
роду,

Покрываю нас щитом веры, заступаю нас от злого зверя –
Миколаю!

Миколай, таин Божих строитель, Миколай, устрой дела
наши благи,

Отгоняю от нас злые враги – Миколаю!

...

Миколай, великий монарше, посещаю усегды немощи наша,
Избавляю от навета и сохраняю на многая лета, Миколаю!

Мы ж тебе ўсегды прославляем, честное имя твое звеличаем:

Будь похвален Божий таинник, святителю Миколаю, на все
веки!»⁵⁶.

Различные кириллографические и латинографические варианты этого песнопения издавна были широко распространены среди белорусов-католиков, белорусов-греко-католиков и белорусов-

православных⁵⁷. Издавна оно входит практически во все печатные белорусские богогласники⁵⁸ и значительное число рукописных.

Автором песнопения «О кто, кто Николая любит» некоторые из современных белорусских исследователей называют свт. Димитрия Ростовского⁵⁹, хотя это предположение, несомненно, нуждается в специальном доказательстве. В тоже время среди песнопений, помещенных в белорусскую виленскую кантычку 1914 г., одно действительно можно отнести к произведениям свт. Димитрия Ростовского. Это «Pieśnia da Jezusa Chrysta»⁶⁰, являющаяся ничем иным как известным кантом свт. Димитрия «Иисусе прелюбезный, сердцу сладосте». Вариант этого песнопения в свое время был записан и Е. Романовым⁶¹:

«Pieśnia da Jezusa Chrysta

Chryście, pastyru dobry,
sercu asaloda

Adzin u markoci Ty ŭciecha
maja, maja naharoda,

Kazes dusy majej: – Twajo
adno zbaŭleńnie –

Ačyščeńnie z hrachou, u raj
usialeńnie: –

A mnie k Tabie, k dobramu
Bohu prysluchacisia

I na Twajgo tolki miłaserdzia
spadziewacisia

Chto-ż mianie ŭ maich
biedach spamoze,

Kali nia Ty, Chryście, dobry
nas Boze!

Chaču ja jadynda s taboj tolki
zyci,

Ciabie, Boha, zaŭsiody u
sercy nasici.

«Иисусе прелюбезный, сердцу
сладосьте,

един ŭ скорби, иже ŭтеха,
моя радосьте!

Ерцы (рцы) души моей:
твое як-ба спасение –
очищение от грахов, в рай
вселение.

А мне к табе, к благому
Богу, прилеплятися,

а на тебе, многомилосерде,
надеяться.

Нихто-ж мне в моих бедах,
грешному, споможа, аще не
ты, предблагий Иисусе, наш
Боже.

Хотение мне единому с
тобой жити,

довжны, тебе, Иисуса
Христа, у серцы усегды

Dazwol wa mnie bytawaci, hrešnamu jaŭlajsia,	носити.
Mnoj hresnym i niahodnym, Bože, nie čurajsia!	Воззволь во мне обитати, грешному являйся, мною грешным недостойным не возгнушайся.
A kali parwan budzie moj żywot, maja niesława,	А счезав быв болезный живот мой, ты мне крепость и здравие; и многа слава,
Ty mnie siłu, krepasć daj, pryjmi ŭ wiečnu sławu.	Радуюся аз о тебе и веселюся, и тобою во все веки, Божа, хвалюся».
Ciešusia ja z siły Twajej, z sławy wiesialusia	
Taboju wa ũsie wieki, Boze moj, chwalusia	

Песнопение это включено и в белорусский латинографичный рукописный сборник «Katalicki śpieŭnik», причем сначала идет рукописный текст, а далее – подклейка оставшейся части, вырезанная из какого-то номера газеты «Гоман»⁶². В вышедшем в том же 1914 г. «Гродненском богогласнике» также есть вариант этого песнопения, опубликованного под заглавием «Песнь Иисусу Сладчайшему»⁶³.

В состав сборника «Kantyczka» ее составители включили также такое популярнейшее в народе произведение как «Pieśnia ab Łazary», в основе которого лежит евангельская притча о богаче и Лазаре. Это песнопение известно во множестве вариантов и на многих языках. Оно распространялось как среди католиков, так и православных. Например, в конце XIX в. собирателю духовных стихов М. Демьяновичу в Кобринском уезде довелось услышать 4 варианта этой песни. «Это единственный стих, который мне случалось слышать даже из уст 10-летней девочки, – доказательство, что он крепко держится в народе и не скоро забудется им.... Но трудно решить, привлекла ли она внимание народа непосредственно, или народ взял сюжет ее из вторых рук. Дело в том, что есть аналогичный польский стих. Но в то время как последний старается как можно ближе держаться евангельского текста, заботясь только об уснащении рассказа

описательными подробностями, народный стих переделывает евангельскую притчу на свой лад»⁶⁴.

Белорусоязычный текст этого стиха в сборнике «Kantyczka», по всей видимости, был переводом с польского:

«Pieśnia ab Łazary
Żyŭ sabie pan hahaty,
Šmat mieŭ srybra, škariataŭ
I kaštoŭnyje šaty.
Jeŭ, piŭ, huli razwodziŭ,
Dzień i noć tak prawodziŭ,
Ŭ sercy pychi mieŭ hodzie;
Razsiedaŭsia ŭ pakoju,
Jeŭ i piŭ da uboju,
A brat mučyŭsia ŭ hnoju-
...
I mae dni praklaty
Što kaliś zyŭ bahatym,
Zabywajučy brata.
Ŭzo nia wyjdu na wieki
Z hetaj pieklanaj špieki,
Z Boskaj wupaŭ apekti»⁶⁵.

«Pieśń o Łazarzu
Ewangelicznym
Pewny Człówek bogaty
W złoto, srebro, szarłaty,
Y zbyt kosztowne szaty.
Jadł, pił, tańcował,
Dzień i noc bankietował,
Pycze w sercu swym chował.
Jak Pan siedział w Pokoju,
Miał dość potraw, napoju,
Nie pomniał, że Brat w
gnoiu-
...
Przekłete moje ia,
W którym zle użył świata,
Zapominając Brata.
Już nie wyjdę na wieki
Z tej Piekielney paszczęki,
Z Boskiewym wypadł Opieki,
Amen»⁶⁶

Песнь о Лазаре являлась одной из самых любимых у старцев-странников в XIX в.⁶⁷ Это песнопение часто встречается и в современных рукописных православных богогласниках.

Заканчивается «Kantyczka» двумя широко распространенными как у католиков, так и у православных песнопениями. Это белорусоязычный перевод псалма 1 «Блажен муж» («S Psalmu») ⁶⁸ и супликация ⁶⁹ «Swiaty Boze» ⁷⁰.

«Kantyczka» 1914 г., служившая источником переписки и отчасти перепечатки в течение последующих десятилетий, представляет первостепенный интерес для белорусской

филологии, культурологии и теологии. Книга эта, занимавшая в истории народной литературы белорусов-католиков значительное место, пока не была исследована. Как показывают наши наблюдения, она создавалась несколькими авторами и переводчиками, отчасти, видимо, и переписчиками, то есть у нее был коллективный автор. На протяжении XX в. сборнику «Kantyczka» 1914 г., ставшему уже в момент своего создания и издания одним из самых заметных тогда, хотя и совершенно неизвестных ныне, фактов начала белорусского движения в католической среде и массовой пропаганды его в народе, принадлежала важная роль в становлении белорусского самосознания у католического белорусоязычного населения Российской империи и не меньшая – в утверждении существования такового в мировом сообществе римо-католиков.

¹ См., напр.: *Лабыццэў Ю.А., Шавинская Л.Л.* Книга как универсальный маркер социокультурной истории внутриевропейского этнического пограничья // Научная книга. 2003. № 3–4 (21–22). С. 93–98.

² См.: Минская старина. 1911. Вып. 2. С. 4–9.

³ См.: *Клімчук Хв.* Палякі Беларусі, Украіны, Летувы, Латвіі ў XIX–XX ст.ст. // Хрысціянская Думка. № 1. 1994. С. 146.

⁴ См., напр.: *Lietuvos valstybinio istorijos archyvas.* F. 634. II. № 475, 479–482.

⁵ Цит. по: *Козляков В.Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Минск, 2001. С. 27.

⁶ *Archiwum Państwowe w Lublinie.* F. 103. № 9. S. 7.

⁷ *Vėbra R.* Lietuvių klausimas Rusijos imperijoje XIX a. – XX a. pradžioje. Vilnius, 2001.

⁸ Национальная библиотека Беларуси. Отдел редких книг и рукописей. (НББ/ОР). Ед. хр. 091/4302. Л. 24–25.

⁹ Подробнее см.: *Конон У.* Ксендз Адам Станкевіч і каталіцкае адраджэнне ў Беларусі. Мінск, 2003.

¹⁰ *Ад. Ст-іч.* Каталіцтва, як аружжа польскасці // Сын Беларуса. 1924. № 8. С. 1.

¹¹ Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа НАН Беларуси. Отдел редких книг и рукописей. Фонд 4 (далее ЦНБ НАН Беларуси. ОРКиР). Ф. 4.

¹² Там же: Ед. хр. 9. Л. 2–4.

¹³ *Ад. Ст-іч. Каталіцтва, як аружжа польскасці // Сын Беларуса. 1924. № 8. С. 2.*

¹⁴ Болеслав Пачобка (1884–1940), белорусский религиозный и культурный деятель, в 1914–1915 годах – редактор первой белорусской католической газеты «*Biełarus*» (Вильна). В 1916–1918 годах был директором Белорусской учительской гимназии в Свислочи. В 1925 г. стал униатским священником. Автор первой белорусской грамматики «*Hramatyka biełaruskaj mowy*» (Вильна, 1918). Это был первый опыт написания белорусской грамматики, оказавшийся неудачным. Эта грамматика не имела никакого распространения и получила отрицательную оценку современников. Его автор, по их словам, был абсолютно не готов к созданию такого рода работы, не имея ни соответствующего образования, ни грамматических знаний (См.: *Лесік Я. Дзесяцігодзьдзе беларускае граматыкі (1918—1928 г.) // Савецкая Беларусь. 1928. 6.05.*

¹⁵ ЦНБ НАН Беларусі. ОРКиР. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.

¹⁶ *Kantyczka. Wilna: Drukarnia Marcina Kuchty, 1914.*

¹⁷ *Pačobka B. Boh z nami. Biełaruski madlíteŭnik. Aprasawaŭ В. Р-ка. Wilna, 1915.*

¹⁸ Это издание получило соответствующее разрешение от могилевского архиепископа Я. Тепляка после проверки его цензором кс. Ф. Абрантовичем.

¹⁹ НББ. ОР. Ед. хр. 091/39к. Л. 4.

²⁰ Подробнее см.: *Щавинская Л.Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв. Минск, 1998.*

²¹ См., напр: Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы. Отдел рукописей (далее БВ АН Литвы. ОР). Ф. 18. № 160.

²² См.: *Mickiewicz A. Dzieła wszystkie. Lwów, [1912]. Т. 5. S. 336.*

²³ См., напр.: *Mickiewicz A. Dzieła. Warszawa, 1955. Т. 9. S. 59–63.*

²⁴ ЦНБ НАН Б. ОРКиР. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.

²⁵ См. первое издание этих песен в сборнике Ф. Карпинского: «*Pieśni nabożne*». *Supraśl, 1792.*

²⁶ См. публикацию первого эссе А. Мицкевича о Ф. Карпинском в современном издании: *Mickiewicz A. Dzieła. Т. 5. Wydanie rocznicowe (1798–1998). Warszawa, 1997. S. 165.*

²⁷ Там же.

²⁸ Интересно, что в одном из современных католических сборников литургических и религиозных песен опубликована одна из песен

Ф. Карпинского под названием «Ледзь ухойдзе зараніца», где имя автора текста указано так: «T[ext]. Fr. Karpiński. T[экт]. бел.: традыцыйны, апр[ацаваны].» (См.: З надзей, Ойча, да Цябе. Літургічныя і рэлігійныя спевы. Гродзенская Рымска-Каталіцкая Дыяцэзія. 1999. С. 104.

²⁹ БВ АН Литвы. ОР. F 21–771.

³⁰ Цит. по: *Станкевіч А.* З Богам да Беларусі. Вільня, 2008. С. 468.

³¹ *Kantyczka czyli Pieśni Nabożne w Kościele katolickim używane.* Wilno, 1878. S. 39–40.

³² БВ АН Литвы. ОР. F 21–771. А. 28аб.–29.

³³ *Kantyczka.* 1914. S. 8.

³⁴ *Katalicki śpieūnik* А. 34–34 аб.

³⁵ См.: *Karpiński F.* Pamiętniki. Poznań, 1844. S. 183, 189.

³⁶ ЦНБ НАН Беларусі. ОРКиР. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.

³⁷ *Шейн П.В.* Белорусские народные песни. СПб, 1874. С. 385.

³⁸ Там же. С.396–397.

³⁹ См., напр.: *Багдановіч І.* Шлях да святыні (Вобраз святыні ў беларускай паэзіі) // *Наша вера.* № 4(14). 2000. Текст размешчэн на Інтернет-странице <http://media.catholic.by/nv/n14/art8.htm>.

В гэтай жа статы, апираючыся на запіскі А. Клімовіча, аўтаром беларускага перавода польскіх песен, помещенных в «Кантычке» называецца Я. Купала, што вполне веројатно, но трэбуе дапаўняльнага ісследавання.

⁴⁰ *Kantyczka.* S. 33–36.

⁴¹ *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья. М, 2009. С. 296.

⁴² *Kantyczka.* S. 36–39.

⁴³ *Демьянович М.М.* О духовных стихах, употребительных в Брашевском приходе Кобринского уезда. Вильна, 1892. С. 32–33.

М.М. Демьянович, в частности, дает такое пояснение относительно этой песни: «Несомненно, переделка с польского, но с некоторыми пропусками. В соответствующей польской песне король делает Дороте брачное предложение и получает отказ, что и служит причиною заключения ее в темницу. Здесь же причиною страданий Дороты является грубый ответ на совершенно невинное заигрывание короля» (С. 33).

⁴⁴ Песнь эта была найдена А. Брюкнером в сборнике Библиотеки Народовой из библиотеки Залусских (*Brukner A.* Neue Quellen, zur

Geschichte der polnischen Sprache und Literatur // Archiv für slavische Philologie. Т. 14. S. 507–511).

⁴⁵ Kantyczka. S. 36–39.

⁴⁶ *Brukner A.* Średniowieczna pieśń religijna polska. Krakow, 1923. S.53–56.

⁴⁷ Св. Дорота (Дорофея, Доротея) – христианская святая, покровительница новобрачных, рожениц, садоводов, шахтеров. Образ этой святой девицы-мученицы стал одним из любимых сюжетов для западноевропейских поэтов и живописцев.

⁴⁸ В народной польской традиции существовал обряд «хождения с Доротой», представляющий собой инсценировку мученичества святой Дороты.

⁴⁹ Во время карнавала Shrove (исповедание), который проводится в городах Чешской Республики, разыгрывается спектакль «Легенда о Святой Дороте» – неотъемлемая часть трехдневного торжества.

⁵⁰ *Перетц В.Н.* Кукольный театр на Руси (Исторический очерк) // Ежегодник императорских театров. Приложения. Кн. 1. СПб., 1895. С. 93.

⁵¹ Там же. С. 108.

⁵² Датируется первой половиной XVII в. Привезена из Лидского района.

⁵³ Kantyczka. S. 40–42.

⁵⁴ См., напр.: *Позднеев А.В.* Песенная книжная поэзия в славянских странах // ТОДРЛ. Т. 19. М.; Л., 1963. С. 416, 424.

⁵⁵ БВ АН Литвы. ОР. F 21-771. А. 49 аб.-50.

⁵⁶ *Романов Е.* Белорусский сборник. Киев, 1886. Т. 1. Вып. 1–2. С. 371–372.

⁵⁷ Например, в изданном в 1913 г. Виленским Свято-Духовском православным братством «Богогласнике» среди других песнопений помещено и песнопение «О кто, кто Николая любит» (См.: Богогласник. Сборник церковных песнопений и духовных песен для пения в семье, школе и внебогослужебных собеседованиях в 3-х голосном изложении. СПб, 1913. Вып. II (Часть вторая).

⁵⁸ См., напр.: Гродненский богогласник. Собрание гимнов и набожных песнопений. Гродна, 1914. С. 37–38.

⁵⁹ См., напр.: *Костюковец Л.Ф.* Стилистика канта и ее претворение в белорусской народной песне. Кн. 1. Минск, 2006. С. 14, 17.

⁶⁰ Kantyczka. S. 44–45.

⁶¹ Романов Е. Белорусский сборник. С. 370-371. В комментарии, сопровождающем этот текст, кстати, говорится, что «Нищий, певший нам этот стих, заявил, что он есть произведение “Змитра Ростовского”».

⁶² Katalicki śpieŭnik. А. 36.

⁶³ Гродненский богослужение. С. 46-47.

⁶⁴ Демьянович М.М. О духовных стихах. С. 42-43.

⁶⁵ Kantyczka. S. 45-59.

⁶⁶ Сборник кантычек второй половины XVIII в. Б. м., б. г. С. 584-595.

⁶⁷ См., напр.: Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб, 1860. С. 66-77, 212-219.

⁶⁸ Kantyczka. S. 59-61.

⁶⁹ Супликация – особая молитва, появившаяся в XVIII в., в которой люди просили Бога о защите от стихийных бедствий: от войн, голода, эпидемий, наводнений и пожаров.

⁷⁰ В белорусских католических молитвенниках известны два варианта этой супликации (См., напр.: *Holas duszy*. II wyd. Wilnia, 1934. S. 65-66). Автором второго варианта А. Климович называет С. Шимановского (ЦНБ НАН Беларусі. ОРКиР. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4.).

Борисенко Е.Ю. Украинская этнонациональная идентичность и большевистская культурная практика 1920 – 1930-х годов

Большая Украина к началу XX века представляла собой регион со сложным этническим рельефом. По данным переписи 1897 г., на Большой Украине проживали не только украинцы (73 %), но и русские (12 %), евреи (8 %), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7 %)¹. При этом к крестьянскому сословию относилось 93 % всех украинцев². Украинская интеллигенция была в основном сельской: по данным 1897 г., три четверти украинцев, по своей профессии связанных с интеллектуальным трудом, проживало в сельских районах³. Русское же население проживало в основном в городах (34 %), где вместе с евреями (27 %) оно составляло большинство населения⁴. Как правило, украинцы жили в губерниях, наименее затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно развитых регионах (Екатеринославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)⁵. Не удивительно, что на Украине русский язык доминировал в общественной жизни, науке, культуре.

В этих условиях на самоидентификацию населения немалое влияние оказывала идея общерусской национальной идентичности, базирующаяся на близости и родстве великороссов, малороссов и белорусов. Однако к началу Первой мировой войны, а особенно в период революции и Гражданской войны, все большее распространение приобретал проект украинского варианта национальной идентичности, базирующийся на идее особого, украинского народа. Острый социальный кризис привел к распаду ранее доминировавшей системы идеалов и ценностей. Общерусские основы идентичности все больше теряли свое значение. Поиск новых ориентиров приводил к тому, что украинская этническая

принадлежность становилась основой для легитимизации политических изменений. Приверженцы украинского политического проекта все настойчивее заявляли, что они не русские. Причем не только заявляли, но и предпринимали конкретные шаги, объявив о введении украинского языка в систему образования (на всех уровнях – от начального до высшего), в издательское дело (издание газет, журналов, книг, особенно учебной литературы и т. п.), о развитие украинского театрального и музыкального искусства, музейного дела и т. п. в Украинской народной республике и Украинской державе.

В украинской этнокультурной идентичности стали все активнее звучать негативистские нотки (вероятно, можно говорить о проявлениях в украинском вопросе негативной идентичности). Речь шла о противопоставлении «нас – им», что вызывало ответную реакцию приверженцев прежних идентификационных норм. 11 августа 1918 г. В.И. Вернадский записал в своем дневнике: «Душа в тревоге. – Тревога и тяжелое настроение и от чувства чрезвычайной непрочности положения здесь: безумная и безудержная политика украинцев с их неверным и фальшивым образом действий, ярим шовинизмом, идеологией, настроенной на ложных, выдуманных положениях. Я во многом понимаю то настроение ненависти, какое здесь замечается среди русских по отношению к ним, и чувствую больно, насколько вредит всему движению низкий моральный уровень украинских деятелей⁶». Как верно отмечает Е.Е. Левкиевская, в этот период в русском сознании стал формироваться стереотип украинца-сепаратиста: украинизация того периода рассматривалась «как часть общей ситуации хаоса и социальных потрясений, возникших в результате революции и гражданской войны», причем русское общество восприняло украинский сепаратизм, в первую очередь, как конфликт культурный, заключавшийся в отказе «от русского языка и русских культурных норм, от системы ценностей, выработанной русским обществом (при немалом и плодотворном участии украинской элиты), от совместного переживания тех этических и эстетических проблем, которые важны для русского общества»⁷.

В обстановке революции и гражданской войны большевики не только не боролись с актуализировавшейся украинской этнической идентичностью, но и своей политикой создавали определенные условия для ее укрепления. При этом применительно к данному периоду можно, вероятно, говорить не просто об этнокультурной украинской идентичности, но об этнонациональной, поскольку И.В. Сталин – главный специалист среди большевиков по национальному вопросу – с точки зрения современного исследователя этнизировал нацию или национализировал этнос⁸. Следует учитывать, что, в 1920–1930-е годы понятие «этническая культура» еще не оформилось: термин «национальная культура» означал собственно этническую культуру, т. е. культуру отдельных наций и народностей.

Как известно, Сталин исходил из собственных теоретических построений о нации. В 1929 г. работе «Национальный вопрос и ленинизм: Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим» он дал такое определение нации: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры. Как известно, эта теория получила в нашей партии общее признание»⁹.

При этом в процесс становления и развития нации Сталин связывал с определенной исторической эпохой – капитализмом, выделяя различные периоды в этническом развитии человечества. «С точки зрения научной, – утверждал Сталин, – можно было такую градацию установить: нация, как более целостное образование, это – понятие эпохи поднимающегося капитализма; национальность – переходная ступень от феодализма к капитализму. Затем, народности, не имеющие командующего класса, – этнографические группы»¹⁰.

Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор: союзные республики

рассматривались как государственные образования титульной нации со всеми присущими ей особенностями, в том числе, и «специфическими особенностями национальной культуры». При этом Сталин особо отмечал, что в Советском Союзе, хотя национальный гнет и уничтожен, «но из этого вовсе не следует, что национальные различия исчезли, и нации нашей страны ликвидированы», «что нации уже слились и национальные языки исчезли, что эти языки заменены каким-то одним общим для всех наших наций языком»¹¹. Период победы социализма в одной стране, утверждал Сталин, не создает условий, необходимых для слияния наций и национальных языков. Наоборот, «этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»¹². Условия для постепенного слияния всех наций в одно целое создаст только победа социализма во всемирном масштабе, поскольку тогда во всех странах будет ликвидирован империализм, что уничтожит «как стремление к покорению чужих наций, так и страх перед угрозой национального порабощения», исчезнет национальная вражда, а все нации объединятся в «единой системе мирового социалистического хозяйства»¹³.

Пока же социализм не победил во всем мире, большевистское руководство сочло необходимым «помочь возрожденным нациям нашей страны – встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру»¹⁴. Неоднократно Сталин говорил о необходимости ликвидации фактической отсталости «некоторых наций» – как культурной, так и хозяйственной, и политической, унаследованной от прошлого. Фактическое выравнивание наций, по Сталину, было одним из условий «установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных наций»¹⁵.

Меры по практическому выравниванию культурного уровня разных наций были четко определены в 1923 году, на XII съезде партии и на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей:

- а) устройство клубов (беспартийных) и других просветительных учреждений на местных языках;
- б) расширение сети всех ступеней учебных заведений на местных языках;
- в) привлечение к работе в школе более или менее лояльных народных учителей местного происхождения;
- г) создание сети обществ распространения грамотности на местных языках;
- д) постановка издательского дела»¹⁶.

Таким образом, воздействуя на «специфические особенности национальной культуры», большевистское руководство фактически пыталось обеспечить интеграцию своих граждан и их лояльность посредством языковой политики, институтов образования и воспитания, контроля над средствами массовой коммуникации.

Большевистские правовые акты существенно изменили статус украинского языка, не просто «легализовав» его, но и предоставив ему даже определенное преимущество. 21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках, и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военно-революционных законов»¹⁷.

21 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров УССР принял постановление о введении украинского языка в школах и советских учреждениях. Помимо обязательного изучения украинского языка во всех «учебно-воспитательных учреждениях с украинским языком преподавания», постановление предусматривало издание газет, а также учебной, художественной, пропагандистской, популярной литературы на украинском языке¹⁸.

Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. В 1927 г. была проведена т. н. Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР).

В 1920-е годы были созданы условия для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком. Именно на украинском языке с середины 1920-х годов преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. Так, в 1925/1926 учебном году на Украине существовало 13 350 ликбезов на украинском языке (на русском таких ликбезов насчитывалось только 3 312)¹⁹. В 1927 г. 78 % всех ликбезов проводили обучение по-украински²⁰.

Была создана система обучения на украинском языке, причем снизу доверху, от начальной школы до высшей. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось украинских начальных школ – 14 430 (русских всего 1 504)²¹. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925/1926 учебном году профшколы по языку обучения были на 51,9 % украинскими и только на 27,6 % – русскими²². Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 российских и 23 – двуязычных²³.

Изменялся и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения приема евреев и русских. Так, в 1930/1931 учебном году численность украинцев среди студентов

вузов достигла 70 %²⁴. Столь же пристальное внимание уделялось и подготовке поколения молодых ученых: в 1928 г. уже 60 % всех аспирантов были украинцами²⁵.

Такое положение не было случайным: высшее партийное руководство официально заявляло о необходимости создания условий для подготовки «нацкадров». Так, в резолюции Второго Всесоюзного партийного совещания по народному образованию от 30 апреля 1930 г. прямо говорилось о «развертывании работы по подготовке нацкадров, работников по всем отраслям социалистического строительства, в особенности для народного образования» и об «усилении подготовки научных работников из коренных национальностей»²⁶.

Одновременно росли тиражи периодических изданий и книжной продукции на украинском языке, причем особое внимание уделялось тиражированию произведений классиков марксизма-ленинизма. К 1928 г. на украинском языке выходило 58 газет, что составляло 68,8 % от их общего количества в УССР²⁷. Быстро росло количество книжной продукции на украинском языке. Если в 1927 г. она составляла 53,9 %, то в 1931 г. – уже 76,9 %²⁸.

Интенсивно шел процесс становления украинской литературы и искусства. В 1927–1929 гг. в Киеве была построена новая киностудия, самая большая в Европе. В киноискусстве продолжала доминировать украинская проблематика²⁹. Продолжалась и украинизация театрального искусства. Первоначально в этой сфере (особенно в оперных театрах) украинизация продвигалась с большим трудом. На конец ноября 1927 г. вся театральная сфера была украинизирована только на 26 %. Однако в начале 1930-х годов русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помещения перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и 9 русских стационарных театров³⁰.

Правительственная поддержка украинского языка, литературы, поддержка украинской линии в науке и искусстве привели к тому, что украинский язык стал проникать в те

области, в которых ранее доминирующее положение занимал русский язык. Официальная поддержка украинского языка и культуры потребовала соответствующего осмысления и оценки перспектив развития русской культуры. Одним из примеров такого осмысления является теория «борьбы двух культур» второго секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебеда. Подготавливая материал для одного из своих выступлений в марте 1923 г., он писал: «Мы знаем теоретически, что неизбежна борьба двух культур. У нас, на Украине, в силу исторических обстоятельств, культура города – это русская культура, культура деревни – украинская»³¹. Лебедь признавал, что партия должна овладеть украинским языком, но в то же время для большевиков «язык является не средством проведения национализма», а «средством проведения советского, пролетарского, коммунистического влияния»³². Говоря о борьбе двух культур, он говорил о борьбе «крупной промышленности» и «мелкособственнического, почти натурального крестьянского хозяйства». Целью партии, по мнению Лебеда, было «подчинение развития сельского хозяйства промышленности проникновением крупного производства в сельское хозяйство»³³. Это должна была сделать «культура города», т. е. «культура, которая имеет больше элементов социалистических, пролетарских»³⁴.

Теория Лебеда была официально осуждена как не соответствующая общим установкам партии в области национальных отношений. Секретарь ЦК КП(б)У был обвинен в теоретическом обосновании великодержавного уклона и в искажении ленинской национальной политики. Теория Лебеда и ее оценка центральным руководством любопытна не столько с точки зрения общественных и внутрипартийных настроений того времени. Важен другой аспект: в данном случае решался вопрос о месте и роли национальной культуры при социализме, о том, необходимо ли развивать ее, или интересы мировой революции требуют совершенно иного. В итоге вопрос был решен в пользу национальной культуры.

Теория Лебеда была своеобразной попыткой уравновесить большевистские интернациональные принципы и практику

национального развития населявших Советский Союз народов. Поскольку украинский язык и культура стали занимать не свойственные им ранее позиции в связи с протекционистской политикой советской власти в отношении культур коренных национальностей, украинские культурные лидеры стали обдумывать, чем подкрепить новые претензии украинства. Кстати, в 1929 году Скрыпником была выдвинута территориальная концепция развития литературы, в соответствии с которой, те или иные литературные произведения следовало относить к памятникам русской или украинской литературы в зависимости «от территории, на которой памятник складывался». Например, «Слово о полку Игореве» Скрыпник считал достоянием украинской литературы, а «Моление Даниила Заточника» – русской. Скрыпник считал необходимым выводить новую украинскую литературу из ее собственного литературного корня, из собственной предшествующей истории: путь развития украинской литературы, украинской культуры – это путь самостоятельного развития украинской нации³⁵.

Пытаясь определить свое место в едином культурном советском пространстве и свое место в мире, украинская культурная элита подчеркивала свое отличие от элиты русской. В своих воспоминаниях украинский советский писатель Ю.К. Смолич описывал одну из своих встреч (1924 г.) с Л. Курбасом, возглавлявшим художественное объединение «Березиль». Смолич, работавший в отделе искусств Наркомпроса, вспоминал, что в начале 1920-х годов русские актеры и режиссеры нередко переходили на украинскую сцену. Как раз о возможном переходе на украинскую сцену русских актеров Юреновой и Максимова спросил Л. Курбас Смолича и, получив подтверждение, разразился «пылкой тирадой»: «Вы поймите, ... что все эти Петипа и Максимова тащат на сцену юного-преюного театра старые обычаи и нормы скомпрометированного бесперспективного провинциального мещанского театра! А ведь нам же надо строить новый, революционный театр! И, может быть, это счастье, что строим мы его почти на пустом месте и с почти неграмотными

новичками-актерами – нетронутыми и неиспорченными еще³⁶». Высказывание Курбаса не случайно: в 1920-е годы наследие классической русской культуры переосмысливалось с революционно-классовых позиций. Однако в данном случае отношение к русской культуре переплеталось с идеей «особости» украинской культуры, подчеркивалась роль Украины и украинцев для будущего социалистического переустройства мира.

В середине 1920-х годов на Украине повсюду шла так называемая «литературная дискуссия», в которой активное участие принимал Н. Хвылевой, защищавший свое видение путей развития украинской литературы. Нация, по Хвылевому, только тогда может культурно проявить себя, если найдет собственный путь развития, а до последнего времени украинская интеллигенция (за исключением нескольких бунтарей) в культурном отношении шла за русским дирижером³⁷. Хвылевой считал, что ориентироваться же украинской культуре надо не на Россию, а на Европу.

Хвылевой выступил с идеей так называемого «азиатского ренессанса». По мнению Хвылевого, Азия понимает, что только коммунизм способен освободить ее от экономического рабства, и Украине здесь уготовано особое место: «духовная культура большевизма может ясно проявиться только в молодых советских республиках... и в первую очередь под голубым небом юго-восточной республики коммун», которая воспитывала «в своих буйных степях тип революционного конкистадора»³⁸.

Хвылевой требовал серьезного подхода к украинизации пролетариата, на «прививке» ему украинской культуры, чтобы никто не отважился говорить, что «рабочий класс у нас русский: «...Пока пролетариат не овладеет украинской культурой, до тех пор нет никакой уверенности, что культурная революция на Украине даст нам желаемые результаты»³⁹. К украинизации пролетариата нужно подходить крайне серьезно, подчеркивает Хвылевой, поскольку это является для пролетариата единственным способом овладеть украинской культурой, а украинизация – это воля 30-миллионной нации⁴⁰.

Это требование Хвылевого было поддержано наркомом просвещения УССР Шумским: «Имея полную возможность обеспечивать свои культурные запросы по-русски, русские рабочие должны в то же время принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве». По мнению Шумского, украинизация пролетариата на Украине способствовала бы «смычке» его с крестьянскими массами и нейтрализации воздействия на эти массы «буржуазной интеллигенции». «...В силу отсутствия у нас руководства общественно-культурным процессом интеллигенция начинает реставрировать утраченные в 1919 и 1920 годах связи и влияние»⁴¹, – вот чего опасался нарком просвещения.

Однако убеждения Хвылевого и Шумского в Москве не разделяли. Сталин высказался резко против попыток украинизации пролетариата: «Нельзя заставить русских рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета»⁴². Состав пролетариата будет меняться, писал Сталин, по мере притока в промышленность из окрестных деревень украинских рабочих⁴³. «За волосы нельзя вытаскивать национальности, – убеждал Сталин украинских писателей, – это трудно и может вызвать отпор со стороны русских элементов...»⁴⁴

Конечно, в данном случае центральное большевистское руководство учитывало особенности этнокультурного развития различных частей Советской Украины, в частности, Новороссии и Слобожанщины, где русский язык и культура традиционно занимали устойчивые позиции. Рабочие юго-восточных промышленных областей УССР к необходимости изучения украинского языка относились явно негативно. Даже те из них, кто немного владели украинским, не пользовались им, большинство же предпочитало русский: «На сходах читают указы, распоряжения, объявления и т. д. на украинском языке. Народ заявляет: “Читать на русском понятном языке, не надо нам

читать на венгерском”, т. е. на непонятном языке»⁴⁵. Действительно, президиум ВУСПС признавал, что среди пролетариата Украины преобладала «русская грамотность» («из всего количества грамотных читают на языке: украинском – 40,2 %, на русском – 91,2 %, еврейском – 7,1 %, прочих – 6,2 %»⁴⁶).

Фактически Сталин еще раз напомнил украинскому партийному руководству один из непреложных тезисов советской национальной политики: право говорить на родном языке, на развитие собственной культуры имеют в Советском Союзе все нации и народности. Центральное большевистское руководство, понимая опасность появления центробежных процессов, всячески старалось подчеркивать общесоветский, социалистический характер культуры национальных республик. Задача советского государственного строительства состояла в том, чтобы не просто не противоречить «культуре, быту, языку» наций. Как говорил глава украинских коммунистов Л.М. Каганович, задача состояла в том, чтобы «вовлечь крестьян в советское строительство и тем самым укрепить наш союз с крестьянством»⁴⁷. «...Украина должна служить образцом и примером разрешения пролетариатом проблемы национального освобождения угнетенных масс, проблемы государственного строительства национальных республик, в рамках советской системы, – отмечалось на украинском партийном пленуме в июне 1926 г. – Мы должны показать, как можно сочетать добровольный союз советских республик с предоставлением бывшим угнетенным массам максимальной возможности проявления самостоятельности по строительству своей государственности, по развитию своего хозяйства, по поднятию культуры страны, – по приобщению миллионных масс к культурному социалистическому строительству»⁴⁸. Очевидно, что для большевиков развитие национальной культуры было не самоцелью, а одним из средств построения социализма, т. е., по выражению Кагановича, «...основной нашей задачей является строительство социализма и укрепление диктатуры рабочего класса, само собой разумеется, что национальный вопрос

подчинен этим двум основным задачам»⁴⁹. Во имя этой основной задачи и должны были коммунисты «овладеть национальной культурой». В противном случае, и это хорошо понимало большевистское руководство, решающее влияние на крестьянство будут оказывать не коммунистическая партия, а «мелкобуржуазные шовинистические группы украинской интеллигенции»⁵⁰.

Большевистская культурная практика отличалась повышенной идеологичностью и политизированностью. Широким слоям украинского населения навязывалась определенная (новая для него) система ценностей, одновременно шло устранение культурных образцов и традиций, считавшихся «пережитком», а также присущих «социально-чуждым» элементам. Ставка делалась на пропаганду образов революционеров: если речь шла об истории – то борцов с оковами царизма, если о современности – то советских людей, строителей социализма. Таким образом, поскольку этнокультурная идентичность предполагает наличие системы определенных символов, советская политика была ориентирована на придание идеям, образам, ценностям, функционировавшим в общественном сознании, «идеологически выдержанного» и «морально устойчивого» характера.

Одновременно партийная политика была направлена на стимулирование взаимодействия культур путем признания общих ценностей, общих благ и символов. Центральное большевистское руководство стремилось сформировать чувство сопричастности в отношении других народов, населяющих СССР («единая семья братских народов»). Принадлежность к советскому социалистическому обществу должна была стать мощным консолидирующим фактором: недаром в резолюции Второго Всесоюзного партийного совещания в апреле 1930 г. подчеркивалось необходимость проведения мероприятий, «обеспечивающих усиление сближения трудящихся различных национальностей СССР, – массовые формы смывки, рабочие экскурсии и т. д.»⁵¹.

Тот же Скрыпник, выдвинувший территориальную концепцию развития литературы, доказывал, что коммунист не должен противопоставлять интересы СССР и интересы УССР. «Кто стоит на позиции противоположных интересов Украины и СССР, тот сторонник или русского, или украинского национализма»⁵², – утверждал глава украинского Наркомпроса. Точно так же следовало, по Скрыпнику, рассматривать и вопросы взаимодействия национальных культур: достижения русской культуры и достижения украинской культуры, полученные на основе сотрудничества, послужат созданию международной пролетарской культуры на территории всего СССР. Хвылевой, доказывавший исключительную роль Украины в текущих и грядущих событиях, также при этом призывал не путать вопросы политической ориентации с ориентацией культурной. Хвылевой отнюдь не ставил знак равенства между русской революцией и русской культурой. Он не отрицал, что советская власть сделала для Украины столько, сколько ни одна власть на свете⁵³.

Следует подчеркнуть, что советская политика была направлена на то, чтобы представители всех национальных республик ощущали себя одновременно одним целым, гражданами единой страны. Укреплению сознания общегражданского единства служила и развернувшаяся в 30-е гг. XX в. унификация сферы культурного строительства: всех ступеней образования в СССР, Академии Наук СССР и союзных республик, системы творческих союзов и т. п., а в управлении всеми областями науки и культуры усиливались административные методы. Сталинское руководство стало выстраивать систему управления наукой и культурой в соответствии с «принципами социалистического строительства и потребностями трудящихся масс». В 1930 г. повсеместно было введено обязательное четырехлетнее образование, а для городов и промышленных районов – семилетнее, с профессионально-техническим (фабрично-заводским) уклоном. Общеобразовательные программы были унифицированы. В 1929–1930-е гг. была перестроена вся система высшего и средне-технического образования. Срок обучения в технических вузах

сокращался с 5 до 3 лет. Старшие классы общеобразовательных школ превращались в техникумы, часть техникумов – в вузы, ряд политехнических институтов, многоотраслевых вузов и техникумов был разукрупнен. Произошли изменения и в системе Академии Наук. В 1930 г. АН СССР перешла в ведение Ученого комитета ЦИК СССР. Был принят новый академический устав. Резко увеличилось число научно-исследовательских учреждений, особенно индустриальных институтов. В сфере общественных наук произошла их резкая политизация. Был принят курс на постепенную ликвидацию плюрализма периода НЭПа в области художественного творчества, велась подготовка к формированию единых творческих союзов.

В новых условиях выросло значение русского языка как языка межэтнической коммуникации, что было обусловлено социально-экономической интеграцией и выросшей социальной мобильностью населения. Коммуникативные потребности единого государства требовали хорошего знания русского языка со стороны активной части населения, поскольку русский язык играл ведущую роль в сфере государственного управления, науке, армии, являлся средством общения между людьми разных национальностей. В том числе и с этой точки зрения следует рассматривать постановление 1938 г. об обязательном изучении русского языка в украинских школах и об уравнивании юридически и фактически в правах с украиноязычным «Комунистом» русскоязычной газеты ЦК КП(б)У «Советская Украина».

Одновременно сворачивалось обучение на языках этнических меньшинств, переориентация шла в направлении обучения на русском языке или на языке титульной нации союзной республики. Фактически, шло сужение сферы применения языков этнических меньшинств (опять же в пользу русского языка и языка титульной нации республики). В 1935–1938 годах политбюро ЦК КП(б)У неоднократно рассматривало вопросы о реорганизации национальных учебных заведений и о переводе их на украинские либо на русский языки обучения. Завершился данный процесс в 1938 г., когда на заседании политбюро ЦК КП(б)У 10 апреля был рассмотрен вопрос о реорганизации

национальных школ Украины. В справке, подготовленной Наркомпросом УССР, говорилось об искусственном насаждении особых немецких, польских, шведских, чешских, болгарских и др. школ, о превращении их в очаги для проведения контрреволюционной работы и буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей.

В управлении всеми областями науки и культуры усиливались административные методы. основополагающими принципами здесь оставалось обеспечение «четкой классовой линии» в работе коммунистов на «культурном фронте», усилилась политизация и идеологизация сферы культуры. И в центре, и в республиках партийные органы очень внимательно относились к новым книгам и пьесам, оценивая их «идеологическую выдержанность». Так, на Украине под лозунгом борьбы с «местным национализмом» был запрещен памфлет Хвылевого «Украина или Малороссия?», подвергнут острой критике новый роман писателя «Вальдшнепы». Раскритикованы были и новые пьесы Н. Кулиша «Народний Малахий» и «Мина Мазайло», а серия портретов М. Бойчука была названа «формалистическими».

Очевидно, что партийное руководство при помощи воспитательной, агитационной и т. п. работы стремилось к тому, чтобы мотивация на социальную и культурную интеграцию была выше, чем мотивация на этническую консолидацию. В этом ракурсе следует рассматривать не прекращавшуюся борьбу с проявлениями национализма. Такая борьба характерна не только для начала 1930-х годов, она велась перманентно, набирая в отдельные годы особую силу. В данном случае стоит вспомнить критику Шумского в 1926 г., историю с журналами «Червоний шлях» и «Життя і революція», которые подверглись критике уже тогда, когда украинизация только набирала силу, за некритическое отношение к европеизированной буржуазной украинской интеллигенции, отсутствие твердой линии партии в деле воспитания кадров украинской интеллигенции⁵⁴. Подобные примеры не были единичными.

Провозглашая лозунг развития национальной культуры, центральное большевистское руководство настаивало на ее социалистическом характере. На объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле–августе 1927 г. Сталин в своей речи 5 августа, рассматривая ошибки Зиновьева, особо отметил: «После взятия власти пролетариатом мы провозгласили лозунг развития национальной культуры народов СССР на основе Советов. Что это значит? Это значит, что мы приспособляем развитие национальной культуры среди народов СССР к интересам и потребностям социализма, к интересам и потребностям пролетарской диктатуры, к интересам и потребностям трудящихся всех национальностей СССР. Это значит, что по своему содержанию развиваемая Советской властью культура народов СССР должна быть культурой общей для всех трудящихся, культурой социалистической, по своей же форме она есть и будет культурой неодинаковой для всех народов СССР, культурой национальной, культурой различной для народов СССР сообразно различию в языке и в национальных особенностях»⁵⁵.

Иначе говоря, Сталин вел речь о необходимости «объединить национальную культуру на базе общего социалистического содержания путем усиления развития национальных культур»⁵⁶. При этом Сталин разъяснял, что национальная форма отнюдь не менее важна, чем социалистическое содержание: «Когда говорят — форма ничего не значит — это пустяки. От формы страшно много зависит, без нее никакого содержания не бывает: форма — национальная, содержание — социалистическое. ... Это значит, что в литературе, поскольку речь идет о литературе, должны появиться новые герои. Раньше обычно героев иных выдвигали, теперь должны появиться герои из народа, из крестьян, из буржуазии — в том освещении, которого они заслуживают»⁵⁷.

Хотя СССР и был организован по национальному принципу, однако государственная политика являлась классово ориентированной. В массовом сознании граждан закреплялась множественная идентичность: не только в качестве представителей определенного этноса, но и как представителей

определенного социального класса, и как граждан советского государства. При этом создавалась определенная иерархия идентичностей. На первом месте, по мысли высшего партийного руководства, стояла социальная и гражданская идентификация, а уже затем – национальная. Не удивительно в этом плане, что, как только подросло поколение новой, советской национальной интеллигенции, судьба старой интеллигенции была окончательно решена (процессы Союза освобождения Украины во главе с академиком С.А. Ефремовым Украинского национального центра, кампания по разоблачению политических и исторических взглядов М.С. Грушевского).

Цели большевистской культурной практики в области массового сознания попытался выразить Н.И. Бухарин в 1936 г. В мае–июне он писал в «Известиях», что в СССР создается единый народ, «взятый не как этнографическая, а как социальная категория», предстающий как многонациональная общность, т.е. «единый и суверенный» народ, «консолидированный и по вертикалям (классы), и по горизонталям (нации)»⁵⁸.

Правда, бухаринская трактовка общности советских людей не была принята, поскольку, как считает А.И. Вдовин, строился на отрицании национальных традиций и ценностей народов⁵⁹. Последнее очевидно противоречило не только сталинской теории наций, которые, как уже было сказано выше, в период победы социализма в одной стране должны были достичь особого расцвета. Не совсем соответствовали высказывания Бухарина и рамкам предпринятой в 1930-е годы реабилитации понятий «родина» и «отечество», когда идея «стандартизированного героического нарратива»⁶⁰ приобретала все больший смысл.

Тем не менее, идея Бухарина любопытна как попытка создания некоего проекта наднационального единства. Действительно, усилия большевистского руководства были направлены на достижение стабильной идентификации населения как советских граждан; в массовое сознание закладывались образы и представления, которые должны были способствовать консолидации общества, несмотря на признание существования на территории громадного государства различных этносов.

Определенных успехов в этом направлении удалось добиться. Как вспоминал Виктор Некрасов (1911–1987), подростковый и юношеский возраст которого пришелся как раз на 1920–1930-е годы, «когда я учился в школе, ей-Богу, никто из нас не интересовался, кто по национальности его сосед по парте (теперь только соображаю – Приходько был, значит, украинец, Муня Бергер – еврей, Сребницкий – русский, а может, и поляк, а Гааг? Вот и не знаю. Кто ж он такой был?). Хорошо это или плохо, но мы были интернационалистами. А может, космополитами?»⁶¹

Таким образом, большевистская политика в рассматриваемый период была направлена на конструирование наций на основе этнических общностей, «привязанных» к определенной территории. Признание права на существование этнокультурной, национальной идентичности было подкреплено лозунгом фактического выравнивания наций – как хозяйственного (экономического), так и культурного. Предпринятые практические мероприятия, в том числе преимущественное право представителей «коренной национальности» при поступлении в высшие учебные заведения, ликвидация неграмотности на родном языке и т. п., предусматривали развитие национального языка, образования, литературы, кино- и театрального искусства, что объективно способствовало росту образовательного уровня населения. Появился слой советской национальной интеллигенции, в том числе художественной.

Одновременно усилия партийных властей были направлены и на создание идентичности иного порядка – общесоветской, призванной консолидировать население Страны Советов в единую общность. Единство многонациональной страны должны были обеспечивать формулы интернационализма и дружбы народов, закрепленные в системе новых культурных ценностей, внедряемых в сознание населения. Культурная политика большевиков, направленная на легитимацию существующего социального строя, предусматривала исключение из личной и общественной жизни «чуждых» элементов и одновременно навязывала новые идеологические, культурные и мировоззренческие каноны. Признавая разнообразие

національних культур, руководство страны стремилось придать им единое, социалистическое, содержание, обеспечивая, таким образом, единство и целостность общего культурного пространства.

¹ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ с. Київ, 1997. С. 20.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921 (октябрь 1917 – январь 1920). Киев, 1994. С. 119.

⁷ *Левкиевская Е.Е.* Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 165–166.

⁸ См. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. М., 2000. С. 196–217.

⁹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 333.

¹⁰ Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит по.: *Шаповал Ю.І.* Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 113.

¹¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 341–342.

¹² Там же. С. 345.

¹³ Там же. С. 343.

¹⁴ Там же. С. 353–354.

¹⁵ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 57.

¹⁶ Там же. С. 298.

¹⁷ До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 110.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Там же. С. 105.

²⁰ *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 175.

²¹ См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 89.

²² Там же. С. 91.

²³ Там же. С. 102.

²⁴ Там же. С. 102.

²⁵ Там же. С. 112.

- ²⁶ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 642.
- ²⁷ Там же. С. 140.
- ²⁸ «Українізація» 1920–30-х років... С. 145.
- ²⁹ Там же. С. 144.
- ³⁰ Там же. С. 147–149.
- ³¹ Выступление на Киевской партийной конференции в марте 1923 г. Рукописный вариант выступления сохранился в архиве. См. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 12. См. также: Коммунист. 1923. 24 марта.
- ³² ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11–12.
- ³³ Там же. Л. 20–21.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Солдатенко В.Ф.* Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002. С. 158–159.
- ³⁶ *Смолич Ю.К.* Рассказ о непокое. Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет. М., 1971. С. 329.
- ³⁷ *Хвильовий М.* Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети / Вступ. ст., упоряд. і приміт. В.П. Агеєвої. Київ, 1995. С. 677.
- ³⁸ Там же. С. 749.
- ³⁹ *Хвильовий М.* Апологети писаризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. С. 202.
- ⁴⁰ Там же. С. 203–204.
- ⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 135. Л. 21, 30.
- ⁴² ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 383.
- ⁴³ Там же. С. 383–384.
- ⁴⁴ Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит по.: *Шановал Ю.І.* Указ. соч. С. 110.
- ⁴⁵ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 183. В цитате сохранен стиль источника.
- ⁴⁶ Документ датирован 14.02.1928. См.: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 53 об.

- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 105. Л. 34об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 107. Л. 12.
- ⁴⁹ Там же. Л. 13.
- ⁵⁰ Там же. Д. 105. Л. 37 об., 61 об.
- ⁵¹ ЦК РКП(б)–ВКУП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. С. 643.
- ⁵² Там же. С. 163.
- ⁵³ *Хвильовий М.* Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети.... С. 729.
- ⁵⁴ См., например: ЦДАГОУ. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.
- ⁵⁵ *Сталин И.В.* Соч. Т. 10. М., 49. С. 69.
- ⁵⁶ Беседа Сталина с украинскими писателями 12 февраля 1929 г. Цит. по: *Шаповал Ю.І.* Указ. соч. С. 103.
- ⁵⁷ Там же. С. 106–107.
- ⁵⁸ См.: *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. М., 2004. С. 81–82; *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920 – 1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 508–509.
- ⁵⁹ *Вдовин А.И.* Указ. соч. С. 82.
- ⁶⁰ Выражение Д.Л. Бранденбергера. См.: *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 51.
- ⁶¹ *Некрасов В.П.* Записки зевачи. М., 2003. С. 379.

Дроздов К.С. Государственная политика украинизации в РСФСР: новый фактор в формировании национального самосознания среди украинцев России в 1920 – начале 1930-х годов (на материале Центрального Черноземья)

Государственная политика украинизации в РСФСР представляла собой новый большевистский метод нациостроительства, опиравшийся главным образом на административный ресурс советского государства. Советская украинизация выступала, с одной стороны, в качестве своеобразного механизма/инструмента в регулировании русско-украинских взаимоотношений на территории РСФСР, где проживала основная масса украинского национального меньшинства (Кубань, губернии Центрального Черноземья), а, с другой – являлась мощным фактором, стимулировавшим формирование украинского национального самосознания среди этого населения не только в выше указанных регионах, но и в Поволжье, Западной Сибири и на Дальнем Востоке.

Это была именно государственная политика, так как в этот период: а) были организованы специальные органы, отвечавшие за проведение в жизнь важнейших принципов большевистской национальной политики (например, уполномоченные нацмен, как по линии Наркомпроса РСФСР, так и по линии ВЦИК и местных советов); б) государством проводилось финансирование нацмен работы; в) государством была создана нормативно-правовая база для нацмен работы; г) государством готовились специальные кадры нацмен работников по всем основным направлениям украинизации: для партийно-советского и административного аппарата; правоохранительных и судебных органов; и, наконец, образовательных и культурно-просветительных учреждений разного уровня. Таким образом, был задействован весь государственный механизм, чтобы добиться видимых позитивных

результатов практически с нуля. До революции в русском общественном мнении и в сознании значительной части бюрократии малороссы/украинцы не воспринимались отдельным от русских народом, в обществе и правительственных кругах господствовало представление о единой русской нации, включавшей в себя всех восточных славян Российской империи¹. В связи с этим в дореволюционной России не существовало ни отдельной украинской школы, ни украинской печати и т. д.

В первое десятилетие после образования СССР стержнем национальной политики советской власти являлась политика коренизации партийно-государственного аппарата и культурно-просветительских учреждений. Государственная политика украинизации в РСФСР, которая представляла собой ее региональный вариант, привела в конечном итоге к образованию здесь украинских национальных административно-территориальных районов. Так, только в Центрально-Черноземной области к началу 1930-х годов 52 района являлись районами полной или частичной украинизации. Что предполагала украинизация здесь? Во-первых, изучение и применение в повседневной жизни и на государственной службе, в школе и сельсовете украинского языка, а, следовательно – организация специальных курсов по изучению украинского языка: учителями, чтобы иметь возможность преподавать его в образовательных учреждениях, советскими и партийными служащими, чтобы вести делопроизводство на украинском языке в сельсовете/райсовете и т. д. Во-вторых, коренизация означала привлечение самих украинских кадров в органы местного управления, суда и культпросветучреждений, т. е. увеличение процента украинцев по сравнению с великороссами. Такие широкомасштабные мероприятия можно было успешно проводить только при помощи государства и партийно-административного ресурса, директивного руководства этими процессами. Стихийная народная украинизация школы, имевшая место быть в начале 1920-х годов, не имела никаких шансов на успех. Поэтому мы и говорим именно о государственной политике украинизации в эти годы.

По мнению ведущего российского специалиста по данной проблеме Е.Ю. Борисенко, успехи украинизации, как на Украине, так и в России, в конечном итоге определялись двумя факторами: административным напором чиновников и степенью готовности самого населения воспринимать нововведения². Как нам представляется, в свою очередь эти два фактора находились в зависимости еще от одной составляющей – этнонациональной. Дело в том, что данная политика проходила на фоне двух взаимоисключающих/разнонаправленных процессов: с одной стороны, начавшегося с конца XIX в. процесса ассимиляции и русификации³, а с другой – набиравшего силу процесса формирования украинской нации и украинского национального самосознания. Однако последний процесс был еще очень далек от завершения. «Ведь «украинцев» еще предстояло создать, еще предстояло внушить населению Малороссии, Новороссии, Волыни, Подолья, Слобожанщины, Приазовья украинское национальное сознание, распространить украинскую идентичность»⁴, – к такому выводу приходит А.В. Марчуков, занимающийся изучением украинского национального движения в СССР в 1920–1930 годах.

Безусловно, ярче всего процессы ассимиляции проявлялись среди украинского/малороссийского населения России. Так в Центральном Черноземье в пограничной русско-украинской зоне они выражались в том, что, проживая в русскоязычной среде и владея русским языком, этнические украинцы отнюдь не всегда желали обучаться на родном украинском языке, т. к. жизненные перспективы в этом регионе (возможность продолжить обучение в вузе, получить престижную работу и т. д.) традиционно были связаны с русским языком. В первой трети XX в. местное население именовало себя «хохлами», противопоставляя тем самым себя «украинцам». Так, например, отказ от украинизации Прохоровской волости Белгородского уезда Курской губернии, где по переписи 1926 г. 49,39 % населения числились украинцами, уездные власти объясняли тем, что украинцы эти числятся таковыми только лишь на бумаге, «фактически же все они настолько обрусели и из поколения в поколение настолько

свыклись с русской речью, что последняя каждому украинцу стала родной речью, тогда как чисто украинская литературная речь совершенно чужда и непонятна»; «Практикуемая населением в общежитии речь Слободской Украины мало имеет общего с литературным украинским языком. Терминов последнего украинское население волости без пропуска его полностью через серьезную украинскую школу никогда не усвоит. Да и в школе язык этот может быть усвоен не легче, чем какой-либо иностранный, например, немецкий, так как терминология того и другого одинаково незнакома. Разница лишь только в том, что последний изучался бы с охотой...»⁵. В докладе Валуйского уездного исполнительного комитета о работе по украинизации в уезде сообщалось, что украинский язык прививается не совсем хорошо, так как в украинском языке имеются слова, которые еще непонятны крестьянам. «Понятие же населения о литературном украинском языке слабое, поэтому работники ВИКов и сельсоветов в своих обращениях с ним (дача отчетов, докладов, а также разъяснений) применяют местное слобожанское наречие, если же говорить на чисто украинском языке, то он для них бывает не совсем понятным»⁶. Точно так же в мае 1930 г. в докладной записке областной комиссии, проводившей проверку выполнения директив о ходе украинизации в Центральном Черноземном округе (ЦЧО), было указано, что нередки случаи, когда граждане, украинцы по происхождению, выносят постановления против проведения украинизации (с. Богдановское Новохоперского района) или относятся к этому вопросу с иронией, считая себя суржиками или перевертнями, которые ничего общего не имеют с украинцами⁷.

Украинская интеллигенция – главный носитель украинской национальной идеи здесь была чрезвычайно слаба. «Национальная интеллигенция, я буду говорить в большинстве случаев об украинской, еще только нарождается», – сообщалось в докладе заведующего центральным украинским бюро Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР П.С. Шафрана, который в апреле 1925 г. побывал с инспекторской проверкой в Валуйском, Острогожском и Россошанском уездах

Воронежской губернии. – «Прежняя украинская интеллигенция настолько русифицирована, что ее нельзя причислить к нацменовской. Проводником украинской культуры является только пока учительство. Все украинские учителя на 85–90 % жители сел и деревень (дети крестьян) и работают среди того же крестьянства, а потому они не могли так русифицироваться, как остальная часть украинской интеллигенции⁸. Но если украинизация школ I ступени проходила довольно успешно, то вопрос с педагогическими кадрами для школ повышенного типа (не говоря уже о техникумах и вузах) стоял довольно остро. Контингент учителей в них был представлен педагогами с дореволюционным стажем, которые, в основной своей массе, были противниками украинизации. «Переподготовка их проходит значительно труднее, так как с их стороны встречается пассивное сопротивление»⁹, – говорилось в докладной записке областной комиссии, проводившей в мае 1930 г. проверку выполнения директив центральных и местных органов власти о проведении украинизации в ЦЧО.

В связи с этим, государственная политика украинизации в Центральном Черноземье, особенно на первых этапах в 1923–1928 годах, всячески тормозилась, причем не последнюю роль в этом играли местные органы власти, ссылавшиеся на факты ассимиляции среди украинцев. Так, в августе 1925 г. в отношении Воронежского ГубОНО в Президиум губисполкома по вопросу о просвещении на родном языке среди украинцев Воронежской губернии указывалось, что значительная часть работников местных советских органов не склонна отличать особенности населения украинской национальности, утверждая, что таковое в Воронежской губернии достаточно русифицировано¹⁰. То же отмечал и инспектор Отдела национальностей ВЦИКа З.С. Островский, побывавший в конце 1927 г. в Курской губернии. «К сожалению, в Курской губернии, как и во многих других местах СССР, где еще окончательно не изжиты остатки великорусского национализма, и где нередко наблюдается головотяпство отдельных руководящих товарищей, установилась точка зрения, что украинцы, мол, не являются нацменьшинством,

что они, якобы, окончательно ассимилировались среди русского населения, что они отлично владеют русским языком и т. д., а посему не нуждаются ни в каком особом обслуживании на родном языке»¹¹. Поэтому местное украинское население зачастую высказывалось против проведения украинизации, что сводило на нет все украинизаторские усилия местных властей.

Когда в декабре 1929 г. в Грайворонском районе Белгородского округа ЦЧО был обследован Грайворонский украинский педтехникум, то уполномоченный по делам нацмен Галицкий пришел к выводу о том, что в сознании и педагогов и учащихся отсутствует понимание того, что им необходимо распространять и внедрять украинскую культуру среди местного украинского населения. Вместо этого украинский язык является в техникуме «как бы официальной вежливостью» и только. «Учащиеся педтехникума (за исключением отдельных групп) разговор ведут на русском языке, как в стенах педтехникума, общежития, так и вне его. Обычное явление, когда на лекциях, учебных конференциях, собраниях, совещаниях и т. д. слышишь русскую речь»¹². Поэтому, заключает Галицкий, вовсе не случайно, что не только отдельные граждане, но и руководящие работники района и общественность, видя такое положение в украинском педтехникуме, который должен был стать связующим центром в деле украинизации в округе, называют все это не иначе, как комедией с украинизацией.

Вместе с тем, в Центральном Черноземье параллельно происходили и противоположные ассимиляционные процессы, связанные с формированием украинского национального самосознания среди местного украинского населения. Так, в отчете центрального украинского бюро за октябрь 1924 г. – апрель 1925 г. находим следующее: «Украинское крестьянство Воронежской, Курской (губерний) и Кубани до сего времени не является вполне «советским» вследствие того, что вся политико-просветительная работа ведется на русском языке, отчего создается недоверчивое отношение к работникам, на которых смотрят, как на чуждый, пришлый элемент, т. е. как на руссификаторов»¹³. В докладе заведующего Курским

губсовнацменом Гордиенко в декабре 1922 г. отмечалось: «...Население национальных групп крайне индифферентно и недоверчиво относится ко всему, что не составляет для него родного, а потому к делу просвещения относится вообще пассивно, предпочитая, видимо, оставаться без образования вовсе, чем получить его не на родном языке, для него малодоступном и не позволяющем проявить свои духовные силы и творчество...»¹⁴. В докладе о деятельности Воронежского бюро нацмен, который датируется январем 1923 г., заведующий губсовнацменом Пономарев сообщал, что пребывание в Острогожском уезде дало убеждение, что дело национального образования необходимо сельскому населению, которое совершенно не обрусело и с большим трудом постигает учение на русском языке¹⁵.

«Неудивительно, что украинское население, не находящее должного внимания у местных властей, ищет других путей для удовлетворения своих культурных потребностей на родном языке. По сообщению секретаря Россошанского укома, у них наблюдается нелегальное обучение украинскому языку»¹⁶.

29–30 апреля 1925 г. Совет по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР провел специальное совещание по украинской и белорусской работе, на котором представитель Совнацмена Давыдов заявил, что «не все национальности с одинаковой быстротой приходят после темных царских времен к осознанию себя, как национальности. У белорусов и украинцев вследствие особой близости к русским это осознание приходит с большей, в сравнении с другими национальностями, медлительностью. Но это осознание начинает себя в последнее время проявлять все с большей настойчивостью, что доказывается хотя бы поступающими из Воронежской губернии коллективными требованиями об организации украинских школ»¹⁷. Чуть позже Давыдов, зам. председателя Совнацмена, подготовил докладную записку для Агитпропа ЦК ВКП(б) по вопросу просветительной работы среди украинцев и белорусов РСФСР. В ней он так характеризовал процесс развития национального самосознания местного украинского населения: «Население в массе не понимало нацвопроса вообще, не осознавало себя как национальность, ему

безразличен был язык преподавания, и они удовлетворялись русским. Это продолжается до известного момента, пока население не осознает себя принадлежащим к особой нерусской национальности. С этого момента население преобразуется, оно предъявляет требования ведения среди них работы, как среди особой национальности, на их родном языке, и тогда начинается стихийный рост национальных просветительных учреждений. Так было с украинцами Сибири, Туркменистана, Воронежа и других мест»¹⁸.

В докладной записке Наркомпроса РСФСР «О положении просвещения украинцев на территории РСФСР», подготовленной уже после апрельского совещания, одной из причин отрицательного отношения местных органов к работе по просвещению среди украинского населения названа «неясность вопроса в отношении групп населения к той или другой национальности, так как перепись 1920 года не выявила в достаточной мере украинскую национальность»¹⁹. Вместе с тем, в ней отмечается также и тот факт, что местные органы отрицают украинский язык, как самостоятельный язык, и рассматривают его в качестве испорченного русского языка.

«Полное отрицание украинского языка, как самостоятельного, или рассматривание его как местного неправильного говора единого русского языка (ломаный русский язык) является следствием близости украинского языка с русским, и отсюда, зачастую желание искоренить неправильность языка путем обучения украинского населения русскому языку»²⁰, утверждалось в тезисах «По проведению разъяснительной кампании по переводу школ и политпросветительных учреждений в районах с преобладающим украинским населением Воронежской губернии», которые были представлены участникам апрельского совещания.

В апреле 1927 г. заведующий украинским бюро Совнацмена П.С. Шафран посетил с инспекторской проверкой южные уезды Курской губернии. В своем докладе он отмечал следующее: «Украинское население в повседневном быту употребляет украинский язык. Не нужно, конечно, думать, что крестьянство

может изъясняться на литературном языке. Это в одинаковой мере относится как к великорусскому населению, так и к украинскому. Если еще мужчины в возрасте 18–40 лет, побывавшие в солдатах или в Красной Армии, изъясняются на исковерканном русском языке, то женщины и дети не знают таких употребительных слов, как «зола», «лестница» и т. д. В общественной жизни села существует двуязычие: официальная письменная речь – русская, устная – или украинская, или смешанная. Это можно наблюдать в сельсовете, суде, кооперации и во всех учреждениях. Школа по старинке, по традиции работает на русском языке»²¹.

То же самое отмечал и инспектор Отдела национальностей З.С. Островский, который находился здесь в связи с обследованием украинской работы в декабре того же года. Он отмечал в своем докладе, что здешнее население вполне сохранило свой особый язык (слобожанский говор) и бытовые особенности²². В связи с этим интересно отметить, что многие местные руководители, как например, в Белгородском уездном отделе народного образования, даже самую политику по украинизации школы, особенно на раннем этапе, понимали достаточно упрощенно, исключительно как «введение в обиход школы разговорного местного языка»²³.

В ходе советской украинизации к началу 1930-х годов на территории РСФСР, в том числе в ЦЧО, была впервые создана государственная украинская школа, украинская печать, формировалась, хотя и с трудом, новая советская интеллигенция из украинцев-селян. Ведь очень многие и в этот период продолжали рассматривать украинское национальное движение, разбуженное революцией 1917 г., как «мазепинство», «сепаратизм», «самостийничество» и прочее. Вопрос же о создании украинской школы являлся, как сообщают документы того периода, «новым и не всегда правильно понятым явлением революции». Если, например, в 1923/24 учебном году, к началу украинизации, в Центральном Черноземье существовало всего лишь несколько украинских школ 1 степени «в виде опыта», то уже к началу 1932/33 учебного года в директиве ОблОНО говорилось о том, что проблема украинизации учреждений

народного образования в ЦЧО в основном разрешена: «К концу первой пятилетки мы имеем коренизацию основных школьных учреждений; развернута сеть украинских педтехникумов, успешно осуществляется всеобщее начальное и семилетнее обучение»²⁴. Все это стало возможным только благодаря административному нажиму со стороны партийно-государственного аппарата, который один был в состоянии сломить сопротивление противников украинизации.

Оценивая советскую национальную политику этого периода, можно сказать, что большевистский эксперимент в сфере регулирования национальных отношений волей или неволей способствовал тому, что даже в отдельных областях РСФСР, где, кроме русских, проживали представители других национальностей, в том числе украинцы, государственная власть стала строиться по этнократическому принципу, что нарочито противопоставлялось, естественно, тем процессам унификации и русификации, которые происходили здесь в рамках Российской империи в начале XX века.

Однако, социально-экономический курс сталинского руководства на форсированную социалистическую модернизацию страны, которая сопровождалась жесткой централизацией власти, мобилизацией всех сил и ресурсов страны в одних руках, свертыванием НЭПа и сплошной коллективизацией крестьянских хозяйств, неминуемо должен был привести к пересмотру подходов в национальной политике государства. На смену коренизации и всех ее региональных проявлений (украинизации, белорусизации, финизации и т. д.) пришли централизация, унификация и денационализация.

Как только советское государство прекратило всячески поддерживать курс на украинизацию территорий РСФСР (Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 и 15 декабря 1932 г.), и государственная власть перешла от поддержки к свертыванию эти процессов, то здесь, на наш взгляд, все плюсы государственной политики украинизации сразу же стали ее минусами, стоило только измениться политической ситуации в стране. Всего за несколько месяцев было ликвидировано все, что с

таким трудом создавалось на протяжении почти десятилетия в ходе украинизации, как по партийно-советской и административной линии, так и по линии органов Наркомпроса РСФСР.

Чем можно объяснить такую легкость при сворачивании политики украинизации в РСФСР и пассивность со стороны местного населения, отсутствие широкого резонанса на действия властей? На наш взгляд, одна из причин заключается в том, что здесь ключевую роль сыграл этнонациональный фактор. Украинская национальная идентичность не успела еще пустить прочные корни среди украинцев/малороссов, проживавших на территории РСФСР. Вместе с тем здесь был накоплен опыт длительного совместного проживания русского и украинского населения в рамках единого государства, обусловленный этнокультурной и конфессиональной близостью двух восточнославянских народов. По мере того, как государственная поддержка политики украинизации уменьшалась, начинали усиливаться ассимиляционные процессы, особенно в условиях сталинской «революции сверху», направленной на социалистическую модернизацию деревни. Эти процессы на русско-украинском пограничье (ЦЧО, Кубань) привели к тому, что здесь в 1930-е гг. произошла смена этнической идентичности, вызванная ужесточением политического режима, с одной стороны, а с другой стороны, изменением идеологии сталинского режима, который для своей легитимации и упрочнения среди широких народных масс выдвинул на первый план идею советского патриотизма и державности в качестве основы Советского Союза.

В ходе кризиса хлебозаготовок 1932–1933 годов, голода/голодомора и развернувшейся кампании по борьбе с украинским буржуазным национализмом, политическая лояльность украинцев после опасного опыта украинизации 1920-х годов вызывала у сталинского режима серьезные сомнения. «Первые этнические чистки, происходившие в СССР в 1934–1935 годах, наглядно засвидетельствовали, что этничность стала критерием политической благонадежности»²⁵. Параллельно

с этим, как считает Д. Бранденбергер, партийная идеология обрела форму национал-большевизма. Произошел идеологический переворот – на смену утопичному пролетарскому интернационализму пришел прагматичный русскоцентричный этатизм – идеологический переворот, который должен рассматриваться как катализатор формирования массового русского национального самосознания²⁶.

Не случайно, что в это время происходит трансформация категории «русскости» и «русских»: «Русскость, перейдя из широкой категории «православного человека» великорусского, малорусского и белорусского происхождения в более узкую категорию этнической общности («нации»), становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима»²⁷.

Именно в этот период (1933–1937 гг.) миллионы украинцев, проживавших в РСФСР, выбирали русскую национальность. По мнению В. Тишкова, самый важный фактор, определяющий изменения в этническом составе, – смена самосознания. «По нашему мнению, удельный вес этого фактора почти всегда был выше, чем различия в демографическом поведении представителей разных национальностей, особенно культурно близких групп, как, например русские и украинцы»²⁸. Он считает, что именно смена этнической идентичности с украинской на русскую вызвала уменьшение численности украинцев, зафиксированное по переписи населения 1937 г. «Уменьшение украинцев на 5 миллионов человек (15 %) большинством историков связывается однозначно с голодом. И это объяснение стало своего рода непреложной истиной. Однако почему больше всего численность украинцев и белорусов (в 2 раза) сократилась не на Украине, где свирепствовал голод, а в пределах РСФСР? Потому что наиболее интенсивная русификация украинцев и белорусов в пользу русских шла на территории РСФСР, в центральных регионах страны»²⁹.

Польский ученый П. Эберхардт при объяснении убыли почти 5 миллионов украинцев и прироста свыше 16 миллионов русских

справедливо пишет: «Изменение численности украинцев и русских невозможно объяснить только коллективизацией и голодом. Существенным фактором были ассимиляционные процессы. На украинско-русском пограничье (например, на Кубани) многие украинцы утрачивали свое национальное самосознание и декларировали себя русскими. 1930-е гг. для украинцев обернулись серьезными демографическими потерями. Зато численность русских существенно выросла»³⁰.

В это же время произошло упразднение категории «малоросс», которая предполагала одновременное отношение к русским, и превращение категории «великоросс» в «русских». Как отмечает В. Тишков, переписаться из малороссов в великороссы было затруднительно, но из малороссов в русские было вполне нормальным для того времени.

Таким образом, государственный фактор, на наш взгляд, стал определяющим в процессах нациостроительства для украинцев РСФСР в 1920–1930-е гг. Если в года НЭПа государственная политика украинизации способствовала активному формированию украинского национального самосознания среди этого населения, то после отказа от нее в начале 1930-х годов государственная машина была переориентирована сталинским режимом на формирование в среде этого же населения советского патриотизма и на упрочение в сознании народных масс единства советского народа.

¹ Более подробно о проекте большой русской нации см.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 31–41.

² *Борищенко Е.Ю.* Советская украинизация в региональном измерении. / Белоруссия и Украина: История и культура. М., 2003. С. 224.

³ Более подробно о процессах ассимиляции и русификации в отношении украинского населения см.: *Миллер А.* Россия и русификация Украины в XIX веке; *Каннелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия–Украина: история взаимоотношений / Отв. ред. А.И. Миллер, В.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М., 1997. С. 125–144.

⁴ *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 26.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 215 об.; Л. 67.

⁶ Там же. Оп. 122. Д. 55. Л. 159 об.

⁷ Там же. Оп. 123. Д. 199. Л. 67.

⁸ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 94. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 199. Л. 65.

¹⁰ Там же. Оп. 120. Д. 36. Л. 72.

¹¹ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 360. Л. 30.

¹² Там же. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 192. Л. 91.

¹³ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 132. Л. 5.

¹⁴ Там же. Д. 53. Л. 71 об.

¹⁵ Там же. Д. 53. Л. 74 об.

¹⁶ Там же. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 36. Л. 69.

¹⁷ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 97. Л. 63.

¹⁸ Там же. Д. 124. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 168. Л. 1–2.

²⁰ Там же. Д. 97. Л. 29.

²¹ Там же. Д. 360. Л. 5 об.

²² Там же. Л. 30.

²³ Там же. Д. 215. Л. 23 об.

²⁴ Директивы к составлению второй пятилетки культурного строительства ОблОНО Ц.Ч.О. Воронеж, 1932.

²⁵ *Соловей Т.Д., Соловей В.Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М, 2009. С. 189–190.

²⁶ *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009. С. 15–17.

²⁷ *Тишков В.* Демографические «голодоморы» // *Родина*. 2007. № 7. С. 86.

²⁸ Там же. С. 85.

²⁹ Там же. С. 87.

³⁰ Цит. по: *Тишков В.* Указ. соч. С. 86.

Вабищевич А.Н. (Брест) Этнокультурные взаимоотношения на западнобелорусских землях в 1921–1939 годах

На территории западной части Белоруссии, которая вошла в состав Польши согласно условиям Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г., большинство населения составлял коренной этнос – белорусы. Согласно подсчетам современного белорусского исследователя Ольги Рабышко, в начале 1920-х годов белорусов там было не менее 2 млн 326,4 тыс. человек (61,5%), а поляков – 1 млн 23,8 тыс. человек (31,2%)¹. Если учитывать около 500 тыс. беженцев, которые вернулись из России на родину до 1 июля 1924 г.², то соответственно увеличится количество белорусов и уменьшится удельный вес польского населения (до 27%). Именно белорусы, которые составляли большинство автохтонного населения, и поляки, которые значительно уступали им по количеству, но были титульным этносом в пределах Польского государства, были основными национальными сообществами на территории Западной Белоруссии. Однако этот регион на протяжении многих столетий характеризовался полиэтническим и поликультурным характером. Согласно этнодемографическим исследованиям польского ученого П. Эберхардта, в 1931 г. там проживало 352,7 тыс. евреев (9,4% от всего населения западнобелорусских земель), 90,1 тыс. русских (2,4%), 49,5 тыс. украинцев (1,2%), 76 тыс. литовцев (2%)³.

Поляки занимали привилегированное положение в социальной структуре, органах государственного и местного управления. Значительная часть чиновников была прислана из других регионов Польши, не знала местных традиций, языка, часто демонстрировала к ним пренебрежительное отношение. Различные злоупотребления польских чиновников, использование ими мер репрессивного характера вызывали недовольство со стороны коренного белорусского населения. Попытки пропаганды большей открытости местной

администрации (с таким призывом в феврале 1926 г. обращался к старостам поветов (уездов) полесский воевода Казимир Млюдзяновский⁴) не привели к серьезным сдвигам в преодолении ее отчужденности, негативного восприятия даже самими «кресовыми» поляками⁵. Для западнобелорусских жителей польские чиновники, полицейские являлись «панами», «чужими», олицетворяли политику Польского государства.

В ходе целенаправленной протекционистской политики со стороны государства поляки получили более высокий статус в социальной структуре населения, а для белорусов и другого непольского населения были созданы препятствия для пополнения высших слоев общества, что создавало основу для возникновения недоверия в отношениях между титульным этносом в Польском государстве (поляками) и национальными сообществами. Именно социально-экономические противоречия предопределили конфликтный характер польско-белорусских отношений. Для белорусских крестьян, особенно православного вероисповедания, польская интеллигенция являлась чужой, ее воспринимали в качестве проводника польских государственных интересов. Как свидетельствуют воспоминания западных белорусов, неприязнь проявлялась не только к польским чиновникам, полицейским, служащим низовых административных органов, но и к интеллигенции. «Поляки считали себя выше нас»⁶, — такая оценка отложилась в исторической памяти западнобелорусского населения. Безусловно, на это повлияла дискриминационная национальная и конфессиональная политика Польского государства, сложные условия социально-экономической жизни белорусов. Так как в короткие сроки нельзя было обеспечить западнобелорусские земли необходимым количеством польской интеллигенции, то для усиления полонизации особое внимание обращалось на формирование из местного населения кадров интеллигенции, которая должна была быть польской по взглядам и культуре.

Система образования была направлена на национально-культурную ассимиляцию белорусского населения. В условиях закрытия белорусских начальных школ (накануне польской

оккупации на западнобелорусских землях их было более 500), возможности западнобелорусской молодежи для получения образования в польских школах были ограничены. Весь учебно-воспитательный процесс был направлен на ее полонизацию. Польская культура представлялась более высокой и престижной по сравнению с белорусской. Как вспоминал писатель Владимир Колесник, бывший учащийся польской гимназии в Новогрудке, у детей воспитывалось пренебрежение к «крестьянскому, белорусскому». «Мы должны были встать над крестьянским, хамским, плебейским, ... подняться к панскому, высокому, польскому и привлекать своим *modus vivendi* амбициозных единиц из низов»⁷. Польские начальные школы на территории Западной Белоруссии имели невысокий уровень обучения. Там активно применялись меры физического и морального наказания за малейшие нарушения⁸. Несмотря на непосредственную причастность учителей к проведению полонизации, часть из них имела гуманистические и демократические взгляды, критически относилась к польским националистическим и клерикальным идеям, пропагандировала общечеловеческие ценности. Как свидетельствуют воспоминания западнобелорусских жителей, именно к таким учителям белорусское население относилось уважительно, хотя в целом проявляло неприязнь к польской интеллигенции: «кланялись люди учителям при встрече; шапки снимали»; «ходили к ним за советом»; «к учителям относились с большим уважением, боялись их»⁹. В учебных планах гимназий преобладали предметы, направленные на формирование польского национального сознания. Однако частично они давали возможность для ознакомления с достижениями европейской литературы¹⁰.

В условиях сохранения польского помещичьего землевладения большинство белорусских крестьян являлись безземельными и малоземельными. Например, в начале 1937 г. в Полесском воеводстве более 8,3 тыс. хозяйств (около 50 тыс. человек) имели менее 1 га земли, 13 тыс. хозяйств – 1–2 га (около 80 тыс. человек), 2–5 га – 60 тыс. хозяйств (245 тыс. человек), 6–50 га – 80 тыс. хозяйств¹¹. При такой диспропорции во владении

земельной и другой собственностью в сознании преимущественно неимущего белорусского населения польские помещики воспринимались в качестве угнетателей и представителей господствующей нации. Под влиянием социального и национального угнетения складывался негативный стереотип «ляха-пана», что еще более обостряло характер польско-белорусских межкультурных отношений.

Позиции польского землевладения в Западной Белоруссии должны были укрепляться в ходе осуществления колонизации – насаждения военного и гражданского осадничества (в 1937 г. на западноукраинских и западнобелорусских землях было 16,6 тыс. военных и гражданских колонистов – «осадников») ¹². С самого начала осадничество было направлено на бескомпромиссную борьбу за укрепление польского влияния на «восточных кресах». Это предопределило преимущественно конфликтный характер взаимоотношений польских колонистов с западнобелорусскими крестьянами. Например, в конце 1920-х годов в Барановичском повете местные белорусские крестьяне уклонялись от контактов с осадниками, относились к ним с ненавистью, те в свою очередь вели себя как бывшая шляхта со своими феодально-зависимыми крестьянами ¹³. Социальные, классовые противоречия между осадниками и местным белорусским населением дополнялись национальными и конфессиональными противоречиями. Учитывая то, что польские власти были настроены на претворение в жизнь планов по дальнейшей колонизации западнобелорусских земель, то нельзя было исключить столкновения между осадниками и западнобелорусскими крестьянами.

В целом, привилегированный социальный статус поляков предопределил их более высокий материальный достаток, что обеспечивало им лучшие возможности для получения образования, пользования услугами учреждений культуры и др. Согласно идеологическим установкам ведущих польских политических сил, поляки как титульный народ обязывались осуществить на практике культурно-цивилизационную миссию на западнобелорусских землях. При нерешенности злободневных

социально-экономических, национальных и конфессиональных проблем привилегированный статус поляков способствовал усилению отчужденности в их взаимоотношениях с непольским населением, в том числе в общественно-культурной сфере. Интересы польских землевладельцев (помещиков, осадников) противоречили чаяниям белорусского крестьянского большинства.

Специфика социально-профессионального расселения евреев – в городах и местечках, где оно занимало господствующие позиции в торговле, ремеслах – являлась предпосылкой для обострения польско-еврейских отношений. Административные власти не скрывали, что польские купцы и ремесленники были немногочисленной, слабой группой по сравнению с еврейскими торговцами и ремесленниками¹⁴. В феврале 1937 г. администрация Полесского воеводства констатировала, что местные города и местечки заселены «преимущественно еврейским элементом», а «польский элемент» составляли «почти исключительно чиновники и государственные служащие»¹⁵.

Ощутимое еврейское присутствие в социально-экономической жизни западнобелорусских городов и местечек вызывало недовольство у польского населения и появление антисемитских настроений, что отразилось как на характере отношений между поляками и евреями в целом, так и на их взаимных контактах в сфере культуры и образования. При разработке планов по усилению колонизации во второй половине 1930-х годов предусматривалось укрепление позиции поляков в городской местности.

Если отношения между поляками и евреями на западе и центре II Речи Посполитой приобрели форму острой конфронтации, то применительно к западнобелорусским землям можно говорить о сосуществовании, хотя и напряженном. Такой их характер был предопределен целым рядом факторов: 1) замкнутостью еврейской общины; 2) ведущими позициями евреев в торговле, ремесле, социально-культурной сфере в городах и местечках; 3) реальной практикой сотрудничества с польскими властями – участием еврейских представителей в органах

местного самоуправления в Бресте, Пинске и других городах; 4) относительной самодостаточностью еврейских общественных структур разной политической ориентации в деле обеспечения национальных образовательных и культурных интересов. Дестабилизирующее влияние оказало обострение социально-экономического положения (особенно под воздействием негативных последствий мирового экономического кризиса 1929–1932 годов), усиление антидемократизма в правительственной национальной политике, антисемитская кампания правых польских сил, недовольство со стороны польской общественности тенденцией к этническому самосохранению евреев и другие факторы.

Росту антисемитских настроений способствовала активизация деятельности радикальных правых польских политических сил во второй половине 1930-х годов. Во многом это объясняется низким уровнем их политической культуры, отсутствием толерантных отношений и непримиримой позицией к евреям¹⁶. Официальные польские власти стремились дистанцироваться от антисемитских акций, доказывая свою непричастность к ним.

Отдельные польские и зарубежные ученые не разделяют мнения о том, что в межвоенной Польше евреи находились в безнадежном положении, хотя и оценивают польско-еврейские отношения в конце 1930-х годов как кризисные. Антагонистическая тенденция в этих отношениях превалировала над здравым смыслом межнационального сосуществования. Пути выхода из этого кризиса так и не были найдены до Второй мировой войны¹⁷.

- При таком характере отношений нельзя было надеяться на ассимиляцию евреев, на что рассчитывали идеологи эндеков, однако она не была исключена полностью, особенно среди еврейской интеллигенции. В 1931 г. польский язык в качестве родного в Новогрудском воеводстве назвали 6,9 % евреев, Виленском – 2,7 % (в Вильно – только 0,7%), Полесском – 0,8 %¹⁸. Согласно оценке администрации Белостокского воеводства весной 1939 г., местные евреи («литваки») не смогли привязаться к польской государственности и культуре: «До

теперешнего времени пользуются русским языком, составляют преимущественно деструктивный элемент, в лучшем случае безразличный к Польскому государству»¹⁹.

Позитивный характер еврейско-русских межкультурных отношений был обусловлен влиянием на евреев русской культуры и традиций дореволюционного времени. Хотя под воздействием государственной политике в системе образования Польши среди евреев постепенно уливались позиции польской культуры и языка, однако довольно представительная часть еврейского населения на территории Западной Белоруссии (особенно представителей среднего и старшего поколения) отдавала предпочтение русской культуре и языку²⁰.

Традиционализм, замкнутый консервативный уклад жизни местечковых евреев усложняли межнациональный диалог, служили основой для распространения негативных стереотипов. Как свидетельствуют воспоминания жителей различных западнобелорусских местностей, духовная жизнь евреев представлялась им «чужой», «другим миром». Однако взаимоотношения белорусов и евреев на межличностном уровне оцениваются в целом как доброжелательные: «с жидами жили мы хорошо», «отношение к ним было нормальным» и т. п.²¹ Если между собой в повседневной жизни евреи использовали идиш, то с белорусами переходили на белорусский или русский языки: «с крестьянами разговаривали по-белорусски с сильным русским акцентом»²². Белорусы отмечали у евреев более высокий общеобразовательный уровень. Светская часть еврейского сообщества (интеллигенция, молодежь) нередко становилась в местечках законодателем новшеств в одежде, обуви, так как обладала лучшими материальными возможностями, получала иногда помощь от зарубежной еврейской диаспоры²³. В сознании белорусского населения антисемитские проявления 1930-х годов связывались исключительно с активизацией деятельности польских эндеков. Однако их призывы к бойкоту еврейских торговцев не нашли поддержки со стороны белорусской общественности, не содействовали появлению неприязни к евреям городов и местечек²⁴.

Позитивные отношения с евреями давали возможность белорусам иногда пользоваться их материальной поддержкой. В начале 1920-х годов в немногочисленных белорусских гимназиях не было строгого отбора учеников, поэтому там наряду с белорусскими детьми учились и дети из еврейских семей. Например, в Несвижской гимназии они составляли до трети от всего контингента школьников²⁵. Однако их доля существенно уменьшилась с увеличением приема детей-белорусов и развертыванием сети еврейских частных школ. Летом 1923 г. белорусский общественный деятель Антон Луцкевич получил от евреев Варшавы средства для книгоиздания и просветительской деятельности. Весной 1925 г. заявил о готовности оказать помощь белорусским организациям лидер вильнского еврейского сообщества Цемах Шабад²⁶. В целом, в Вильно общественные организации сотрудничали с еврейской интеллигенцией, совместно отстаивая свои национально-культурные права. В типографиях еврейских собственников в Вильно, среди которых особенно выделялся Борис Клецкин, издавалась белорусоязычная продукция.

Таким образом, самобытный характер, обособленность этноконфессиональной жизни евреев западнобелорусских земель предопределили взаимоотношения с другими национальными сообществами. Более напряженными являлись еврейско-польские межкультурные контакты, которые обострялись под влиянием общественно-политических, социально-экономических и других факторов. Несмотря на противоречия между различными еврейскими идеологическими и политическими лагерями, социальными группами, сторонниками светской тенденции и традиционалистами, их усилиями удалось предотвратить ассимиляцию еврейского сообщества.

Как показывает анализ архивных источников и воспоминаний, русская культурная жизнь, хотя и отличалась обособленностью, но не была замкнутой. На это повлияла дискриминационная политика польских властей, которая была нацелена на национально-культурную ассимиляцию русских, ухудшение их социального положения, отсутствие

урегулированного правового статуса внутри Польши, гнетущая морально-психологическая атмосфера, вызванная крушением Российской империи, развертывание радикальных преобразований в СССР.

Межличностные отношения русских и белорусов были доброжелательными. Белорусы православного вероисповедания использовали русский язык, русскоязычную литературу. В отдельных местностях наблюдалось отождествление ими конфессиональной принадлежности с национальной. Например, в местечке Давыд-Городок Столинского повета, где в начале 1924 г. русских не было зафиксировано вообще, а белорусов – 6 640 человек (69 %) ²⁷, после активной деятельности русских организаций во время парламентских выборов 1928 г. ситуация кардинально изменилась: в 1930 г. там уже фиксировали 5 780 русских. По признанию польских властей, в этнографическом плане они ничем не отличались от другого местного населения (кроме евреев и поляков) ²⁸.

Межкультурные контакты русских и белорусов на уровне их организационных структур были более сложными, чем на личностном уровне. Белорусские национально-демократические силы негативно реагировали на идеи российской великодержавности, «западноруссизма», которых придерживались русские лидеры до начала 1930-х годов. На парламентских выборах 1928 г. лидеры русской общины отказались от участия в блоке национальных меньшинств, ограничились удовлетворением хозяйственных и культурно-просветительских интересов русского населения, что являлось отказом от традиций политического сотрудничества, начало которым было положено во время избирательной кампании 1922 г.

Изолированный и обособленный характер конфессиональной жизни старообрядцев-беспоповцев отразился на их этнокультурных отношениях с другими национальными сообществами. Их контакты с польскими государственными и общественными структурами можно оценить как отношения стабильного сосуществования и сотрудничества. Мирные

взаимоотношения старообрядцев с белорусами на межличностном уровне складывалось на протяжении предыдущих столетий и существенно не отличалось в межвоенный период. В местностях со смешанным населением их дети вынуждены были учиться в польских начальных школах вместе с белорусскими учащимися²⁹. Использование старообрядцами по отношению к иноверцам слов «никониане», «новообрядцы» (применительно к православным белорусам), «жидаы» (к евреям), как и к ним со стороны белорусов – «москалы», не имело никакого отрицательного смысла, не оказывало негативного влияния на характер их отношений к культурным традициям белорусов.

Старообрядцы, с их отличительными религиозными ценностями и консервативно-патриархальным подходом к языковому вопросу, придерживались традиционных морально-этических норм и уклада жизни, проявляли политическую лояльность в отношении польских властей. Немногочисленность и локальный характер расселения старообрядцев, их уклонение от участия в антипольском общественно-политическом движении давали польским властям все основания не рассматривать их проблемы сквозь призму государственной безопасности, что обеспечивало старообрядцам благоприятные условия как для адаптации в пределах Польского государства, так и для сохранения религиозных общин (в 1937 г. – 48 общин старообрядцев в Польше объединяли 50,2 тыс. человек³⁰). Замкнутость в рамках собственного этноконфессионального сообщества предостерегала старообрядцев от ассимиляции в составе Польского государства.

В отличие от конфронтационных украинско-польских межкультурных контактов, взаимоотношения белорусов и украинцев были вполне дружелюбными. В ходе избирательных кампаний в польский сейм белорусские и украинские партии и организации сотрудничали друг с другом. Со стороны западнобелорусской интеллигенции в 1930-е гг. предпринимались попытки налаживания более тесных контактов с западноукраинскими организациями, в том числе с

«Просвитой» во Львове. В январе 1933 г. группа белорусских писателей и публицистов, которая объединялась вокруг «Беларускай газеты», протестовала против закрытия кружков «Просвиты» и Товарищества белорусской школы³¹.

Выступления украинских художественных коллективов находили положительный отклик у западнобелорусской общественности. Согласно воспоминаниям жителя местечка Лужки Дисненского повета Василия Стомы-Синицы, у белорусских зрителей популярностью пользовались спектакли украинского передвижного театра Т. Руденко «Запорожец за Дунаем», «Наталка-Полтавка», его постановки Н. Гоголя «Вий», «Майская ночь или Утопленница», «Ночь перед Рождеством» и др. Во время гастролей данного театра зал местного народного дома был переполнен, жители местечка отказывали себе в самом необходимом, нередко даже «залезали в долги, чтобы только не пропустить ни одного спектакля»³².

Однако стабильность украинско-белорусского межкультурного сосуществования нарушалась, когда вставал вопрос об этническом характере и территориальной принадлежности Полесья. Владимир Кубийович и другие украинские исследователи, ссылаясь на труды дореволюционных русских ученых, включали западнополесский регион в состав украинской этнической территории³³. Все западноукраинские национально-демократические партии и организации отстаивали идею создания независимой Украины, в пределы которой включали и Полесье. В декабре 1938 г. группа украинских депутатов выступила с проектом конституционного закона Галицко-Волынской земли, в состав которой предлагалось включить почти все Полесское воеводство, Бельский повет Белостокского воеводства³⁴. Это вызвало негативную реакцию со стороны западнобелорусской интеллигенции, которая расценивала такие действия в качестве грубого нарушения общепринятого этнографического принципа, игнорирования волеизъявления белорусского населения.

В целом мирными были и украинско-русские межкультурные отношения. В начале 1920-х годов представители русской и

украинской интеллигенции в Бресте вместе участвовали в культурно-просветительских мероприятиях. В местной русской гимназии проводились совместные вечера в честь Тараса Шевченко. Однако по мере развертывания организационных структур русских и украинцев, под воздействием политических и идеологических противоречий их отношения стали более напряженными. Идеи о «неделимой», «великой России», которых придерживались лидеры русских организаций до начала 1930-х годов, не находили одобрения со стороны украинской интеллигенции, среди которой преобладали национально-демократические настроения. В свою очередь, русские монархисты не признавали самостоятельность украинского (как и белорусского) движения.

В целом, несмотря на отдельные противоречия, межкультурные отношения белорусов, русских и украинцев не были конфронтационными по сравнению с их отношениями с титульным этносом – поляками. На правительственном уровне восточнославянское население рассматривалось в качестве национальных меньшинств, в отношении которых польские власти осуществляли политику национально-культурной ассимиляции. Идеологические противоречия на уровне политических структур трех восточноевропейских народов не смогли оказать разрушительного воздействия на многовековые традиции их добрососедского и братского культурного сотрудничества, особенно на уровне межличностных отношений.

В условиях целенаправленной политики национальной ассимиляции литовского населения, которая проводилась в Польше государственными учреждениями, школами, римско-католической церковью, печатью, проблема сохранения его этнической идентичности приобрела особое значение. Сложный характер межгосударственных отношений между Польшей и Литвой по вопросу государственной принадлежности Виленщины predetermined конфликтный характер межкультурных контактов поляков и литовцев. В отличие от них межкультурные связи литовцев и белорусов были основаны на принципах сосуществования и сотрудничества. В условиях

напряженных отношений с Польшей литовские власти в начале 1920-х годов даже оказывали поддержку белорусским организациям. Однако под влиянием геополитической стабилизации, после 1923 г. наблюдался упадок литовско-белорусского сотрудничества³⁵. Несмотря на вялые попытки налаживания взаимодействия в Вильно, в сельской местности во второй половине 1920-х годов литовские активисты стремились отмежеваться от белорусов. Относительно литовского населения в Берштах Гродненского повета в сентябре 1926 г. полицейские органы сообщали следующее: «проводят отдельную политику и с белорусами солидарность не проявляют»³⁶.

Хотя под влиянием литовских общественных организаций – товариществ «Ритас», Св. Казимира – происходило определенное отмежевание литовцев от белорусов, однако часть литовского населения по-прежнему испытывала влияние белорусской традиционной культуры. Процесс аккультурации, который наблюдался в ходе их сосуществования с белорусами еще с XIX в., привел к заимствованию литовцами отдельных их традиций. Это признается как в работах некоторых литовских ученых³⁷, так и в современных белорусских этнологических исследованиях. Однако этот процесс определился еще до рассматриваемого хронологического периода и не был насильственным.

В исследованиях польских историков и отдельных белорусских исследователей отчасти присутствует идеализация национально-культурного положения татар на западнобелорусских землях, которых насчитывалось 5–6 тыс. человек³⁸. При этом необходимо сослаться на Станислава Кричинского, одного из лидеров татарского меньшинства в межвоенной Польше, который признавал факт полной полонизации татарской интеллигенции³⁹. Как отмечали польские власти Белостокского воеводства, в начале 1939 г. немногочисленное мусульманское (татарское) население было объединено в общины и, находясь в «культурной обособленности в белорусском окружении из-за отсутствия собственной интеллигенции, медленно подвергалось полонизации»⁴⁰.

Аналогичные процессы наблюдались и на территории Виленского воеводства.

Несмотря на полонизацию, татарская интеллигенция и зажиточное крестьянско-мещанское население на межличностном уровне продолжали демонстрировать свою склонность к белорусскому языку, сохраняя при этом собственные традиции и религию. Согласно данным польского исследователя Али Мискевича, в начале межвоенного периода только часть татар использовала в быту белорусский язык и идентифицировала себя с белорусами, остальные разговаривали на местном диалекте польского языка. Этот вывод сделан им на основе сомнительных результатов опроса, проведенного польской оккупационной администрацией в 1919 г.: из 1,5 тыс. татар Виленщины 38 % назвали себя поляками, 49,3 % – татарами и 4,6 % – белорусами. Эти соотношения были схематически перенесены на территорию всей Западной Белоруссии и восточной части Литвы⁴¹. Однако источники личного происхождения свидетельствуют об осязаемом присутствии белорусского языка в межличностных контактах татар не только с белорусским большинством, но и между собой. Как вспоминают жители-белорусы из местечка Мир Столбцовского повета, татары разговаривали между собой и с ними по-белорусски, но молились по-своему⁴². В Новогрудке и других центрах компактного проживания татар в повседневных отношениях использовался преимущественно белорусский язык⁴³. Позитивный характер межкультурных контактов белорусов и татар предопределялся традициями предыдущего доброжелательного сосуществования, похожим родом занятий, укладом жизни, даже семейно-брачными отношениями.

В целом, динамика межнациональных связей, воздействие этнополитических, социально-экономических и других факторов предопределили неоднородный характер межкультурных контактов между различными национальными сообществами. Белорусско-польские межкультурные отношения, как и аналогичные отношения поляков с другими восточнославянскими сообществами (русскими, украинцами), а

также с литовцами характеризовались преимущественно конфронтационным характером. Конфликт был предопределен политическими, экономическими, конфессиональными факторами, ключевыми позициями поляков в общественной жизни. Так как белорусы, украинцы, литовцы демонстрировали стремление к созданию собственных национально-государственных образований или объединению с уже существующими, то им нельзя было избежать конфликта с поляками. Влияли взаимные негативные белорусско-польские стереотипы, которые сложились в течение предыдущих столетий. Польская оккупация белорусских земель в 1919–1920 годах, включение западнобелорусских земель в состав Польского государства содействовали нарастанию неприязненных отношений. Отсутствие сильной полонофильской ветви в западнобелорусском движении, преимущественно конфронтационный характер польско-белорусских отношений не способствовали позитивному межкультурному взаимодействию.

Общенациональный патриотический подъем поляков, который наблюдался сразу после возрождения их государственности, сменился мифологизированными мессианскими концепциями, которые нашли свое воплощение в правительственной политике, действиях местного административного аппарата и общественном сознании поляков, для которого стала характерна большая эгоистичность и нетолерантность относительно белорусов и других этносов. Государственная поддержка должна была обеспечить им господствующие позиции в Западной Белоруссии. В условиях постоянных ограничений, угнетения и насилия в отношении культуры, образования, языка, традиций белорусов вместо взаимодействия, диалога культур наблюдалось их противостояние. Доминирующей стала тенденция культурно-языковой ассимиляции белорусского населения, которая осуществлялась государственным аппаратом, римско-католическим костелом и другими общественными институтами. Несмотря на ликвидацию организационных форм национально-

культурной жизни белорусов в конце 1930-х годов, белорусская культура не потерпела поражения в противостоянии с польской.

В отличие от белорусов, украинцев, литовцев, которые отчетливо стремились к налаживанию полноценной национально-культурной жизни в рамках собственной государственности, национальные и конфессиональные меньшинства (евреи, татары, старообрядцы) стремились адаптироваться к польской государственно-политической системе, проявляли к ней лояльность. Поэтому для межкультурных контактов поляков с евреями, татарами, старообрядцами определяющими были отношения сосуществования и сотрудничества. При этом в контактах поляков с евреями было больше напряженности, а со старообрядцами и татарами – больше стабильности. Кроме того, на характер межкультурной коммуникации влияла не только политика польских властей, но и социально-экономические и этноконфессиональные факторы, а также взаимные территориальные претензии. В таких условиях для национальных меньшинств на территории Западной Белоруссии были существенно ограничены или даже исключены возможности для прогрессивного, поступательного национально-культурного развития в ближайшей перспективе.

¹ *Рабышка В.Э.* Этнапалітычныя працэсы ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гадах: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2004. С. 17.

² *Ладыеў У.Ф.* *Брыгадзін П.І.* Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939). Мінск, 2003. С. 164.

³ *Eberhardt P.* Struktura narodowościowa Polski północno-wschodniej w latach trzydziestych XX wieku // *Spółczesność białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia) w latach 1939–1941: materiały z konferencji naukowej*, Warszawa, 24–26 listopada 1993 r. Warszawa, 1995. S. 52.

⁴ Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее – ААН). Zespół 9/1. Sygn. 119. K. 130.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 242-п: Оп. 1. Д. 104. Л. 36–43; *Чарнякевіч А., Пашкевіч А.* Псіхалогія здрады:

беларускі нацыянальны рух вачыма канфідэнта ІІ аддзела польскага Генеральнага штаба // *Arche* = Пачатак. 2005. № 6. С. 260.

⁶ *Раманава І., Махоўская І.* Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. Вільня, 2009. С. 45.

⁷ *Калеснік У.* Доўг памяці. Брэст, 2005. С. 77–78.

⁸ У новай айчыне: штодзеннае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд. Беласток, 2001. С. 162, 166, 167, 172, 175, 181, 258.

⁹ Там же. С. 173, 175, 168, 215.

¹⁰ *Калеснік У.* Указ. соч. С. 67.

¹¹ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 1. Оп. 10. Д. 1436. Л. 318.

¹² *Stobniak-Smogoczewska J.* Kresowe osadnictwo wojskowe 1920–1945. Warszawa, 2003. S 102, 243.

¹³ *Вабішчэвіч А.М.* Спецыфіка становішча палякаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. // *Известия Гомельского гос. ун-та имени Ф. Скорины.* 2008. № 4 (49). С. 127.

¹⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2253. Л. 12.

¹⁵ Там же. Оп. 8. Д. 1656. Л. 15, 19.

¹⁶ *Wolkonowski J.* Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919–1939. Białystok, 2004. S. 337.

¹⁷ *Chodakiewicz M.J.* Żydzi i polacy 1918–1955: współistnienie – zagłada – komunizm. Warszawa, 2000. S. 105.

¹⁸ Подсчитано согласно: *Mendelsohn E.* Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywojennym. Warszawa, 1992. S. 55.

¹⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 6.

²⁰ *Вабішчэвіч А.М.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). С. 190–191.

²¹ У новай айчыне: штодзеннае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд. С. 186, 191, 207, 224; 239–245; *Раманава І., Махоўская І.* Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. С. 40.

²² *Калеснік У.* Указ. соч. С. 81; *Sielicki F.* Życie gospodarcze i społeczne, szkolnictwo oraz kultura wiejska na Wileńszczyźnie w okresie międzywojennym. Wrocław, 1991. S. 71.

²³ У новай айчыне: штодзеннае жыццё беларусаў Беласточчыны ў міжваенны перыяд. С. 207.

²⁴ *Стома-Сініца В.* Мае мястэчка // *Полымя.* 1998. № 9. С. 196.

²⁵ *Вабішчэвіч А.М.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2004. С. 57.

²⁶ Чарнякевіч А., Пашкевіч А. Псіхалогія здрады: беларускі нацыянальны рух вачыма канфідэнта ІІ аддзела польскага Генеральнага штаба. С. 270.

²⁷ AAN. Zespól 390. Sygn. 76. K. 10.

²⁸ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 909. Л. 28.

²⁹ Lietuvos Centrinis Valstybinis Archyvas (далее – LCVA). F. 1681. Ap. 1. V. 124. L. 13.

³⁰ Вабішчэвіч А.М. Грамадска-культурная і рэлігійна-асветніцкая дзейнасць рускіх стараабраднікаў у Польшчы ў 1920–1930-я гады // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. 2008. № 1. С. 105.

³¹ Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГО). Ф. 200. Оп. 2. Д. 12. Л. 156.

³² Стома-Сініца В. Мае мястэчка // Полымя. 1998. № 11. С. 239–240.

³³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1518. Л. 33–34об.

³⁴ Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (далее – БГАМЛим). Ф. 3. Оп. 1. Д. 215. Л. 4.

³⁵ БГАМЛим. Ф. 3. Оп. 1. Д. 282. Л. 6–7; Д. 241. Л. 326–327.

³⁶ ГАГО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 23. Л. 71.

³⁷ Зінкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. Vilnius, 1996. С. 213.

³⁸ Лыч Л.М. Татары Беларусі на пераломе сацыяльна-палітычных эпох (XX – пачатак XXI ст.). Мінск, 2007. С. 21.

³⁹ Kryczyński S. Tatarzy-litewscy: proba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa, 1938. S. 1.

⁴⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1574. Л. 31–32.

⁴¹ Miśkiewicz A. Tatarzy polscy 1918–1939. Życie społeczno-kulturalne i religijne. Warszawa, 1990. S. 159–160.

⁴² Раманава І., Махоўская І. Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары. С. 44.

⁴³ Бітэль П. Вішнева і вішнеўцы // Куфэрак Віленшчыны. Маладзечна, 2000. № 2 (2). С. 80; Sielicki F. Życie gospodarcze i społeczne, szkolnictwo oraz kultura wiejska na Wilejszczyźnie w okresie międzywojennym. S. 65.

Снапковский В.Е. (Минск) Белоруссия в этнополитике нацистской Германии 1939–1944 гг.

Термин «Этнополитика» в учебниках и словарях по политологии определяется как целенаправленная деятельность по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами, закрепленная в соответствующих политических документах и правовых актах государства. Данное определение представляется нам не совсем полным, поэтому попробуем дать собственное, отражающее еще один аспект этого понятия. Этнополитика – это целенаправленная деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленная на использование этнонациональных факторов в своих целях.

В первой половине XX в. Белоруссия, ее территория и население являлись объектом наиболее активной этнополитики со стороны трех государств: Российской империи – советской России – СССР, Польши и Германии. В гораздо меньшей степени на Белоруссии воздействовала этнополитика других соседних государств – Украины, Литвы и Латвии, а также западных держав (Великобритании, Франции и США). Белорусские государственные и политические структуры (Белорусская Народная Республика, Белорусская ССР, Литовско-Белорусская ССР, политические партии и организации), также по мере возможности проводили активную этнополитику в отношении соседних государств: Польши, Литвы, советской России (РСФСР), Украины, Латвии.

Целью настоящей статьи является изучение планов и политики германского правительства в этнонациональной сфере в отношении Белоруссии в 1939–1944 годах. При этом особый акцент делается на анализе этнополитики германского правительства и оккупационных властей, направленной на отделение белорусов от русских, усиление белорусского национализма и укрепление с этой целью национальной идентичности белорусов.

Традиции немецкой этнополитики в отношении Белоруссии были заложены в годы Первой мировой войны, когда немецкие войска в период с осени 1915 до весны 1919 г. оккупировали значительную часть ее территории. Накануне войны белорусский вопрос, связанный с возникновением белорусского национального движения в Российской империи, не вызывал в Германии сколько-нибудь серьезного внимания по сравнению с украинским вопросом. В немецких научных и политических кругах Белоруссию трактовали как экономически и культурно отсталую часть России, которая выделялась только своей этнической спецификой¹.

Начало мировой войны значительно увеличило интерес немецких историков и публицистов к проблемам нерусских народов Российской империи. В 1915–1916 годах в Германии появился ряд работ, в которых рассматривались разнообразные концепции использования Вторым рейхом освободительных или сепаратистских стремлений поляков, литовцев, латышей, эстонцев, финнов и даже украинцев². Однако немецкие авторы не высказывали какого-либо интереса в отношении белорусов. Э. Остман в своей книге «Инородцы (Fremdvoelker) России, их сила и слабость» писал в 1915 г., что белорусы – это крестьянское и рабочее население, без достойной прослойки интеллигенции, наиболее сильно среди всех остальных народов породненное с русскими³. В связи с этим он, как и другие немецкие авторы, не видел реальных возможностей возникновения среди белорусов сепаратистских тенденций.

Занятые немецкими войсками белорусские земли входили в состав военно-административной единицы «Обер Ост» (Верхний восток). Восточная граница Обер Оста совпадала с окончательным рубежом немецких территориальных претензий к России. Это значило, что Германия не имела аннексионистских планов относительно территорий Центральной и Восточной Белоруссии. Они должны были сыграть роль разменной монеты в будущих мирных переговорах и вернуться к России после ее отказа от претензий на земли, присоединенные к Обер Осту. Таким образом, за исключением присоединенных к Обер Осту

белорусских земель, которые находились в треугольнике Гродно–Лида–Брест и составляли около 10 % современной территории Республики Беларусь, оккупацию остального белорусского территориального массива Германия считала временным явлением⁴.

Такая позиция немецкого правительства исключала существование каких-нибудь проектов возрождения белорусской государственности. Германская оккупационная политика ограничивалась в основном культурно-просветительскими делами и не давала оснований надеяться на решение вопроса о белорусской государственности с немецкой помощью. Немцы не имели намерений разрешать белорусам создавать свои государственные органы. Они вообще скептически относились к возможностям белорусского национального движения, считая его слабым и не имеющим политического значения⁵.

Правда, германская этнополитика относительно Белоруссии изменилась после заключения Брестского мира, провозглашения Белорусской народной республики (БНР) и последующей оккупации около 85 % белорусской территории. Эволюция немецкой оккупационной и этнонациональной политики в Белоруссии шла в направлении усиления интереса к возможному созданию здесь прогерманского государства. Это буферное государство заменило бы собой опасный российский клин, каким, в соответствии с Брестским миром, была Белоруссия, поскольку он вбивался между двумя новосозданными государствами – Литвой и Украиной. Берлин стал оказывать поддержку деятельности Рады (Совета) и правительства БНР с целью подготовить их к принятию на себе реальной власти в Белоруссии⁶. Однако поражения на западном фронте, Ноябрьская революция в Германии и ее капитуляция не позволили Второму рейху реализовать концепцию белорусского буферного государства⁷.

Оценивая немецкую этнополитику в Белоруссии в начале XX в., следует подчеркнуть, что Германия первой среди других государств признала национальные отличия белорусов от русских и равноправие белорусского языка, на котором стали

работать культурно-просветительские и образовательные учреждения. На оккупированной немцами территории возникла система белорусского начального образования⁸.

В период Веймарской республики (1919–1933 гг.) интерес правящих кругов Германии к Белоруссии был невысок. Среди заслуживающих внимания событий можно назвать установление в ноябре 1922 г. дипломатических отношений между Германией и Белорусской ССР, которое произошло в результате распространения Рапалльского договора между РСФСР и Германией на остальные советские республики. Белорусский вопрос не имел для Германии такого значения после прихода нацистов к власти в 1933 г., как, например, украинский. Вопрос об Украине, в том числе потенциальном отделении Украинской ССР от СССР, приобрел в нацистской внешней политике в 1938–1939 годах большое значение как средство давления на Советский Союз, а затем он был снят Берлином в связи с улучшением германо-советских отношений.

До 1940 г. в Берлине не было разработано программы расчленения СССР, однако, белорусским и украинским вопросом в Польше интересовались некоторые государственные органы и разведка. Германия не имела непосредственного выхода к границе с СССР и была вынуждена либо налаживать с ней сотрудничество против Советов либо действовать через ее голову. Начиная с 1935 г. Гитлер неоднократно пытался склонить польское правительство к совместному походу на СССР, целью которого, помимо всего прочего, было бы занятие Украины и Белоруссии. Последний раз Гитлер выступил с подобной инициативой в январе 1939 г. во время встречи с польским министром иностранных дел Ю. Бекком; но польское правительство не пошло на соглашение. На некоторое время проблема Украины и Белоруссии исчезла с политического горизонта Германии⁹.

Сторонником расчленения СССР выступал руководитель ведомства внешней политики НСДАП А. Розенберг, который стремился создать на территории Западной Белоруссии политический плацдарм для запланированного нападения на

СССР. Шеф штаба Розенберга А. Шикеданц писал 14 июня 1939 г. в своем мемориале начальнику рейхс-канцелярии г. Ламерсу, что в случае немецко-польской войны СССР может занять территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, что ухудшило бы для Германии перспективы его расчленения. «Земли с белорусским и западноукраинским населением имели бы неограниченное значение, как средства и база для глубокого раскола России. ... Это был бы соответствующий момент для того, чтобы ввести оба народа в орбиту немецких интересов для отпора России...»¹⁰, – говорилось в мемориале А. Шикеданца.

Политические цели относительно западных советских республик А. Гитлер впервые сформулировал 22 июля 1940 г., когда сообщил высшим военным чинам Рейха о решении напасть на СССР. По его мнению, на западных просторах СССР следует создать три отдельных государственных организма – Украину, Белоруссию и федерацию Прибалтийских республик¹¹.

В других высказываниях А. Гитлер отметил их роль как зависимых от Германии и «свободных от Сталина» республик – буферов Третьего рейха. 17 марта 1941 г. он говорил про Украину, Белоруссии и балтийские страны как о государствах-протекторатах. В частности, записанная генералом Ф. Гальдером мысль фюрера звучала следующим образом: «Мы должны создать свободные от коммунизма республики¹². Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан. В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расколется»¹³. Из сказанного вытекало, что главный удар в войне против СССР планировался против России (РСФСР) и русского народа, который по предположениям нацистских идеологов «расколется». Что, однако, скрывалось за предполагаемым «расслоением русского народа» остается неясным.

На совещании 30 марта 1941 г. фюрер сформулировал задачи рейха «в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство». Тогда же он обрисовал будущую

политическую карту СССР: «Будущая картина политической карты России: Северная Россия отойдет к Финляндии; протектораты в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии». Гитлер вновь подчеркнул, что в борьбе против России необходимо уничтожить большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию. Что же касалось новых государств, то они должны быть «социалистическими, но без собственной интеллигенции»¹⁴.

Позиция А. Розенберга, назначенного министром оккупированных восточных земель, относительно Белоруссии была более скептической, чем у Гитлера. Он не планировал признания ее независимого государственного статуса, как, например, Украины. В мае 1941 г. Розенберг высказался за объединение Белоруссии с прибалтийскими странами в одном рейхскомиссариате Остланд, что и было потом реализовано во время оккупации¹⁵.

После быстрой оккупации Белоруссии ее территория была разделена на несколько отдельных частей. «Генеральный округ Белоругения (или Вайсругения) (в современной белорусской литературе он чаще всего называется «Генеральный округ Беларусь»), который составлял примерно третью часть территории БССР, был включен в «Рейхскомиссариат Остланд» с резиденцией в Риге. Северо-западные районы Брестской и Белостокской областей присоединили к Восточной Пруссии, южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей – к «Рейхскомиссариату Украина»; северо-западные районы Вилейской области вошли в состав «Генерального округа Литвы»; Витебская, Могилевская, часть Гомельской и Минской областей – в зону армейского тыла. Чтобы компенсировать территориальные потери Белоруссии в пользу Украины и Литвы, которые составляли 68 тыс. кв. км или 30 % от довоенной площади БССР, министерство Розенберга планировало присоединить к «Генеральному округу Вайсругения» Смоленщину со Смоленском.

В меморандуме министерства Розенберга от 2 апреля 1941 г. излагались принципы немецкой оккупационной политики на

территории СССР. В нем говорилось: «Современная большевистская Россия, как и бывшая царская, представляет собой конгломерат весьма разнородных этнических групп. Он возник в результате аннексии Россией как родственных, так и совершенно чуждых государственных образований»¹⁶.

Документ предсказывал, что военное столкновение с СССР приведет к чрезвычайно быстрой оккупации важных и крупных пространств и полной военной катастрофе Советского Союза. Это в свою очередь поставит перед Германией вопрос о том, будет ли оккупация определяться лишь чисто военными и экономическими соображениями или ее зона должна зависеть, в частности, и от политических факторов – будущего начертания границ той или иной области.

Меморандум выделял семь главных национальных или географических единиц СССР: «а) Великороссия с Москвой в качестве центра, б) Белоруссия с главным городом Минском или Смоленском, в) Эстония, Латвия, Литва, г) Украина и Крым; центр — Киев, д) Донская область со столицей Ростовом, е) Кавказская область, ж) Русская Средняя Азия, или Русский Туркестан»¹⁷.

Относительно Великороссии в документе констатировалось: «Эта главная область еще и сегодня обладает наибольшей ударной силой. Поэтому, действуя против СССР, следует поставить перед собой политическую цель систематически расшатывать этот стержень России, чтобы обеспечить возможность развития другим областям»¹⁸ (подчеркнуто нами. – В. С.). После оккупации Великороссии ее ослабление предлагалось осуществлять тремя путями: 1) полным уничтожением государственного управления без последующей организации нового разветвленного государственного аппарата; 2) глубокими и повсеместными реквизициями машинного оборудования и транспортных средств с оставлением населению самого необходимого; 3) передачей значительных территорий этой центральной русской страны в компетенцию вновь образуемых административных единиц, особенно Белоруссии, Украины и Донской области. Предусматривалось также

использование «Московитской России» в качестве области для ссылки нежелательных элементов населения¹⁹.

Отдельный пункт в меморандуме Розенберга был посвящен Белоруссии, относительно которой выделялись три существенных особенности. 1) Она охватывает весьма отсталую в экономическом и культурном отношении часть СССР. 2) Это второй по величине еврейский резервуар СССР, так как в ней расположены такие насыщенные еврейством города, как Белосток, Минск, Полоцк, Витебск и др. 3) Попытка пробудить у белорусов собственную национальную жизнь и создать жизнеспособное государственное образование может считаться предприятием чрезвычайно длительным и сложным. «И все же попытка создания отдельного государства должна быть одобрена с учетом необходимости ослабить центральную часть России»²⁰.

Каким путем это предполагалось осуществить? Путем расширения границ Белоруссии на восток за счет Великороссии. Ее столицей предлагалось сделать Смоленск. Белоруссии можно было бы передать в административном и этническом смысле половину Смоленской области и часть Калининской области. В результате ее граница приблизилась бы к Москве приблизительно на 250 км. В этом же документе говорилось о том, что если будет сочтено целесообразным пробудить у белорусов собственную политическую жизнь, то не следовало бы расчленять территорию Белоруссии, например, передавать ее земли генерал-губернаторству²¹. Однако Гитлер не поддержал этой идеи, и поэтому довоенная граница БССР и РСФСР сохранилась²².

С началом советско-германской войны сформулированный Гитлером вопрос о «свободных от Сталина республиках» был снят с повестки дня берлинской политики. Фюрер рассчитывал, что победа над СССР будет одержана быстро, и потому не видел необходимости в политическом сотрудничестве с населением занятых территорий. Вместо ранее запланированных административных единиц – Прибалтики, Белоруссии и Украины – декрет Гитлера от 17 июля 1941 г. предусматривал создание рейхскомиссариатов во главе с немецкими чиновниками²³. Это означало отказ Гитлера от идеи преобразования этих земель в

вассальные территории и переход на позицию их полной колонизации.

В документе А. Розенберга от 21 июля 1941 г., направленном шефу главного командования вермахта, руководителю Абвера и рейхскомиссариата Остланд Х. Лозе, содержались первые инструкции для рейхскомиссариата Остланд. Относительно Белоруссии в документе констатировалось, что здесь имеется «достаточно сильно выраженное движение за независимость. Можно допустить, однако, что большевикам удалось подавить это движение». Предусматривалось, что Белоруссии необходимо будет взять на себя нелегкую задачу по приему переселенцев из Эстонии, Латвии, Литвы и Польши. Поляков предполагалось переселить в восточные районы республики (вокруг Смоленска), чтобы они заняли там место русских. Также ставилась и следующая задача: «Необходимо также разжигать неприязненное отношение белорусов к России»²⁴.

Согласно Розенбергу, немецкая политическая пропаганда должна постоянно подчеркивать, что большевизм ликвидировал бы все эти народы, если бы германский рейх не взял их территорию под защиту. При решении церковных вопросов рекомендовалось проявлять сдержанность. «Что касается культурной жизни, то нужно сразу пресечь попытки создания собственных эстонских, латышских, литовских и белорусских университетов и вузов. Не нужно препятствовать созданию ремесленных училищ и небольших технических учебных заведений»²⁵.

Согласно проекту Розенберга, утвержденному Гитлером 16 июля 1941 г., Прибалтика в будущем должна была стать немецкой провинцией. Однако будущее Белоруссии не было предопределено окончательно и однозначно. Присоединение к Германии, предполье, колония или что-либо иное – эти вопросы о статусе так и не были решены до конца оккупации. Белоруссия вошла в состав Остланда как территория с неопределенным политическим предназначением²⁶.

Согласно замечаниям к генеральному плану «Ост» (апрель 1942 г.) в Белоруссии предусматривалось оставить для

онемечивания и использования в качестве рабочей силы не более чем 25 % белорусов, остальных предполагалось переселить на восток. План был рассчитан на 30 лет. В замечаниях к плану «Ост», составленным А. Ветцелем, было записано: «К вопросу о белорусах... Необходимо исходить из того, что белорусы являются наиболее безобидным и потому самым безопасным для нас народом из всех народов восточных областей»²⁷. Тем не менее, и этот «безобидный» народ ожидало незавидное будущее. Например, оставшихся на территории Белоруссии белорусов предполагалось полностью онемечить в виду отсутствия у них национального чувства.

Руководителем «Генерального округа Вайсрутения» 17 июля 1941 г. был назначен генеральный комиссар В. Кубе. В своей деятельности в Белоруссии он руководствовался, без сомнения, интересами Германии и национал-социалистической идеологией. Но сильная личная позиция, которую ему обеспечивала поддержка Гитлера, позволяла во многом по-своему трактовать эти интересы и идеологические установки.

Главной задачей В. Кубе, поставленной перед ним ведомством А. Розенберга, была в основном борьба с российским и польским влиянием в Белоруссии. По мнению руководителей Остланда, слабый белорусский национализм не мог угрожать немецким интересам, поэтому допускалось его потенциальное усиление. Двухлетняя деятельность Кубе в Белоруссии была направлена на поддержку белорусского национализма и приобретение симпатий местного населения путем определенных уступок в области культуры и политики²⁸.

-Он терпимо относился к белорусским национальным устремлениям и даже способствовал развитию начального и среднего образования. Для всех детей кроме еврейских в возрасте от 7 до 14 лет вводилось обязательное школьное обучение. Главной задачей школы провозглашалось развитие белорусской культуры, просвещения и образования. И усваивать это должна была молодежь национальных меньшинств – поляков и русских. Согласно его инструкциям, основным языком обучения должен был быть белорусский. В населенных пунктах с

преимущественным количеством польского населения допускалось существование школ с польским языком обучения, но и в них белорусский язык оставался обязательным предметом с объемом преподавания 6 часов в неделю. Создание школ с русским языком обучения не допускалось²⁹.

Кубе начал распространять теорию о нордическом происхождении белорусского народа и таким образом пытался подвести теоретический фундамент под свою политическую линию вопреки гитлеровской теории о расовой неполноценности славян. В докладе на совещании в Минске об основных целях, направлениях и методах немецкой оккупационной политики в «Генеральном округе Вайсрутения» от 8 апреля 1943 г. он констатировал огромный скачок вперед в своем развитии, который сделал белорусский народ за 25 лет, с 1917 г. по 1941 г. т. е. за годы советской власти, признал ряд ошибок, совершенных оккупационными властями под влиянием неправильных представлений о белорусах, внушенных белорусскими эмигрантами в Праге³⁰, и призвал покончить с этой ошибочной политикой³¹.

Он сказал, что белорусов нельзя сравнить с другими народами рейхскомиссариата «Остланд», которые на основании своего исторического развития были враждебно настроены к немцам (народы Прибалтики), чего нельзя сказать о белорусах. «Белорусы являются единственным народом в “Остланде”, который не занимался политическими интригами против Германии»³². Кубе признал, что передача белорусских территорий в состав Украины, Литвы и Восточной Пруссии был не совсем правильным шагом. Для исправления ошибок он предлагал переселять полноценных в расовом отношении белорусов в Восточную Пруссию³³.

По его словам, в области образования, воспитания и культуры немцы не должны отставать от большевиков. План белорусского гаулейтера сводился к созданию качественной 7-летней школы с хорошим преподавательским составом, затем профессиональной школе, университета, академии и высшей школы. Что касается интеллигенции, о которой, как отмечалось выше, А. Гитлер и

слышать не хотел, то В. Кубе говорил, что такая прослойка интеллигенции, несомненно, возникнет; когда станет необходима для будущего развития страны. Он говорил о том, что нужно готовить много новых учителей, поскольку старые учительские кадры изжили себя³⁴.

Планы и деятельность Кубе в Белоруссии, который протестовал против карательных операций против мирного населения, вызвали резкое недовольство руководителей СС, которые искали любые возможности для снятия Кубе с поста руководителя Генерального округа. В этом вольно или невольно им помогли минские подпольщики, уничтожившие В. Кубе в сентябре 1943 г.

В первых отчетах немецких оперативных групп о положении в Белоруссии, относящихся к июлю 1941 г., обращалось внимание на пассивное и подавленное состояние местного населения, причиной чего считалось «многолетнее угнетение царизмом, советской системой и евреями», вследствие чего оно было сильно ослаблено в своих способностях и самостоятельности. В частности, в отчете военно-административной группы о положении в Минске за период 7–20 июля 1941 г. констатировалось: «Отсутствует всякая инициатива, смелость взять на себя ответственность за то или иное дело, так как прежде за каждую ошибку строго наказывали (смертью или высылкой в Сибирь). Всем общественным органам и служащим (теперь. – В. С.) внушалось, что лучше все же сделать что-то неправильно, чем вообще ничего не сделать»³⁵. Это, по мнению немцев, создавало огромные трудности для управления городом.

В донесении айнзатцгруппы «Б» от 9 июля 1941 г. говорилось о принципиальном различии между бывшими польскими и русскими областями занятой территории Белоруссии; при этом под первыми понималась Западная Белоруссия, ранее входившая в состав Польши, а под вторыми – территория БССР или Восточной Белоруссии. На территории бывших польских областей советский режим воспринимался как чужеродный, так что за свои два года хозяйничанья он не мог коренным образом

изменить бывший порядок жизни этого населения. Поэтому немецкие войска встречались польским населением, как и белорусским, в большей части, как освободители и незначительным меньшинством населения дружелюбно-нейтрально³⁶.

Как отмечалось далее в документе, положение в занятых белорусских областях СССР представляло совершенно иную картину: «Создание государственной собственности на предприятиях и кустарное производство, а также полная коллективизация сельского хозяйства здесь полностью завершены. Национального белорусского самосознания в связи с русификацией и коммунистическим воздействием, а у сельского населения в связи с принудительным переселением в колхозы чуждых народу элементов, почти нет, или же [оно] имеется в слабой форме»³⁷. Население после вступления немецких войск находится в подавленном состоянии в связи с тем, что оно впервые за 25 лет, а отчасти и за всю свою жизнь, должно сравнивать две системы по всем сферам жизни. В связи с этим предполагалось, что выработке национального самосознания будут способствовать представители белорусской диаспоры, затребованные немецкими властями из Германии и оккупированных немцами Чехословакии и Польши, которые возглавят магистраты. Предлагалось также использовать бегство коммунистических функционеров для нужного пропагандистского воздействия³⁸.

В следующем донесении этой же оперативной группы от 13 июля 1941 г. речь шла о начале функционирования в Минске местной администрации, укомплектованной белорусами-эмигрантами, и о значении их деятельности для отрыва Белоруссии от России. Как отмечалось в документе, белорусы были назначены на ответственные посты только в сфере коммунального самоуправления, что объяснялось как неизбежная необходимость. При этом они были предупреждены оперативной группой о том, что внеслужебная национально-политическая деятельность пока нецелесообразна. Будущие решения о судьбе Белоруссии тем самым ни в коем случае не предсказывались. Не

было дано и никаких обещаний в части решения белорусского вопроса³⁹.

Благодаря назначениям белорусов во временное управление немецкие власти рассчитывали развернуть «белорусскую национальную пропаганду об отделении Белоруссии от России, особенно в старых русских областях»; и таким образом дать толчок к возрождению белорусского национализма и национального самосознания, которые в этих областях почти полностью затухли и выражались в широкой массе населения лишь в языковой форме. Немцы собирались использовать в своей пропаганде отрицательное отношение белорусов к большевикам, а тем самым и к Москве, что «создаст предпосылки к дальнейшему более серьезному отделению Белоруссии от России»⁴⁰.

Однако первый год реализации этнополитики Третьего рейха на оккупированной территории Белоруссии не принес существенных результатов в данном направлении. Об этом в частности свидетельствовала докладная записка руководства Белорусской народной самопомощи (БНС) рейхсминистру А. Розенбергу об ошибках немецких властей в отношении белорусов и необходимости расширения их участия в деятельности оккупационной администрации от 30 мая 1942 г. (ее автором был, вероятнее всего, руководитель БНС И. Ермаченко). В ней утверждалось, что «белорусы – это натуральные союзники немецкого народа», которые не могут строить своего будущего на сотрудничестве с СССР и Россией, ибо там Белоруссия была: а) экономически – колонией в полном значении этого слова; б) политически — БССР существовала de-facto только как административная единица неделимой России или СССР; в) в культурном отношении насаждались великорусы и еврейщина с допущением белорусского языка в минимальных размерах, и то для пропаганды за границей⁴¹.

Для полного использования всех белорусских ресурсов в затягивающейся войне с СССР предлагалось более активно заинтересовать белорусов: «а) исходом войны с разгромом русско-еврейско-большевистского СССР; б) созданием нового

порядка для белорусов в Белоруссии и ее ролью в новой Европе под руководством немецкого народа»⁴². Для этого, в частности, предлагалось включить в Генеральный комиссариат Белоруссия все земли с большинством белорусского населения, которые непосредственно примыкают к Генеральному комиссариату и которые были присоединены к другим административным единицам: Литовской (Виленская обл.), Латвийской (Двинск и др.); Украинской (белорусское Полесье, Гомельщина, Северная Черниговщина)⁴³.

В докладной записке обращалось внимание на то, что отдел пропаганды Генерального округа ведет свою работу исключительно на русском языке и не только не поддерживает белорусского языка, но и не разрешает вести на нем пропаганду: издает газеты исключительно на русском языке («Колокол» для Минска, «Новый путь» для Витебска, Смоленска, Бобруйска), запрещает посылать белорусские газеты в те округа, где рассылают газеты на русском языке, не разрешает показывать фильмы на белорусском языке, советуя фильмы на русском. После перечисления подобных фактов делалось заключение, что «такой русификации не проводили большевики», а сегодняшняя официальная русификация укрепляет дух сопротивления среди наносного русского элемента, поскольку стремится поддержать принцип «единой неделимой России», что «все славянские ручьи сольются в едином русском море»⁴⁴.

Причинами, влияющими на сохранение национального русского элемента среди немецкой администрацию в Белоруссии, авторы документа называли наличие в ее среде людей с прорусскими симпатиями либо представителей русской национальности, особенно военных переводчиков, приехавших с Запада. Вкупе с русскими монархистами действовали поляки, стремившиеся в результате такого объединения ликвидировать белорусские влияния в Белоруссии и подтолкнуть белорусов в сторону партизанщины.

Для укрепления позиций белорусов предлагалось ликвидировать указанные выше недостатки в работе немецкой администрации. В частности, речь шла о том, чтобы отдел

пропаганды Генерального округа проводил свою информационную и издательскую работу на белорусском языке. Печатание периодических изданий и школьных учебников должно было перейти в белорусские руки. Предлагалось все школы (начальные, средние и высшие, а также Академию наук) открывать и позднее вести их работу на белорусском языке. Военнопленных белорусов необходимо было выделять отдельно от русских и других национальностей, чтобы они не поддавались инонациональной пропаганде, и отпускать домой. Документ заканчивался очередным патетическим утверждением о том, что укрепление белорусского народа является ослаблением России и польских стремлений, а одновременно является укреплением германских влияний на Востоке⁴⁵.

Спустя несколько месяцев в октябре 1942 г. руководство БНС обратилось с подобными предложениями уже к рейхкомиссару Остланда г. Лозе, поскольку предыдущее послание не дало желаемых результатов. В записке ставился вопрос о создании белорусского университета, и содержалась настоятельная просьба запретить использование «московского» и польского языков в государственной и общественной жизни⁴⁶.

Немецкая оккупационная администрация реагировала на обращения БНС и других белорусских организаций. Об этом свидетельствовала служебная записка одного из сотрудников ведомства А. Розенберга о необходимости обсуждения с генеральным комиссаром Белоруссии К. Готбергом, занявшим эту должность после смерти В. Кубе, вопросов о границах Белоруссии с Литвой и Украиной, белорусском гербе и создания Рады доверия от 1 ноября 1943 г. В ней, в принципе, предлагалось восстановить довоенные границы БССР с Литвой и Украиной, чему, однако, как сообщалось, мешала напряженная военная обстановка, поэтому этот вопрос откладывался на неопределенное время. Говорилось также о том, что К. Готберг возбудил ходатайство о введении общепольского герба в форме цветка-василька. Однако присвоение государственного герба, по мнению автора документа, оказалось невозможным, так как из этого могли быть сделаны выводы о возможной

государственной самостоятельности. В лучшем случае речь могла идти лишь об эмблеме⁴⁷. Что касается советской (русской) и польской символики, то согласно распоряжению командующего тылом группы армий «Центр» М. Шенкендорфа от 13 июля 1941 г. устанавливалось: «Символы русского и прежнего польского государства не должны больше применяться в оккупированной русской области»⁴⁸.

Еще одним важным аспектом немецкой культурной этнополитики в Белоруссии было намерение оккупационных властей и персонально гаулейтера В. Кубе ввести на территории Генерального округа латинский шрифт. Как явствует из изученных нами документов Федерального архива Германии в Берлине, впервые вопрос о введении латинского алфавита для Вайсрутении⁴⁹ был упомянут в письме правительственного инспектора, сотрудника рейхсминистерства по делам оккупированных восточных территорий Клейста директору отдела публикаций Берлин-Далем⁵⁰ И. Папритцу с приглашениями для участия в работе «Комитета по введению латинского шрифта в Вайсрутении» от 8 января 1942 г. Письмо начиналось со следующей характерной констатации: «Чтобы отделить вайсрутенцев от русских, Генеральный комиссар Вайсрутении намерен ввести латинский шрифт в Вайсрутении». Далее отмечалось, что в Западной Вайсрутении, которая ранее принадлежала Польше, уже длительное время использовался латинский шрифт. Чтобы подготовить всеобщее введение латиницы, осуществить необходимую унификацию письма и искоренить польский язык в Западной Вайсрутении, Генеральный комиссар просил дать указания насчет того, какой именно латинский шрифт необходимо было вводить в Белоруссии. С этой целью предлагалось созвать комитет специалистов⁵¹.

27 января 1942 г. в Берлине в Центральштабелле по делам Восточной Европы состоялось первое заседание «Комитета по введению латинского шрифта в Вайсрутении», к которому была подготовлена записка о введении латинского шрифта в Вайсрутении. К сожалению, не удалось установить автора этого документа, поскольку подпись под ним неразборчива. Автор,

скорее всего немецкий специалист в области восточнославянской филологии и языкознания, поддерживая в принципе предлагаемый план, привел ряд аргументов, которые были против его реализации.

В документе говорилось, что в Белоруссии уже использовались две версии латинского шрифта. Первая взяла за основу литовскую и чешскую орфографию, вторая – польскую. Первая версия, получившая название «латинка», не играет в белорусском языке ведущей роли и поддерживается в основном сторонниками римо-католицизма, Литвы и Польши. Вторая версия почти не используется с 1920 г.

Автор записки без излишней аргументации сделал вывод: «“Латинка” не приспособлена для фонетической структуры белорусского языка, поскольку для ее использования необходима большое количество диакритических знаков. Среди 32 букв белорусской “латинки” есть 9 аналогичных диакритических знаков, однако этого явно недостаточно». Автор высоко оценивал изобретение славянского шрифта Кириллом и Мефодием, отмечая, что для созданного ими алфавита были характерны логика, лингвистическая ясность и систематичность. Он также являлся не трудным для изучения, простым в орфографии и при произношении звуков.

В записке приводился еще один весомый аргумент в пользу того, что белорусская национальность неохотно пойдет на отказ от кириллицы. Когда Петр I взялся за упрощение русского правописания, он просто перенял то курсивное письмо, которым пользовались в Вайсрутеннии для потребностей всей Великороссии. Вайсрутены этим очень гордятся. Они считают себя учителями в шрифтовом искусстве для всей Восточной Европы, которое используется по сегодняшний день и поэтому не очень желают расстаться со шрифтом, который принес им такую славу⁵².

2 сентября 1942 г. член Общества по изучению Восточной Европы Э. Беме направил записку директору Государственного архива И. Папритцу по вопросу о введении латинского шрифта в Вайсрутеннии. В ней говорилось о заседании по этому вопросу,

состоявшемся 27 января 1942 г. под председательством И. Папритца, после которого Э. Беме обещал письменно сформулировать свои соображения на этот счет, что и было сделано им в настоящей записке.

Автор утверждал, что до сих пор остается открытым вопрос, когда вайсрутенский язык будет наконец нормализован его носителями. Для него также оставался неясным, будут ли положены в основу географических названий белорусские формы, либо же останутся прежние русские названия, которые сильно смягчают звучание: «г. Pripet, wr. ⁵³ Prypiaс; г. Bug, wr. Buh; г. Nieman, wr. Nioman; г. Beresina, wr. Biarezina; г. Dwinsk, wr. Dzvinsk; г. Grodno, wr. Hradnia»⁵⁴.

К записке прилагались соображения Э. Беме по вопросу о введении латинского шрифта в Вайсрутеннии, сформулированные в виде 7 тезисов. В сокращенной форме они выглядели следующим образом.

1. Кириллица более подходит для передачи вайсрутенского языка: она содержит знаки, необходимые для передачи звуков, которые при использовании латинского шрифта могут быть выражены через награвашчванне букв или введение диакритических знаков.

«2. Кириллица ни в коем случае не стирает отличий между вайсрутенским русским языками. Отличия между двумя этими языками представляются большими, чем они есть на самом деле».

3. В ноябре 1926 г. в Минске состоялась «Академическая конференция по реформе белорусского правописания и азбуки» с участием зарубежных ученых. При обсуждении вопроса о введении латинского шрифта высказано категорическое мнение о решительном отказе от такого предложения.

4. Возможно принять решение об алфавите на латинском шрифте, избегая решения вопроса о правописании. Письменный язык и правописание на латинском шрифте появятся только после того, как поколение, которое пройдет через школу, подрастет и преодолеет сопротивление старшего поколения.

5. Идея использования для вайсрутенского языка приблизительно таких же самых звуков латинского шрифта, какие используются в немецком языке, сразу же отпадает. Это привело бы к невыносимо сложным словам, занимающим много места и времени как при изучении и преподавании, так и в практическом использовании, что вызвало бы сильное сопротивление населения и имело бы, в конце концов, комический эффект.

6-7. Та разновидность латинского шрифта, которая использовалась в 1916–1918 годах для вайсрутенского языка, могла бы быть, без сомнений, взята для дальнейшего использования. С помощью небольших изменений можно создать особый вайсрутенский алфавит⁵⁵.

План введения латинского шрифта в Белоруссии вместо кириллического не был реализован. Немецкие лингвисты посчитали необоснованной, с научной точки зрения, замену кириллицы латиницей. Они также констатировали существенные различия между белорусским и русским языками, которые (различия) не устраняет кириллический шрифт. В качестве возможной меры предлагалось введение алфавита на латинском шрифте, избегая решения вопроса о правописании. Можно предполагать, что дальнейшей работе немецкой администрации и ученых в этом направлении помешали изменение военной ситуации и внутренней обстановки в Белоруссии после смерти инициатора этого проекта гаулейтера В. Кубе.

Выводы.

1. В своих планах и политике, направленных на расчленение СССР, нацистское руководство стремилось к ослаблению Великороссии и созданию на территории остальных советских республик государств-протекторатов, целиком зависимых от Рейха. Как явствует из некоторых приведенных в тексте документов, ослабление собственно России (РСФСР) должно было сопровождаться укреплением остальных советских республик и наоборот. Что касается планов создания государств-протекторатов на территории Украины, Прибалтики и Белоруссии, о чем говорил А. Гитлер в 1940 г., то после

победоносного начала войны с СССР от этой идеи Берлин отказался, встав на путь колонизации захваченных советских территорий. По сравнению с Украиной и балтийскими республиками, которые вошли в качестве системообразующих территорий в состав соответствующих рейхкомиссариатов «Украина» и «Остланд», государственно-политический статус Белоруссии оставался для Германии наиболее неопределенным в течение всей войны. Для немцев она была, выражаясь словами В. Кубе, «туманным географическим понятием». Ее территория была сильно урезана.

2. Главной целью германской этнополитики в Белоруссии было ослабление российского и польского влияния и усиление белорусского национализма, в котором немцы не видели опасности, считая его слабым. В нацистской пропаганде и культурной политике в Белоруссии доминировали лозунги и стремления, направленные на отделение белорусов от русских и разжигание неприязни между ними. Для достижения этих целей ведомство А. Розенберга и руководство Генерального округа Вайсрутения использовали широкий набор средств культурной, образовательной, лингвистической, конфессиональной, терминологической и даже геральдической политики.

3. Что можно сказать об эффективности немецкой этнополитики, проводившейся на оккупированной территории Белоруссии в течение трех лет? Это предложение остается под знаком вопроса. По своим замыслам и масштабам она имела целью изменение национальной идентичности белорусов и введение их, в соответствии с планами В. Кубе, в круг народов нордической расы. Определенные результаты в этом направлении были достигнуты, несмотря на краткосрочную длительность реализации этой политики, напряженную военную обстановку, деятельность партизан, противоречия в политике немецких оккупационных властей. К первым и достаточно глубоким преобразованиям можно было отнести изменение названия страны и народа (Вайсрутения вместо Белоруссии и вайсрутены вместо белорусов), введение новой символики, расширение употребления белорусского языка и запрет обучения на русском

языке, создание Белорусской автокефальной православной церкви, независимой от Московского патриархата. Часть мероприятий по реализации немецкой этнополитики осталась в стадии замыслов либо первоначальных шагов: планы введения латинского шрифта для белорусского языка, идеи создания Белорусского университета и Академии наук. В 1943–1944 годах оккупационные власти все более склонялись к необходимости более справедливых границ Белоруссии, т. е. восстановления довоенных советских границ.

4. Важным фактором немецкой этнополитики в Белоруссии были белорусские национальные силы, сотрудничавшие с оккупационными властями в надежде на возрождение государственности с помощью Третьего рейха. Они оказывали поддержку политике и мероприятиям, направленным на реализацию вышеуказанных целей Берлина. Зачастую именно они были инициаторами проведения многих таких акций, подталкивая оккупационные власти к более радикальной и решительной политике, выказывая недовольствие слабой белорусизацией и продолжающейся, по их словам, русификацией. Они инициировали вопрос о пересмотре границ Генерального округа Вайсрутения, настаивали на создании белорусских военных формирований и проведении других мероприятий в интересах белорусов.

5. Немецкая этнополитика использовала в своих целях системные изъяны советской национальной политики, которые наиболее ярко проявились в 30-е годы во времена сталинских репрессий против национальной интеллигенции советских республик и усиления унификационных и русификационных тенденций в политике сталинского руководства. В надежде на то, что гитлеровский «новый порядок» будет лучше сталинского коммунизма, белорусские национальные силы (часть из них) сделали ставку на Третий рейх, оказавшись таким образом между молотом и наковальней. Поняв позднее ошибочность своего выбора, они должны были оставить Белоруссию и уйти в эмиграцию.

- ¹ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1994. С. 11–12.
- ² Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4-х т. Т. 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. Ч. 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. Мінск, 2008. Дак. № 15: Мемарандум германскага генерала Г. Секта аб мэтах вайны. С. 16; Дак. № 19: Нямецкі публіцыст П. Порбах аб неабходнасці расчленення Расійскай дзяржавы. С. 21 і др.
- ³ *Ostmann E. Ruslands Fremdvoelker. Seine Staerke und Schwaechе. Muenchen, 1915. S. 18–19.*
- ⁴ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 13–14.
- ⁵ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4-х т. Т. 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. Ч. 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. Дак. № 17: 3 успамінаў Кветкі Вітан (Ю. Дубейкаўскай) аб беларускай дзейнасці ў час нямецкай акупацыі 1915–1916 гг. С. 18–19; Дак № 30: 3 мемарыяла прадстаўніка нямецкіх акупацыйных улад у Вільні Бекерата аб нацыянальных памкненнях беларусаў 1916 г. С. 37.
- ⁶ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 23–24; Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4-х т. Т. 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. Ч. 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. Дак. № 101: Паведамленне для прэсы аб сустрэчы старшыні Народнага сакратарыята БНР Я. Варонкі з начальнікамі штаба 10-й германскай арміі генералам фон Штапфам 21 чэрвеня 1918 г. С. 136–137; Дак. № 104: 3 агляду друку інфармацыйнага аддзела Наркамата па справах нацыянальнасцяў РСФСР аб нямецкіх планах адраджэння Вялікага княства Полацка-Смаленскага. Не раней 30 ліпеня 1918 г. С. 138; Дак. № 107: Вытрымкі з агляду друку інфармацыйнага аддзела Наркамата па справах нацыянальнасцяў РСФСР аб нямецкай палітыцы ў Беларусі і прыеме начальнікамі штаба германскага галоўнакамандавання фон Штапфам старшыні Народнага сакратарыята БНР Я. Варонкі 5 жніўня 1918 г. С. 140–141 і др.
- ⁷ См. Подробней о планах и политике Германии в отношении Белоруссии: Снапкоўскі У.Е. Беларусь у планах і палітыцы Германіі ў час Першай сусветнай вайны // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 12 мая 2006 г. Мінск, 2007. Вып. 5. С. 224–231.
- ⁸ Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. У 4-х т. Т. 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг.

Ч. 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. Дак. № 55: З успамінаў генерала Э. Людэндорфа аб нямецкай акупацыйнай палітыцы ў Беларусі і Літве 1916–1917 гг. С. 62–64.; Дак. № 56: Аб адносінах нямецкіх акупацыйных улад да школьна-палітычных пытанняў на тэрыторыі «Обер Оста». С. 65–67.

⁹ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 26–28.

¹⁰ Там же. С. 27–28.

¹¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. М., 1969. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940—21.6.1941). С. 59–60.

¹² В оригинале (немецком тексте книги) это предложение выглядело по-иному: «Мы должны создать республики, свободные от Сталина», см.: Halder F. Kriegstagebuch. Tagliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Bd. II: Von der geplanten Landung in England bis zum Beginn des Ostfeldzuges (1.7.1940–21.6.1941). Stuttgart, 1963. S. 320.

¹³ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 2. С. 390–391, 410.

¹⁴ Там же. С. 429–431.

¹⁵ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 39.

¹⁶ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. М., 1989. Т. 3. С. 550–551, 554.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 66–67.

²³ Там же. С. 64.

²⁴ Прибалтика: свидетельствуют документы // Правда. 1990. 8 апреля.

²⁵ Там же.

²⁶ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 65–66.

²⁷ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1963. С. 27–28.

²⁸ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. С. 74–75.

²⁹ Там же. С. 75.

³⁰ См. подробнее о деятельности белорусской политической эмиграции в Праге: *Снапкоўскі У.Е.* Аб прагерманскай арыентацыі лідэраў беларускай палітычнай эміграцыі ў Празе (1938–1941) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* Мінск, 2009. № 1. С. 4–10.

³¹ Знешняя палітыка Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 4. (чэрвень 1941 г. – жнівень 1945 г.). Мінск, 2001. Дак. № 52: 3 даклада В. Кубэ на нарадзе ў Генеральным камісарыяце аб асноўных мэтах, напрамках і метадах палітыкі нямецкіх улад у Беларусі 8 красавіка 1943 г. С. 95–96.

³² Там же. С. 97.

³³ Там же. С. 98–99.

³⁴ Там же. С. 103–104.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Дак. № 12: 3 данясення айнзацгрупы «Б» аб адносінах насельніцтва Беларусі да акупантаў і перспектывах стварэння беларускіх органаў мясцовага самакіравання 9 ліпеня 1941 г. С. 30.

³⁷ Там же. С. 31.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Дак. № 15: 3 Данясення айнзацгрупы «Б» аб дзейнасці ў Мінску мясцовай адміністрацыі, укамплектаванай беларусамі-эмігрантамі, і значэнні гэтай дзейнасці для адраджэння беларускага нацыяналізму з мэтай адрыву Беларусі ад Расіі 13 ліпеня 1941 г. С. 34–35.

⁴⁰ Там же. С. 35.

⁴¹ Там же. Дак. № 36: Дакладная запіска кіраўніцтва Беларускай народнай самапомачы рэйхсміністру А. Розенбергу аб памылках нямецкіх улад у адносінах да беларусаў і неабходнасці пашырэння іх удзелу ў дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі ад 30 мая 1942 г. С. 69.

⁴² Там же. С. 70.

⁴³ Там же. С. 70.

⁴⁴ Там же. С. 68–69.

⁴⁵ Там же. С. 71.

⁴⁶ Там же. Дак. № 38: Дакладная запіска кіраўніцтва Беларускай народнай самапомачы рэйхскамісару «Остланда» Г. Лозе з прапановамі аб паляпшэнні сітуацыі ў Генеральным камісарыяце Беларусі ад 18 кастрычніка 1942 г. С. 75.

⁴⁷ Там же. Дак. № 61: Са службовай запіскі супрацоўніка рэйхсміністраства акупіраваных усходніх абласцей аб неабходнасці абмеркавання з генеральным камісарам Беларусі К. Готбергам пытанняў аб граніцах Беларусі з Літвой і Украінай, беларускім гербе і Радзе даверу ад 1 лістапада 1943 г.

⁴⁸ Там же. Дак. № 14: З адміністрацыйнага распараджэння камандуючага тылам групы армій «Цэнтр» М. Шэнкендорфа аб ліквідацыі камуністычных арганізацый, абмежаваннях стварэння грамадскіх саюзаў, парадку выкарыстання нямецкай, савецкай і польскай дзяржаўнай сімволікі на акупіраванай тэрыторыі ад 13 ліпеня 1941 г. С. 33–34.

⁴⁹ В дальнейшем мы передаем написание названий «Вайсрутения» и «вайсрутенский» в соответствии с их аутентичным использованием в немецких документах того времени.

⁵⁰ Отдел публикаций Берлин-Далем (Publikationsstelle Berlin-Dahlem) – создан в 1931 г. в составе Прусского государственного архива, ликвидирован в 1945 г. Его задачей было содействие германскому остфоршунгу (исследованию Востока), а также сбор документации по польским и другим вопросам вестфоршунга (исследования Запада).

⁵¹ Bundesarchiv Deutschlands (Berlin). R 153/1056. Plan zur Einfuhrung der lateinischen Schrift in Weissruthenien. S. 5.

⁵² Ibid. S. 10–11.

⁵³ Втг. – по-вайсрутенски (нем. яз).

⁵⁴ Bundesarchiv Deutschlands (Berlin). R 153/1056. Plan zur Einfuhrung der lateinischen Schrift in Weissruthenien. S. 34–37.

⁵⁵ Ibid.

Максименко Е.П. Пропагандистское воздействие на население Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 годах

К концу 1930-х годов Польша и, соответственно, входившие в ее состав по условиям Рижского мирного договора 1921 г. Западная Украина и Западная Белоруссия, втягиваются в сложную политическую борьбу между Англией, Францией, США, Германией и СССР. В сентябре 1939 г., решая проблемы геополитического характера, Советский Союз занимает территории восточных польских воеводств.

Начало «освободительного похода» сопровождалось мощной пропагандистской компанией в советской прессе. Существующие в границах Второй Речи Посполитой этнические, социальные, политические противоречия давали возможность советским газетам и журналам публиковать массу материалов негативного содержания о жизни украинцев и белорусов в составе польского государства.

Оппозиционные настроения к полякам были здесь настолько сильны, что вступление частей РККА на территории Западной Украины и Западной Белоруссии прошло спокойно. Даже более того – во многих местах западные украинцы и белорусы восторженно, с энтузиазмом и надеждой приветствовали Красную Армию: встречали с красными знаменами, цветами, хлебом-солью. На смену политике полонизации в регион приходит политика советизации.

Процесс советизации на новых территориях включал в себя:

- ликвидацию старой системы управления и внедрение новой, советской;
- конфискацию помещичьих и монастырских земель;
- национализацию банков и крупной промышленности;
- реконструкцию старых предприятий и строительство новых;
- проведение коллективизации;

- реорганизация системы просвещения и здравоохранения, создание системы социального обеспечения;

- ликвидацию деятельности всех национальных политических партий, общественных, культурных, научных учреждений («Просвита», научное товарищество им. Т.Г. Шевченко и пр.); установление советской политической системы.

Таким образом, советизация предполагала изменения во всех сферах экономической, политической и духовной жизни по образцу СССР, а точнее – восточных регионов Украины и Белоруссии.

Очевидно, новая власть нуждалась в первоначальной широкой поддержке населения. Прежде всего, она обеспечивалась тем, что в экономически отсталые западные регионы были посланы десятки эшелонов с продовольствием, машинами, медикаментами. Однако советское руководство прекрасно осознавало недостаточность материализации своего присутствия на новых территориях; достигнутый успех закреплялся также агитационно-пропагандистской работой среди местного населения, направленной на распространение идей большевизма.

* * *

Большевистская идеология отличалась рядом сильных сторон, которые способствовали росту численности ее последователей. В первую очередь, это ее всеобъемлющий, «тотальный» характер и мощная «мессианская» составляющая. Исторически большевики, а затем и созданное ими государство, уделяли огромное внимание пропаганде – самому распространенному орудию психологического воздействия на массы. Являясь практическим воплощением идеологии, большевистская пропаганда должна была охватывать все стороны человеческой жизни, формировать у широких масс единый взгляд на мир и мобилизовать их на решение целей и задач, поставленных властью.

Для распространения идей коммунизма и популяризации достижений советского строя широко задействовались писатели, журналисты, редакторы, «прочий культурно-политико-

просветительский персонал», в этой деятельности участвовали многочисленные работники искусства. Являясь неотъемлемой частью советского агитпропа, они формировали у широких масс картину мира, которая частично была реальной, частично – мифологизированной, но всегда отвечала конкретным целям государственной власти.

В помощь профессиональным работникам идеологического фронта в СССР широко издавались «толстые» журналы, выходивших один-два раза в месяц. Крупнейшими центральными изданиями были: журнал «Спутник агитатора» – журнал ЦК и МК ВКП(б); «Пропагандист» – журнал МК и МГК ВКП(б); «Пропагандист и агитатор РККА» – военно-политический журнал Политуправления РККА. В них публиковались важнейшие директивы и постановления ЦК ВКП(б), МК и МГК ВКП(б), программы и методические указания для различных звеньев партийного просвещения; обобщался и распространялся опыт партийного просвещения и массовой пропаганды; печатались консультации для работников агитпропа по актуальной общественно-политической проблематике, вопросам политики ВКП(б); помещались рецензии, библиографические списки новых публикаций по общественным наукам. В обязательный круг чтения входили еще ряд изданий партийно-советской печати: «Большевистская печать» – издание ЦК ВКП(б); «Партийное строительство» – журнал ЦК ВКП(б); «Коммунистический интернационал» – орган Исполкома Коминтерна (выходил в русском, французском, немецком, английском, испанском, американском, латиноамериканском и китайском изданиях); исторический журнал «Пролетарская революция» – орган Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б); «Большевик» – теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б); «Молодой большевик» – политический и теоретический журнал ЦК ВЛКСМ и пр.

Вне зависимости от конкретной направленности журнала, практически все они были призваны пропагандировать марксистско-ленинскую теорию; политику ВКП(б); успехи строительства социализма в СССР – политические,

хозяйственные, культурные, — заниматься вопросами политического просвещения и воспитания различных слоев населения в соответствующем духе.

События политической жизни страны во второй половине 1930-х годов открывали широчайшие возможности перед советским агитпропом. Открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, принятие 5 декабря 1936 г. Конституции СССР, сразу же получившей название «Сталинской», принятие Устава сельскохозяйственной артели, выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», празднование 60-летнего юбилея И.В. Сталина — самые актуальные социально-политические темы того периода. И в этот ряд встраивается удачная внешнеполитическая акция СССР по присоединению земель Западной Украины и Западной Белоруссии.

Широко распространенной формой работы стала система лекционной пропаганды. Целевая аудитория у лекторов была самая разнообразная: обязательному «охвату» подлежал партийный и хозяйственный актив, агитаторы с избирательных участков; организовывались специальные лекции для врачей, учителей, инженерно-технических работников и пр. Например, партийная организация МГУ осенью 1939 г. проводила политическую агитацию на четырех избирательных участках Краснопресненского района. Согласно отчету, в работе было задействовано 625 агитаторов. «Беседчики», лекторы и докладчики за два месяца провели около 2 тысяч бесед, 28 лекций и докладов. Подобные мероприятия были рассчитаны на различные социальные группы, так, например, «для домохозяек 50-го избирательного участка была организована лекция... о Западной Украине и Западной Белоруссии. Домохозяйки слушали лекцию с исключительным вниманием, было задано много вопросов»¹.

Пропагандистские кадры регулярно обменивались опытом и повышали квалификацию. В ноябре 1939 г., например, состоялось совещание лекторов Москвы и Московской области, в котором приняло участие 340 человек². На совещании выступил заведующий отделом пропаганды и агитации Орехово-Зуевского

ГК:ВКП(б). С его слов, в Орехово-Зуевском горкоме партии сложилась практика предварительного «обкатывания» пропагандистского материала в лекторской группе, члены которой обычно зачитывали перед всеми написанный ими материал, после чего начиналось его совместное обсуждение и коррекция. Так, «по лекции тов. Каретникова «Причины распада польского государства» лекторская группа предложила: сократить объем фактического материала по древней истории Польши и ярче показать национально-освободительное движение украинского и белорусского народов и восстание Хмельницкого, дать расшифровку таких выражений как «Речь Посполитая» и др., по разделу «Польша в 1918–1939 годах» – ярче показать польское государство как империалистическое, обрисовать классовую борьбу в Польше, вскрыть эксплуататорскую сущность конституции Польши, показать не только социальное, но и национальное угнетение трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии, ярче показать отдельные факты, эпизоды, рисующие великую радость освобожденных украинского и белорусского народов, их любовь к Красной Армии, к советскому народу, к великому Сталину»³.

* * *

Пропаганда в СССР осуществлялась посредством радио, плакатов, листовок, кино и фотографии, однако решающее значение власть отводила печати – газетам, журналам, брошюрам. Тезис И.В. Сталина, произнесенный на XII съезде РКП(б) в 1923 г., служил руководством к действию и в 1939 г.: «Печать – самое сильное оружие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке»⁴.

Буквально в первую неделю «освободительного похода» были предприняты колоссальные усилия для доставки на территории Западной Украины и Западной Белоруссии печатной продукции агитационно-пропагандистского характера. «Самолеты и автомашины были использованы для скорейшего продвижения печати в десятки пунктов. В дальнейшем для доставки центральной печати использовались открытые

Гражданским воздушным флотом линии Москва – Львов и Москва – Белосток.

С 22 сентября по 1 ноября 1939 г. в западные области Украинской ССР было направлено свыше 6 миллионов экземпляров газет и литературы, 440 тысяч экземпляров плакатов и лозунгов, свыше 800 тысяч портретов руководителей партии и правительства, свыше 2 миллионов экземпляров текстов революционных песен. Миллионы экземпляров центральных и республиканских газет, массово-политической литературы, плакатов, лозунгов, листовок, портретов, песен были направлены также в города и районы западных областей Белорусской ССР»⁵. Для распространения периодических изданий во всех центрах западных областей Украины и Белоруссии были организованы областные отделы «Союзпечати».

Кроме распространения центральных, киевских и минских печатных изданий велась активная работа по созданию многочисленных местных газет на украинском и белорусском языках. Первостепенное значение отводилось печатным органам временных органов управления, преобразованных затем в обкомы и горкомы коммунистической партии. Ведущими областными газетами становятся: «Вільна Україна» (г. Львов, № 1 от 25 сентября 1939 г.); «Радянська Україна» - (г. Станислав, № 1 от 23 сентября 1939 г.); «Більшовицька правда» (г. Дрогобыч, № 1 от 4 ноября 1939 г.); «Радянська Волинь» (г. Луцк, № 1 от 27 сентября 1939 г.); «Вольная праца» (первоначальное название «Освобожденный Белосток», № 1 от 26 сентября 1939 г.). Внутренняя структура редакций предполагала, как правило, наличие отдела партийной жизни, отдела пропаганды марксизма-ленинизма, экономического отдела, отдела рабселькоров и писем.

Для привлечения аудитории журналисты применяли в работе разнообразные жанровые единицы: подборки информационных заметок, тематические страницы, передовицы, обзоры. В качестве примера подачи материала работникам советской пропагандистской печати предлагался «особый», «поистине классический литературный стиль», выработанный Лениным и

Сталиным, основополагающими достоинствами которого выставлялась доступность «для понимания самых широких масс», «предельная простота и ясность». «Стиль Ленина и Сталина — это стиль эпохи великих социальных переворотов, когда в движение приходят не сотни тысяч, а десятки и сотни миллионов ранее задавленных, забитых, эксплуатируемых масс народа; когда быстрота усвоения массами сложных законов общественной жизни имеет решающее значение для исхода борьбы классов»⁶.

Таким образом, называя основой успеха ясность, доступность, простоту общения с массой, власть декларировала отсутствие необходимости в создании особо изощренной системы пропаганды. Успех на этом направлении связывался с энергичностью и напористостью общения «революционных марксистов с массой». В предвоенные годы в СССР форсированный характер носили не только социально-экономические преобразования.

Осуществляя свою деятельность на вновь присоединенных территориях, советские идеологические работники исходили из двух основополагающих принципов пропаганды: во-первых, она всегда направлена на понятие «образа жизни»; во-вторых, в центре контекста пропаганды всегда находится противник.

Полонофобские настроения большинства населения свидетельствовали о крахе «позитивной» польской пропаганды на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. Тем не менее, двадцать лет польскими властями создавался стереотип негативного восприятия восточного соседа, или, как оценивалась ситуация в журнале ЦК ВКП (б) «Большевицкая печать», «десятки лет польские правители, используя гнуснейшие методы провокационной лжи и клеветы, измышляли всяческие бредни и небылицы об СССР»⁷.

Польские органы пропаганды активно использовали один из самых эффективных способов психологического воздействия на население — пугающие темы и сообщения. Первостепенное место в западных СМИ, в т. ч. и польских, во второй половине 30-х годов отводилось проводимым в Советском Союзе репрессиям.

Кроме того, политика коллективизации, трактованная как политика уничтожения крестьянства; борьба с религией, свойственная коммунистическому режиму – эти темы являлись безусловными «болевыми точками» для людей, воспитанных в уважении к религии и исторически склонных вести хуторское хозяйство, и формировали отрицательный образ СССР.

Поэтому одной из форм идеологической работы на новых территориях была своеобразная контрпропаганда – перед устанавливающимся режимом стояла задача опровержения идеологических клише уже поверженного в военном плане противника. На первом этапе, осенью 1939 г., контрпропаганда носила агрессивно-наступательный характер. Советы не оправдывали себя, а клеймили противника. Павшая польская государственность критиковалась по всем направлениям – с точки зрения экономической ситуации, вызванной мировым кризисом, с точки зрения социальной, национальной, культурной политики, критиковалась принятая в 1935 г. Конституция Польши и т. д. Польские руководители «награждались» множеством оскорбительных прозвищ и ярлыков. «Внутренняя несостоятельность государства», «незадачливые руководители», «неразумные руководители»⁸ – это самые дипломатичные из определений; данных в радиовыступлении Председателя СНК СССР В.М. Молотова 17 сентября 1939 г., в день вступления войск РККА на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Определения, читавшиеся в выступлении В.М. Молотова «между строк», были озвучены в полной мере советской прессой. В СССР в общественное сознание продолжал внедряться (только гораздо более активно, чем в предшествующее двадцатилетие) полонофобский «образ врага» – враждебной трудовому народу верхушки, которую воплощали шляхтичи-поляки. Польское руководство – это «жалкие, ничтожные банкроты», «холопы английских лордов и французских биржевиков»⁹. Польский Сейм сравнивался с бандой уголовных преступников¹⁰. Умершему в 1935 г. маршалу Польши Юзефу Пилсудскому предъявлялось традиционное для внутривосточных процессов в СССР обвинение в шпионаже –

поочередно в пользу Японии, Австрии, Англии и Франции. Верховный главнокомандующий польской армии маршал Э. Рыдз-Смиглы назывался «достойным наследником Пилсудского» в качестве «предателя, труса и палача народов Польши»¹¹. В том же ключе оценивались премьер-министр Складковский, министр иностранных дел Бек, президент Мосцицкий и пр. Вслед за польским руководством «клеямили» польскую армию, точнее, ее офицерский состав: «бездарные, трусливые и предательские польские генералы», «польское офицерье», создававшее «бандитские шайки», «офицерское отребье» и т. п. штампы, получившие широкое распространение¹².

«Панской» элите целенаправленно противопоставлялись украинские и белорусские крестьяне, тот самый «народ», интересы которого пришли сюда защищать войска «великой страны Советов». Основную массу населения восточных воеводств Второй Речи Посполитой составляло малоземельное крестьянство с высоким процентом деревенского пролетариата – батраков, работавших в крупных хозяйствах капиталистического типа на помещиков-поляков. Советская печать живописует «голодных, босых, одетых в лохмотья, неграмотных крестьян», живших «в нечеловеческих условиях – без света, без соли, без керосина, без спичек, без табаку»¹³. «Непосильные налоги, деспотизм помещиков и военных колонистов, бесправие, побои, отработки – вот картина беспросветной жизни крестьян»¹⁴.

Советские пропагандисты активно прибегали в данном случае к методу использования контраста – тенденциозному подбору фактов, сведений, образов, на фоне которых формировалась негативная оценка определенных элементов имиджа Польши. Такого рода подбор осуществляется на макроуровне — уровне идей и тем, обсуждаемых в СМИ.

Приведем несколько примеров. В газете «Голос рабочего» - органе временного управления города Барановичи – в № 19 от 22 октября 1939 г. был напечатан очерк, в котором описывалось, как крестьяне села Гляденье делили между собой земли, уголья и прочее имущество, принадлежавшие польскому аристократу.

Автор очерка обращает внимание на внешний вид деревни с «говорящим» названием Гляденье: «На первый взгляд деревня пришлому человеку кажется нарядной и даже зажиточной. По обеим сторонам улицы стоят свеж побеленные, чистые дома. Перед каждым домом палисадник. Улица чисто подметена. На колодцах аккуратно сделанные деревянные крышки». Далее приводится диалог, в котором в ответ на реплику корреспондента – «Богато живете» – председатель крестьянского комитета отвечает: «В Польше и все так: снаружи мило, а внутри гнило. Дома заставляли белить. Кто не хочет, с того штраф». Повествование об «изнанке польской культуры» на этом не заканчивается. Автор очерка рассказывает, как «в крестьянский комитет пришел Прокоп Лешко и попросил, чтобы ему разрешили срубить в помещичьем лесу несколько деревьев. Избу свою Прокоп Лешко, как и все остальные, белил два раза в год. Но внутри ее не было пола. Десятки лет жил горемыка в халупе с земляным полом, не имея денег на покупку досок». Еще пример: «В середине деревни стоит крохотная избушка Григория Сокуты. Ширина ее – три метра, высота ее – два с половиной... Бревна, из которых построена эта халупа, давно сгнили. Чтобы не дать им развалиться, Сокута обшил всю свою избу жердями, оставив крохотное отверстие, заменяющее и окно и дымоход. И такова уж страсть правителей Польши к европейской культуре: страшное жилище бедняка Сокуты тоже аккуратно побелено»¹⁵.

На основе описания бедняцких жилищ в зажиточной, по всей вероятности, деревне, читатель газеты должен был сделать вывод о внутренней гнилости польской цивилизованности как таковой. Более того, цивилизованности (в данном случае, стремлению к элементарной опрятности) придавался классово чуждый характер. В другой статье необходимость «красить в деревнях избы и заборы» трактовалась как мера, направленная на то, «чтобы они своим убогим видом не омрачали панского взора»¹⁶.

Статьи в советских газетах, пропагандистских журналах, специальные брошюры пестрели статистическими данными, характеризующими угнетенное положение, в котором находились крестьянство и рабочий класс Западной Украины и:

Западной Белоруссии. Рисовалась картина «бесправной колонии», безжалостно разграбляемой польскими «эксплоататорами»¹⁷.

Антитезой «панской Польше» была «Советская страна». Советскому режиму необходимо было создать образ СССР как позитивной альтернативы Западу, а буржуазная Польша, пусть и экономически отсталая, долгие годы являлась форпостом Запада на границах Советского Союза. Поэтому практически каждая статья в центральной и местной прессе, освещающая «успехи социалистического строительства на новых советских территориях», начиналась с напоминания об ужасающих условиях жизни украинского и белорусского крестьянства и рабочего класса в условиях «панской» Польши и о «великой освободительной миссии» Красной Армии, выполнившей свой «интернациональный долг освобождения трудящихся». Подобные пропагандистские клише заполнили всю агитационную литературу.

На Западную Украину и Западную Белоруссию теперь распространялся «советский образ жизни», поэтому одной из главных задач пропаганды здесь становилась демонстрация исключительности первого в мире социалистического государства его новому населению. Например, львовская газета «Вільна Україна», стремясь приобщить население Львовщины – «новых граждан Советского Союза» – к жизни «их великой родины», регулярно печатала «статьи и подборки на темы: «Цветущая Советская Украина», «Киев», «Граждане Советского Союза», «Советский Союз – страна победившего социализма», «Расцвет национальных культур в СССР», «Партия большевиков – вождь и организатор Октябрьского вооруженного восстания», «Двадцать вторая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁸.

Освещать советский образ жизни местная печать должна была масштабно. В своих статьях, очерках, корреспонденциях журналисты были призваны «показать во всем величии достижения, многокрасочную радостную и счастливую (выделено мною – Е. М.) жизнь народов Советского Союза»¹⁹.

«Показ на страницах газеты социалистической экономики, культуры, науки и искусства, показ на конкретных фактах советской действительности, счастливой и радостной жизни советского народа составлял и составляет одну из главных задач нашей печати»²⁰. Выполнение этой задачи было призвано дать возможность народным массам западных областей Украины и Белоруссии строить «свою свободную и счастливую жизнь», «опираясь на могучую поддержку великих народов Советского Союза»²¹.

* * *

В написанных как под копирку выдержках обращает на себя внимание постоянное упоминание этической категории счастья. Ее наполнение в контексте советской пропаганды заслуживает внимания.

В обыденном сознании категория счастья обычно рассматривается как характеристика состояния отдельной личности, индивида. Под счастьем подразумевается личностное переживание полноты своего бытия, результатов своей жизнедеятельности и т. п. Но советская пропаганда говорит о «коллективном» счастье народов Союза ССР, делая состояние счастья общей характеристикой многомиллионного советского социума. Видимо, подобный взгляд связан с непререкаемым историческим оптимизмом большевизма. Оптимизм как таковой имеет некую «векторную» направленность, он ориентирован на «лучшее будущее», заряжен безусловной верой в него. В этом контексте оптимистичность большевистской идеологии не вызывает сомнений. Категория счастья, однако, хотя и связана с категорией оптимизма, тем не менее, характеризует человеческое состояние радости и удовлетворенности настоящим, а не будущим. Но в «социалистическом государстве рабочих и крестьян» понятие «счастье» имело исторический и классово-определенный характер. Счастье не мыслилось вне социума. Стремление человека к счастью в отрыве от общественных целей в лучшем случае могло трактоваться как мещанство, в худшем — как буржуазно-индивидуалистический эгоизм, который попирает интересы других и морально калечит человеческую личность.

«Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре»²². Эти слова Маркса рассматривались как императив, а не как разрешение отойти от борьбы за «счастье человечества». В соответствии с этим императивом, счастье в большевистской концепции – это не «идиллическое» состояние удовлетворенности существующим положением, а напротив, постоянное стремление к «лучшему будущему» и преодоление препятствий на пути к нему, не достижение собственного благополучия, а развитие и использование своих способностей в деятельности, подчиненной достижению общих целей. Чувство удовлетворения советский человек должен был черпать в сознательном служении людям, в революционной борьбе за переустройство общества, за осуществление идеалов коммунизма, за лучшее будущее для угнетенных народов и т. п. Только коллектив (в данном случае коллективом можно считать «союз советских народов») придает счастью человека («советского человека») нравственное содержание. То есть советское общество давало возможность самоосуществления, самореализации личности, но полноценное чувство счастья советский человек мог испытывать только в том случае, когда самореализация происходила во благо «всех», когда происходило приобщение «моего» счастья к счастью «других».

Позитивное восприятие жизни коллектива, а не индивидуума не удивительно в обществе, где коллектив, его совокупные интересы полагались как высшая ценность.

Положение украинцев и белорусов в рамках польского государства однозначно трактовалось советской пропагандой как положение людей несчастных, потому что они были бедны, малообразованны, лишены многих прав и т. д. Но это не исчерпывало характеристики их «несчастья». Они были отделены. Они были отделены не только на территориальном, но и на ментальном уровне. И теперь приходилось «объяснять» азы советской действительности людям, которые были «еще очень молоды в советском смысле этого слова, неопытны, несведущи»²³. То есть задача понималась не только как работа по

повышению уровня грамотности, здравоохранения, охвату населенных пунктов радиоточками и восстановлению промышленных предприятий. Большевики стремились преодолеть определенную местечковость сознания западноукраинского и западнобелорусского населения, приобщить к советской всеобщности, всеохватности. Нравственную компоненту счастья, с точки зрения революционной идеологии, могли выразить только совокупные интересы общества. Большевики говорили о новой нравственности, лишенной «шовинизма, национальной распри и религиозных предрассудков»²⁴. В этой концепции «счастье» становилось не этической категорией, а идеологической.

* * *

Содержательные направления деятельности советской пропаганды на недавно присоединенных территориях Западной Украины и Западной Белоруссии теснейшим образом были связаны с процессом советизации. Проводимую пропагандистскую работу можно разделить на три больших тематических направления.

1. Производственно-экономическая пропаганда.

Данное направление пропаганды должно было убеждать рабочий класс и крестьянство недавно присоединенных территорий в преимуществах плановой экономики, социалистических форм собственности, а в целом – исторической справедливости власти, которая давала возможность реализоваться советскому человеку и как производителю, и как потребителю в обществе «без капиталистов».

Местное восточнославянское население положительно восприняло такие стороны советизации, как национализацию промышленных предприятий, экспроприацию земли у польских землевладельцев, национализацию торговых предприятий, которые раньше контролировали в основном поляки и евреи.

В составе польского государства большинство присоединенных территорий являлись бедными, экономически эксплуатируемыми, аграрными регионами. Понимая, что, улучшив эту ситуацию, можно получить политические

дивиденды, советский режим сделал большие капиталовложения в экономическое развитие западных областей. Расширились старые производства, такие как добыча нефти, создавался ряд новых отраслей промышленности, включая производство автомобилей, автобусов, радиоаппаратуры и др. Акцент делался на восстановлении промышленности Западной Украины и Западной Белоруссии, реконструкции предприятий, повышении объемов производства, введении новых объектов, создании новых отраслей, ликвидации безработицы, повышении заработной платы. К производственно-экономической пропаганде относились корреспонденции и репортажи с мест новостроек, очерки о передовиках и победителях социалистического соревнования, стахановцах, новых директорах предприятий, вышедших из рабочей среды и т. д.

Местная и центральная печать постоянно приводила статистику «достижений социалистического строительства»: «Советская власть в течение одного года пустила в ход все приведенные в упадок, все разрушенные предприятия. В Западной Украине пущено в ход 978 предприятий. Многие из них бездействовали по 8–10 лет»²⁵; «Только во Львовской области пущены в эксплуатацию 3 новых угольных шахты. Создано 440 новых государственных предприятий. На предприятиях Тернопольской области занято около 13 тысяч рабочих. Реконструировано и восстановлено много фабрик и заводов, пущены новые предприятия. Разрабатываются богатые сырьевые ресурсы. Созданы 144 промыслово-кооперативных артели, в которых занято около 6 тысяч человек. Безработица в области полностью ликвидирована.

Водные пути западных областей Белоруссии и Украины – реки Припять, Стырь, Неман, Горынь – успешно освоены Западным речным пароходством. По этим рекам везут лес, дрова, хлеб, нефтепродукты, соль. Осваивается также новый, Днепро-Бугский канал, имеющий большое народнохозяйственное значение. По каналу продвигаются караваны с нефтью, хлебом, лесом. Пароходство получило новые суда. Созданная в Давид-Городке судовой верфь успешно выполняет производственную

программу. Построены и находятся в эксплуатации 30 барж. В Пинске, ставшем теперь портовым городом, ведутся большие погрузочно-разгрузочные операции, построены речной павильон для пассажиров, склады. На местном судоремонтном заводе заканчивается строительство двух новых цехов – моторного и котельного. Хорошие склады для приемки грузов открыты в Бресте. Здесь же организована пристань. В этом году на строительство барж, складов, цехов, пассажирских павильонов пароходству отпущено около 6 миллионов рублей»²⁶.

Приводимая в советской прессе статистика касалась, в первую очередь, успехам приоритетной группы «А». Потребительский сектор, особенно накануне войны, в СССР был вторичен. Товарный дефицит распространился и на западные области: в городах ощущался острый недостаток продовольствия, в деревне – промышленных товаров, что, в свою очередь, вело к повышению цен, очередям, спекуляции и пр. Учитывая особое пограничное положение региона, власть стремилась выправить ситуацию, и весной 1940 г. положение со снабжением, в целом, стабилизировалось.

Неизбежные трудности должен был вызвать и вопрос нового землеустройства. В аграрном регионе, каковым являлись земли Западной Украины и Западной Белоруссии, важным объектом приложения пропагандистских усилий стала конфискация помещичьей земли и распределение ее «между трудовым крестьянством», что, естественно, вызвало у последнего волну энтузиазма. Однако дальнейший процесс унификации восточных и западных областей УССР и БССР предполагал коллективизацию сельского хозяйства, к которой прибегли в 1940 г. Коллективизация – один из основных фундаментов советской социально-экономической системы. Преобразование аграрного сектора рассматривалось как обязательный элемент советизации западных областей.

Учитывая историческую приверженность крестьянства региона частному хозяйству, пропаганда колхозов в предвоенный период велась весьма осторожно. Областные и районные газеты знакомили крестьян «с преимуществами и успехами»

коллективного хозяйства, осуществленного в Советском Союзе, с деятельностью создаваемых в Западной Украине и Западной Белоруссии колхозов, печатали отчеты о посещении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки крестьянскими делегациями и корреспондентами газет, освещали ход полевых работ, подчеркивая преимущества коллективной обработки земли перед единоличной, приводили статистику о «неуклонном» росте инициативных групп по созданию колхозов и т. д.

Организация колхозов в Львовской области началась после обсуждения среди крестьян западных областей Украины обращения совещания передовиков сельского хозяйства Советской Украины²⁷. В плане подготовки благоприятной почвы для создания в области первых колхозов львовская областная газета «Вільна Україна» печатала различные материалы на аграрную тематику. В отчете о проделанной работе, опубликованном в журнале «Большевистская печать», редактор «Вільной України» П. Колесниченко писал: «Весной 1940 года крестьяне западных областей Украины впервые сеяли на своей, полученной из рук советской власти земле. Освещая подготовку к весеннему севу среди единоличников, мы агитировали за организацию колхозов». 18 января «Вільна Україна» печатает полосу, составленную передовиками колхозов Васильковского района, Днепропетровской области. Колхозники рассказывают о работе колхозов, о радостной и зажиточной своей жизни. Газета печатает также материал о лучших колхозах страны. В нескольких статьях она популяризирует сталинский устав сельскохозяйственной артели. В одной из публикаций разъясняется, что такое трудовень. Большое внимание читателей привлек материал об орденоносном колхозе имени Сталина Генического района.

Через несколько дней после опубликования этого обращения «Вільна Україна» помещает корреспонденцию из села Генятычи, Щирецкого района, – «Первыми вступили в колхоз». Газета систематически освещает первые шаги колхозов. В статье «Первые дни в колхозе имени Сталина» газета подробно рассказывает, с чего начали работу колхозники, как создавалась

молочно-товарная ферма, как организован труд. В начале апреля газета ставит полосу «Колхозы области накануне сева». На этой странице выступают представители первых колхозов области... Они рассказывают, как колхозы подготовились к севу, как организован труд, говорят о трудовом подъеме колхозных масс.

Накануне сева редакция провела совещание колхозного актива артели имени 17 сентября. Материалы этого совещания были опубликованы в газете.

Вопросы уборки и сохранения первого большевистского урожая, организационно-хозяйственного укрепления первых колхозов занимают в газете видное место»²⁸.

«За год в западных областях Украины созданы 63 совхоза и 174 машинно-тракторных станции. Они уже имеют 1 650 тракторов, 872 молотилки, 819 сеялок, 731 тракторный плуг и более 600 культиваторов. По почину самих крестьян 26 тысяч бедняцких и середняцких хозяйств объединились в колхозы. В этом году они собрали обильный урожай. Сотни и тысячи молодых крестьян учатся управлять тракторами, комбайнами и другими машинами. Многие из них уже нынешней весной самостоятельно водили машины по полям. В Тарнопольской области имеются уже 82 сельскохозяйственные артели. Молодые колхозы образцово ведут хозяйства. Колхоз имени Сталина в селе Мужилово, Подгаецкого района, объединяет 103 хозяйства, имеет 803 гектара земли, 4 гектара садов, 16 гектаров леса, фермы крупного рогатого скота, свиноводческую и овцеводческую. Уже в этом году колхоз получил от овощей и животноводства 49 800 рублей дохода. К 1 сентября он полностью выполнил обязательства по поставке хлеба государству и рассчитался с МТС: Колхозники получают за трудодень по 6 килограммов хлеба и по 2 рубля деньгами. В селе Хорлупы, Олыкского района, Волынской области, в колхозе объединились 138 хозяйств. Члены артели получают за трудодень свыше 9 килограммов хлеба. Семьи бывших бедняков получают теперь по 300–350 пудов хлеба»²⁹.

Однако, в силу специфики региона, в полную силу процесс коллективизации начался в западном регионе уже после

окончания Великой Отечественной войны. Точнее, к процессу массовой коллективизации советский режим смог перейти, лишь преодолев сопротивление УПА. А накануне нападения фашистской Германии на СССР, например, в западных областях УССР в колхозы было объединено не более 13% от общей численности крестьянских хозяйств.

2. Культурно-просветительская пропаганда.

Демонтаж старой системы управления касался не только политической, экономической, но и культурной инфраструктуры. В западных областях, присоединенных к Советскому Союзу, проживало около 5 млн. украинцев, 2 млн. белорусов и 1 млн. евреев. Политике «культурного подавления» по отношению к национальным меньшинствам, проводимой в Польше, новыми властями противопоставлялась политика «культурного расцвета наций».

Власти Польши, проводя политику ликвидации «украинства», закрывали украинские школы, изгоняли украинский язык из госучреждений. Однако в Галицкой Украине легально существовали учреждения, подобные культурно-просветительской общественной организации «Просвита», основанной в Львове в 1868 г. «для изучения и просвещения народа». В советской Украине к началу 1920-х годов организации «Просвиты» были заменены сетью изб-читален и клубов. По словам В. Короля, к осени 1939 г. «Просвита» Западной Украины насчитывала более 360 тыс. человек и свыше 3200 библиотек, 2065 театральных кружков, 1200 хоровых коллективов, 2272 кружка³⁰. Советская власть ликвидировала «Просвиту» как «очаг сепаратизма» и начала собственный процесс украинизации.

Западный регион отличался низким уровнем образования среди коренного населения. Сразу после присоединения начинается процесс вытеснения польского языка и замена его украинским и белорусским языками.

«Коньком» советской пропаганды становится открытие многочисленных школ, библиотек, изб-читален. К середине 1940 г. в Западной Украине, например, уже действовало около 6 900 начальных школ, из них 6 000 украинских³¹. Получать

школьное образование на национальном языке имели возможность не только украинцы и белорусы, но и евреи, и поляки. Под рубрикой «Расцвет социалистической культуры» в журнале «Спутник агитатора» за ноябрь 1940 г. приводилась следующая статистика: «В Тарнопольской области вместо 52 украинских школ действует 1 115 и, кроме того, 104 польских и 19 еврейских. В школах нашли себе труд более 900 учителей, которые раньше были безработными. Для ликвидации неграмотности в Львовской области созданы 1 362 школы. В 1940–1941 году в них будет обучаться 46 тысяч неграмотных и малограмотных»³².

Открытие новых учебных заведений помогало решить две серьезные проблемы региона, удачно «работавшие» на пропаганду: во-первых, интеллигенция получала работу в области образования и просвещения, во-вторых, большевики могли наглядно продемонстрировать действенную заботу о «культурном расцвете всех наций».

Не оставлялось без внимания и грамотное население города и деревни. Советская власть активно занималась развитием библиотечного дела, демонстрируя качественно иной подход к его организации, нежели в буржуазной Польше. Прежде всего, охватывалась более широкая читательская аудитория. Например, в областных центрах создавались специализированные детские библиотеки. Государственная областная библиотека для детей была основана в Львове уже в сентябре 1939 г. Видимо, хорошо было организовано библиотечное дело и в Белостоке: «Число читателей, пользующихся книгами Белостокской городской библиотеки имени Шолом-Алейхема, за последний год возросло вдвое и достигло четырех с половиной тысяч человек. Дети до 16 лет в это число не входят: для них создана специальная детская библиотека. Библиотека пополнилась произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, русских и иностранных классиков, советских писателей и очистилась от бульварной литературы. Спрос на советскую литературу огромен. Нарасхват берутся произведения Горького, Маяковского, Шолохова,

Н. Островского, Фурманова, Федина, Ильина и других: Много требований поступает на произведения Ванды Василевской»³³.

Формирование читательского спроса шло вполне целенаправленно. Библиотечные фонды пополнялись теми литературными произведениями, которые должны были быть доступны широкой аудитории. Художественные достоинства литературы, несомненно, учитывались, но определяющую роль в этом процессе играл классовый подход, учет потребностей социального управления.

Организация библиотечного, издательского дела в Западной Украине и Западной Белоруссии позволяли работникам пропаганды лишней раз вспомнить, как это были «при панах». Негативное отношение к «панской» Польше сказывается и в освещении ее издательской политики. Директор одного из издательств, отчитываясь о проделанной к февралю 1940 г. работе по снабжению книгами западных областей Белоруссии, проводил следующую параллель: «Ассортимент книг наших магазинов в Белостоке, Гродно и других городах ничего общего не имеет с убогим, с позволения сказать, «ассортиментом» множества книжных магазинов бывшей панской Польши, которые предлагали публике бульварные романы, автобиографии и другую литературу, зачастую рассчитанную на низменные вкусы»³⁴. Советские издательства взамен автобиографий предлагали, например, литературу «братских народов», связанную с борьбой за национальное освобождение – «Витязь в тигровой шкуре», «Давид Сасунский» и пр. Популяризировались произведения русской классической литературы. Поистине знаковое значение приобретает повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

Украинизация проходила и в сфере высшего образования. Львовский университет им. Яна Казимира³⁵, основанный еще в 1661 г. в и, естественно, являвшийся давним польским научным и культурным «бастионом», в 1940 году получает статус государственного и ему присваивается имя видного украинского писателя и мыслителя Ивана Франко. В том же году государственным национальным становится и Черновицкий

университет, в результате в Украине сложилась университетская система, состоящая из шести классических университетов – Киевского, Харьковского, Львовского, Одесского, Днепропетровского и Черновицкого.

Реорганизация университетской жизни была неизбежна. Согласно уставу высшей школы Союза ССР университет г. Львова был преобразован в высшее учебное заведение с бесплатным и свободным образованием для всех граждан. Теологический факультет был ликвидирован. В октябре 1939 г. в вузе появляются новые кафедры: истории марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма, политической экономии, украинского языка, украинской литературы, русского языка, русской литературы, истории СССР, истории Украины, физического воспитания. Наряду с обеспечением высокой профессиональной подготовки специалистов они были должны воспитывать молодежь в духе марксистско-ленинской идеологии и материалистического мировоззрения.

2 декабря 1940 г. был утвержден новый университетский устав. Львовский университет, ранее небезосновательно характеризующийся советской пропагандой как «рассадник польского шовинизма», теперь предоставлял право поступления всем гражданам независимо от их социального происхождения, пола, расы и национальности. Преподавание велось теперь на украинском языке.

Проводится работа по укреплению кадрового состава университета. Народным комиссариатом просвещения УССР во Львов направили 45 научных работников из Киева и Харькова. Ректором университета был назначен историк М. Марченко.

Советам необходимо было привлечь на свою сторону львовскую научную интеллигенцию. На работу в университет приглашались видные ученые, в первую очередь украинские филологи, отрешенные от университета польским режимом. В их числе М.С. Возняк – крупнейший исследователь жизни и творчества Ивана Франко, Филарет Колесса, К.О. Студинский, Василий Щурат и др.

Кириллу Осиповичу Студинскому выпало сыграть роль авторитетного ученого, «гонимого» прежней властью и «высоко оцененного» властью Советов. Он был выходцем из священнического рода, по решению родителей после окончания гимназии поступил в Львовскую духовную семинарию, существовавшую тогда в качестве факультета Львовского университета. Но тяга к славистике победила. Славянская этнография, украинская полемическая литература XVI–XVII вв., философия и история христианства, история общественных движений и т. д. – круг научных интересов Студинского был чрезвычайно широк. Но с приходом поляков профессор-украинец отказывается сотрудничать с режимом Пилсудского, и его увольняют из университета. Всеукраинская академия наук (ВУАН) приглашает ученого сначала в качестве внештатного академика на кафедру древнеукраинского писательства, а с 1929 года зачислят в штат. В 1933 г. президиум ВУАН вынес решение-вердикт – исключить из состава академиков Михаила Возняка, Филарета Колессу, Кирилла Студинского и Василия Щурата «как врагов трудящихся масс Украины». Но в 1939 г. новая власть, хорошо осознавая авторитет К.О. Студинского в Украине, использует его на взаимовыгодных условиях. После прихода на западно-украинские земли Красной армии большевики восстанавливают ученого в действительных членах Академии наук УССР, избирают деканом филологического факультета, назначают проректором по научной работе Львовского университета. К.О. Студинского «продвигают» в депутаты Народного собрания Западной Украины. Под его председательством НСЗУ проголосовало за вхождение западно-украинских земель в состав УССР. Вскоре западноукраинский ученый становится депутатом Верховного Совета СССР. Таким образом, советская пропаганда получает прекрасную возможность очередного сопоставления «как было при них и как стало при нас»: «Видный украинский профессор Студинский до установления советской власти был безработным. Теперь он проректор Львовского университета, теперь он депутат Верховного Совета СССР. В годовщину освобождения Западной

Украины он писал: «...Минул только год, как мы со слезами радости встречали Красную армию. Выше головы и глаза, товарищи! Мы уже не помещичьи рабы, а советские граждане! О нашей культуре печется наш вождь и великий ученый товарищ Сталин»³⁶.

Советский режим нуждался в поддержке авторитетной научной и творческой интеллигенции. Пропаганда подчеркивает интернациональный характер «прослойки», принявшей новую власть и ее преобразования: «Украинская, белорусская, польская и еврейская интеллигенция в подавляющем своем большинстве безоговорочно и с энтузиазмом стала на службу социалистического строительства...»³⁷

С большей или меньшей степенью добровольности голоса западноукраинских деятелей культуры вплетаются в общий хор славословия власти. Видный украинский композитор, организатор музыкальной жизни во Львове В.А. Барвинский в первую годовщину присоединения Западной Украины пишет о колоссальном «творческом порыве», охватившем его самого и его коллег-композиторов с приходом нового социально-экономического строя: «Музыка в наши дни сама так и льется в души. Когда ходишь по уютным улицам Львова, видишь новых людей, могуче расправляющих свои плечи как крылья для дальнего полета, то музыка – бодрая, могучая, ясная – сама подымается, растет и крепнет, просится на клавиши, на ноты... Как хорошо, как много сделано, какой это большой, настоящий год, первый советский год на освобожденной земле! А впереди – бесконечная череда таких же светлых лет... Все заняты, все творят... И мы, композиторы, тоже посильно принимаем участие в этой великой симфонии освобожденного труда. Чудесный знаток украинской народной музыки, чьи песни бытуют по селам, тов.С.Людкевич только что закончил большое симфоническо-вокальное произведение «Наймит» на слова одноименной поэмы Ивана Франко. Композитор А. Солтыс, поляк по национальности, создал интересную оркестровую сюиту. Еврейский композитор Г. Гинзбург пишет вариации камерной музыки по мотивам

народной еврейской песни. Профессор Кофлер закончил свою четвертую симфонию»³⁸.

Власть способствовала развитию национальных культур народов, населявших западные области. Здесь возникали украинские, белорусские, еврейские театры, любительские труппы, библиотеки, художественные кружки и т. д. Из 16 театров, действовавших в 1940 г. в Западной Украине, 13 были открыты при советской власти³⁹. В декабре 1939 г. был вновь открыт Большой городской театр в Львове, закрытый в 1934 г. из-за экономического кризиса. Теперь он стал называться Львовским государственным театром оперы и балета. Классический репертуар театра обогатился операми украинских композиторов, т. е. также был украинизирован. В ноябре 1939 года открылся Львовский еврейский театр. Власти настаивали на том, чтобы коллектив театра работал преимущественно над пьесами советских еврейских драматургов. В рецензии на спектакль «Мишпохе Авадис» («Семья Авадис») в прессе отмечалось: «Благодаря этому произведению еврейское население получило возможность изучить жизнь колхозников Биробиджана. Впервые евреи Западной Украины увидели здоровых молодых евреев с оружием в руках – факт, возможный лишь при советском строе». Однако, несмотря на давление, в период с ноября 1939 по июнь 1941 г. коллектив Львовского еврейского театра поставил 17 пьес, и 11 из которых еврейские театры играли еще в довоенной Польше. Несмотря на имевшие место политическую цензуру, театральные сезоны 1939–1941 годов для Львовского еврейского драматического коллектива считаются одним из наиболее ярких творческих периодов в его более чем полувековой истории⁴⁰.

Безусловно, к вопросам формирования репертуара театры подходили политкорректно. Ставились классические произведения, но советская агитационно-художественная машина не довольствовалась «старыми запасами». С весны 1939 г. в ведущих театрах страны с большим успехом идет пьеса молодого украинского драматурга А.Е. Корнейчука «Богдан Хмельницкий». По справедливому замечанию исследователя

Василия Токарева, «внешнеполитические обстоятельства 1930-х годов, военная угроза западным границам СССР и этатизация расистских и националистических доктрин в ряде европейских государств заставили советское руководство мобилизовать все внутренние ресурсы, включая историческую память народа. Ожидание войны с западными соседями способствовало выборочной интеграции в систему советских ценностей элементов русского патриотизма (и родственных ему), особенно тех, которые были связаны с военной традицией. Эпизоды национально-освободительной борьбы по принципу аналогии обозначали вероятного противника дня сегодняшнего»⁴¹. Богдан Хмельницкий, неоднократно обращавший в бегство польское войско, попадает в список «реабилитированных» героев истории, встав в один ряд с Александром Невским, Мининым и Пожарским, Суворовым и Кутузовым и другими историческими личностями, в соответствии с требованиями времени перешедшими из разряда «классово-чуждых элементов» в разряд подвижников отечественной истории.

По совету М. Горького, А. Корнейчук занялся самостоятельным изучением «Хмельниччины» на Украине и в условиях еще не вполне определившегося нового историографического подхода к Хмельницкому представил в пьесе свою трактовку образа этого исторического деятеля. У Корнейчука «гетман превратился в народного мстителя, которому был не чужд элемент плебейского интернационализма»⁴². Речи Богдана звучат как предсказание судьбы украинского народа: «...исполню все, о чем помышляю. Вырву из ляшеской неволи народ украинский весь. Поможет мне вся чернь наша... Народ – первая порука нам: мы черни не обидим и казаков не оскорбим. Поможет мне народ русский, поможет братьям своим... Не сложим оружия, пока всех панов... не выгоним с Украины»⁴³. Заключительные слова, произносимые Богданом в пьесе, наполнены героическим пафосом: «Народ наш украинский идет сражаться за волю свою, за свое отечество, за честь, за жизнь, – и этот народ никто не победит»⁴⁴.

Подобная пьеса была обречена на вовлечение в пропагандистский обиход. Весной 1941 года на экраны Советского Союза, соответственно, тепер и Львова, и Белостока, выходит художественный фильм «Богдан Хмельницкий». Режиссер Игорь Савченко и сценарист фильма Александр Корнейчук, уловив политический заказ, фактически создали и вывели на большой экран новый, модернизированный канон образа мятежного украинского гетмана, возглавившего «холопов», потерявших «уважение» к своим господам. Историю «Хмельниччины» фильм реконструировал как перечень национальных обид украинцев и мщениа за них полякам. В фильме отчетливо выражено наличие двух полюсов, один из которых представлял Богдан Хмельницкий и украинский народ, другой – Речь Посполитая и поляки, образы которых несли только негативные символы. В конечном итоге, авторы фильма проводят идею превосходства «сермяжной» Украины над рафинированной Польшей, отгородившейся от естественного течения жизни и исторически обреченной.

3. Пропаганда по проблемам социально-политического развития.

Это направления включало материалы о вопросах общественного устройства, социально-классовых и национальных отношениях, деятельности Советов и других органов власти и пр. Особо выделялась пропаганда советского образа жизни: духовных ценностей социалистического общества, норм и форм поведения, отвечающих природе социализма, воспевание коммунистических идеалов и вождей, пропаганда коммунистического учения в целом.

Первоначально, во время «освободительной миссии», функция социальной пропаганды была возложена на такую особую структуру как армия. Фактически, воины РККА выступали визитной карточкой Советского Союза. «Каждый боец Красной Армии явился пламенным агитатором среди освобожденного населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Каждый боец нес в массы слова большевистской правды о Советском Союзе, о счастливой и зажиточной жизни в

стране социализма, о тесном содружестве братских народов многонациональной державы»⁴⁵.

Полковой комиссар Н. Шаповалов в небольшой статье, написанной для специализированного журнала «Пропагандист и агитатор РККА», по пунктам перечислил качества, обязательные для красноармейца: «В моральном облике воина Красной Армии воплощены все лучшие благородные черты советского народа — честность, мужество, героизм, высокая дисциплинированность. В нем воплощены все здоровые жизненные начала дружбы, товарищества, взаимопомощи»⁴⁶.

В создании положительного образа воина-освободителя большую роль сыграл советский плакат. Сотни тысяч экземпляров этого вида художественно-пропагандистской продукции направлялись в западные районы. Практически на каждом в качестве центрального персонажа изображался красноармеец, «непобедимый красный воин», олицетворяющий «боевую мощь, сознательность и дисциплину» Рабоче-крестьянской Красной армии и всей страны Советов. Молодой красноармеец на плакатах практически всегда эталонен. Его «здоровые жизненные начала» не должны были вызывать ни малейших сомнений. Таким красноармейцам, безусловно, чужды «мелкобуржуазная распущенность, пьянство, разврат и т. п.», эти «классово-чуждые черты» обязательно находили у них «резкое осуждение»⁴⁷. Плакаты рисовали образ, призванный создавать у зрителя полное впечатление, что именно «непобедимая» Красная Армия, а не войска Третьего Рейха, победила «врага» — мелкое, бессильное и жалкое существо, символизировавшее на советских плакатах «панскую» Польшу.

Следующим за «миссией освобождения» шагом была демократизация жизни в западных регионах. Иначе говоря, теперь и на этих территориях необходимо было продемонстрировать реализацию широко известного тезиса В.И. Ленина о том, что «любой чернорабочий и любая кухарка» должны быть обучены «делу государственного управления»⁴⁸. Как и указывал «вождь мирового пролетариата», «привлекать всех трудящихся, всю бедноту» из местного населения к

общественной и государственной деятельности начали «немедленно»⁴⁹.

22 октября 1939 г. состоялись выборы в Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины. Итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу. Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины 27–29 октября провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав Советского Союза. 1–2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу. Прошли выборы депутатов в Верховные Советы СССР, УССР и БССР от западных областей. Областные газеты регулярно освещали ход избирательной кампании. Согласно отчету редактора Б. Зельманова, белостокская газета «Вольная праца» поместила «около 40 биографических очерков о депутатах. Целые полосы были заняты рассказами рабочих о своих кандидатах в депутаты»⁵⁰. В отчете присутствует обязательная отсылка к недавнему прошлому: «Во время избирательной кампании редакция напечатала ряд интересных архивных документов, изобличающих польских правителей в обмане и жульничестве при выборах в сейм. Этими документами широко пользовались агитаторы»⁵¹.

Советская печать широко пропагандировала социальный состав депутатов, среди которых присутствовали «доярки, конюхи, шахтеры, землеробы и наряду с ними известные ученые, инженеры, писатели, артисты»⁵², то есть представители крестьянства, рабочего класса, творческой и научно-технической интеллигенции.

Регулярно подчеркивала новая власть и социальный состав новых руководителей промышленных предприятий. «К руководству фабриками, заводами, организациями приходят новые люди из низов, ранее влачившие жалкое существование, находившиеся в тисках безработицы. Газета («Вільна Україна» – Е. М.) рассказала о работнице Гелене Кузьминской, изгонявшейся с фабрики за участие в забастовке, а теперь выдвинутой на

должность заместителя директора; о рабочем Маркевиче, выдвинутом директором фабрики химикатов... и о других людях, поднявшихся из глубоких народных низов к руководству фабриками и заводами»⁵³.

Пропагандистская работа приравнивалась к обучению населения западных областей к новой, правильной жизни. Журнала «Большевистская печать» призывал местные газеты доходчиво и увлекательно описывать советские праздники, объясняя, почему вместо Пасхи и Рождества в Советском Союзе отмечают Первомай и Октябрь; что 8 марта – это праздник освобождения женщины; рассказывать, как по-советски решаются вопросы семьи, любви, долга, почему вместо церкви молодожены идут в загс; кто такие пионеры; как становятся депутатами пр.⁵⁴

Самой доходчивой агитацией для населения являлось создание реальной системы социального обеспечения, социальных гарантий. Статьи 118–122 главы 10 Конституции СССР 1936 г. гарантировали всем гражданам СССР «право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством»; право на отдых, который они могли провести в «широкой сети» санаториев, домов отдыха, курортов; «право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности»; право на бесплатную медицинскую помощь; право на бесплатное образование; государство гарантировало охрану интересов матери и ребенка, обеспечивало широкую сеть родильных домов, детских яслей и садов.

- Практическая реализация конституционных гарантий демонстрировала «заботу» новой власти о населении западных областей. Приведем примеры кратких хроникальных заметок, опубликованных в газете «Освобожденный Белосток» от 26 октября 1939 г. «В Белостоке совершенно не было бани для населения. Теперь заканчивается строительство новой бани с пропускной способностью до 100 человек в час». «Новая поликлиника. На днях на улице Роха откроется поликлиника по всем болезням. Здесь также будет консультация для грудных

дѣтей. Поликлиника будет находиться в одном из лучших зданий города Белостока». «Для лучшего медицинского обслуживания населения открыт новый зубоврачебный кабинет. В рабочих предместьях Выгода и Пески открываются две новые поликлиники»⁵⁵. Такие же новости, демонстрировавшие неусыпную «заботу о здоровье новых советских граждан» приходили и из других районов: «В районном центре Скала-Подольская (Тарнопольской области, УССР) открыта новая больница. Она устроена в бывшем панском поместье и располагает прекрасным парком, раскинувшимся на 50 гектарах. В Журовно, Дрогобычской области, заканчивается оборудованием новый санаторий для туберкулезных больных. В Медичах и Комарно, той же области, открываются районные больницы»⁵⁶.

Активная созидательная деятельность, судя по материалам печати, проводилась в Львове и области, где строились «целые кварталы новых домов, санатории и дома отдыха», «электростанции, жилые дома, гостиницы, бани и водопроводы»; проводился «генеральный ремонт улиц, мостов, канализации»⁵⁷.

* * *

Во Второй Речи Посполитой по отношению к населению Галиции, Волыни, Белоруссии неуклонно проводилась национальная и религиозная ассимиляционная политика. Во многом благодаря этому часть западноукраинского и западнобелорусского населения с восторгом встретила приход Советской власти в «золотом сентябре» 1939 г. Большевистской пропаганде удалось создать себе реноме «освободителей», а соглашение с нацистской Германией в разделе Польши оправдать помощью «угнетенным братьям» – украинцам и белорусам.

Объединив восточных и западных украинцев в рамках одной государственной структуры, большевики, наконец, реализовали давнюю идею единой Украины. При большевистском режиме, став единой, на «самостийность» Украина рассчитывать не могла. Сразу же начинается демонтаж политической, экономической и культурной инфраструктуры старой системы управления и проводятся решительные меры в рамках «советизации» западного

региона, унификации его с УССР. Процесс унификации с восточно-белорусскими землями проходит и в Западной Белоруссии.

Советизация носила крайне противоречивый характер. Наряду с положительными сдвигами, население западных регионов приобрело негативный опыт ознакомления с советской системой. С одной стороны, национализация земель крупных польских землевладельцев, ликвидация безработицы, улучшение медицинского обслуживания, открытие национальных школ и газет, широкой сети библиотек и пр.; с другой – осуществление реформ командными методами, к которым привыкли в УССР и БССР, но которые нарушали привычный уклад жизни западных украинцев и белорусов, а также деятельность карательных органов, политические процессы, массовые высылки и пр.

Прибывшие с восточных областей кадры не знали местных особенностей, поэтому допустили много ошибок в области налоговой политики, хлебозаготовок, а особенно коллективизации, к которой прибегли в 1940 г.

Проблема кадров касалась не только советской бюрократии. В условиях необходимости быстрого охвата новой многомиллионной аудитории неизбежно вставала проблема пропагандистских, в первую очередь, журналистских кадров. Редакции областных газет Западной Украины и Западной Белоруссии быстро заполнялись работниками, приехавшими из восточных областей. Это были подготовленные люди, давно «набившие руку» в написании нужных текстов. С другой стороны, их зачастую отличало то же самое непонимание местной специфики, недифференцированный подход к своим прежним и новым читателям. Через полгода после присоединения западных областей Украины и Белоруссии к СССР, в обзорной статье журнала «Большевицкая печать» отмечается один из главных недостатков редакционной работы на новых территориях – отсутствие отличий в приемах газет западных областей Белоруссии и Украины «от приемов наших газет»⁵⁸.

Второй проблемой оказался лимит времени. Объединение не привело к глубоким переменам в жизни народа во многом из-за своей непродолжительности. За полтора года невозможно было реализовать даже небольшую часть мероприятий по подъему экономики и улучшению социально-бытовых условий присоединенных территорий.

Усилия советских органов пропаганды на территории Западной Украины нейтрализовал и тот фактор, что социальную и политическую обстановку в предвоенные годы определяло противостояние ОУН и советских органов госбезопасности. Советский режим пришел на территории, где польское государство долгие годы оказывало на население пропагандистское воздействие в духе антисоветизма. Соответственно, в пропагандистском плане это изначально была «чужая» территория. Основная цель наступательной контрпропаганды – нанесение ударов по противнику на его собственной территории, с чем новый режим справился. Однако уже в начале 1940 г. началась активная пропагандистская кампания ОУН среди местного населения на тему создания независимой Украины, и усилилась вербовка в члены организации. Успешно выступив с наступательной контрпропагандой в «золотом сентябре», Советская власть, по мере укрепления позиций националистов, вынуждена была переходить к оборонительной контрпропаганде, главной задачей которой было противодействие подрывной пропаганде противника. Для нормального существования подполья необходимо лояльное отношение жителей данной территории, независимо от их отношения к существующей власти, то есть для украинских националистов территория не была «чужой». Между Советской властью и националистическим подпольем шла борьба за «обывателя».

Эффективность психологического воздействия пропаганды определяется рядом особенностей массового сознания, одной из которых является блокирование иной точки зрения. В условиях существования мощного националистического подполья такой результат был недостижим. В свою очередь, в условиях

«перегибов» Советской власти, оказавших негативное влияние на формирование менталитета западноукраинского населения, националисты с успехом могли использовать целый ряд других особенностей массового сознания: эмоциональность, внушаемость, стереотипность и образность мышления, активный поиск врага, черно-белую картину мира.

Таким образом, в силу причин объективного и субъективного характера, советская пропагандистская машина, эффективно сработав на начальном этапе «освободительного похода», впоследствии работала почти вхолостую.

¹ *Шатилов С.* Политическая агитация на избирательных участках // Пропагандист. 1939. № 21. С. 29–30.

² Пропагандист. 1939. № 22. С. 17.

³ Там же. С. 21.

⁴ *Сталин И.В.* Организационный отчет Центрального Комитета РКП(б). Сочинения. М., 1952. Т. 5. С. 204.

⁵ *Рамсин Ф.* В западных областях Украины и Белоруссии // Большевицкая печать. 1940. № 1. С. 46.

⁶ *Касрадзе К.* О литературном стиле товарища Сталина // Большевицкая печать. 1939. № 24. С. 55–56.

⁷ *Тимский П.* Первенцы советской печати в западных областях БССР // Большевицкая печать. 1939. № 24. С. 67.

⁸ Цит. по: Партийное строительство. 1939. № 17–18. С. 3.

⁹ *Дзержинская С.* Крах империалистической Польши и освобождение народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 50.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 46; см. также: *Алексеев П.* Партийно-политическая работа на фронте // Партийное строительство. 1939. № 19. С. 27, 29.

¹³ *Дзержинская С.* Указ. соч. С. 48, 51.

¹⁴ *Леонтьев Ф., Крутовский Н.* Красная армия с честью и славой выполнила свой долг // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 20. С. 36.

¹⁵ Цит. по: *Тимский П.* Указ. соч. С. 66.

¹⁶ *Дзержинская С.* Указ. соч. С. 48.

¹⁷ См., например: *Гольштейн И.* Крестьянство в Польше. М., 1939; *Дзержинская С.* Указ. соч. С. 47–49; *Павлов А.* Крушение польского

- государства // Партийное строительство. 1939. № 17–18. С. 52–54;
- Ярославский Е.* Кому мы идем на помощь // Правда. 19.09.1939. и др.
- ¹⁸ Год работы на освобожденной земле // Большеви́стская печать. 1940. № 17–18. С. 7.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Герасименко Е.* Пройденный путь // Большеви́стская печать. 1940. № 20. С. 51.
- ²¹ *Леопольд Ф.* Год на освобожденной земле // Коммунистический Интернационал. 1940. № 9. С. 26.
- ²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2 изд. Т. 31. С. 454.
- ²³ *Петров П.* Печать новых советских областей // Большеви́стская печать. 1940. № 9. С. 50.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Леопольд Ф.* Указ.соч. С. 19.
- ²⁶ Агитировать фактами (По страницам газет): На новых советских территориях // Спутник агитатора. 1940. № 21. С. 21–22.
- ²⁷ Год работы на освобожденной земле. С. 9.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Агитировать фактами. С. 22–23.
- ³⁰ *Король В.* Так начинался освободительный поход // Голос України. 12.09.2009. Текст на русском языке размещен на интернет-странице: <http://www.golos.com.ua/Print.aspx?id=144577>
- ³¹ Там же.
- ³² Агитировать фактами. С. 23.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Письмен А.* Советская книга в западных областях Белоруссии // Большеви́стская печать. 1940. № 3. С. 56.
- ³⁵ Ян II Казимир – последний король Речи Посполитой из династии Ваза, правил в 1648–1668 годах. На время его правления пришлось восстание Б. Хмельницкого и война с Россией, начавшаяся после присоединения к ней Украины в 1654 г.
- ³⁶ *Леопольд Ф.* Указ. соч. С. 23.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Цит. по: *Леопольд Ф.* Указ. соч. С. 23–24.
- ³⁹ *Леопольд Ф.* Указ. соч. С. 24.
- ⁴⁰ Гельстон И. О деятельности Львовского еврейского театра в 1939 – 1949 г. Текст размещен на Интернет-странице: <http://www.lvov.0catch.com/jws/evr-teatr-2.html>

- ⁴¹ *Токарев В.А.* Возвращение на пьедестал: исторический комментарий к фильму «Богдан Хмельницкий» (1941) // День народного единства: биография праздника. М., 2009. С. 428.
- ⁴² Там же. С. 431.
- ⁴³ *Корнейчук А.Е.* Богдан Хмельницкий. М.-Л., 1940. С. 126
- ⁴⁴ Там же. С. 127.
- ⁴⁵ *Алексеев П.* Указ. соч. С. 31.
- ⁴⁶ *Шаповалов Н.* Моральный облик воина Красной Армии // Пропагандист и агитатор РККА. 1940. № 20. С. 31.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Ленин В.И.* Удержат ли большевики государственную власть? // ПСС. Т. 34. С. 315.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Год работы на освобожденной земле. С. 10.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Петров П.* Указ. соч. С. 52.
- ⁵³ Год работы на освобожденной земле. С. 8.
- ⁵⁴ Там же. С. 51–52.
- ⁵⁵ Цит. по: *Тимский П.* Указ. соч. С. 65.
- ⁵⁶ На новых советских территориях. Рубрика «Агитировать фактами (По страницам газет)» // Спутник агитатора. № 21. Ноябрь 1940 г. С. 23.
- ⁵⁷ *Леопольд Ф.* Указ. соч. С. 21.
- ⁵⁸ *Петров П.* Указ. соч. С. 52.

Петровская О.В. Память о войне в контексте формирования национальной идентичности белорусских школьников

Республика Беларусь сегодня противостоит вызовам западного глобализационного проекта и декларирует создание и развитие собственного уникального, по мнению белорусского руководства и его идеологов, национального государства, впитывающего все лучшее, как из социалистической, так и капиталистической социально-экономической модели. При этом белорусский путь характеризует формирование современного государства-нации, не раздробленной по признакам этничности и конфессиональности, языка и культуры, а базирующейся на унифицированных системах гражданства, политического строя, права, экономики и территории¹.

Не подлежит сомнению то, что конструкция национальной идентичности невозможна без связующего звена исторической (коллективной) памяти, то есть совокупности представлений о прошлом, которая в данном обществе, в данный исторический момент становится доминирующей и разделяется большинством. Понимаемая в таком значении память предстает как один из источников национальной идентичности, а именно того чувства причастности к определенному сообществу, которое благодаря общим местам и мифам, узнает себя в прошлом – и, следовательно, общем настоящем².

Уникальность белорусского проекта, стремление представить его образцом мирового прогресса повышает значимость символических ресурсов прошлого в формировании основных концептов самосознания белорусов, способных противостоять ценностям и идеалам, навязываемым как Западу, так и Востоку.

В пропагандируемой государством модели национального прошлого период социализма занимает ведущее место, во-первых, в силу конституирования именно в это время белорусской государственности советского типа (официальная историография признает лишь БССР в качестве формы

белорусской государственности в XX веке), во-вторых, по причине значимости механизмов мобилизации советского общества и культа государства для современной Республики Беларусь. Опорным же пунктом советской истории в белорусской интерпретации является Вторая мировая война. Формирование идентичности, соответствующей нынешней концепции белорусской государственности и нации, требует не просто коллективной памяти об ушедших событиях, а наличия общего славного, героического прошлого.

Великая Отечественная война как нельзя лучше подходит для героизации белорусского минувшего, формирования паттернов национального самосохранения. Наличие БССР – советской белорусской государственности – дает возможность рассматривать Великую отечественную войну, с одной стороны, как событие, в котором жители республики участвовали как белорусы. С другой стороны, это событие, происходящее на современной белорусской территории (с учетом того, что довоенные границы изменились незначительно). Центральность Второй мировой войны в политике памяти белорусского руководства обусловлена также определенной исторической советской инерцией, недоурбанизированной белорусской ментальностью со слабым интересом к истории, особенно за пределами малой родины, склонной к мифологизации и утопиям³. Наконец, память о войне поддерживает хроническую угрозу войны как фактора консолидации и мобилизации социума. В итоге память о войне в Республике Беларусь возведена в ранг государственной идеологии и направлена на формирование новой белорусской идентичности.

Настоящее исследование обращено к тому уровню памяти о войне, который формируется именно властным дискурсом, оставляя в стороне альтернативные источники знаний о войне у белорусской молодежи (семейные предания, обыденные представления, Интернет, работы историков националистической ориентации, которые публикуются легально и без ограничений и т. д.). При этом из основных каналов трансляции, где доминирует официальная концепция (СМИ, кино, музеи и т. д.), выбран лишь

институт образования, более конкретно – учебная литература по истории для средней школы.

В белорусском случае школьный учебник по истории, который рассматривается не только как источник знаний, но и важнейший инструмент политического и идеологического воспитания, полностью контролируется государством. Система образования имеет высокую степень централизации, действует единая строгая учебная программа, подлежащая неукоснительному выполнению, а подготовка и издание унифицированных учебников для основной и средней школы поставлены под жесткий контроль Министерства образования Республики Беларусь. По сравнению, как с советским периодом, так и с первой половиной 1990-х годов, значительно изменилось содержание и полиграфия белорусских учебников: сократился объем, язык стал более доступным и менее наукообразным, появились яркие красочные иллюстрации.

Есть основания предполагать, что историческое образование, полученное в учебных заведениях, закладывает основную конструкцию памяти о войне у белорусской молодежи. Отсутствие значительного интереса к истории у среднего белоруса повышает значимость школьного учебника как механизма формирования ценностей и идентичности.

В работе сделана попытка выявить основные приемы и установки по формированию национальной идентичности в содержании тех разделов белорусских учебников истории, которые посвящены Второй мировой войне. Помимо самих учебных пособий основу исследования составили сочинения учащихся школ Минска, Бреста, Домачево, Олтуша о войне, которые позволяют проследить трансформацию нарратива учебников в сознании школьников и выявить результат в виде устойчивых символов и стереотипов.

Вторая мировая и Великая отечественные войны в курсе всеобщей и отечественной истории белорусских школ изучаются очень подробно. В соответствии с новой программой, отменившей циклическое обучение, на их изучение в 10 классе отводится 8 часов из 36 в курсе «Всемирная история новейшего

времени: 1918–1945 гг.» и 11 часов из 36 в курсе «История Беларуси: 1917–1945 гг.»⁴. Кроме того, начиная с 2004/05 учебного года в школах введен факультатив «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)», материал для проведения которого обеспечивает специальное пособие⁵.

Упрощенный, мифологический образ войны, который представлен в современных белорусских учебниках, отражает наличие прямой преемственности с основными концептами советской учебной литературы. В тоже время память о войне адаптируется к современным представлениям о социально-экономическом и политическом строе Республики Беларусь, о месте ее в современном мире. В итоге своеобразие патриотического дискурса учебников заключается в слиянии, переплетении ценностей национализма и социализма. Так, нацизм в учебниках продолжает рассматриваться как проявление высшей стадией капитализма, диктатуры капитала, цель которого – уничтожить советский еврейско-большевистский режим и носителей его идеологии: партийно-советских деятелей, комиссаров, интеллигенции⁶. На белорусской же территории, как утверждают авторы учебных пособий, и после оккупации продолжали сохраняться очаги советской власти, которые стремились уничтожить фашисты⁷. Таким образом, война в представлении школьников сохраняет понимание борьбы социально-экономических систем и идеологий: «Война – это новый подъем борьбы капитализма против социализма. Только страна встала на ноги, стала жить хорошо, как враги хотят прекратить это»⁸. Следовательно, объявление капитализма национальным врагом призвано сформировать значение победы в Великой Отечественной войне, прежде всего, как символа борьбы с западными ценностями, не теряющего актуальности в современной Беларуси. Кроме того, из процитированного сочинения следует, что основной ценностью социализма, которая заслуживала ее защиты в военные годы и культивируется в современном белорусском обществе, считается возможность мирного, добровольного, добросовестного труда. Обеспечение

«покоя», стабильности, порядка – одна из главных черт современной политики социально ориентированного белорусского государства. Согласно социологическим исследованиям, современные белорусы считают трудолюбие своей доминирующей ментальной характеристикой⁹. В соответствии с этим, учебник подчеркивает, что накануне Великой Отечественной войны БССР была одной из индустриально-аграрных республик СССР. В 1940 г. валовая продукция промышленности возросла в сравнении с 1913 г. в 8,1 раза, а сельского хозяйства – в 1,7 раза¹⁰. Следовательно, вытекает, что претензии западного государства навязать свою систему разрушили поступательный ход социального прогресса, социальную идиллию, привычный мир существования.

Апелляция к возможности повторения войн, локальных или глобальных, к страху потерять относительное благополучие частной жизни актуализирует ресурсы опыта крайнего существования современной белорусской молодежи, формирует массовую готовность перетерпеть лихолетье. «Я согласна скушать в день кусочек хлеба с водой, но только, чтобы не было войны» – пишет школьница¹¹. Отнесение к основным источникам победы официальной концепцией истории войны преимуществ советского строя, руководящей роли коммунистической партии, централизации управления, дисциплины и т. д.¹² формирует мобилизационную готовность современного белорусского общества, закладывает установку на приоритет государственных интересов, государственно-патриотический энтузиазм. «В сегодняшнем однополярном мире при наличии множества опасностей, в том числе военных, «порох нужно держать сухим <...> потому что, как свидетельствует исторический опыт, если народ не хочет содержать свои собственные вооруженные силы, он будет содержать, кормить чужую армию, войска захватчика»¹³ – призывает учебник. «Не забывайте о войне, наши предки воевали тогда, чтобы мы не воевали сейчас»¹⁴, «Все в нашей жизни повторяется», «Я не хочу, чтоб повторился тот страшный ужас в наши дни»¹⁵ – вторят ему школьники¹⁶.

Патриотизм, в соответствии с белорусской концепцией, понимается как подчинение, послушание, утрата своего («я») во имя любви к мифической родине, во имя величия страны. Не случайно брестский школьник написал: «Война – это потеря индивидуальности»¹⁷. Учебники подчеркивают силу и величие советского народа, а также его составной части – народа белорусского, создают конструкцию государственного сознания – массового самоуважения и гордости за великую державу и людей ее населяющих: «Советский народ, в том числе белорусы, являлся главной силой, победившей фашизм»¹⁸. В период испытаний, войн, в чрезвычайных обстоятельствах народ проявляет лучшие человеческие качества: любовь к родине, самоотверженность, добросовестность, природный ум, бесстрашие, физическую подготовку, чувство дружбы и братства, стойкость, готовность преодолевать физические и духовные трудности¹⁹.

Память о войне выстраивается так, что на первом плане фигурирует не борьба за свободу, не конечный результат (победа), а героизм во имя общей цели, представляющий самостоятельную ценность. Учебники фокусируют коллективную память на многочисленных образцах героизма, который в советской традиции предполагал презрение к смерти и боли, взаимовыручку, неоправданный риск, жертвенность, предпочтение смерти плену и т. д. «Скорей погибну, чем отдам себя и семью в рабство» – гласил текст присяги партизан от 12 мая 1942 г., цитируемый в учебных пособиях. Если партизаны не могли заминировать рельсы, бросались с миной под паровоз, как Коля Гойшик. Не случайно, по мнению минской школьницы, подвиг советского народа – это самопожертвование, презрение к смерти²⁰.

Концентрируя внимание на начальном периоде войны, белорусские учебники, в отличие от российских, стремящихся переместить акцент на более значимые для победы события, абсолютизируют мужество и героизм участников обороны белорусской земли летом 1941 г., несмотря на трагические последствия этих боевых действий: «В трагических событиях

1941 г. – не пепел поражений, а вечный огонь памяти героев, пример беззаветного служения Отечеству, любовь к родной земле и ее многострадальному народу»²¹.

Учебная литература, выделяя три основных формы организованного коммунистической партией сопротивления – партизанская борьба, подпольная деятельность, массовый отпор населения – создает образ всеобщего, всенародного партизанского движения («республика партизанка»). Предполагается свободное волеизъявление участия в борьбе: «Борьба на оккупированной территории Беларуси против немецко-фашистских захватчиков была всенародной»²². Никакого упоминания о роли НКВД в организации партизанского движения в учебниках нет. Рисуется и идиллическая картина взаимной помощи народных мстителей и населения: партизаны помогали крестьянам сеять и убирать урожай, а население давало одежду, продукты, собирало оружие²³. При этом целенаправленно дифференцируется национальный состав партизан, где 71 % составляли этнические белорусы²⁴. Поскольку патриотами объявляются все без исключения партизаны, которые «никогда не предавали своих, и никогда не сдавались»²⁵ – происходит героизация всего белорусского народа.

Для белорусских школьников, как свидетельствует анализ сочинений, характерна практически полная консолидация с версией учебника и внедряемых им в сознание концептов. Из более чем ста сочинений только два пытаются растушевать контрастную картину официальной версии истории войны. Лишь одна школьница написала: «Далеко не все могли жертвовать собой и идти на смерть ради своей Родины. Война проявляет сущность человека, его возможности. Встречались и предательство, и ложь»²⁶.

Фокусирование внимания на партизанском движении в нарративе учебников, подробное описание успехов, подчеркивание того, что партизаны контролировали 60 % территории, приводит к закономерным деформациям представлений школьников о вкладе белорусского партизанского движения в победу в Великой Отечественной войне.

Прогнозируемый итог в сочинении минской школьницы: «К партизанам присоединилась в 1944 г. советская армия (в 1944-м году партизанское движение было самым массовым в Белоруссии)²⁷. Следовательно, не партизаны помогли Красной армии освободить Белоруссию, а Красная армия – партизанам.

В подсознание без критики входят образы белорусского народа-героя, самого активного борца против фашизма, переплавившего (как и советский народ) классы и этнические общины, спасшего своим сопротивлением не только остальные народы СССР, но и другие европейские страны.

Основной аргумент, подчеркивающий роль белорусов в разгроме фашизма их членство в ООН: «С учетом вклада народов Беларуси и Украины в победу над Германией на Крымской конференции была принята договоренность пригласить на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско делегации Белорусской ССР и Украинской ССР»²⁸.

Иначе говоря, белорусская героиня выступает в учебниках в качестве самостоятельного феномена. Очевидно, что прослеживается стремление объявить белорусами тех, кто являет собой особенно положительный образ в соответствии с принятой концепцией героизма. В числе самых выдающихся героев-белорусов называются генерал-майор Л.М. Доватор; А.К. Горовец (единственный в мире летчик, сбивший 9 самолетов в битве на Курской дуге); Б.И. Ковзан (единственный в мире летчик, совершивший 4 тарана и оставшийся в живых); Т.А. Лукьянович, спасший немецкую девочку, и ставший прообразом для памятника в Трептов-парке; Л.Е. Маневич, возглавивший в Маутхаузене после гибели Д.М. Карбышева подпольную организацию, и т. д.²⁹. Белорусы перечисляются среди сражавшихся на фронтах (1,3 млн. человек.), Героев Советского союза (446 человек), участников парада победы 24 июня 1945 г. (20 генералов и 200 солдат и офицеров), а также из числа 200 человек, повторивших подвиг А. Матросова (16 белорусов), из 234 партизан-Героев Советского Союза человека (88 чел)³⁰ и т. д. Учебники включают отдельные параграфы: «Герои тыла – уроженцы Беларуси»³¹. Таким образом,

в контексте наиболее значимого исторического события XX века формируется культ национальных героев. При этом их этническая принадлежность определяется по разному: «из Беларуси», «белорусы», «уроженцы Беларуси» «белорусы и уроженцы Беларуси».

Поскольку с определением этнического самосознания советских людей возникают определенные проблемы, главным формирующим и консолидирующим белорусскую нацию фактором в учебниках выступает территория. Здесь прослеживается прямая преемственность с советской традицией, когда нации конституировались как территориальные образования, идентичность увязывалась с территориальными признаками.

Исходя из этого, война для белорусов началась не в 1941 г., а в 1939 г.; когда они противостояли немцам в рядах польской армии, в том числе защищали брестскую крепость. При этом за основу берется современная территория Республики Беларусь, которая экстраполируется на период войны. Ни слова не говорится о Вильно, который освобождался как белорусский город. Белорусскими не признаются районы, отошедшие после войны к Польше. Так, в учебнике под редакцией В.Н. Сидорцова указывается, что в 1939 г. к западнобелорусским землям были присоединены западные уезды белостокского воеводства³². Однако в целом, по мнению авторов другого пособия, это было лишь незначительное отклонение от законной, этнической границы между Белорусами и поляками: «Линия границы между советскими и германскими войсками в основном совпала с «линией Керзона», которая в свое время была признана Великобританией и Францией»³³. Авторы белорусских учебников твердо стоят на позиции, что СССР не пошел на провокацию, не занял польскую территорию вместе с Варшавой, и были освобождены только западнобелорусские территории. Следовательно, освобождение территории, которая с 1939 г. вошла в историю как Западная Белоруссия, «завершило многовековую борьбу белорусского народа за национальную и социальную справедливость»³⁴, «был положен конец

искусственному разделению белорусского этноса». В свою очередь «Воссоединение белорусов в едином национальном государстве стало одним из факторов победы в Великой отечественной войне»³⁵. Таким образом, белорусы, имевшие право на территорию, вновь отвоевали жизненное пространство и восстановили историческую справедливость.

При таком подходе первостепенное значение в национальной концепции войны приобретает территория Белоруссии, которая становится центром боевых действий. Внимание концентрируется на начале войны (оборонительных боях лета 1941 г.) и освобождении Белоруссии в 1944 г.

Белорусскоцентричная концепция рассматривает события войны за пределами территории Беларуси как периферийные. В «Истории Беларуси» для 11 класса их нет вообще. Сталинградская, Курская битвы и другие операции на территории СССР отнесены к курсу Всемирной истории. К тому же прослеживается цель авторов учебника сконцентрировать интерес учеников на событиях на территории малой родины – региона, области, района.

В итоге школьники ставят оборону Брестской крепости и операцию Багратион в один ряд по значимости со Сталинградской битвой, взятием Берлина, блокадой Ленинграда и т. д.³⁶. В сознании подрастающего поколения все, кто находился на территории современной Беларуси в годы войны, автоматически признаются белорусами. Минская школьница пишет: «Белорусы приняли на себя первый удар немецкой армии, огромное количество людей сражалось с ними на фронтах, около 500 тысяч партизан и подпольщиков вели борьбу на захваченной немцами территории. Несмотря на то, что немецкая армия была вооружена намного лучше белорусов, это не смогло остановить наших. И днем и ночью шли жестокие бои за свободу. Была разгромлена вся Беларусь, и не только»³⁷. И такое убеждение не единично³⁸. Происходит экстраполяция территории на действующих на ней лиц и происходящие на ней события. «Наступательная операция «Багратион» становится белорусской. Белорусская земля выступает источником победы: «Огромную

роль в победе сыграла наша родная земля, которая богата болотами и лесами <...> У партизан было преимущество в том, что большинство из них прекрасно знали всю местность: и леса, и болотистую часть территории»³⁹.

Соответственно советские символы мужества для школьников постепенно в соответствии с территориальной принадлежностью превращаются в белорусские, как, например, Брестская крепость – «наша с вами любимая»⁴⁰.

Необходимость внедрения в общественное сознание лозунгов свободы, независимости, суверенитета Белоруссии деформирует и удлиняет историю белорусской государственности. Речь в учебниках идет не о БССР, не о Белоруссии, а о Беларуси в годы войны, как субъекте права. В сознании школьника формируется прочная традиция белорусской государственности, угрозой которой представляла фашистская Германия. Оказывается, что больше всех пострадало от войны белорусское государство! В учебнике под редакцией Е.К. Новика прямо говорится, что гитлеровцы ликвидировали государственность белорусского народа и территориальную целостность республики, разделив Белоруссию на 5 частей⁴¹. Территория выступает главным признаком и основой государственности. Все остальные ее атрибуты не имеют значения, что подтверждает освещение в учебниках национальной политики немцев на Белорусской территории: «На территории оккупированной Беларуси выходили газеты и журналы. Велись радиопередачи, демонстрировались кинофильмы. Действовали отдельные театры и кружки художественной самодеятельности. Немцы даже издали приказ, чтобы артисты Минского драматического театра сдали экзамен по белорусскому языку, а также выучили немецкий гимн, марши стихи, посвященные Гитлеру»⁴². Эта политика, хотя и выглядит неясной, позволяет догадаться об определенном внимании к белорусскому языку и культуре. В вопросах к тексту упоминается, что в начале 1943 г. В. Кубе говорил о сохранении «нордической крови» белорусов⁴³, то есть об их расовой полноценности.

Тем не менее, коллаборанты, которые добивались создания национального государства, однозначно объявляются предателями, «самостоятельная Беларусь» под эгидой гитлеровской Германии закавычивается⁴⁴. В соответствии с концепцией народ-герой утверждается, что в Белоруссии имели место лишь отдельные явления коллаборационизма, предателей было мало, поэтому нацисты вынуждены были вводить в Белоруссию для уничтожения евреев и борьбы с партизанами полицейские батальоны из других национальностей⁴⁵. Хотя тщательно перечисляются органы национальной власти и националистические организации белорусов, умалчивается, что вооруженные белорусские антисоветские формирования по состоянию на 24 января 1945 г. по немецким источникам (Министерство германии по данным оккупированных Восточных областей) насчитывали 19 000 человек⁴⁶.

Деятели национального движения трактуются крайне негативно, и должны вызывать у читателя презрение к их трусости: через несколько дней «конгрессмены» «под звуки артиллерийской канонады советских войск убегали в Берлин и Кенигсберг»⁴⁷ (речь идет об участниках Второго всебелорусского конгресса 27 июня 1944 г. в Минске). Неудивительно, что никакой национальной коннотации в представлениях о коллаборационизме белорусских школьников нет. Они пишут: «Были предатели, которые при малейшей угрозе жизни переходили на сторону врага»⁴⁸, «им была дорога своя жизнь больше, чем будущее их потомков»⁴⁹. Следовательно, речь идет о простой человеческой слабости, а не о попытках воплощения национальной идеи.

Напротив, много пишется о борьбе партизан за свободу. Представляя партизан как главных борцов за независимость, учебники чаще всего обращаются к официальным документам партизанского движения, которые удачно подтверждают официальную концепцию освобождения белорусской территории. Например, текст присяги партизан 12 мая 1942 г. гласил: «Я, гражданин Союза, Советских Социалистических Республик, верный сын героического белорусского народа,

присягаю, что не пожалею ни сил, ни самой жизни для дела освобождения моего народа от немецко-фашистских захватчиков и извергов и не сложу оружия до того времени пока родная белорусская земля не будет очищена от немецко-фашистской погони»⁵⁰. За какую форму суверенитета боролись партизаны учебник умалчивает, но понятно, что за советскую республику.

Поэтому в целом складывается впечатление, что Красная армия и партизаны отвоевали нынешнюю белорусскую независимость. Тем более, что официально днем независимости в Республике Беларусь является 3 июля – день освобождения Минска от немцев.

Преемственность белорусских учебников с советской концепцией войны облегчают формирование межпоколенной гармонии в оценке событий. Школьники идентифицируют себя с предками-героями, с тем народом, который воевал: «Мы смогли, мы не пали»⁵¹. Мы сражались, мы оборонялись⁵². «Наши люди вырвали победу с помощью своей силы воли, мужества и любви к Родине <...> Наш героический народ победил и отстаивал право на свободу и родную землю»⁵³.

Однако ответ на вопрос о том, с каким же народом они себя соотносят, не имеет однозначного ответа. Это, прежде всего, «советский народ», «советские люди» или «советская нация» как целое: «Гитлер хотел полностью уничтожить советскую нацию. Он ставил своей задачей полностью истребить население советского союза и ничего не оставить»⁵⁴. Помимо советского народа встречается и «белорусский народ», и «славянский народ». Какое большое значение имеет слово война «для нас (славянских народов)» пишет брестский школьник⁵⁵.

Восточнославянскую этническую идентичность можно оценить как весьма распространенную в среде современной белорусской молодежи. Серьезный фундамент для ее формирования закладывает учебная литература. Признавая вклад советского народа в победу, учебники делают заметный общеславянский акцент. Если победа не представлена как дело рук одних белорусов, то однозначно Белоруссии, России и Украины. Учебник «История Беларуси» под редакцией Е. Новика

для 11 класса однозначно указывает, что война велась против русских, белорусов и украинцев (выселить 75 %, остальных онемечить). Дифференцированные по этническому принципу цифры выгодно отличают эти народы и доказывают их решающий вклад в победу. Так, среди партизан более 70 % составляли белорусы, 20 % – русские, 4 % – украинцы, 3 % – евреи⁵⁶. Из 11 603 героев советского союза было 7998 русских, 2021 украинец, 446 белорусов, но только 161 татарин, 107 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 45 чувашей, 43 азербайджанца и т. д.⁵⁷ Россия, Украина и Белоруссия представлены главными хранителями памяти о войне. Сообщается, что в 2000 г. на месте Курской битвы президенты трех суверенных государств открыли колокол единения славянских народов⁵⁸.

Выделение славянских народов из общей массы советских людей характерно и для сочинений школьников: «Героизму русских, белорусов, украинцев, да и всех славян удивлялись сами немцы-фашисты»⁵⁹. Они пишут о героических поступках славянского народа⁶⁰, о том, что война стала трагедией «для многих народов и стран, а для России и Белоруссии особенно»⁶¹.

Таким образом, официальный дискурс независимой Беларуси успешно сохраняет и культивирует идею восточнославянского единства и препятствует тем самым формированию европейской идентичности белорусов. Подчеркивается, что только братская взаимопомощь помогла противостоять врагу и, следовательно, является залогом предотвращения подобных ситуаций в будущем.

Формируя отчетливый негативный образ врага в соответствии с советской традицией и терминологией (захватчики, оккупанты, гитлеровцы-душегубы), белорусские учебники придают ему исключительно немецко-японскую этническую окраску – немецко-фашистские захватчики и японские милитаристы. Никаких претензий, которые могли бы предъявить белорусы к другим этносам, нет. В описании межнациональных противоречий в годы войны белорусские учебники отличаются крайней толерантностью. Правда

упоминается, что оккупационный режим поддерживали украинские, литовские и латышские полицейские батальоны, которые отличались не меньшей лютостью, чем гитлеровцы. Но указывается, что Хатынь сожгли каратели⁶², а не 118-й украинский полицейский батальон⁶³. По белорусской версии нацисты вынуждены были вводить полицейские формирования из других национальностей из-за незначительного количества местных коллаборантов и для уничтожения евреев (а не белорусов).

В учебной литературе не упоминаются ни сложные взаимоотношения между партизанами и Армией Крайовой (белые или польские партизаны) и ОУН–УПА, ни острая борьба населения с администрацией, представленной в основном поляками или белорусами-католиками, стремившимися воссоздать новую Польшу⁶⁴. Только в пособии по Великой Отечественной войне есть фраза о «случаях вооруженных конфликтов с партизанами» Армии Крайовой. У школьников не формируется представлений о гражданской войне и межэтнических противоречиях. Только в одном сочинении пишется: «брат убивал брата, сосед – соседа, друг – лучшего в прошлом друга»⁶⁵. Такой глянцево-версией межэтнических отношений в годы войны укрепляются ментальные конструкции и представления о мирном, неагрессивном, не воинственном характере белорусов.

Поскольку для формирования государства-нации нужна значительная трагедия в прошлом, ставится задача убедить учащихся в том, что Белоруссия – главная жертва Великой Отечественной войны. Постепенно возрастает количество жертв на белорусской территории. Если раньше погибшим считался каждый четвертый белорус, то теперь каждый третий. Количество погибших на территории Белоруссии с 2,2 млн. выросло до 3 млн. (на 10 млн. населения до войны). В это число входит 800 тыс. военнопленных разных национальностей, погибших в лагерях на территории Белоруссии. Не упоминается, какую часть погибшего гражданского населения составляли евреи (в разделе о Холокосте упоминается 600 тысяч, по данным

историографии значительно больше – около 1 млн.) Не говорится, сколько этнических белорусов погибло на полях сражений (видимо потому, что эта цифра выглядит не столь впечатляющей – 250 тыс.), но во всех учебниках сообщается, что воевали на фронтах 1,3 млн. белорусов и 400 человек стали Героями Советского союза. Таким образом, Беларусь хочет подчеркнуть свою уникальность и представить себя наибольшей жертвой. Учебники успешно внедряют это в сознание подрастающего поколения. Школьники пишут: «В Великой Отечественной войне всегда выделяли белорусов. А почему? Каждый третий в Витебске и каждый четвертый по всей Беларуси был убит... память об этих солдатах навсегда останется в моем сердце»⁶⁶; «Никто и никогда не сможет подсчитать, сколько белорусов полегло в снегах под Москвой, на улицах Сталинграда, в полях под Курском, на военных дорогах и в многочисленных лагерях смерти»⁶⁷.

Таким образом, белорусское руководство успешно использует механизмы формирования идентичности прежней советской эпохи. Идеологический каркас режима образовала память о войне, которая и до создания независимого государства являлась всеобщей, укоренившейся. Официальная политика памяти направлена на то, чтобы это важное событие исторического прошлого транслировать новым поколениям, создавая общие, коллективные межпоколенческие связи и переживания.

Новый белорусский национализм строится на прежних героических и мобилизующих ценностях, которые позволяют придать легитимность режиму через умолчания, полуправду, мифы. Значимым остается и социальный компонент. Люди, с которыми идентифицируют себя белорусские школьники, боролись и за социальную свободу, за идеалы коммунизма, социализма, а не только за свою государственность.

Вместе с тем война в новой белорусской интерпретации являет пример именно национального героизма, борьбы за национальное самосохранение. Эта версия Второй мировой и Великой Отечественной войны построена на том, что фашистская

идеология угрожала белорусскому государству, территории, белорусам как этносу. Тем самым война помогает белорусам восстановить собственное «Я» в истории. В целом жесткая целенаправленная мифотворческая (идеологическая) политика, опирающаяся на советский опыт, позволяет конструировать новую белорусскую идентичность с выраженными восточнославянскими коннотациями.

¹ Кизима С.А. Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект. Автореф. дисс. ... докт. политич. наук. Минск, 2009. С. 15.

² Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) С. 76.

³ Шибека З. Проблемы становления современной белорусской нации // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории / Состав. А.Е. Тарас. Минск, 2009. Вып. 1. С. 60.

⁴ Учебные программы для общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. Всемирная история. История Беларуси. V–XI классы. Минск, 2009. С. 58–69.

⁵ Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для 11-го кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения с 11-летним сроком обучения / А.А. Коваленя и др.; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича. Минск, 2004.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Там же. С. 55, 126.

⁸ Архив Отдела гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. Фонд сочинений школьников 2010 г. (Далее Архив ОГИ РИСИ). Брест. № 2.

⁹ Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель, 2009. С. 152.

¹⁰ Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапам. для 11-га кл. агульнаадукац. устаноў з беларус. мовай навучання / Пад рэд. Я.К. Новіка. Мінск, 2009. С. 154.

¹¹ Архив ОГИ РИСИ. Домачево. № 2.6.

¹² Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапам. для 11-га кл. С. 175.

¹³ Там же. С. 220

¹⁴ Архив ОГИ РИСИ. Брест. № 12.

- ¹⁵ Там же. Домачево. № 2.12.
- ¹⁶ Там же. Брест. № 10.
- ¹⁷ Там же. Брест. № 18.
- ¹⁸ *Сидорцов В.Н., Панов С.В.* История Беларуси. 1917–1945 гг.: учебное пособие для 9 кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения, с 12-летним сроком обучения; под ред. Н.С. Сташкевича. Минск, 2006. С. 131.
- ¹⁹ Великая Отечественная война советского народа. С. 203–204.
- ²⁰ Архив ОГИ РИСИ. Минск. № 12.
- ²¹ Великая Отечественная война советского народа. С. 50.
- ²² Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапаможнік для 11-га кл. С. 162–163, 169.
- ²³ Великая Отечественная война советского народа. С. 133.
- ²⁴ Там же. С. 114; *Сидорцов В.Н., Панов С.В.* Указ соч. С. 131.
- ²⁵ Архив ОГИ РИСИ. Брест. № 4.
- ²⁶ Там же. Минск. № 12.
- ²⁷ Там же. Минск. № 4.
- ²⁸ Великая Отечественная война советского народа. С. 202–203.
- ²⁹ *Сидорцов В.Н., Панов С.В.* Указ соч. С. 183–185; Великая Отечественная война советского народа. С. 182.
- ³⁰ Великая Отечественная война советского народа. С. 182, 192, 204–205.
- ³¹ Там же. С. 176
- ³² *Сидорцов В.Н., Панов С.В.* Указ соч. С. 135.
- ³³ Великая Отечественная война советского народа. С. 29.
- ³⁴ Там же. С. 31.
- ³⁵ *Сидорцов В.Н., Панов С.В.* Указ соч. С. 130.
- ³⁶ Архив ОГИ РИСИ. Минск. № 12.
- ³⁷ Там же. № 7.
- ³⁸ *Гронский А.Д.* Представление о войне у современной белорусской молодежи по опыту рецензирования текстов работ, направленных на конкурс, посвященный 65-летию освобождения Белоруссии. Текст размещен на Интернет-сайте: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/horoshie_t2.html
- ³⁹ Архив ОГИ РИСИ. Минск № 4.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапаможнік для 11-га кл. С. 158–159.

- ⁴² Там же. С. 160.
- ⁴³ Там же. С. 162.
- ⁴⁴ Там же. С. 159.
- ⁴⁵ Великая Отечественная война советского народа. С. 91.
- ⁴⁶ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008. С. 50.
- ⁴⁷ Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапаможнік для 11-га кл. С. 171.
- ⁴⁸ Архив ОГИ РИСИ. Брест. № 3.
- ⁴⁹ Там же. Минск. № 4.
- ⁵⁰ Великая Отечественная война советского народа. С. 120.
- ⁵¹ Архив ОГИ РИСИ. Брест. № 8.
- ⁵² Там же. Брест. № 1.
- ⁵³ Там же. Брест. № 4.
- ⁵⁴ Там же. Минск. № 12.
- ⁵⁵ Там же. Брест. № 10.
- ⁵⁶ Великая Отечественная война советского народа. С. 131.
- ⁵⁷ Там же. С. 204.
- ⁵⁸ *Сидорцов В.Н., Панов С.В.* Указ соч. С. 131–132.
- ⁵⁹ Архив ОГИ РИСИ. Брест. № 11.
- ⁶⁰ Там же. Брест. № 4.
- ⁶¹ Там же. Брест. № 19.
- ⁶² Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст.: вучэб. дапаможнік для 11-га кл. С. 160–161.
- ⁶³ *Деружинский В.* Потери белорусов: печальная демография // Деды: дайджест публикаций о белоруской истории / Сост. А.Е. Тарас. Минск, 2009. Вып. 1. С. 35.
- ⁶⁴ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем. С. 52.
- ⁶⁵ Архив ОГИ РИСИ. Брест. № 13.
- ⁶⁶ Там же. Домачево. № 2.3.
- ⁶⁷ Там же. Домачево. № 2.4.

Снежкова И.А. Народ и власть в представлениях российских и украинских студентов: этнопсихологическое исследование (2006–2009 гг.)¹

Средства массовой информации России и Украины в течение последних десятилетий вели информационную войну против друг друга. Еще недавно дружественные народы, которые не думали враждовать друг с другом, стали настороженно смотреть в сторону соседа. В настоящее время Д. Медведев и В. Янукович предпринимают активные попытки в налаживании двухсторонних отношений в политической, экономической и социальной сферах, однако пока равновесие остается хрупким.

Цель нашей работы заключалась в исследовании представлений молодежи России и Украины на протяжении нескольких лет о собственной власти и народе и государства соседа.

В 2006–2009 годах было опрошено 600 студентов в г. Москве и г. Киеве, а также в Крыму. Исследование проводилось в России: в Российском гуманитарном государственном университете, Московском Государственном университете дизайна и технологий, в Государственном университете гуманитарных наук, Московском педагогическом университете им. В.И. Ленина, Московском педагогическом университете им. М.А. Шолохова. На Украине: в Киево-Могилянской академии, Государственном университете театра, кино и телевидения, Национальном медицинском университете и в Таврическом университете.

Методы исследования включали в себя социологический опрос и проведение рисуночного теста, на тему «образ власти и народа»¹. Социологический опрос предполагал выяснить восприятие молодежью власти и народов двух стран на рациональном, рефлексорном уровне. Анализ рисунков на ту же

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 07-01-91101а/У.

тему предполагал выяснение представлений о власти и народе на бессознательном уровне. Исследование проводилось по аналогии с известным тестом «Моя семья»: учитывалось содержание рисунков, величина изображения, местонахождение персонажа, взаимодействие народа и власти.

Результаты исследования.

Первоначально мы попытались выяснить представление молодежи об элите общества вообще и о властной элите в частности. Молодые люди России и Украины имели сходные представления об элите. По их мнению, *«элитой можно считать людей, которые имеют высокое положение в сфере своей деятельности – политики, бизнесмены, деятели культуры и спортсмены»; «элита – это люди, способные улучшить жизнь общества»; «элита должна уметь организовать общество так, чтобы оно постоянно двигалось вперед».*

Следует выделить часто встречающийся аспект среди ответов молодежи, касающийся поисков морального и духовного начала, обязательного для представителей элит: *«Элита – это люди с духовной культурой, высокообразованные, болеющие душой за свою страну, с чистым моральными устоями».* Однако многие респонденты отмечали разницу между желаемым образом элиты и существующим в реальной жизни: *«К сожалению, существует разница между элитой, которая имеет духовную и моральную основу и той элитой, которая нами руководит, заботясь не о благе народа, а своем кармане».*

Характеристика конкретных людей, относимых большинством к элите в различных областях человеческой деятельности, позволяет уточнить, что респонденты были наиболее осведомлены о властной элите, бизнес элиту они относили к элите лишь номинально, указывая, что ее капиталы были приобретены нечестным путем. Среди научной и культурной элиты было названо много представителей старшего поколения или людей, уже ушедших из жизни, что также свидетельствует о том, что среди молодежи не так много знаковых фигур.

Среди известных людей, входящих в состав элиты государства в прошлом и в настоящем респонденты России отмечали российских царей, древнерусских князей, политических деятелей СССР, современных отечественных политиков. На Украине среди представителей элиты респонденты выделяли древнерусских князей, деятелей науки и культуры, причастных к формированию украинской идентичности и государственности в прошлом и настоящем, а также современных политиков.

Известно, что эффективность политической элиты зависит от способности сформировать внутригрупповые ценности в альянсе с общесоциальными, основываясь на моральных установках. На вопрос, справляется ли элита со своими обязанностями, в России 56 %, а на Украине 82 % респондентов ответили отрицательно.

В России молодежь указывала: *«Люди, находящиеся у власти, не имеют представления об истинном положении народа в стране, они приходят во власть из-за денег и не собираются решать проблемы простых людей»; «Власть у нас слепо, глухо, немая, хотя говорить она может, но ничего для народа не делает»; «Народ не доверяет власти, власть не служит народу».*

Украинские респонденты также отмечали: *«Власть думает только о себе, не улучшает нашу жизнь»; «Нет реального механизма связи власти и народа»; «Перед очередными выборами власть много обещает, а потом не выполняет обещаний»; «Постоянная борьба властных группировок разрушительна для страны».*

В центральном регионе Украины респонденты отмечали наличие сильных региональных элит на западе и юго-востоке, которые пытаются проводить самостоятельную политику, вступая в противоречия с действующей властью. В Крыму, опрашиваемая нами молодежь говорила, что *«центральная власть и элиты игнорируют проблемы крымчан, отсюда возникает отчуждение от власти».* Студентам очень хотелось бы, чтобы *«руководящие элиты не делили страну на своих и чужих, на людей первого и второго сорта».*

Относительно существования контр-элиты респонденты России отвечали, что *«она, если существует, то находится в глубоком подполье»*, на Украине от частой перестановки политических фигур потерялось ощущение кто правящая, кто контр-элита. Респонденты обеих стран в 2007 г. на вопрос *«Можно ли назвать элиты России и Украины выражающими интересы своих стран?»* ответили отрицательно.

Российские студенты отвечали: *«Семьи многих представителей власти живут за рубежом, они здесь только зарабатывают деньги их нельзя назвать национальной элитой»*; *«Власть, которая все заработанные деньги хранит в иностранных банках не является национальной»*. Украинские студенты отвечали на этот вопрос преимущественно отрицательно, основываясь на том, что национальная элита должна учитывать интересы всего государства, а не части его. Ответы были следующие: *«Элита заботиться о себе, а не о народе»*, *ее нельзя назвать национальной»*; *«Часть элиты считает, что присоединение к Евросоюзу решит все проблемы, часть заигрывает с Россией»*.

Однако в 2008–2009 годах среди российских респондентов появилось более оптимистическая оценка деятельности президента Д. Медведева и премьера В. Путина, которые, по их мнению, стали работать на благо народа. В одной из анкет было написано: *«Мне кажется, что с образованием тандема Медведев–Путин ситуация изменилась в лучшую сторону. Не потому что В. Путин был хуже, а потому, что власть стала сильнее в союзе президента и сильного премьера и, наконец, повернулась лицом к народу»*.

Нами была предпринята попытка опросить молодежь России и Украины относительно причин отдаления двух, некогда братских народов друг от друга. У российских студентов наиболее повторяющиеся ответы были следующими: *«Причиной отдаления России и Украины стал распад СССР и безответственная политика Б. Ельцина, подписавшего Беловежское соглашение»*; *«Желание украинцев обрести независимость»*; *«Усилились русофобские настроения, которые*

стали новой идеологией Украины, чтобы подчеркнуть свое отличие от России».

С точки зрения украинских респондентов, отделение Украины от России произошло по следующим причинам: «Стремление народа к построению независимого государства»; «Как результат борьбы за свободу украинского народа»; «Распад СССР позволил народам выбрать свой путь развития».

Однако примерно половина молодежи двух стран считала, что отношения между двумя странами должны быть — «Дружескими, достойными, без взаимных упреков»; «Элиты России и Украины должны искать компромиссы, выстраивать равноправные отношения, уважать друг друга, помогать развитию отношений населения двух стран»; «Искренне хотелось бы, чтобы родственные народы не поддавались влиянию СМИ и жили бы в дружбе».

Российская молодежь акцентировала внимание на необходимости крепить славянское единство, украинская молодежь отмечала помимо построения дружеских отношений развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество с Россией.

По мнению респондентов, образ России и Украины в двух странах стараниями властных структур и подконтрольных им СМИ сформировался отрицательный. В России украинцев считают «Предателями, которые неплохо жили в СССР и теперь в угоду Западу, очерняют Россию».

На Украине существуют региональные различия в оценке России: в центральной и западной части Украины образ России был отрицательным, в юго-восточной — положительным. По мнению респондентов г. Киева образ России представляется им как «хитрый, агрессивный и коварный сосед». С точки зрения крымчан, «Россия — брат; более устойчивая страна, с которой надо дружить».

Поскольку элита ассоциируется, прежде всего, с людьми, стоящими у власти, среди российских и украинских студентов был проведен рисуночный тест, задачей которого было визуальное изображение власти и народа в России и на Украине.

В контексте политико-психологического анализа важно было проследить, как изображается респондентами власть (с симпатией, апатией, антипатией). Какое место рядом с властью занимает народ (находится рядом, в центре, снизу, сбоку). Какое взаимодействие происходит между властью и народом (народ поддерживает, безразличен, испытывает страх перед властью). Какие комментарии имеют место под рисунками.

Изображение власти и народа в России в 2006–2007 годах российскими студентами.

Исследование, проводившееся в России в 2006–2007 г. показало, что наиболее повторяющиеся изображения власти носили агрессивный характер (строгий президент, царь, хищные чудовища и рыбы).

Основные повторяющиеся сюжеты:

- *Власть изображаемая в лице президента*, как правило, имела демонстрационный характер. Президент выступал как символ – «человек-власть», имея такие же агрессивные, как и власть черты. Чаще его изображали в царской короне, на троне, а место народа рядом с ним, как правило, находилось далеко внизу.

- *Власть в виде хищных животных, рыб, змей* имела выраженный агрессивный характер, обычно огромное животное или рыба пожирает или охотится за маленькими людьми.

- *Власть изображаемая как скопление зданий корпораций, замков, коттеджей, банков, огороженных от людей высоким забором*, также демонстрировала закрытый характер властных структур.

- *Изображение власти с символами смерти (череп, могилы)* символизировало опасный характер власти.

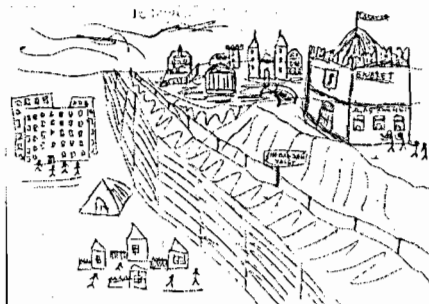
- *Власть в виде собирательного образа царя с короной со скипетром и державой* – образ авторитарного характера власти.

- *Власть с атрибутами силы* – оружие, надписи «ФСБ», «КГБ».

• *Власть как двуглавый орел, герб, флаг, Кремль* – основные символы российского государства.

Помимо власти в 45 % рисунков имело место изображение народа. В большинстве своем – это были мелкие фигуры, значительно уступающие власти по величине, находящиеся внизу или сбоку. Народ изображается безликой, плохо прорисованной массой, состоящей из схематических человечков или из «бывших» людей – могил с крестами. Часто народ рисовали в виде слабых, пугливых животных, например, зайцев, или частей человеческого тела (голов, ртов, рук).

Взаимодействие власти и народа носит опасный для последнего характер. Власть его пожирает, топчет, дразнит мелкими подачками (к примеру, бутербродами на ниточках), отгораживается. На многих рисунках между народом и властью находится преграда в виде стены, забора, рва с водой.

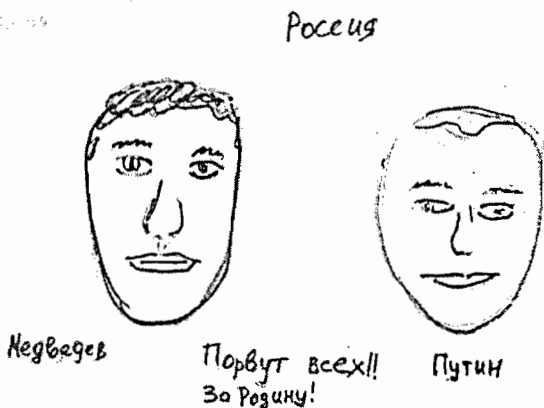

Как видно из рисунков, власть занимает центральное место, она четко и ярко прорисована. Характер взаимодействия власти и народа, отсутствует, власть живет сама по себе, народ сам по себе. В случае взаимодействия с народом, последний становится ее «жертвой»,

Изображение власти и народа в России в 2008–2009 годах российскими студентами.

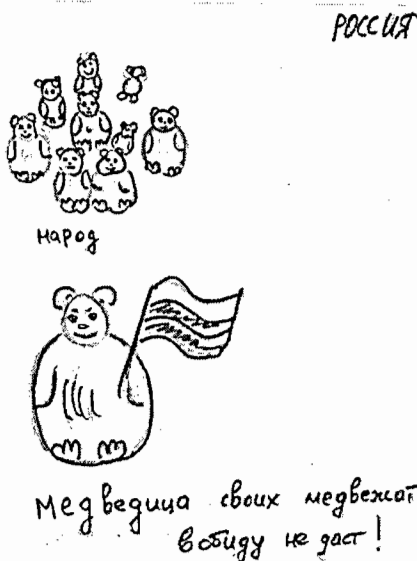
Изображение власти и народа в России изменилось в 2008 г. По-видимому, это связано с ослаблением олигархических группировок, определенным поворотом власти к народу, удачным тандемом Д. Медведева и В. Путина

Основные повторяющиеся сюжеты:

• *Единство президента, премьер-министра и народа.* Новой и, во многом неожиданной для исследователя темой, было отображение молодежью патриотизма властей, единства двух ветвей власти и народа. Еще одним положительным фактором, зафиксированным на рисунках, была деятельность элит на благо страны и народа. На типичном для этого блока рисунке изображены президент и премьер-министр страны, занимающиеся одним делом, при этом частыми были подписи: «союз с народом», «крепкая дружба», «одна большая семья»;

«Путин и Медведев тянут Россию в гору им помогает народ»;
 «Медведев и Путин порвут всех за Родину!».

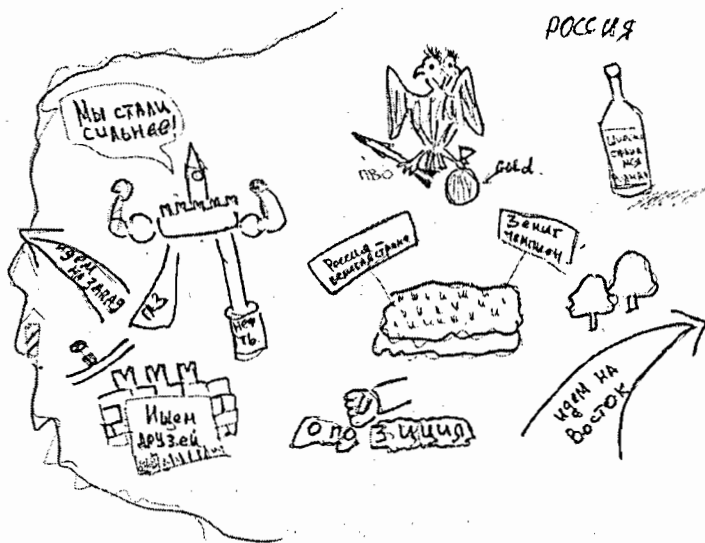

• *Защита президентом своих сограждан.* Появление в рисунках мотива защиты интересов граждан свидетельствует о фиксации внимания респондентов на правовом аспекте сознания. Сам факт юридического образования президента Д. Медведева, его заявления об антикоррупционной деятельности, главенстве

закона, отстаивании прав граждан в судах нашли отражение в восприятии опрашиваемой молодежи. На многих рисунках присутствовали надписи «торжество закона, суда», «защита граждан», «нет коррупции». Один из рисунков этой серии изображал, упитанную медведицу с медвежатами с российским флагом и подписью «Медведица своих медвежат в обиду не даст».

• *Повышение жизненного уровня.* Блок рисунков на эту тему отображал Россию, в которой стало лучше жить, которая активно строится и богатеет, где власть заботится о своем народе. Не обошли респонденты тему кризиса, отношение к которому было довольно спокойное: «относительно кризиса подумаем и преодолеем» – было написано в нескольких комментариях к рисункам.

• *Геополитические устремления Российской власти.* Часто встречающийся сюжет на эту тему – карта России, с многочисленными рисунками на ней, символизирующими

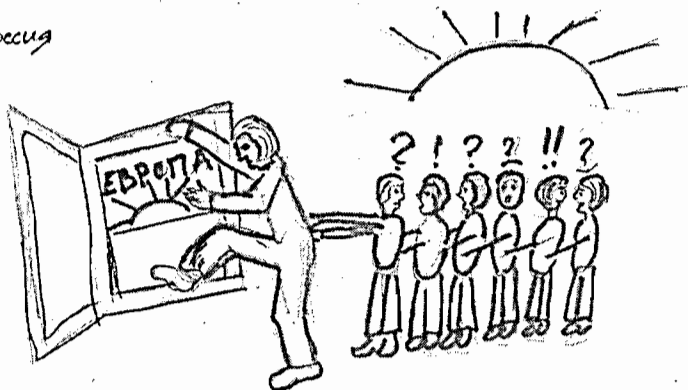

Россию (Кремль, двуглавый орел, ракеты, нефть, газ). При этом направление политических ориентаций России отображалось с помощью «указателей на дорогах, стрелок, объявлений» – «идем

в Европу», «идем на Восток», «ищем друзей». Готовность взаимодействовать со всеми народами выразилась на одном из рисунков, изображавшим земной шар, на котором было написано «мы прислушиваемся ко всем, к Европе, Америке и Азии».

• *Самодостаточность России.* Тема рисунков этого направления пересекалась с предыдущей «геополитической позицией». На одном из рисунков была надпись «мы сами с усами», «у нас все есть», «нам не обязательно вступать в

Россия

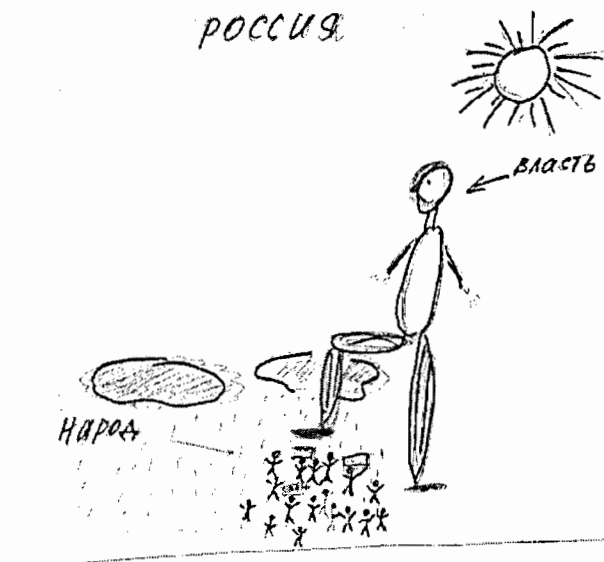
Идут в Европу, привлеченные их "солнцем", не видят, что у нас тоже есть "солнце" и возможно даже лучше ихнего.

Евросоюз и НАТО, пусть кто хочет, присоединяется к нам». В связи с этим характерно изображение очереди людей перед «окном в Европу», размышляющих «надо ли с ней сливаться?». Подпись к рисунку гласит «У нас есть солнце, и возможно даже лучше ихнего».

• *Мы любим всех.* Чаще всего рисунки на эту тему представляли карту России с нарисованным на ней сердцем, улыбающимися людьми, веселыми смайликами и подписями «Мы любим всех», «все народы, проживающие у нас – единый российский народ».

• *Власть не замечает народа.* Ряд рисунков, 10% от общей совокупности, отображал власть отстраненной, живущей

своими интересами и не замечающей проблем народа. На одном

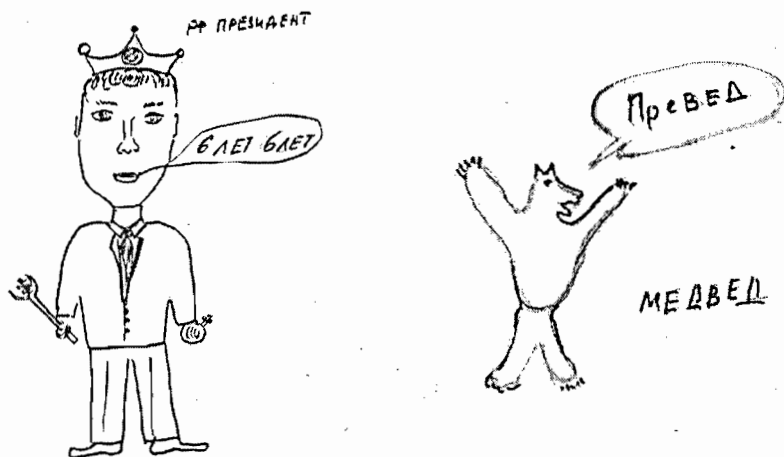

из рисунков власть изображалась в виде великана, который одной своей ступней готов раздавить находящийся внизу маленький народ.

- *Управляемая демократия.* Этот блок рисунков касался проблем выборов, на которых доминирует одна партия – «Единая Россия», что критично рассматривалось респондентами. На рисунках на эту тематику изображалась партия «Единая Россия», ворующая голоса и подделывающая бюллетени у других партий. На рисунках имелись комментарии – «управляемая демократия – это не демократия», «надо выбрать не из одного, а из многих».

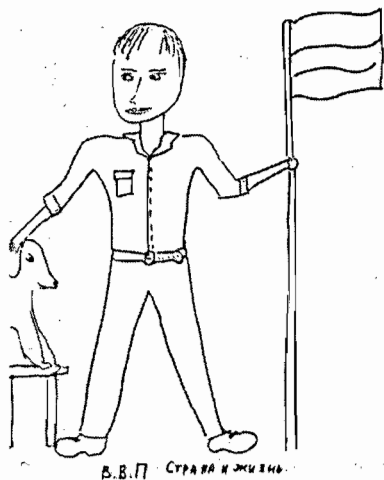
- *Несправедливое распределение доходов.* Эта тема критически освещалась респондентами, в частности, на одном из рисунков был изображен нефтяной фонтан, бьющий из земли и разветвляющийся как дерево, на ветвях которого было написано: «Москва, Сити, олимпиада, Единая Россия», а внизу «бедность», «дешевый труд», «маленькие пенсии».

• *Президент Д. Медведев.* Образ президента часто ассоциировался у молодежи с медведем и его «разновидностями», например, с пандой, с медведицей, с «медведем» (без мягкого знака, компьютерный новояз); другая

группа рисунков изображала Д. Медведева в образе аккуратного пай-мальчика, в костюмчике с портфелем, с российским флагом, со скипетром и державой. В образе Медведева нет отстраненности, величественности, статики. На рисунках он улыбается, превращается в животных, выглядит современным молодым человеком из среды интеллектуалов. Однако многие респонденты отмечали, на их взгляд, несоответствие реальных личностных качеств президента и того, как в последнее время он пытается себя подать в ущерб демократическому образу. Респонденты отмечали «нарочитую серьезность Медведева», «нехватку естественности», «желание выглядеть важным политиком в ущерб открытости и искренности». Высказывались мнения, что в подобной подаче главы государства, возможно, виноваты не самые удачные советы имеджмейкеров президента.

• *Премьер-министр В. Путин.* Образ В. Путина на рисунках ассоциировался как и в бытность его президентом с символами

власти — со скипетром и державой, с шапкой Мономаха, с двуглавым орлом, с российским флагом. Часто Путина изображали в виде кукловода, дергающего за ниточки Д. Медведева. На некоторых рисунках Путина рисовали с оружием в руках, верхом на танке, в окружении ФСБ, с ядерным чемоданчиком, использующего «крылатые выражения», например, «буду краток», «мочить в сортире». В. Путин по-прежнему

принадлежат симпатии респондентов, которые отмечали удачный тандем президента и премьер-министра.

Помимо явных символов власти таких как — флаг, скипетр и держава, шапка Мономаха, Кремль, двуглавый орел, корона, нефть, газ, ракеты, деньги, на рисунках было много скрытых символов власти, которые обычно анализируются психологами как неявные, в частности, — солнце и дерево.

Солнце один из частых архетипических символов нашего сознания. Солнце рассматривается как символический источник власти, перед которым все равны. В психологических тестах солнце интерпретируется как объект, несущий тепло, бодрость, силу и авторитет. Исходя из этого, правомерно предположить, что в связке с властью данный образ служит показателем стабильности и развития. Еще один природный символ — дерево встречался в 8 % рисунков. Символика дерева сложна и богата. В наиболее общем смысле дерево интерпретируется психологами как символ космоса, процессов роста, зарождения и возрождения. Дерево с корнями находящимися под землей и ветвями, вздымающимися к небу, указывает на направленность вверх².

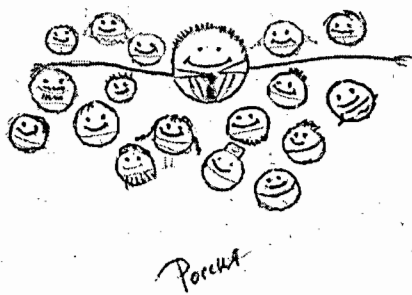
Важен фактор наличия листвы на дереве, разветвленной кроны, глубоких корней. На некоторых рисунках изображаются деревья с листвой и полной кроной, с глубокими корнями (кое-где корни были «проименованы» – Медведев и Путин), в отличие от изображения деревьев в 2007 г. с облетевшей листвой, под дождем и снегом.

Изображение российского народа.

Фигуры, изображающие народ в исследовании 2008 – 2009 годов стали значительно более крупные, чем в предыдущем году. Если в 2007 г. его рисовали маленьким, схематичным, лишенным эмоций, то в настоящее время народ стали изображать в виде хорошо прорисованных фигур, одетых в различную одежду, а также «упитанных медвежат», «веселых колобков». Народ не только увеличился в размерах, принял осязаемые формы, но также изменилось его настроение и местоположение относительно лидеров. Он расположен сверху, рядом, в объятиях власти, реже внизу. Между властью и народом исчезла стена, часто присутствовали подписи – «союз», «одна семья», «забота».

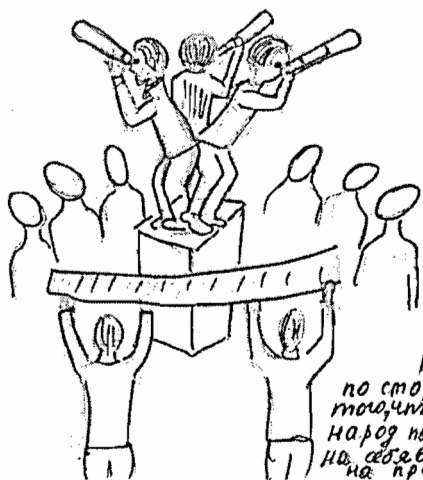
Изображение российскими студентами власти и народа на Украине в 2007–2009 годах³.

Рисунки, российских респондентов, изображающих отношения властей и народа Украины, отличались сочувствием по отношению к украинскому народу и критичностью по отношению к украинской власти. Несмотря на имевшие место нелицеприятные заявления в адрес друга политика двух стран, комментарии на рисунках были взвешенные и доброжелательные по отношению к Украине, ее

народу, но не к властям. Автор имел возможность провести

Украина

Политики смотрят по сторонам, не видя того, что под носом, хотя народ пытается обратиться к себе, выслушать и смотреть на правительство

исследование в одной и той же группе российских студентов Государственного университета гуманитарных наук с перерывом в полтора года. Отношение к Украине российских респондентов изменилось в позитивную сторону, многие студенты подчеркивали, что они ситуацию видят в настоящее время по-другому и не испытывают к украинскому народу отрицательных чувств. В многочисленных комментариях встречались мысли о том, что поддерживать враждебность в политике и СМИ неконструктивно и неинтересно, надо выстраивать взаимодействие с Украиной на иных позитивных позициях. Наиболее повторяющиеся сюжеты имели следующий вид:

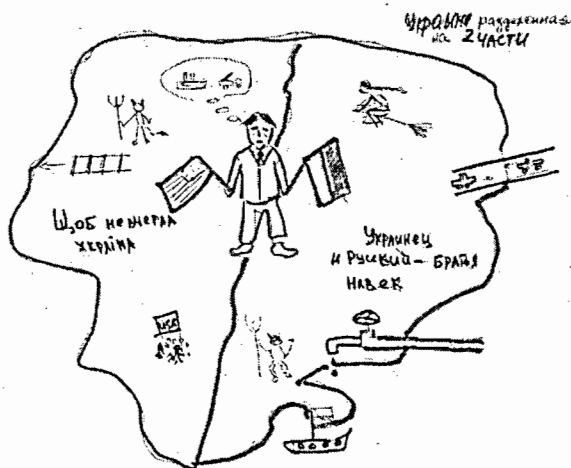
- *Разлад в правительстве.* Борьба между тремя правительственными группами, руководимыми В. Ющенко, Ю. Тимошенко и собирательной третьей силой. На многих рисунках были изображены лидеры с элементами портретного сходства или символические фигуры, смотрящие в разные стороны. Часты изображения лидеров трех партийных групп, борющихся между собой, с подписями «нет согласия», «политики смотрят в разные стороны».

• Стремление

Украины в НАТО. Желание Украины вступить в НАТО тема очень многих сюжетов, которые волновали российских респондентов. Как правило, смысл рисунков касался убеждения украинскими политиками американцев о необходимости для них вступления в НАТО. «Нам НАДО в НАТО» гласили

многочисленные подписи под рисунками. Часто на одежде украинских лидеров присутствовали нашивки, детали одежды с символом американского флага. На карте Украины также имело место изображение

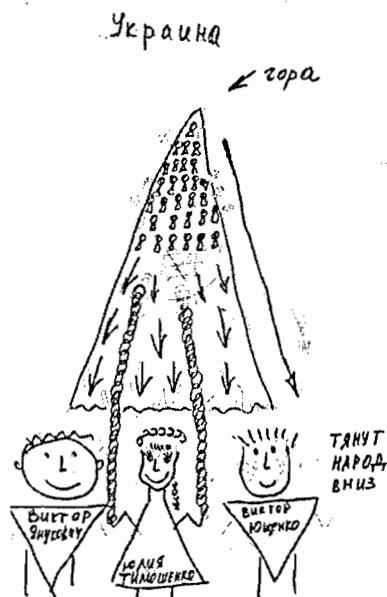
американского флага. На предложенном читателям рисунке, изображен президент Украины, на нем одет оранжевый шарф, из его уст звучит просьба о вступлении в альянс.

• *Разделение Украины на проамериканскую и пророссийскую части* – одна из тем, на которую обращала внимание российская молодежь. Наиболее характерный для этой темы рисунок – карта Украины, на которой посередине проходит полоса, символизирующая разделение страны на две части. С

пророссийской стороны надпись «украинец и русские братья навек». С проамериканской части – надпись «Шоб не вмерла Украина».

• *Политики ослабляют собственный народ.* Рисунки этого блока демонстрировали отсутствие позитивного взаимодействия между ветвями власти Украины и простыми людьми.

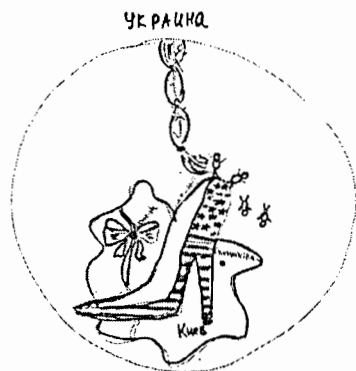
Ряд рисунков показывал отчаянные попытки народа призвать правящие элиты к деятельности на благо страны. Представленный рисунок изображает гору, на вершине которой народ, положение которого выше, чем место власти, но она цепями его тянет вниз. На многочисленных рисунках были подписи «нет союза», «нет связи», «политики измучили свой народ».

• *Изображение нерешенных газовых проблем между двумя государствами.* Как правило, рисунки на эту тему отображали споры российских и украинских властей на фоне газовой трубы, с рукой перекрывающий вентиль.

• *Изображение президента В. Ющенко.* Наиболее распространенное изображение украинского президента – в официальном костюме с элементами американского флага на одежде (нашивки, орнамент). Присутствовало изображение двуликости В. Ющенко – он невнимательный к собственному народу и угодливый с американцами. Встречается в образе В. Ющенко образ временщика – человека с чемоданом наготове.

• *Премьер-министр Ю. Тимошенко.* В рисунках, посвященных Тимошенко, чаще отображали гендерные признаки: она, прежде всего, женщина, а потом политик, борющийся за власть. Респонденты охотно рисовали ее с косой и в стильных платьях, модной обуви. Политические ориентации премьер – министра, как и у президента, отображались с

помощью украшения деталей одежды американской символикой, например, как на предложенном рисунке, где изящная женская туфелька, раскрашенная под американский флаг, стоит на карте Украины.

• *Партия регионов или третья политическая сила.* Образ третьей силы в украинском парламенте отображался преимущественно не персонифицировано, только на нескольких рисунках было указание на «Януковича», как правило, это была некая фигура–символ третьей собирательной политической силы.

Изображение украинского народа.

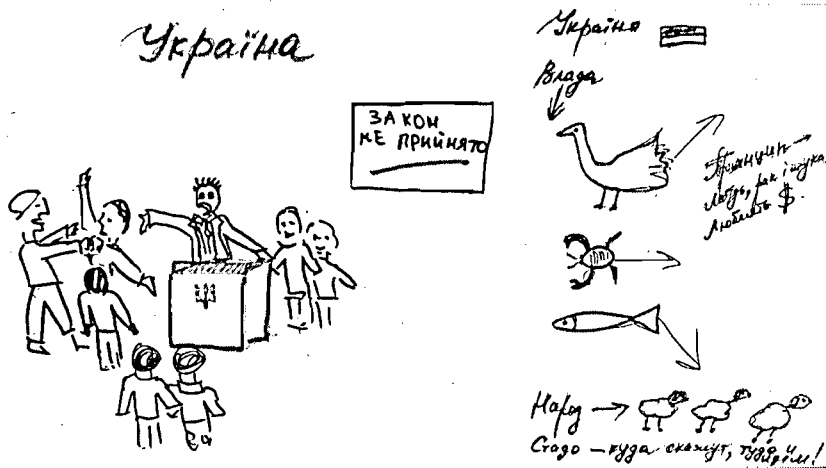
Российская молодежь, как указывалось выше, изображала украинский народ с сочувствием. Его рисовали по большей части небольшим по размерам, не всегда прорисованным, но активным, митингующим, вызывающим к совести политиков. Место народа могло быть сверху, рядом, снизу. Между политиками и народом часто изображали стену. Народ, на рисунках постоянно пытается привлечь к себе внимание, борется за свои права. Под рисунками были следующие подписи: «мы тут!», «обратите на нас

внимание!», «забыли про народ!», «заняты своими делами!», «надоело!».

Изображение украинской молодежью собственной и российской власти и народа в 2008–2009 годах.

Анализ визуальных образов украинских элит и народа показал озабоченность украинской молодежи продолжающимися разногласиями в правительстве Украины. Россия для большинства украинских студентов воспринимается через призму СМИ, которые, как и российские, не отличаются корректностью по отношению к стране соседу.

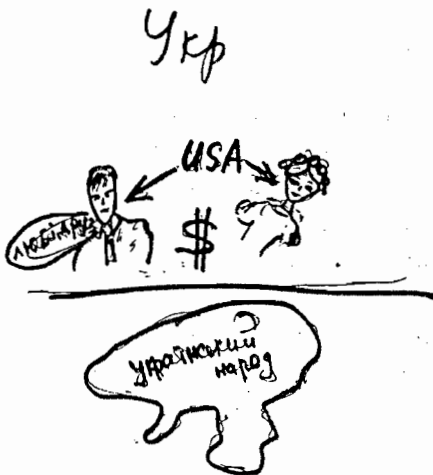
- *Борьба во властных структурах.*

Украинские студенты часто обращались к теме отсутствия единства среди политических элит украинского государства. Страна, раздираемая тремя правящими группами, напоминала респондентам героев басни Крылова «Рак, лебедь и щука». Повторялись изображения спорящих политиков, которые из-за разногласий блокируют работу Верховной рады или похваляются друг перед другом.

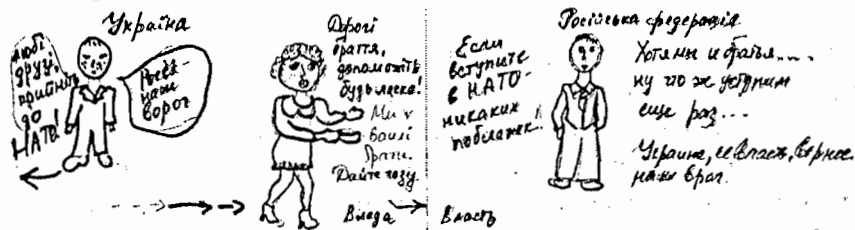
- *Зависимость от США или Евросоюза.*

Второе место по числу упоминаний заняла тема рисунков, касающихся зависимости украинских властей от иностранных денег и зарубежной политики. Обычно изображались политики в окружении мешков с долларами, считающих иностранную валюту или символы денежных знаков мировых валют, окружающие представителей власти.

- *Закрытость власти от народа.* Чаще всего в рисунках на эту тему респонденты изображали власть, занимающуюся собственными разборками, отгороженными от проблем народа. Люди стучаться в закрытую дверь с табличкой «власть», но дверь наглухо закрыта.

- *Изображение президента В. Ющенко и премьер-министра Ю. Тимошенко*

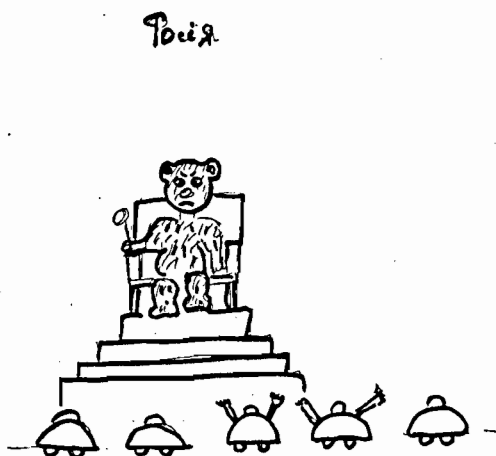
Президент и премьер-министр Украины изображались без особых симпатий и доверия. Ющенко, как правило, рисовался стремящимся в НАТО, а Тимошенко «специализировалась» на переговорах с Россией по поставкам газа.

Изображение российской власти украинскими студентами в 2008–2009 годах.

Российская власть представляется украинским респондентам жесткой, не терпящей инакомыслия, с агрессивными символами (оружием, танками, боевыми кораблями). Российский народ изображается запуганным и отгороженным некой преградой от властей. Вместе с тем к российскому народу со стороны украинцев присутствует сочувственное отношение.

- *Авторитарность власти*

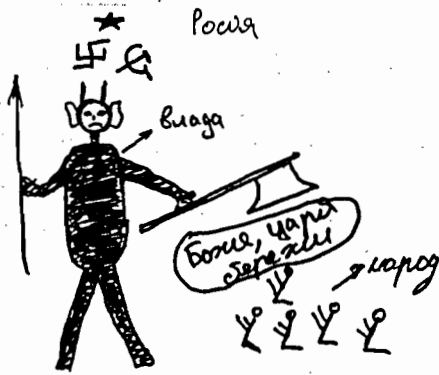
По мнению респондентов, в России правит одна сила–царь, президент, одна партия. В России недопустимо инакомыслие кроме идеологии правящей партии. Народ России живет в идеологическом вакууме. На некоторых рисунках российскому народу советовали прорубить окно в Европу, отойти от изоляционной политики.

- *Демонизация российской власти.*

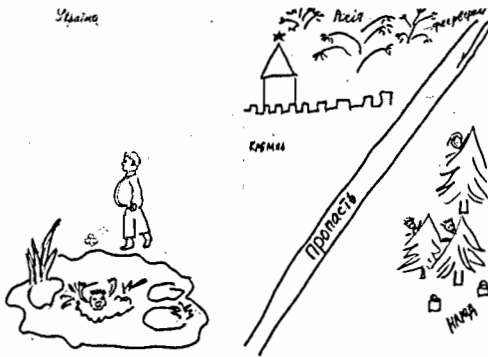
В рисунках на эту тему часто встречались изображения нечистой силы. Присутствовали сравнения российской власти с фашизмом и тоталитарной советской властью. На многих рисунках приравниваются изображения серпа, молота и свастики. Агрессивный характер власти в России отображается присутствием на рисунках оружия, танков, кораблей ЧФ, молотов, серпов и топоров.

Росія

Народы России и Украины на рисунках украинских студентов

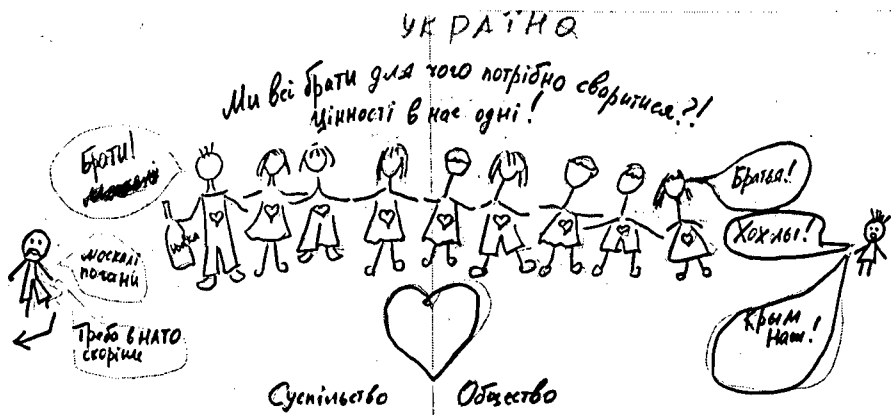
Україна

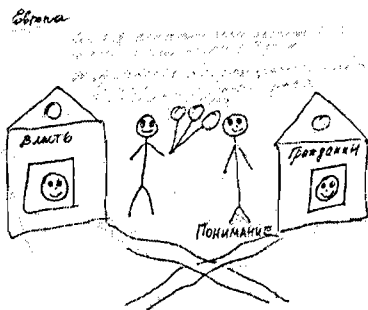
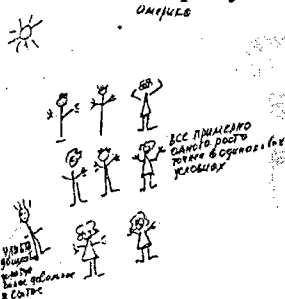
Українці зображали народи Росії та України розбещеними з властю, отгороженими від неї. Народ, як правило, являється страждучою стороною від байдужості або беззаконня влади. В лівій частині малюнка зображено, тонує українець, а упитаний представник влади байдужо проходить мимо.

В правой части рисунка изображен российский Кремль в окружении фейерверков, посередине пропасть и пугливый российский народ, прячущийся за деревьями.

В ряде рисунков украинских респондентов присутствовал миролюбивый сюжет, как, к примеру, на этом изображении, где было написано: «для чего нам нужно свариться (ссориться), у нас одни ценности!»

Нами также было предложено российским и украинским студентам нарисовать образ народа и власти в США и Европе. Как и предполагалось, рисунки на эту тему продемонстрировали большее равенство и заботу властей о народах этих стран в сравнении с ситуацией в России и на Украине. Изображение власти и народа отличалось равновеликостью и многочисленные подписями к рисункам о власти работающей на благо народа.

Выводы.

Как показывает результаты опроса и рисуночного теста «изображение элиты и власти» в России в последнее время появилось более позитивное восприятие собственной власти населением, чем в предыдущие годы, свидетельствующее о положительных процессах адаптации между властью и народом в постперестроечное время. Власть от полной отчужденности по отношению к людям, наконец, повернулась к ним лицом и готова к сотрудничеству.

В России власть по-прежнему ассоциируется у респондентов с двумя ветвями – президентом и премьер-министром. Если в период президентства В. Путина власть, изображалась более агрессивной, суровой и закрытой, (что помимо объективных причин было связано с принадлежностью президента к спецслужбам), то с приходом Д. Медведева в изображении власти появилось большая раскрепощенность, юмор, доступность. *«Строгий Путин ушел в тень, но оттуда продолжает поддерживать порядок»* было написано на одном из рисунков. Д. Медведев, в представлениях российской молодежи, олицетворяет образ молодого интеллектуала, заботящегося о главенстве закона и доминанте демократических свобод в стране. При этом молодежь неоднократно указывала на удачный союз двух ветвей власти.

Российские студенты критически изображали украинские властные структуры и с сочувствием относились к украинскому народу, подчеркивая его активную позицию по защите своих прав.

Украинские студенты, изображали собственную власть в процессе борьбы между разными политическими силами. Однако, не взирая на борьбу властных структур, произошла адаптация населения к условиям властной неразберихи, которую они рассматривали с юмором и без пиетета по отношению к правящим элитам.

Изображение украинскими респондентами властей России продемонстрировало влияние информации, создаваемых СМИ

Украины о России как об империи зла. Так власть в России демонизирована в глазах украинских студентов, которые ставят знак равенства между советами и сегодняшним «тоталитаризмом» в России. Тем не менее, в последнее время появился позитив в видении молодежи России и Украины друг друга. Не редкими были рисунки россиян с подписью «с украинцами нам нечего делить, нас разъединяют политики», и украинцев «украинцы и россияне братья».

¹ Шестопа́л Е.Б. Политическая психология М., 2007. С. 163–180.

² Фаломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник МГУ. Сер. 146. Психология. № 2. С. 132–133.

³ Снежикова И.А. Представления молодежи об элите и власти в России и на Украине // Россия и Украина: Этнополитические аспекты взаимодействия. М., 2007. С. 146–171.

Троян С. (Киев) Политики памяти¹ в Украине и Польше: современный компаративный дискурс

Актуальность предлагаемой темы предопределена несколькими обстоятельствами как концептуально-теоретического, так и сугубо практического плана. Конец февраля 2010 г. прошел для Европы под знаком Украины. И дело не только в том, что в январе-феврале в два тура состоялись очередные президентские выборы, а 25 февраля произошла инаугурация нового главы государства в лице В. Януковича. В последнюю неделю февраля общеевропейскими институциями были приняты два важных решения, имеющих прямое отношение к Украине и не менее значительное ко второму государству – Польше – с точки зрения сравнения современных дискурсов политики памяти в обеих странах.

Речь идет, в первую очередь, о решении Европейского Парламента, которое касалось возможной «дорожной карты» построения взаимоотношений ЕС – Украина в ближайшей перспективе. Вместе с тем законодательная общеевропейская институция выразила обеспокоенность Указом президента Украины Виктора Ющенко о присвоении звания Героя Украины лидеру Организации Украинских Националистов Степану Бандере², и было принято постановление Международного объединения грантодателей о выделении 1 млн. евро на реализацию в течение трех лет научного исследовательского проекта «Войны памяти». Возглавить его должен известный историк и философ, профессор Александр Эткинд. Речь идет об исследовании культурного пространства в контексте «войн памяти» между тремя государствами – Россией, Украиной и Польшей. Это знаменательный момент, как для нашего государства, так и для тех, кто занимается вопросами «коллективной памяти», «мест памяти», «исторической» или «государственной политики памяти» и т. п.

Одновременно нельзя не отметить важность подобной научной тематики не только для Украины, но и для Польши. Об этом свидетельствует повышенный интерес к вопросам политики исторической памяти, идентичности, «войнам памяти», который проявляется в последние десятилетия в Польше практически на всех возможных срезах: государственном, общественном, институциональном, в том числе на уровне общеевропейских институций. Зачастую все они переплетаются, примером чего может служить, к примеру, деятельность Института национальной памяти в Польше (Instytut pamięci narodowej) либо реакция главы Европарламента Е.К. Бузека на присвоение звания Героя Украины С. Бандере. К слову, в ответном письме теперь уже бывший глава Украины выступил с разъяснением своей позиции³. Вместе с тем, маршал сената Республики Польша Б. Борусевич заявил, что награждение лидера ОУН является внутренним делом Украины⁴. Все это в целом может служить хорошей иллюстрацией к проекту Александра Эткинда «Войны памяти» и дополнительным свидетельством актуальности предлагаемой статьи.

В свете вышеизложенного хочется обратить особое внимание на некоторые аспекты, которые, по моему мнению, как объединяют, так и разъединяют украинских и польских историков в их спорах, дискуссиях об истории вообще и, в особенности, о «трудных страницах» украинско-польских взаимоотношений середины XVII и первой половины XX веков. Именно там находится множество «болевых точек», точек соприкосновения, которые разъединяют и неминуемо объединяют нас в поисках общих ответов на сложные и неоднозначные вопросы, оставшиеся от исторического прошлого двух стран и народов. Хочу выразить свое согласие с известным историком Р. Трабой. Он считает, что в плане дискуссий, касающихся политики памяти и конструирования коллективной памяти, на данное время не сложилось единого европейского пространства⁵. Речь идет, прежде всего, о пространстве, в котором мы могли бы вести диалог и находить взаимоприемлемые ответы на вопросы.

Более того, думаю, такого сложившегося пространства все еще нет и в дискуссии украинских и польских историков. Поле этого диалога весьма размыто и противоречиво, а отношение ученых и общественности ко многим вопросам исторического прошлого пока не удалось существенно приблизить, не говоря уже согласовать, несмотря на ряд положительных факторов. Среди них, в частности, подписание общего Заявления о взаимопонимании в 1997 г. Л. Кучмой и А. Квашневским, тогда президентами соответственно Украины и Польши⁶. Кроме того, вот уже в течение многих лет проводятся общие встречи и конференции украинских и польских историков, посвященные результатам изучения и урокам «трудных страниц». Их итогом стало издание множества сборников материалов – как научных статей, так и документов – проливающих свет на многие аспекты истории украинско-польских отношений⁷. Иными словами, можно сказать, что «память придала истории новый импульс, обновила подходы к прошлому и проникла во все периоды и отрасли исследования»⁸.

Можно привести слова известного польского историка, члена Польской Академии наук Е. Гедлицкого, который сказал, что, фактически, сейчас в центре спора историков его страны находится идеологический вопрос: какая цивилизация нужна полякам? Если перефразировать польского историка и поставить вопрос в контексте предмета нашего исследования, то он будет звучать следующим образом – какая история и какая память нужна полякам? «Включение» же сюда и украинских историков с точки зрения их дискуссий с польскими коллегами под углом «войн памяти»⁹ либо противостояния памятей требует объединения усилий для поиска взаимоприемлемого ответа. Об этом нужно говорить в свете ситуации, которая существует на компаративном срезе украинского и польского дискурсов политики памяти в Украине и Польше.

Следует отметить, что чрезвычайно актуальной проблемой политики памяти как в одной, так и в другой стране остается абсолютное преобладание, образно говоря «исключительно положительной коллективной памяти» (термин мой – С. Т.). В

данном случае мы имеем в виду тот факт, что в Киеве и Варшаве одинаково очень охотно вспоминают минуты славы и побед, но предпочитают не думать о каких-то «постыдных» или представляющих соответствующие стороны в невыгодном свете исторических событиях. Это порождает множество мифотворческих или, если хотите, «целесообразных» исторической ситуации дискурсов, касающихся той или иной страницы истории. Иными словами, употребляя термины многих исследователей (П. Нора, М. Хальбвакса, А. Киридон, Ю. Зерния, Р. Стобецкого) – «конструирование политики памяти» и формирование или «выстраивание исторической политики памяти», зависит от характера существующей власти, от того, что эта власть хочет «сконструировать», «выстроить», какие ответы хочет получить от историков.

В этом плане, что очень важно для компаративного анализа современных дискурсов политики памяти, и для Украины, и для Польши характерна так называемая «новая историческая политика». Причем этот термин поляки употребляют для своего периода исторического развития 2005–2007 годов с экстраполяцией и на последующие годы. Это практически полностью совпадает с «помаранчевым» периодом 2005–2010 годов в Украине и «выстраивания» соответствующей политики памяти¹⁰. Польский историк А. Смоляр приводит такое объяснение данного феномена: «Борьба за образ прошлого как составляющая политических соревнований за власть и путь развития страны отображает конфронтацию политиков, журналистов и историков вокруг интерпретации изменений, которые произошли в Польше за последние двадцать лет. Модное в Польше понятие «исторической политики», заимствованное в немцев, выражает, в сущности, желание сознательно влиять на коллективную память и идентичность с помощью политических рычагов. На глубинном уровне коллективная память обозначает умение говорить «мы», отвечать на вопросы «Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?»¹¹

Если дополнительно вникнуть в сущность «новой исторической политики», то необходимо констатировать, что

уровень патриотизма в Польше, равно как и в Украине, был в свое время слишком низок. Исторические памятные места («места памяти», согласно французскому историку Пьеру Нора), которые могли бы стать фундаментом формирования новой идентичности либо национальной общности, или умалчивались, или вообще были неизвестны. Такое «невежество» и фактически отсутствие национальной коллективной памяти – в первую очередь это касалось, конечно же, Украины – связывали с прошлым или советским этапом исторического развития:

Вполне понятно, что на этой почве развивалось сильное, местами даже гипертрофированное стремление дать ответы на множество сложных вопросов, касающихся исторического прошлого, в том числе совместного для украинского и польского народов. Более того, можно говорить о желании, как в Украине, так и в Польше, отыскать вектор протяженности, который, соединив прошлое и настоящее, был бы направлен в будущее. Важнейшее значение при этом, безусловно, отводилось соответствующему контексту «конструирования» политики памяти. Примером может служить выстраивание такого вектора от Первой (прекратила существование в результате трех разделов 1772, 1793 и 1795 годов) до Четвертой или современной (с рубежа 80–90-х годов XX в.) Речи Посполитой.

Украина, в отличие от Польши, находилась в гораздо худших стартовых условиях. Она в силу целого ряда особенностей исторического развития могла получить независимость или в результате войны, или революции, или очень удачного стечения обстоятельств. По нашему глубокому убеждению, именно последний фактор стал решающим для образования современного независимого Украинского государства в 1991 г. в результате распада Советского Союза, что, однако, не отрицает усилий многих видных представителей украинского народа на разных этапах истории, в том числе и во время агонии советской государственности, приложенных для возникновения и утверждения суверенитета.

При этом на уровне компаративного анализа очевиден своего рода разлом, который очень трудно преодолеть с точки зрения

политики памяти разных государств. Возникает даже эффект «войн памяти». Речь идет о разной трактовке, скажем в Украине и Польше, тех или иных действий в определенных исторических условиях, направленных на решение соответствующих национальных и государственных целей. Отсюда и разное восприятие, мифологизация и даже демонизация многих исторических личностей. Одни из них боролись за украинские (Симон Петлюра, Степан Бандера, Роман Шухевич или Августин Волошин), другие за польские (Юзеф Пилсудский, Роман Дмовский или Францишек Равита-Гавронский) национальные интересы. Мы имеем разные оценки одних и тех же действий. Одна оценка – с точки зрения национально-освободительной борьбы народа за свою независимость, другая – с позиций защиты интересов государства, в рамках которого эта борьба ведется. Среди таких событий, к примеру, украинско-польская война 1918–1919 годов, политика пацификации, убийство украинскими националистами польского министра внутренних дел Перацкого, «волынская резня», депортации 1944–1946 годов и др. Найти здесь точки соприкосновения, а тем более взаимопонимания, крайне сложно и пока просто не представляется возможным. Необходимо делать маленькие шагочки навстречу друг другу, которые только в перспективе, может сейчас даже и не очень просматриваемой, приведут хотя бы к частичному сближению украинской и польской точек зрения на государственном и общественном уровнях относительно понимания исторических событий-раздражителей¹².

Здесь мы вплотную подошли к еще одной важнейшей составляющей в сфере сравнительного анализа конструирования политик памяти в Украине и Польше – деятельности национальных Институтов памяти. Эта институциональная составляющая отличает современные политики памяти в обоих государствах. На формальном уровне отличие касается времени создания институций: Институт национальной памяти в Польше был создан 18 декабря 1998 г. и только спустя семь с половиной лет подобное учреждение – Украинский институт национальной памяти – появилось в Украине. Иное отличие в том, что польский

Институт национальной памяти сразу организовался как учреждение архивно-научно-исследовательского типа. Украинский же – в качестве структуры исполнительной власти¹³. Еще одно отличие принципиального характера – Украинскому институту национальной памяти никогда не вменялось в обязанность проведение люстраций (впрочем, их никогда и не было в Украине), что характерно для деятельности его польского аналога. Собственно говоря, Институт национальной памяти в Польше и был создан на основании ранее действующей люстрационной Комиссии.

С точки зрения деятельности, как институциональных составляющих, так и отдельных историков или их профессиональных сообществ, в сфере политики памяти и «конструирования» коллективной памяти мы отмечаем существенные отличия контекстуального (содержательного) характера. В частности речь идет о постановке и трактовке множества «трудных вопросов» украинско-польского исторического прошлого. Надо признать, что мы имеем дело с универсальным подходом. Невозможно найти государства и народы, проживающие длительное время рядом, в которых все выдающиеся исторические события и герои воспринимались бы однозначно. Примеров множество: тот же Степан Бандера как раздражитель в украинско-российских отношениях¹⁴ или военачальник Александр Суворов в российско-польских. Отсюда, первым шагом на пути поиска точек соприкосновения, понимания «иного» в рамках парадигмы «свой – чужой» всегда должен быть принцип толерантности, умение признавать свои ошибки и право других допускать их.

Очень большое значение имеет еще одно обстоятельство. Нельзя допустить, на что обратили внимание в своем известном «обращении из Блуа» 11 октября 2008 г. представители Товарищества «Свобода для истории» (*Liberte pour l'Histoire*), в частности, Кшиштоф Помян (*Krzysztof Pomian*) и Кароль Модзелевский (*Karol Modzilewski*), прямого вмешательства государственной власти в дела историков, диктата в плане, что и как делать в сфере политики памяти, кого «казнить», а кого

«помиловать». Они написали: «История не может стать невольницей текущих событий, ее нельзя писать под диктат памяти, что соревнуются между собой. В свободной стране к компетенции политической власти не принадлежит определение исторической правды или ограничение свободы историков при помощи карательных санкций... Мы обращаемся к публичной власти, чтоб донести к ней, что насколько она ответственна за опеку над коллективной памятью, настолько же она не должна устанавливать в правовых категориях исторических догм, которые могут существенно ограничить интеллектуальную свободу историков»¹⁵.

Экстравагантный француз Жан Кокто когда-то небезосновательно подметил: «История – это правда, которая становится ложью, а миф – это ложь, которая становится правдой»¹⁶. Одно перетекает в другое и ничего с этим, кажется, не поделаешь. Как говорят: сказка – ложь, да в ней намек. Однако квинтэссенция этой фразы, да и наших размышлений в целом, наверное, все же состоит в ином. Вполне объективно, и на это обращает внимание, в частности, уже упомянутый нами Р. Траба, «современная реконструкция памяти содействует укреплению либо ведет к конкуренции между национальными конструкциями идентичности». Потому конструирование политики памяти должно базироваться не на мифотворчестве и невосприимчивости иной точки зрения, а на максимально возможном исследовании всей сложности и тонкости исторических процессов, особенно касающихся зачастую очень противоречивого совместного прошлого. Этот вывод, по нашему мнению, справедлив как для украинского и польского современных дискурсов коллективной памяти, так и для изучения «войн памяти» в рамках каких-либо иных исторических исследовательских проектов.

¹ Под политикой памяти мы подразумеваем процесс выстраивания или конструирования созвучных настроениям эпохи и определенных политических и властных сил образов исторического прошлого.

² Указ Президента Украины № 46/2010 «Про присвоєння С. Бандері звання Герой України». Текст доступен на Интернет-сайте: <http://www.president.gov.ua/documents/10353.html>; Полный текст

резолуции Европарламента доступен на Интернет-сайте: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+ТА+P7-ТА-2010-0035+0+DOC+XML+V0//PL>

³ В. Ющенко написал Е.К. Бузеку письмо о Бандере, текст доступен на Интернет-сайте: <http://zaxid.net/newsua/2010/3/25/135901/>

⁴ Варшава считает присвоение С. Бандере звания героя Украины внутренним делом Киева, – маршал сената Польши. Текст доступен на Интернет-сайте: <http://www.ukrpohliad.org/news.php/news/2331>

⁵ Траба Р. «Другий бік пам'яті». Історичні досвіди та їхнє пам'ятання в Центрально-Східній Європі // Україна модерна. 2009. № 4 (15). Пам'ять як поле змагань. С. 53–62.

⁶ *Surmacz B.* Współczesne stosunki polsko-ukraińskie. Politologiczna analiza traktatu o dobrym sąsiedztwie. Lublin, 2002.

⁷ Речь идет о том, что опубликованы, в частности, материалы девяти из тринадцати состоявшихся встреч и дискуссий ученых в рамках проекта «Україна–Польща: важкі питання».

⁸ Нора П. Расстройство исторической идентичности // История, историки и власть: Международный круглый стол, Москва, 2 февраля 2010 г. Материалы к дискуссии. М., 2010. С. 5.

⁹ Здесь этот термин употребляется всего лишь по аналогии с названием руководимого Александром Эткиндом исследовательского проекта.

¹⁰ *Tadeusz A. Olszański:* Polityka historyczna Juszczenki – proba podsumowania. Текст доступен на Интернет-сайте: <http://www.osw.waw.pl/pl/publikacje/tydzien-na-wschodzie/2010-01-27/polityka-historyczna-juszczenki-proba-podsumowania>

¹¹ Смоляр А. Пам'ять і політика // Україна модерна. 2009. № 4 (15). Пам'ять як поле змагань. С. 82.

¹² См., например, статьи: Варшава считает присвоение С. Бандере звания героя Украины внутренним делом Киева, – маршал сената Польши. Текст доступен на Интернет-сайте: <http://www.ukrpohliad.org/news.php/news/2331>; Павел Залевски: Если Украина думает о членстве в Евросоюзе, она должна пересмотреть роль Бандеры в истории. Текст доступен на Интернет-сайте: <http://www.zn.ua/1000/1550/68817/>

¹³ Изменения в структурах власти после президентских выборов 2010 года в Украине привели к появлению пока еще не реализованных планов понижения статуса Украинского институт национальной памяти в учреждение архивного типа.

¹⁴ Обращаем внимание на реакцию МИД РФ: Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с указом Президента Украины В.А. Ющенко о награждении С. Бандеры орденом Героя Украины. Текст доступен на Интернет-сайте: http://www.mid.ru/Вгp_4.nsf/arh/F88FF565473613ADC32576B7002B6295?OpenDocument

¹⁵ *Траба Р.* «Другий бік пам'яті». С. 56.

¹⁶ *Шаповал Ю.* Політика пам'яті в сучасній Україні: Доповідь на Міжнародній науковій конференції «Геополітика, примирення та пам'ять», Київ, 4–6 грудня 2008 р. Текст доступен на Интернет-сайте: <http://khpg.org.index.php?id=1230112797>

Научное издание

Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши:
Механизмы формирования и способы проявления.

Ответственный редактор: Лукашова С.С.
Дизайн и верстка обложки: Лукашова С.С.
Оригинал-макет: Лукашова С.С.

Подписано в печать 25 ноября 2011 г.
формат 60x88 /16, объём 26,75 п.л.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии издательства "ТЕЗАУРУС"
Тел.: 8 499 252 14 31. E-mail:tez_sale@mail.ru

**Этнокультурная идентичность народов
Украины, Белоруссии и Польши**